

ФБОН-ИНИОН ВОСПОМИНАНИЯ И ПОРТРЕТЫ ВЫПУСК 2

ФБОН-ИНИОН ВОСПОМИНАНИЯ И ПОРТРЕТЫ

ВЫПУСК 2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ФБОН-ИНИОН

ВОСПОМИНАНИЯ И ПОРТРЕТЫ

ВЫПУСК 2

МОСКВА
2017

Составитель

И.Л. Беленький – старший научный сотрудник

Научные редакторы:

Н.Ю. Соколова – старший научный сотрудник,

Ю.Ю. Черный – кандидат философских наук

Редакционная коллегия:

Ю.С. Пивоваров – академик РАН (председатель),
В.А. Виноградов – академик РАН, *И.Л. Беленький* –
ст. науч. сотр., *Л.Н. Верчёнов* – кандидат философских
наук, *В.А. Глухов* – кандидат технических наук, *Д.В. Еф-*
ременко – доктор политических наук, *Ю.И. Игрицкий* –
кандидат исторических наук, *Л.В. Скворцов* – доктор
философских наук, *М.Н. Смирнова* – ст. науч. сотр.,
М.Е. Соколова – кандидат философских наук, *Н.Ю. Соко-*
лова – старший научный сотрудник, *Ю.Ю. Черный* – кан-
дидат философских наук, *Л.В. Юрченкова* – кандидат
исторических наук

Ф-309

ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты: Сб. ст. /
РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.;
Сост. Беленький И.Л.; Науч. ред.: Соколова Н.Ю., Чер-
ный Ю.Ю. – М., 2017. – Вып. 2. – 300 с.

ISBN 978-5-248-00839-1

Во втором выпуске сборника представлены материалы мемуарного характера, посвященные Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН) АН СССР и образованному в 1969 г. на ее основе Институту научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР (с 1991 г. – РАН). Акцент сделан преимущественно на периоде, охватывающем 1950–1970-е годы.

Для историков науки, работников информационно-библиотечной сферы, всех, кто интересуется развитием системы научных коммуникаций.

ББК 73; 78

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5

РАЗДЕЛ I. ВОСПОМИНАНИЯ

К.П. Алексеева. Воспоминания	7
Б.Н. Бачалдин. Уникальная школа профессионализма и этики ...	17
В.П. Пироговская. В «тиши библиотек»	46
Р.М. Фрумкина. Из книги «О нас – наискосок»	75
Г.С. Померанц. Профессия неудачника: Жизненная мозаика	80
А.В. Гордон. ФБОН: Молодость, школа, судьба	91
Е.Б. Рашковский. ФБОН: Особая культура души	118
М.А. Чешков. Три года работы в ФБОН	127
Э.Н. Жук. «Нас здесь стояло»	131
Я.М. Бергер. ИНИОН в моей судьбе	141
В.А. Архангельская. Воспоминания о моей работе в ФБОН	174
Л.М. Алексеева. Удивительное учреждение и его директор	184
М.Н. Любимцева. ФБОН-ИНИОН – любимая работа и интересная жизнь	188
Р.А. Гальцева. В строю и вне строя	195

РАЗДЕЛ II. ПОРТРЕТЫ

Г.Г. Кричевский. Константин Романович Симон	216
И.Л. Беленький. Г.Г. Кричевский: Двойное зрение библиографа-историка	226
М.Б. Исакович. Воспоминания о Г.Г. Кричевском	237
И.Л. Беленький. «Осенняя седость» (О М.И. Левиной)	240
С.М. Митина. Юрий Владимирович Цейтлин	246

Е.Б. Калоева. Она была человеком своего времени (памяти Ирины Александровны Калоевой)	251
А.А. Денискин. Фантастический реалист. Яков Самуилович Иориш	253
Б.С. Орлов. Михаил Диманис: Испытание судьбой	273
Воспоминания о Лидии Александровне Богдановой (В.А. Виноградов, Н.И. Михайлова, Г.М. Васильева, А.И. Слива, Г.Г. Лагунина, Л.К. Исаева)	277
Биографические сведения	285
Именной указатель	293

От редакционной коллегии

Второй выпуск сборника статей «ФБОН-ИНИОН. Воспоминания и портреты» продолжает традицию публикации материалов по истории Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР и Института научной информации по общественным наукам РАН¹.

Пожар, случившийся в Институте 30–31 января 2015 г., заставил иными глазами посмотреть на то, что раньше казалось привычным и даже незыблемым. Трагедия выпукло обозначила тему социальной памяти, в очередной раз показав, насколько важна преемственность поколений, «времен связующая нить».

По устоявшейся традиции в сборник вошли произведения мемуарного характера. Мемуары – это не только особый литературный жанр, но и коммуникационный канал, где история конкретной организации и страны в целом преломляется в личном опыте людей.

В текстах разных авторов уникальная среда ФБОН-ИНИОН предстает как сложное сплетение человеческих судеб, объединенных при всех их различиях общей преданностью великой идее научной информации. Думается, что сохранение такого интегрального видения ИНИОНа в будущем, осознание его высокой миссии в науке и культуре сыграет в деле возрождения Института не меньшую роль, чем строительство нового здания и выделение необходимых ресурсов.

¹ См.: ФБОН-ИНИОН. Воспоминания и портреты: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред.: Ефременко Д.В., Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – Вып. 1. – 252 с.

13 декабря 2011 г. в Малом конференц-зале ИНИОН РАН состоялась презентация сборника, в которой приняли участие около 30 человек. На ней выступили академик Ю.С. Пивоваров, канд. филос. наук Ю.Ю. Черный, д-р полит. наук Д.В. Ефременко, д-р филос. наук Л.В. Скворцов, канд. ист. наук Ю.И. Игрицкий, канд. филос. наук Л.Н. Верчёнов, канд. филос. наук Р.Р. Мдивани, М.Н. Смирнова и канд. филос. наук Г.В. Хлебников. См.: 13 декабря состоялась презентация книги «ФБОН-ИНИОН: воспоминания и портреты» [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://inion.ru/index.php?page_id=208&id=426&p=7&ret=226

РАЗДЕЛ I. ВОСПОМИНАНИЯ

К.П. Алексеева **ВОСПОМИНАНИЯ¹**

Работала я в Фундаментальной библиотеке² с 1936 по осень 1976 г., долгое время была ученым секретарем. Сегодня я сама удивилась: оказывается, уже 17 лет, как я на пенсии, и это, конечно, достаточное время для того чтобы обдумать прошлое и сделать какие-то выводы, потому что вблизи не всегда все видно. И я пришла к окончательному убеждению, что наша Библиотека – это библиотека уникальная. Об этом очень много написано. Написано

¹ Представлена отредактированная для данного издания запись выступления К.П. Алексеевой на заседании Секции истории московских библиотек Московской библиотечной ассоциации. Заседание состоялось 23 декабря 1993 г. и было посвящено 75-летию Фундаментальной библиотеки Института научной информации по общественным наукам. Запись выполнена Л.В. Юрченковой. В сокращенном виде воспоминания К.П. Алексеевой опубликованы в журнале «Вестник библиотек Москвы» (М., 2006. – № 2. – С. 40–46). Все примечания принадлежат составителю и редакторам сборника.

О роли К.П. Алексеевой в работе ФБОН и ИНИОНа см. в мемуарах ее мужа, также в прошлом сотрудника ФБОН Б.Н. Бачалдина (Бачалдин Б.Н. Фрагменты памяти / Рос. гос. б-ка. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 122 и далее).

² Фундаментальная библиотека Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук была создана в 1918 г. как Библиотека Социалистической академии общественных наук. С 1919 г. она стала именоваться Библиотекой Социалистической академии, с 1924 г. – Библиотекой Коммунистической академии. В 1936–1938 гг. после ликвидации Коммунистической академии и вхождения ряда ее учреждений в состав Академии наук СССР – Фундаментальной библиотекой Отделения общественных наук (ФБООН) АН СССР, затем в 1938–1969 гг. – Фундаментальной библиотекой общественных наук (ФБОН) АН СССР. В 1969 г. было образовано учреждение Институт научной информации и Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР (ИНИБОН АН СССР), с 1972 г. – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР (с 1991 г. – РАН). В настоящее время Фундаментальная библиотека (ФБ) ИНИОН РАН является структурным подразделением Института.

в последнее время и о кадрах Библиотеки. Но все же я хочу рассказать о морально-этических предпосылках, благодаря которым в нашей Библиотеке образовался такой коллектив.

Дело в том, что я поступила на работу в 1936 г., когда это была еще Библиотека Комакадемии, и в том же году Библиотека вошла в состав Академии наук. Требовались три партийные характеристики, чтобы попасть в Комакадемию. Это была колоссальная проблема, потому что моя мама была беспартийная, а я в то время не была комсомолкой. В общем, пришлось потрудиться, но все-таки среди наших знакомых нашлись такие члены партии, которые дали рекомендации, абсолютно меня не зная. Просто они знали мою маму и уважали ее. Так я оказалась здесь. Я попала в коллектив для меня новый и совершенно незнакомый, и я не представляла тогда, что бывают такие интеллигентные и высококвалифицированные коллективы. Причем он был как одно целое.

Недели через две-три я чуть не вылетела из этой Библиотеки. Это был кошмар. Дело в том, что каждому вновь пришедшему (а я пришла 16-летней девчонкой и, конечно, дружила в основном с молодежью) уважение к науке и к научным сотрудникам прививалось сразу, хотя никто никогда не читал морали. Просто, по-видимому, личный пример и стиль этого учреждения помогали проникнуться уважением к науке.

Случилась эта история с одним из наших читателей, я его как сейчас помню, по-моему, это был профессор Сперанский. Боюсь ошибиться, но это не имеет значения. Это был очень старенький профессор. Ходил он в ботах – раньше были такие широкие фетровые боты, – шаркая. Но нам было свойственно уважение к старости, к науке, и мы не договариваясь, не спрашивали у него читательского билета. Мы знали номер его билета, а он сам, наверное, его и не помнил.

И вот однажды, видимо, он обнаружил, что все-таки читательского билета у него нет. Он пошел к директору. Директором тогда был В.В. Максаков¹, довольно жесткий человек. Он попросил директора: «Дайте, пожалуйста, мне билет в читальный зал». Директор поинтересовался: «А Вы разве не посещаете наш читальный зал?» – «Нет, посещаю», – сказал профессор. – «А как же?» – «Ну, как? Меня пускают», – сказал он.

¹ Максаков Владимир Васильевич (1886–1964), российский историк, архивист, участник революционного движения. Кандидат исторических наук, профессор МГУ. В 1934–1938 гг. – директор Библиотеки Коммунистической академии, Фундаментальной библиотеки Отделения общественных наук (ФБОУН) АН СССР.

И вот нас каждого по отдельности начали вызывать к директору. Представляете, в таком учреждении и вдруг такой беспорядок. Но мы даже не просили его снимать боты. Он был настолько стар, и все мы знали, что он – большой ученый. Директор пообещал нас уволить, все 11 человек. Для меня это была трагедия, потому что я с трудом сюда попала. Ходила как в храм Божий и вот, пожалуйста, такая история.

Профессор ужасно испугался, обещал, что попытается нас куда-то пристроить, но пристроиться куда-то тогда было трудно. Но потом, по-видимому, он все-таки уговорил директора, и мы остались в Библиотеке. Это было просто счастье. С тех пор я ни в какой другой библиотеке больше не работала и ушла из нее в 1976 г., проработав в итоге сорок лет.

Я не помню, кто именно, но кто-то из академиков сказал, что Социалистическая академия – это прежде всего библиотека. Между Библиотекой и Академией была тесная связь¹. Видимо, эта связь и высококвалифицированный состав Библиотеки послужили тому, что коллектив оказался таким особенным.

Говоря о том, какими у нас были отношения, я хочу привести вам один пример и забегу немного вперед в своем рассказе. Это пример глубокого уважения образованных людей, которые уже давно работали в Библиотеке, людей со стажем, к пришедшей молодежи. Когда я уже была на фронте, вдруг получаю письмо от присутствующей здесь Ольги Антоновны Барыкиной². С Ольгой Антоновной я тогда не была близка, и не могла быть близка, потому что мы были разными и по возрасту, и по уровню. Ольга Антоновна уже в то время была ведущим сотрудником в отделе науки и

¹ В том числе и территориальная. Большинство институтов Коммунистической академии располагались от Волхонки до Знаменки вокруг ФБОН, соединенные улицей, которой в 1926 г. было присвоено имя основоположников марксизма. – *Прим. А.В. Гордона.*

² Барыкина Ольга Антоновна (1903–1996) работала в системе Библиотеки Коммунистической академии – ФБОН-ИНИОН с 1930 г. (сначала в Кабинете библиотеки (Научном кабинете Президиума Комакадемии) при Президиуме Академии, затем в ФБОН). В течение многих лет возглавляла в ИНИОНе Сектор науковедения Отдела научно-библиографической информации. Была составителем и редактором ряда крупных ретроспективных библиографий. О роли О.А. Барыкиной в становлении Отдела науковедения см.: Кулькин А.М. Науковедение в ИНИОН // ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред.: Ефременко Д.В., Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – Вып. 1. – С. 92–98.

научно-исследовательской работы. И вот я получаю письмо и в этом письме каталог выставки скульптора Шадра. Это было совершенно потрясающе. На фронте, когда вообще живешь одним днем, вдруг... Я ревела, помнится, ужасно, потому что поняла, что Москва живет, и что не хлебом единым... В Москве еще ходят на выставки. Я была потрясена и, конечно, крайне благодарна Ольге Антоновне, и каталог этот сохраняю. Рассказываю вам это для того, чтобы показать какие были отношения между людьми в нашем коллективе.

Позже В.В. Максаков куда-то делся, я подозреваю, что он не сам ушел, и потом был директором Т.М. Донцов¹, о котором ничего не могу сказать, я не помню. Но в 1940 г. в библиотеке произошло очень большое событие – директором был назначен Дмитрий Дмитриевич Иванов².

Несмотря на то что он проработал директором всего девять лет – это был своего рода золотой век в работе и истории Фундаментальной библиотеки. Правда, через полтора года после того как он пришел, началась война, и, конечно, она нарушила работу Библиотеки, так же как и всех других учреждений.

Коллектив Библиотеки проявил себя самым лучшим образом. Я помню траншеи, которые мы рыли во дворе Библиотеки. Библиотека тогда располагалась на улице Фрунзе, теперь Знаменке. Напротив Библиотеки Ленина во дворе мы рыли траншеи и туда закладывали наиболее ценную часть не предполагавшегося для вывоза в Ташкент фонда.

Потом часть наиболее квалифицированных сотрудников вместе с фондами была отправлена в Ташкент. Затем, как известно, была паника в Москве 16–17 октября, после которой в Библиотеке осталось очень мало народу. Многие сотрудники уехали в эвакуацию.

Я вспоминаю Д.Д. Иванова, с которым встретилась в коридоре. Он спросил меня, почему я не уехала в эвакуацию. Я изложила свои соображения и спросила Дмитрия Дмитриевича: «По-

¹ Донцов Теодор Маркович (1900–1940) – директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР в 1938–1940 гг.

² Иванов Дмитрий Дмитриевич (1896–1980) – теоретик и практик отечественного библиотечного дела и библиографоведения. Директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР в 1940–1949 гг. Работал в системе Библиотеки Социалистической академии – Комакадемии – ФБОН-ИНИОН в 1922–1975 гг. Внес значительный вклад в исследование теории научной библиотеки, научно-вспомогательной ретроспективной библиографии, в обоснование связей науки, библиотеки, библиографии, превращение ФБОН в одну из ведущих библиотек страны.

чему Вы не уезжаете, ведь все уехали?» Он ответил: «Клавдия Павловна, мне предоставлена великая честь, я должен оставаться при этой Библиотеке. Я ее директор и до последнего часа буду с этой Библиотекой».

Он меня удивил еще раз, когда я уходила на фронт и зашла к нему проститься. Он мне сказал следующее: «Вы, конечно, я уверен, вернетесь» и далее добавил: «А я заметил, что вы сделали в хранилище». Я работала тогда в хранилище, где была систематическая расстановка. В фонде экономики ввела какие-то новшества, но не потому, что они были какие-то сногшибательные, а просто хотела что-то сделать для коллектива. Видимо, благодаря всему этому Библиотеке удалось сохраниться самой и сохранить коллектив.

Когда я говорила о новых направлениях, которые мы должны были отразить в информации, забыла сказать о том, что еще бóльшим бельмом, чем информация о лженауках, был наш предметный каталог. Он своеобразен, потому что в общественных науках предметный каталог – дело, конечно, сложное. И это рассматривалось как безусловное преклонение перед Западом, за что нас ужасно ругали. Но благодаря тому что коллектив не разбился на группки, остался единым в своем стремлении все это преодолеть, мы абсолютно не растеряли кадры.

Нажим, конечно, был жуткий и от Президиума Академии наук СССР и от райкома КПСС, но никто не был уволен и остались все те направления работы, за которые нас так критиковали. Единственным и очень серьезным ударом было то, что сняли Дмитрия Дмитриевича Иванова. Он перестал быть директором¹.

Была в коллективе очень большая тревога по поводу того, кого пришлют. Вдруг пришлют кого-то, кто ни к библиотечному делу, ни к общественным наукам не имеет никакого отношения. Но нам очень повезло. Директором в библиотеку пришел Виктор Иванович Шунков². Он был доктором исторических наук, заместителем директора в Институте истории АН СССР. За «пособничество космополитизму» в своем институте он был переведен в нашу Библиотеку.

¹ Д.Д. Иванов был освобожден от должности директора в 1949 г.

² Шунков Виктор Иванович (1900–1967), историк, библиограф, библиотечный деятель, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР, директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (ФБОН) АН СССР в 1949–1967 гг. Обосновывал особую роль библиотек в области социальных и гуманитарных наук. Был одним из инициаторов создания Института научной информации по общественным наукам. Создал в ФБОН первую экспериментальную группу по реферированию общественно-политической литературы.

Он знал Библиотеку, был высококвалифицированным и очень интеллигентным человеком. Кроме того, был очень образован в области гуманитарных наук. И он как-то сразу вошел в нашу Библиотеку, не произвел в коллективе никаких перемен. В работе же самой Библиотеки появились новые направления и новые веяния. И идея организации Института на базе Библиотеки как раз исходит от Виктора Ивановича. Он понимал, что стоять на месте и остановиться только на достигнутом было нельзя. Иначе мы пошли бы назад.

Идею организации Института, и не только саму идею, но и его основную структуру – все эти вопросы Виктор Иванович поднял в печати¹. Президиумом были обещаны деньги на строительство, и в Библиотеке начали разрабатывать плановое задание по строительству здания, которое сейчас построено. Но тогда оно планировалось в другом виде. У Виктора Ивановича создавались для проекта этого здания большие комиссии, но в большой комиссии никогда ничего сразу не решишь. Было три варианта планового задания. Но в 1967 г. Виктор Иванович умер.

¹ Возможно, К.П. Алексеева имеет в виду статью В.И. Шункова «Библиотеки и общественные науки», увидевшую свет в 1968 г. в журнале «Вестник АН СССР» после его смерти (Шунков В.И. Библиотеки и общественные науки // Вестник АН СССР. – М., 1968. – № 2. – С. 23–30). В 2009 г. к юбилею ФБОН-ИНИОН она была вновь опубликована в сборнике «90 лет служения науке» (Шунков В.И. Библиотеки и общественные науки // 90 лет служения науке: К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; Сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – М., 2009. – С. 88–100).

Вместе с тем С.К. Кузнецова вспоминала, что идея создания ИНИОНа принадлежит не В.И. Шункову, а Л.А. Гордону (1930–2001), сотруднику Сектора востоковедения ФБОН: «Помню, Лёня Гордон как-то сказал: “Смотрите, какой у нас здесь коллектив и как нам здесь хорошо. Так вместо того, чтобы пытаться бежать в институты, давайте здесь создадим Институт”. Он подал идею, а я понесла эту идею Виктору Ивановичу. Он без большого энтузиазма сказал, что, очевидно, это возможно, я мешать не буду, но и особенной помощи от меня не ждите. Но ведь главное – чтобы начальство не мешало. Это важная функция начальства – не мешать, а Шунков был достаточно умен для этого. Кроме того, он в это время уже был сильно болен. В 1967 г. он умер» (ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред.: Ефременко Д.В., Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – Вып. 1. – С. 50).

В дирекции остались Инесса Александровна Ходош¹, которую назначили исполняющей обязанности, и я, а дело делать было надо. Тут надо отдать должное Инессе Александровне. Она проявила просто колоссальную энергию. Сумела не потерять связи в Академии.

Тогда вице-президентом Академии был Алексей Матвеевич Румянцев², человек неординарный, понимающий все новые направления, стремящийся внедрить в Академии все новое. Он сразу почувствовал важность идеи организации Института. И Инессе Александровне это очень помогло. Румянцев сумел все это уяснить и направить усилия секции общественных наук на организацию Института³.

Для того чтобы прийти в Президиум уже с каким-то плановым заданием, Инесса Александровна организовала при себе штаб. Это был чисто женский штаб. Вообще в Фундаментальной библиотеке, несмотря на большое число кандидатов наук и людей с ученой степенью, было только 10% мужчин. В штаб входили четыре человека: Инесса Александровна Ходош, Софья Константиновна Виленская⁴, Софья Иосифовна Кузнецова¹ и я.

¹ Ходош Инесса Александровна (1922–1995), историк, библиограф, библиотеквед, организатор информационно-библиотечной деятельности. Кандидат исторических наук (1955). В системе ФБОН-ИНИОН с 1953 по 1987 г. С 1967 г. – заместитель директора ФБОН АН СССР. После смерти В.И. Шункова временно исполняла обязанности директора ФБОН. С 7 февраля 1969 г. по 19 февраля 1970 г. временно исполняла обязанности директора ИНИБОНА. В 1970–1987 гг. – заместитель директора ИНИБОН (ИНИОН) АН СССР. Основные научные труды по вопросам библиографического обслуживания.

² Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993), советский экономист. Окончил Харьковский институт народного хозяйства (1926). Доктор экономических наук, профессор. Член-корреспондент АН СССР (1960), академик АН СССР (1966). Отвечал в качестве вице-президента АН СССР за общественные науки с 17 мая 1967 г. по 28 мая 1971 г. О его роли в становлении Института см.: Делюсин Л.П. Свободная среда // ФБОН-ИНИОН. Воспоминания и портреты: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред. Ефременко Д.В., Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – Вып. 1. – С. 55–68.

³ Института научной информации по общественным наукам.

⁴ Виленская Софья Константиновна (1918–2000), библиограф, специалист в области информационно-поисковых языков, по проблемам предметизации и организации предметного каталога. Окончила Институт истории, философии и литературы в Москве. Кандидат исторических наук (1949). В 1959–2000 гг. работала в ФБОН-ИНИОН, до 1988 г. заведовала Сектором научной систематизации, предметного каталога, лингвистического обеспечения информационных систем. Основные труды по проблемам предметизации и информационно-поисковым языкам.

Нам пришлось из трех вариантов планового задания срочно выбрать один и подготовить проект для Президиума. Знаете, как у нас бывает: все тянется, тянется и вдруг – надо срочно сделать плановые задания. Затем было дано задание срочно подготовить проект для ЦК КПСС и Совета министров по организации Института с его структурой, кадрами, штатами. В данном случае я еще раз хочу обратить ваше внимание на коллектив. Ведь все понимали, что создается новое учреждение с новой структурой, возникали всякие сомнения, есть ли их отделы в этой структуре, и должна сказать, никаких инцидентов не было. Мы работали при молчаливом согласии коллектива, в условиях полного доверия с его стороны. Благодаря этому документы были подготовлены в очень короткий срок.

В октябре 1968 г. вышло Постановление Совета министров СССР об организации Института научной информации при Фундаментальной библиотеке общественных наук. Не на базе Библиотеки такой Институт организовать невозможно. Была реализована идея Виктора Ивановича, который тоже предлагал идею создания этого Института на базе Библиотеки. В Постановлении Совета министров тоже было сказано о Библиотеке, иначе этот Институт не был бы организован.

Институт был создан, но еще до постановления возникла большая угроза, из-за которой мы работали в жутком напряжении. В Академии были силы, выступавшие против организации этого Института. Была идея организации в Москве еще одной универсальной библиотеки Академии. Когда почувствовали, что будет новое здание, все решили, что надо сделать универсальную библиотеку и таким образом этим зданием воспользоваться. Была очень большая борьба, и здесь колоссальная роль в победе принадлежит, я подчеркиваю, Инессе Александровне Ходош и Алексею Матвеевичу Румянцеву, который, на наше счастье, тогда был в Президиуме. После этого постановления борьба кончилась. Началось строительство.

¹ Кузнецова Софья Иосифовна (1923–2010), специалист в области востоковедения и африканистики. Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1949). Кандидат исторических наук (1950), доктор исторических наук (1972). Работала в системе ФБОН-ИНИОН в 1954–2010 гг. Заведовала Сектором востоковедения ФБОН в 1956–1969 гг., Отделом стран Азии и Африки ИНИОНа в 1970–1988 гг.

На мой взгляд, строительство этого здания¹ – тоже своего рода уникальное явление. Был период долгостроя. Известно, что очень многое планировалось, потом откладывалось, а фактически здание Института было построено в течение пяти лет. Для того периода это очень необычное явление. И когда здание было почти готово, возникла новая угроза. Вернее, появились желающие отобрать его у Библиотеки и Института.

Во всяком случае, хотели отобрать если не все здание, то хотя бы его половину – для Архива Академии наук. Архив – это сильная организация, состоявшая при Президиуме. Но здание было запланировано как Институт и Библиотека, построенное для этих целей, а на него начали покушаться. И я не уверена, что нам удалось бы его отстоять, потому что за Архивом стоял Президиум, и даже секция общественных наук, наверное, в этом не очень бы помогла.

Но нам опять повезло. В это время к нам назначили Владимира Алексеевича Виноградова². С его назначением отпали все разговоры, потому что Владимир Алексеевич до этого 25 лет проработал в Президиуме на очень высоких должностях. Он знал Президиум вдоль и поперек, все ходы и выходы и в нем, и за его пределами. Поэтому нам очень повезло³.

В.А. Виноградов, безусловно, очень способный организатор. Благодаря ему мы получали очень много валюты. Приобрели оборудование, широко развернули реферативную деятельность. Институт заработал.

¹ Здание находится по адресу: г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. В результате пожара 30–31 января 2015 г. оно повреждено и частично демонтировано.

² Виноградов Владимир Алексеевич (р. в 1921). Окончил Московский государственный институт международных отношений (1948). Кандидат экономических наук (1954), доктор экономических наук (1965). Член-корреспондент АН СССР (1966), действительный член АН СССР (1984), действительный член РАН (1991). Специалист по экономической истории, организатор научно-информационной деятельности в области общественных наук. В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН АН СССР (РАН). Внес вклад в разработку теории и практики информации в области общественных наук, организацию первых информационных центров по общественным наукам в Академиях наук союзных республик. Был научным руководителем Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН), председателем Головного органа Международной информационной системы социалистических стран по общественным наукам (МИСОН). Под его руководством ИНИОН стал научно-информационным центром международного значения.

³ В 1970–1972 гг. между И.А. Ходош и В.А. Виноградовым директором ИНИОН АН СССР был Лев Петрович Делюсин (1923–2013). – *Прим. ред.*

И раньше, когда мы были еще Фундаментальной библиотекой на ул. Фрунзе, и потом нас посещало много иностранцев. Однажды мне пришлось показывать Библиотеку одной итальянке. Было безумно неудобно: в Фундаментальной библиотеке из-за тесноты было невозможно соблюдать даже элементарный порядок. Она осмотрела всю Библиотеку, которая ей очень понравилась. Я усиленно ей рассказывала, как все будет организовано в новом здании. И вот что интересно – когда она уходила, то сказала, что насчет нового здания все правильно, но колорит свой вы потеряете. Между прочим, так оно и произошло. Колорит свой мы потеряли и утратили патриархальность своего устройства.

Появилось много новых людей, молодежи. Причем молодежи талантливой, я бы даже сказала, ориентированной на карьеру. Очень многие нравственные постулаты, которые были положены в основу прежнего коллектива, отошли на второй план. Это естественно. Я не хочу, чтобы подумали, что я осуждаю карьеризм. Для талантливых людей это неизбежно, потому что талантливый человек не может стоять на месте, но я осуждаю карьеризм бездарности. Это, к сожалению, тоже довольно часто бывает. Коллектив изменился не сразу. Библиотечно-библиографическая часть какое-то время оставалась стойкой, но постепенно и она начала сдавать позиции.

В 1976 г. я ушла из Института. После больницы мне было сказано, что я должна перейти либо на пенсию, либо на инвалидность. Я предпочла уйти на пенсию. Сейчас начинаю думать, что если бы это была прежняя Фундаментальная библиотека с ее устоями, может быть, я бы и пренебрегла настояниями врачей. Из нового коллектива я ушла, потому что он для меня в какой-то степени стал чужим. Что-то в нем произошло, что стало для меня чужим.

Я очень люблю эту Библиотеку, этот Институт. Раньше, когда я была ученым секретарем, мне приходилось довольно часто задерживаться. Когда уходишь вечером, все огни притушены, и эти фонари и синее небо со звездами создают впечатление, что вы находитесь в каком-то романе, мире Стругацких¹. И как бы я ни уставала, но фонари и звезды производили на меня такое впечатление, что я сбрасывала с себя усталость. Может быть, еще потому, что в организацию всего этого я внесла какой-то вклад, во всяком случае, за это боролась.

¹ Потолок здания ИНИОНа на Профсоюзной оборудован световыми коллодами для естественного освещения библиотечного и рабочего пространства.

Б.Н. Бачалдин
УНИКАЛЬНАЯ ШКОЛА
ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И ЭТИКИ¹

Тому, что из всего многообразия существующих аббревиатур для меня с 1948 г. самой значимой, благозвучной на всю оставшуюся жизнь стала ФБОН, предшествовали некоторые события.

Всё началось с того момента, когда дирекция библиотеки доверила мне во время производственной практики на 4-м курсе составление серьезной аннотированной библиографии о событиях на военно-морской базе США Пёрл-Харбор в декабре 1941 г., послуживших началом войны на Тихом океане.

Конечно, по газетам я знал в общих чертах, что такое Пёрл-Харбор. Но по крохам накапливая материал для картотеки, я заинтересовался темой всерьез, обследовал массу источников – предметный каталог ФБОН, ее ретроспективные картотеки и бюллетени, но главным образом зарубежные библиографические труды, периодику, преимущественно на английском языке.

Наши ученые тогда еще мало писали о Пёрл-Харборе. Поэтому русская часть картотеки оказалась слабенькой. Однако в послевоенный период специалисты начали активно исследовать эту проблему, чем и был вызван интерес к соответствующей информации.

Группу студентов-практикантов возглавлял тогда профессор, старший научный сотрудник ФБОН АН СССР К.Р. Симон. Он сам, атмосфера библиотеки, впервые проведенное серьезное библиографическое исследование настолько захватили меня, что я воспылал желанием работать только в этом научном центре. Но не тут-то было. Согласно институтскому распределению, я обязан был с 1 сентября работать в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина.

¹ Текст представляет собой одноименную главу из книги: Бачалдин Б.Н. Фрагменты памяти / Рос. гос. б-ка. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 76–106.

Здесь, а также в Государственной центральной научной медицинской библиотеке я проходил практику на 3-м курсе.

Две недели обивал порог кабинета заведующей отделом кадров Ленинки (помнится, фамилия той женщины – Потапова). Безуспешно. Она не отпускала меня, повторяя: «Вы получили назначение в нашу библиотеку и по закону обязаны отработать три года!»

Ездил я и в управление кадров Министерства культуры РСФСР. Отказали, да еще пообещали подать на меня в суд. Я так раскипятился, что даже пытался попасть на прием к министру, но мне, как говорится, дали от ворот поворот.

Наконец Потапова чуть-чуть сдалась и сообщила мне, что договорилась о встрече с директором ГБЛ В.Г. Олишевым, о котором я был наслышан, что он строг и тверд характером. Вопреки моим опасениям Василий Георгиевич встретил нас приветливо и, прочитав вслух письмо коллеги – директора ФБОН Д.Д. Иванова, в котором тот обстоятельно обосновывал свою просьбу о перенаправлении выпускника МГБИ Бачалдина из ГБЛ в ФБОН, резюмировал: «Ну что же, надо удовлетворить просьбу нашего соседа! Пусть молодой специалист работает там, где он может сделать больше и лучше. Оформляйте документы».

6 октября 1948 г. я был зачислен на должность старшего библиографа ФБОН. Радость моя была безмерна. Я вытянул счастливый билет, предопределивший профессиональную удачу. ФБОН – лучший библиотечный храм, удивительное научно-фундаментальное, структурно разумно выстроенное, аристократическое и одновременно уютно-демократическое информационно-библиотечное учреждение – такое впечатление сложилось у меня о библиотеке с первых же дней работы там.

Разместившись в красивом, гармонично спроектированном до-революционном особняке на улице Фрунзе, 11 (ныне вновь Знаменка)¹, библиотека счастливо вписалась в ансамбль главных сокровищниц страны, образовав вместе с ними единый комплекс культурно-научных центров. От ФБОН рукой подать до Кремля, Манежа, Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, МГУ им. М.В. Ломоносова, ряда академических институтов гуманитарного профиля (права, истории, философии, языкознания), Дома ученых Академии наук СССР.

¹ В настоящее время Институт научной информации по общественным наукам РАН находится на Нахимовском проспекте, рядом с метро «Профсоюзная».

Но особенно большое впечатление на меня, провинциала, выросшего среди образцов сибирского одноэтажного деревянного зодчества, производил интерьер ФБОН. Умели умно проектировать и строить в Москве на рубеже XIX–XX вв. Как было не залюбоваться изумительной перспективой холла, завершающегося мраморной лестницей, увенчанной классическими скульптурками купидонов? Великолепен знаменитый Белый зал с его лепниной, мрамором, огромным зеркалом. Этот зал десятилетиями исполнял роль справочно-библиографической доминанты библиотеки, концентрировал библиографические раритеты¹. Здесь согревались души библиографов, укреплялись и расширялись эвристические познания и навыки.

В дневные часы зал функционировал как рабочий кабинет, где библиографы отделов ФБОН и институтских академических библиотек вели библиографическую обработку новых поступлений отечественной и зарубежной литературы, расписывали ее для будущих информационных, реферативных и ретроспективных библиографических указателей, профессионально общались, консультировали читателей.

В более поздние часы, из-за отсутствия необходимого помещения, Белый зал трансформировался в своеобразный клуб, в котором происходили интересные и злободневные политические, профессиональные, эстетические рауты. В них участвовали различные приглашенные специалисты, общественные деятели, писатели, артисты, музыканты, художники. До сих пор свежи впечатления от встреч в Белом зале с такими библиотечными деятелями, как З.Н. Амбарцумян, И.М. Фрумин, с академиками В.П. Волгиным, Д.В. Наливкиным, писателями И.Г. Эренбургом, И.Л. Андрониковым, композитором Л.А. Лядовой, маршалом А.И. Ерёменко и многими-многими другими незаурядными личностями. В память врезалось немало эпизодов «белозального» периода. В качестве иллюстрации приведу такой.

Всеми чтимый в те годы романист и публицист Илья Григорьевич Эренбург обстоятельно, увлеченно рассказывал о Франции, ее людях, культуре, литературе, искусстве, о французском Сопротивлении. Когда утихли аплодисменты и Эренбург ответил на несколько безобидных дежурных вопросов типа «Ваши творческие планы?», поднялся научный сотрудник отдела иностранного комплектования библиотеки, питомец Сорбонны, русский реэми-

¹ Так, в 1945 г. в Белом зале экспонировалась выставка редких изданий из фондов ФБОН, приуроченная к юбилею Академии наук СССР. – *Прим. сост.*

грант, участник французского Сопrotивления Михаил Михайлович Штранге и позволил себе высказать собственное мнение и собственные оценки исторических фактов. И тут разыгралась шокирующая сцена. И.Г. Эренбург – один из любимых мною авторов, роман которого «Падение Парижа» был моей настольной книгой, на глазах у всех обрел черты злого, брюзжащего, обиженного мальчика. Он саркастически отчитал М.М. Штранге, сказав, что тот ничего не знает, ничего не понял, да, наверное, и не воевал, не был французским партизаном. Сцена была тягостная. Все разбрелись молча. В те годы обмен мнениями на около-политические темы был запретной зоной, дозировался.

В Белом зале сотрудницы ФБОН, освободив с помощью коллег-мужчин от столов середину зала, обучались сами и обучали своих детей и внуков бальным танцам, увлеченно отплясывали по праздникам и пятницам после трудовой недели или торжественной части официальных вечеров.

Белый зал был местом многочисленных остроумнейших, обращенных непосредственно к фэбэоновской проблематике, капустников. Среди авторов и исполнителей особенно выделялись своим артистизмом и талантливостью Нина Визильтер, Игорь Добронравов, Генрих Рудяков. Столь остроумных, связанных с внутренней жизнью коллектива капустников, я больше нигде не видел, даже в Доме актера на улице Горького.

Кому-то мои очень личные, эмоциональные впечатления и ощущения могут показаться сентиментальными, поверхностными. Но для меня они – органическая часть оценки ФБОН, они лишь свидетельствуют о том, что подлинно серьезному научному учреждению не противопоказано одновременно быть необычным духовно-просветительским и эстетическим центром. Именно подобный синтез черт ФБОН оказал решающее влияние на меня в пору профессионального созревания. Именно поэтому ФБОН для меня – библиотека номер один, любимая на всю жизнь. Она и символ профессионального взросления, и родник обретенного личного счастья. Где бы я ни работал, ее аура, атмосфера, запах всегда во мне. Здесь в 1940–1950-е годы все было необычным, оригинальным.

Прежде всего, необычным оказалось вхождение в должность. Началось оно с обстоятельнейшей и донельзя лестной для меня, библиографического младенца, беседы с глыбой в нашем профессиональном цехе – Дмитрием Дмитриевичем Ивановым, директором ФБОН. Он мне казался, нет, это так и было, недостижимой величиной мирового масштаба. Я думал: ну что ему встре-

ча со вчерашним студентом? Робел, готовился к формальному пятиминутному разговору. Но когда мы встретились – дистанция, даже возрастная, куда-то улетучилась. Покорила меня его подбадривающая улыбка. Никакой казенщины, никакого формализма, никакой поспешности и снисходительности. Шел спокойный разговор понимающих друг друга специалистов.

В те дни и сам Иванов, и ведомая им библиотека были в зените славы, пользовались вниманием и поддержкой руководящего органа Академии – ее Президиума. Более того, президенты Академии – Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1946), а затем Сергей Иванович Вавилов (1891–1951), глубоко понимали библиотечные проблемы, уважали библиотечный труд. Об интеллигентности Дмитрия Дмитриевича, его оригинальном мышлении, энциклопедических знаниях в Академии ходили легенды, им пытались подражать, но они не поддавались тиражированию.

По свидетельству ветеранов ФБОН, с которыми мне посчастливилось пообщаться, особенно памятными для них остались частые приезды президентов АН в 1945 г. Тогда еще только-только завершалась Великая Отечественная война, а ФБОН и Сектор сети развернули небывалую работу по подготовке беспрецедентной выставки изданий и трудов Академии за 220 лет: она, насколько позволяло суровое время, отмечала этот юбилей.

В подготовку выставки включились все библиотекари, выполнили огромные и сложные библиографические разыскания, систематизацию и организацию литературы на полках, оказали неоценимые консультации художникам при разработке ими экспозиции выставки. Благодаря Президиуму АН впервые после 1917 г. был осуществлен капитальный ремонт второго этажа, раскрыта анфилада 16 великолепных выставочных залов, в которых экспонировалось около 6 тыс. книг.

В дни проведения юбилея группа сотрудников ФБОН и Сектора сети вместе с другими работниками Академии была награждена орденами и медалями, получила почетные грамоты. Открытие и ведение торжеств, вручение наград взял на себя академик В.Л. Комаров. Он выразил благодарность Д.Д. Иванову и коллективу за большой результативный труд. Юбилей прошел как большой праздник отечественной науки, обрел характер международной встречи ученых.

С неподдельным уважением и вниманием относился к ФБОН, ее коллективу и директору новый президент – С.И. Вавилов, великий книголюб. Он приезжал к Дмитрию Дмитриевичу,

когда ему удавалось выкроить время, и увлеченно просматривал самые ценные и интересные издания, поступившие в библиотеку.

В связи с 50-летием со дня рождения и 25-летием научно-организационной работы Д.Д. Иванова в ноябре 1946 г. С.И. Вавилов участвовал в его чествовании, по поручению правительства вручил орден. А в целом большие заслуги Дмитрия Дмитриевича в области библиотековедения и библиографии были отмечены орденами Ленина, Дружбы народов, дважды – Трудового Красного Знамени, многими медалями, в том числе медалью Н.К. Крупской. Я счастлив, что мне довелось общаться с Д.Д. Ивановым, опираться на безграничную интеллектуальную и духовную щедрость этого незаурядного библиотечного деятеля.

Уже в первой беседе Дмитрий Дмитриевич обстоятельно обосновал сущность работы научной библиотеки. Она собирает и передает исследователю материал, который тот перерабатывает в своей творческой деятельности. Не утрачивая цельности особой *научно-вспомогательной системы*, постоянно дифференцируя свою информационную функцию, библиотека все глубже и глубже внедряется в исследовательский процесс, все теснее и теснее смыкается с ним, но никогда не переступает границы, отделяющие ее от сферы творчества ученого. Таким был лейтмотив первой беседы, да и всей теоретической и практической деятельности Д.Д. Иванова в ФБОН. Ей он отдал 54 года, в том числе с 1940 по 1949 г. в должности директора¹.

Необычны, оригинальны название, статус, структура ФБОН. Это единственная научная библиотека, зародившаяся в 1918 г., в смутную революционную пору, как небольшая учрежденческая коллекция литературы Социалистической (затем Коммунистической) академии, включенная в состав Академии наук СССР в 1936 г. и выросшая в крупнейшую всемирно известную библиотеку. По существу в стране тогда впервые появилась фундаментальная библиотека, которая свою деятельность направила не на классические гуманитарные науки (археология, лингвистика, древнейшая история и т.п.), а, как потребовало революционное время, на информационное обеспечение проблем политики, политэкономии, мировой экономики, международных отношений, рабочего и коммунистического движения, новой и новейшей истории. Разумеется, комплекс наук и проблем, которые

¹ Испытывая естественное чувство признательности к О.А. Барыкиной, я отсылаю к ее очерку «Д.Д. Иванов и его труды» // Иванов Д.Д. Избранное. – М.: Книга, 1986. – С. 6–18.

входили в поле зрения ФБОН, исторически постоянно изменялся и уточнялся в течение всего XX в. Характерно, что названная ориентация в подборе фондов литературы и документов, формировании справочно-библиографического аппарата, выпуске библиографических и реферативных материалов, в организации обслуживания читателей явилась прочной предпосылкой для консолидации специальных библиотек, созданных каждым научным учреждением АН по общественным наукам.

Прародители первенца информационной системы в области общественных наук не случайно назвали его фундаментальной библиотекой: в этом емком определении просматриваются, как мне кажется, глубокий перспективный смысл, еще одна грань необычности, оригинальности. В этом явное нарушение советской традиции, при которой действовали стандартные формальные определения: всесоюзная, советская, всероссийская, российская, государственная, республиканская, публичная, центральная.

Огорчительно, но в 1970-е годы, вопреки логике и букве закона, в нарушение партийно-правительственного постановления¹, статус ФБОН был радикально изменен, что низвело фундаментальную библиотеку до положения ординарного структурного звена. Была перечеркнута вся ее славная история, огромный научно-информационный и библиотечковедческий опыт². Конечно, это не единственный повод огорчаться, видя, с каким равнодушием нынешние лидеры относятся к изучению, сохранению и развитию интеллектуального, в том числе и библиотечно-информационного, потенциала Родины.

¹ Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 22 окт. 1968 г. № 828 «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук» утверждалось как единое развитие Института научной информации и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР.

² Конечно, старшее поколение специалистов ФБОН – К.П. Алексеева, О.А. Барыкина, В.Н. Видман, Т.И. Волкова, Г.И. Иванов, Д.Д. Иванов, Г.Г. Кричевский, В.Н. Львова, И.Л. Маяк, К.Р. Симон, Л.В. Трофимов, М.И. Фурсова, В.И. Шунков – внесло немалый вклад в пропаганду многообразной деятельности библиотеки. Особенно существен вклад О.А. Барыкиной, подытожившей в ряде публикаций научно-библиографическую и издательскую деятельность ФБОН. См., напр., опубликованные работы ФБОН (1923–1959): I. Библиографическая информация о новой литературе. II. Ретроспективная библиография. III. Прочие труды Библиотеки; Литература о библиотеке // Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР. Сб. ст. – М., 1960. – С. 288–318.

Формируя концепцию развития библиотеки, ее руководители (Г.К. Дерман, Д.Д. Иванов, Д.Б. Рязанов, Т.И. Райнов, Л.В. Трофимов¹ и др.), коллектив отказались от традиционной для научных библиотек мира функциональной структуры. В основе построения библиотеки был заложен успешно реализованный принцип сочетания трех признаков: отрасль, проблема, функция. В 1940–1950-е годы ФБОН располагала комплексом отраслевых структурных единиц, адекватных задачам информационной обеспечения академических НИИ. Это библиографические отделы² экономики, философии, истории, востоковедения, славяноведения и европейских социалистических стран, литературоведения, языкознания, науки, библиографии ученых, реферативной информации. Их назначение: изучение специальной литературы и ее аналитическая обработка, включая выявление, описание, аннотирование, реферирование; библиографическая информация и непосредственное отраслевое обслуживание читателей библиографической справкой.

К 1950-м годам ФБОН по составу своих многоотраслевых, многоязычных, многовидовых фондов, по характеру и эффективности деятельности прочно заняла положение главного информационного центра страны по общественным наукам, ориентированного на углубленное обслуживание ученых соответствующих академических институтов, на учет и удовлетворение их самых тонких и специализированных запросов. Можно с полным основанием утверждать, что библиографическая продукция ФБОН, ее

¹ Дерман Генриетта Карловна (1882–1954). Директор библиотеки Коммунистической академии в 1923–1934 гг. В 1937 г. репрессирована.

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938), академик АН СССР (1929), директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса в 1921–1930 гг. В 1918–1923 гг. как член Президиума Социалистической академии курировал деятельность Библиотеки.

Райнов Тимофей Иванович (1888–1958), библиографовед, библиограф, науковед. Доктор исторических наук (1940). С 1923 г. – в Библиотеке Коммунистической академии – ФБОН: в 1924–1935 гг. – завотделом библиографической консультации, в 1943–1956 гг. – завбиблиографическим Сектором востоковедения. Основная область научных интересов – история науки, философия науки, психология научного творчества.

Трофимов Лев Владимирович (1884–1958), библиотековед. В 1925–1934 гг. – ученый секретарь Библиотеки Комакадемии. В 1940–1958 гг. – завсектором (отделом) научной систематизации литературы ФБОН. В годы Великой Отечественной войны возглавлял филиал Библиотеки в Ташкенте. – *Прим. сост.*

² Реферативная группа была создана в 1964 г. и в 1966 г. преобразована в отдел. – *Прим. сост.*

количество и качество не только удовлетворяли запросы общественных наук, но и одновременно поднимали их авторитет, содействовали их прогрессу, зрелости. Ряд монументальных работ ФБОН получил заслуженно высокую оценку и в отечественной, и в зарубежной печати.

Однако, как мне представляется, ныне богатый и разносторонний опыт библиографирования, накопленный ФБОН, слабо используется и в теории общей библиографии, и в выработке оригинальных методических решений.

С первых месяцев работы в ФБОН я понял, что научно-информационное направление не является для нее единственно генеральным, что ФБОН – центр галактики, именуемой Сетью специальных библиотек. Последовательно, динамично ее коллектив на деле осуществлял принцип централизации руководства подведомственными ФБОН библиотеками академических институтов гуманитарного профиля. В те годы 18 из них в буквальном смысле были филиалами ФБОН (единый штат, финансирование и т.п.) и четыре – самостоятельными. ФБОН осуществляла централизованные комплектование и обработку для этих 22 библиотек. Но главное в другом. В сложной комплексной системе, когда каждая библиотека исторически претендовала на свою исключительность и независимость, ФБОН сумела, опираясь на классические законы дипломатии, достичь договоренностей с администрациями НИИ и реализовать *принцип единства научно-методического руководства*. Оно было ключевым, приоритетным в деятельности ФБОН.

Не будет преувеличением признать, что самым ценным капиталом ФБОН, притом прирастающим, был ее коллектив. Именно ему на всех исторических этапах выпала честь сыграть исключительную роль в становлении, развитии библиотеки, преодолении многочисленных невзгод, обусловленных общественно-политической и экономической ситуацией в стране.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов судьба одарила меня радостью встречи с живыми классиками информационно-библиотечного дела, блестящими мастерами отечественного библиотечного дела, подлинными интеллигентами, яркими личностями – Н.А. Баумштейн, В.Н. Видман, Д.Д. Ивановым, И.Н. Кобленцем, Т.И. Райновым, К.Р. Симоном, Л.В. Трофимовым. Сердечно, по-отечески отнеслись ко мне – «зеленому» библиографу – их более молодые соратники, возглавлявшие самые сложные и ответственные участки ФБОН, – К.П. Алексеева, Е.В. Бажанова, О.А. Барыкина, Т.И. Волкова, Э.Б. Гвиниева, Л.И. Герман,

О.А. Емельянова, Н.К. Каратаев, Г.Г. Кричевский, В.Н. Львова, В.Г. Орлова, М.И. Фурсова, И.А. Ходош, А.И. Широкова, В.Л. Чолганская и др.

Отлично помню всю нашу фэбэоновскую комсомолию, сотрудников вспомогательных служб (типографии, ротاپринтной, фотолаборатории, переплетной) и административных звеньев (бухгалтерии, секретариата, охраны), хотя здесь действует скорее зрительная, визуальная память, имена многих коллег по ФБОН, к сожалению, за десятилетия подзабылись.

В ФБОН господствовали законы профессиональной этики, которая органично диктуется истинной интеллигентностью, а не модой. Постоянно поддерживалась феноменальная атмосфера трудолюбия, доброжелательности, взаимопомощи. Не припомню примеров «сачкования», попыток переложить свою работу на плечи другого. Фэбэоновцы умели библиотечное дело, все разновидности библиографической деятельности выводить на уровень творчества. В той атмосфере все неурядицы и неудачи (а в большом коллективе, взаимодействующем с множеством партнеров, читателей, учреждений, размолвки неизбежны) преодолевались деликатно.

Молодой сотрудник, новичок не чувствовал себя заброшенным, одиноким. Более того, молодым специалистам, поступавшим на службу в ФБОН, было здесь интересно, комфортно, уютно. При этом специалисты старшего поколения общались с молодыми как с коллегами, величали по имени и отчеству. Старшее поколение, очевидно, не видело в молодых сотрудниках соперников, по-товарищески щедро помогало, делилось с ними знаниями, мастерством.

Сначала я попал в отдел истории¹, которым много лет руководил выдающийся ученый в области всеобщей истории, книговедения, библиографии, профессор, доктор наук Константин Романович Симон². Я знал его по МГБИ, где мне посчастливилось слушать лекции Симона по исторической и иностранной библиографии. Он по праву пользовался репутацией авторитетнейшего знатока мировой библиографии, внес неопределимый вклад в популяризацию книговедческой культуры, подготовку кадров для научных библиотек и органов информации.

¹ Сектор истории. – *Прим. сост.*

² Симон Константин Романович (1887–1956), историк, библиограф, доктор исторических наук (1956). В 1939–1966 г. – завсектором истории ФБОН АН СССР. – *Прим. сост.*

От природы обладая неутомимым аналитическим умом, Симон был широк и многогранен и как исследователь, и как личность. Многим в библиотечном мире было известно, что он остроумен, афористичен, мастер экспромта, шутки, тоста («поднимаю чашу я за академика Джанашия!»). И еще Константин Романович писал стихи. Как же мне было приятно услышать от Евгения Евтушенко похвалу поэтическому дару К.Р. Симона. Она прозвучала в 1990-е годы в одной из серий его телепередач об антологии русской поэзии. Я, как и большинство фэбэоновцев, восторгался, слушая нередкие выступления Симона в различных аудиториях.

Никогда не видел у него каких-то конспектов, планов, тезисов выступлений. Поражало обилие фактов, дат, наименований, хранившихся в его феноменальной памяти. Когда он слушал, сидя в первом ряду, чьи-либо доклады и сообщения, казалось, что он безучастен, дремлет, а то и спит (глаза закрыты, а рот приоткрыт). Но стоило докладчику закончить речь, первым на нее реагировал Константин Романович. «Вот вы говорили, – обращаясь к молодой ученой, – о едином мировом языке – синтезе всех языков мира, отмирании отдельных языков. А что же будет с Пушкиным? Как он будет звучать на таком синтетическом языке? Кто поймет, кто полюбит нашего гения?»

Дело в том, что докладчица пришла в ФБОН, чтобы рассказать коллективу о значении только что вышедшего в свет труда новоиспеченного теоретика в области языкознания – И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В 1950 г. в стране развернулся всеобщий психоз, связанный с пропагандой и штудированием этих вопросов. ФБОН, естественно, не могла остаться в стороне от новой политической конъюнктуры. Например, в отделе систематизации был подготовлен словник более чем в 90 предметных рубрик по небольшому тексту указанного «гениального» труда. Сталинская брошюра всеми в библиотеке усердно изучалась, конспектировалась. Кто всерьез, а кто с долей иронии уверял, что ему удалось постичь закономерности взаимосвязей марксизма и языкознания.

Интеллектуальное наследие К.Р. Симона – особая страница в нашем библиотековедении. Оно заслуживает глубокого и внимательного изучения и в XXI в., тем более что Константин Романович многое предвосхитил¹.

¹ Особо выделяю в творческом наследии ученого: Симон К.Р. История иностранной библиографии. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. – 736 с.; Он же. Избранное. – М.: Книга, 1984. – 239 с. (Труды деятелей книги).

«Конфирмацию» – обряд приема в фэбэоновскую общину и профессиональное пестование меня К.Р. Симон поручил молодой мудрой женщине – Нине Александровне Баумштейн. Казалось, все догмы библиографической науки и практики, тайны бесконфликтных отношений в большом коллективе она постигла еще на рубеже XIX–XX вв. В огромной комнате было множество столов, за каждым из них сидели работающие библиографы, лишь изредка перебрасывавшиеся лаконичными служебными репликами. Царила деловая академическая тишина. Своей выдержкой, тактом, мягкостью в общении с собеседником Нина Александровна способна была очаровать любого. И при этих качествах она была строга. Ее главный метод обучения – предельная загрузка подчиненного.

В первые же дни пребывания в ФБОН я по поручению Нины Александровны проторил тропы во все принципиально важные уголки библиотеки: в предметный каталог, в кабинет истории, в отдел библиографической консультации, в книгохранилище, в машбюро, на склад, чтобы получать на весь отдел каталожные карточки, разделители, бумагу, канцтовары. Задавала она мне и другие, куда более сложные «уроки» эвристического характера. Выполнять их я начинал, как правило, с зоны каталогов. Более углубленные поиски приводили в другие точки библиотеки: книгохранилища, функциональные отделы, сектора, кабинеты. Нередко, уже выполнив задание Нины Александровны, я еще задерживался в некоторых подразделениях, чтобы полнее постичь суть их деятельности. И это было особенно увлекательно. Так, примостившись на табуретке, подоконнике, стопке переплетов в газетном или журнальном отделах, я готов был часами перелистывать периодику 1920–1930-х годов, да и зачитывался ею. Какое же это интересное занятие! Какую богатую информацию оно давало! Кроме того, порой старые газеты и журналы подкидывали мне идеи оформления стенгазеты: я перерисовывал какие-то художественные находки или под их впечатлением выходил на собственные авторские рисунки, шаржи, карикатуры. И как-то доигрался.

Райком партии, планомерно проводивший конкурсы стенгазет, контролировавший их содержание, неоднократно отмечавший нашу газету «На службе науке» благодарностями и почетными грамотами, кажется, году в пятидесятом сделал нам партийный «втык», запретив помещать мои карикатуры международной тематики и рекомендовав сосредоточиться на внутренних сюжетах ФБОН. Тогда я подготовил два-три дружеских шаржа, но, боясь

обидеть кого-либо из коллег, добровольно отказался от подобной затеи. Что касается персон международного класса (конечно же – империалистов), то часть карикатур на них, выполненных с юношеским сарказмом, до сих пор сохраняются в моем личном архиве, я и ныне ставлю себе за них приличный балл.

Каждый раз, возвращаясь из похода по разным точкам ФБОН на рабочее место, я полагал, что получу замечание, разнос от Нины Александровны за долгое отсутствие, но этого никогда не было. Спокойно, деловито, улыбаясь, она просматривала очередную порцию карточек, вносила уточнения, поправки, говорила «спасибо» и давала новое, более сложное задание. Я проникся уважением к ней, стремился точнее запомнить ее советы – профессиональные, ибо она категорически обходила, исключала из разговоров мотивы новейшей истории, современные проблемы общественной жизни. Тогда все понимали – чем меньше знаешь, меньше говоришь, тем целее будешь.

Следующими моими библиографическими учителями в том же сорок восьмом стали ветераны ФБОН Ольга Антоновна Барыкина и Эрнестина Борисовна Гвиниева. Первая руководила сектором науки, штатным сотрудником которого я проработал до осени 1950 г. Вторая отвечала за информацию ученых по проблемам науки за рубежом.

Чем объяснить резкую и неожиданную для меня смену амплуа? Тогда не задумывался, ибо в ФБОН я готов был работать на любом участке. Что касается администрации, то у нее, очевидно, были свои резоны.

Прежде всего, надо иметь в виду, что в библиотеке четко действовал принцип: в подборе кадров ориентироваться преимущественно на отраслевиков: историков, философов, экономистов и т.д. Считалось, что они скорее овладеют методологией и методикой библиотечно-библиографического труда, чем выпускник МГБИ – той или иной сферой общественных наук. Опыт со всей очевидностью подтвердил правомерность данной концепции. Выпускники университетов и отраслевых институтов становились отличными библиографами и составляли костяк коллектива библиотеки. Но она не гнушалась, разумеется, и специалистами с библиотечным образованием на соответствующих функциональных или проблемных участках (комплектование и обработка литературы, организация фондов и каталогов, методическая работа и т.д.).

В контексте сказанного естественным представляется мой перевод из отдела истории в сектор науки. Он обеспечивал выпуск

бюллетеней, информирующих об общих тенденциях науки, важнейших научно-организационных проблемах, о деятельности советских и зарубежных научных учреждений. Весь комплекс работ, связанных с учетом, отбором, описанием, аннотированием, классификацией материалов, осуществлялся двумя потоками. Сначала библиографы ФБОН, библиотек академических институтов изучали обязательный экземпляр произведений печати СССР и на его базе отбирали соответствующие материалы для бюллетеня «Новая советская литература о науке и научно-исследовательской работе в СССР». Затем они эту работу выполняли на базе обширных текущих иностранных поступлений, чтобы подготовить выпуск бюллетеня «Новая литература о науке и научно-исследовательской работе за рубежом». Какое это было библиографическое пиршество! Обрабатывать ежедневно текущие отечественные и иностранные поступления в натуре, *de visu*! Это не повторилось более никогда, ни в какой другой библиотеке.

Именно тогда, используя огромный массив отечественных и зарубежных источников, я продолжил выявлять все новые и новые сведения о событиях, связанных с Пёрл-Харбором. В январе 1950 г. мне была объявлена благодарность начальника иностранного отдела Министерства высшего образования СССР «за большую помощь, оказанную работникам иностранного отдела в подборе литературы».

Подготовку, выпуск в свет и популяризацию бюллетеня по отечественным изданиям обеспечивала О.А. Барыкина, по иностранным – Э.Б. Гвиниева, владевшая многими языками и на моих глазах еще упорно овладевавшая грузинским и польским. Работать под их руководством было чрезвычайно интересно, полезно и прибыльно. Кроме того, подчиняясь двум, совершенно разным по характеру, манере общения начальницам, я, пожалуй, впервые к жизни постигал азы дипломатии, благодаря чему при расставании в 1950 г. сумел остаться на добром счету у обеих. Каждая из них запомнилась как оригинальная личность.

О.А. Барыкина – стройная, прямая, строго одетая и причесанная, подвижная, улыбчивая, казалось, все знающая и все умеющая. Глубокий специалист, щедрый наставник. Ее главная страсть – библиографическое обеспечение науки. Главная, но далеко не единственная. Она – фэбэоновский ветеран, хранитель, защитник, летописец, пропагандист традиций ФБОН, автор многих публикаций о ней, ее людях, ее библиотечно-информационном наследии. В этом ключе она традиционно слыла правой рукой Д.Д. Иванова. Поклоняясь ему как ученому, организатору, яркой

личности, разделяя его идеи, помыслы, дела, Барыкина считала себя единственным законным наследником творчества ученого, ревниво относилась к тем, кто, кроме нее, прикасался к этому творчеству, пытался изучать, разделять и развивать научные критерии директора.

Два года, что мне посчастливилось работать под руководством Ольги Антоновны, я оцениваю как счастливейшие и поучительные, поскольку мне удалось позаимствовать какую-то часть ее богатых знаний и опыта. Это было непросто. Будучи по природе ригористом, чрезмерно строго и прямолинейно соблюдающим избранные нравственные принципы и установленные многочисленными инструкциями правила, она дозированно и избирательно делилась своими знаниями, а уж тем более сокровенными мыслями.

В возглавляемом Ольгой Антоновной секторе неукоснительно действовали жесткая библиографическая модель и твердая дисциплина. Никакой самодеятельности, никаких отступлений от официальных норм. Я все это принял как должное, мне это импонировало. Более того, многое из уроков О.А. Барыкиной, по своему переосмыслив, я экстраполировал на собственную профессиональную жизнь.

Вторая моя начальница – Э.Б. Гвиниева – была полной противоположностью Барыкиной. В облике этой интересной, чуть полнеющей женщины доминировали яркость, добродушие. У нее был легкий, с оттенками богемности характер. Зная множество театральных историй и баек, вывезенных из Грузии (ее муж Гвиниашвили был тбилисским режиссером), Гвиниева умела рассказать их сочным языком, склонна была к шутке, иронии, да и к авантюре.

И в библиографической сфере она исповедовала иную, чем барыкинская, модель – более демократичную, гибкую, допускающую кое-какие отступления от непререкаемой инструкции. Тогда, в эпоху многослойной цензуры, осуществлявшейся заведующим отделом, дирекцией, внутренним цензором в штате библиотеки, цензурой Главлита, библиографические вольности Эрнестины Борисовны нельзя было отнести к безобидным. И тем не менее, стремясь как можно полнее информировать советских ученых о генеральных направлениях развития мировой науки, она, вопреки запретам цензуры, отбирала (и ориентировала на это меня) «сомнительные» материалы «нежелательных» авторов. Она, например, тонко, завуалированно аннотируя отобранные материалы по

кибернетике, упорно добивалась, чтобы хотя бы часть их попадала в бюллетень «Новая литература о науке и научно-исследовательской работе за рубежом». Многие фэбэоновские специалисты, особенно заведующий отделом философии Л.И. Герман, недоумевали, как можно «разоблачать» зарубежных оппонентов, не читая их работ, не имея полной информации о них. Цензорам он говорил: «Не зная языка ирокезского, как можно судить о нем?»

Царивший в дни моей профессиональной молодости идеологический диктат был многолик и изощрен. Его последствия, как правило, имели печальный характер. Под его воздействием, как в песок, уходило благородство, профессиональная этика, интеллигентность, дружба, доброта. В критические моменты и в библиотечной среде наблюдались безнравственность, бездуховность, отступления от норм профессиональной этики, граничащие с хамством. На памяти моего поколения, например, громкий спектакль, который разыгрывали в 1949 г. администрация, руководители парторганизаций ряда крупнейших библиотечных учреждений (ГБЛ, МГБИ, Книжной палаты). И дело не только в том, что они включились в общеполитическую кампанию «разоблачения» отечественных космополитов (попробовали бы не включиться!), сколько в готовности и азарте, с которыми травили ведущих ученых, цвет отечественного библиотековедения, своих коллег. Одним из них абсолютно непредсказуемо оказался ученый-библиотековед, патриот, сохранивший сокровища и кадры ФБОН во время Великой Отечественной войны, ее директор Д.Д. Иванов. В чем же этот выдающийся деятель и человек провинился?

Дело в том, что на основе глубокого и систематического изучения отечественного и зарубежного опыта он в фундаментальной теоретической статье «Пропаганда науки и специальные залы публичных библиотек (В порядке предварительной постановки вопроса)»¹ обосновал оригинальную для того времени концепцию информационного обеспечения советской науки через систему читальных залов. Обильного использования им зарубежных библиотечных источников оказалось достаточно, чтобы зачислить его в стан «космополитов», «низкопоклонников». Перечеркнув все его заслуги перед Отечеством, его безукоризненный опыт служения науке и библиотечному делу, развязная группа конъюнктурщиков и политических дельцов предъявила ему, энцик-

¹ Труды БАН СССР. 1948. – Т. 1. – С. 5–53; Иванов Д.Д. Избранное. – М.: Книга, 1986. – С. 69–139. – (Труды деятелей книги).

лопедически эрудированному специалисту, обвинения в незнании и игнорировании передового опыта советских библиотек, объявила его труды клеветническими, доводы – словесной шелухой, надуманной схемой, методологию исследователя – порочной, фальшивой, схоластической, псевдонаучной, немарксистской, непартийной. Все эти ярлыки были позаимствованы из текущих политических газетных и журнальных статей, а два последних ярлыка для тех лет были просто убийными.

Д.Д. Иванова освободили от занимаемой должности, но благодаря покровительству большого, умного и смелого друга библиотеки, президента АН СССР С.И. Вавилова оставили в ее штате в качестве старшего научного сотрудника.

Перехлестывавшие через край идеологические бури нанесли удар и по ФБОН в целом, расколов профессиональные и дружеские узы ее коллектива и ГБЛ. А ведь они вызревали десятилетиями, цементировались совместным трудом, особенно в холодное и голодное военное время, когда работать приходилось не только в кабинетах, но и на лесозаготовках. Дело дошло до того, что ФБОН, целенаправленно работавшую с иностранной литературой (70% фонда), объявили учреждением-космополитом.

И вот в такой сложной пропагандистской ситуации традиционная для ФБОН интеллигентная, доброжелательная аура дала первые трещины. У небольшой группы, буквально единиц эмоциональных сотрудников появился в глазах баррикадный блеск, проклюнулось желание поделить коллектив на чистых и нечистых, избавиться от инакомыслящих «космополитов», да еще неславянского происхождения.

К чести выпестованного Д.Д. Ивановым монолитного, дружного коллектива, в целом его морально-этический облик оказался прочным. В нем не разгулялись паника, интриги, сплетни. Коллектив сохранил свое единство, вопреки рекомендациям официальных органов сумел избежать увольнения отдельных специалистов.

Мне довелось присутствовать на двух собраниях по так называемому «обсуждению» статьи Д.Д. Иванова в ФБОН и ГБЛ. Особенно памятно второе, которое я покидал совершенно ошеломленным. Шумный, визгливый президиум собрания уподобился разбушевавшейся толпе футбольных фанатов или базарных теток. Любое не понравившееся выступление захлопывали и затопывали сотрудники Ленинки, в те годы мнившие себя единственно правыми теоретиками и проводниками генеральной линии партии, подогревали в зале гул и шум, поощряли выкрики. Специалисты,

приглашенные из некоторых научных библиотек, отмолчались, не решились взять слово. Председательствующий (фамилию опускаю) любого сотрудника ФБОН, пытавшегося объективно и профессионально раскрыть суть проблем, замолвить словечко за Иванова, забивал бестактными репликами, грубо обрывал, буквально сгонял с трибуны.

Это зрелище не отпускает меня более полувека. «Суд» («а судьи кто?»), учиненный над Д.Д. Ивановым, безусловно, был его личной трагедией, укоротившей годы жизни, оттолкнувшей Дмитрия Дмитриевича в 53 года от активной общественной деятельности. Но это и трагедия всего отечественного библиотечного дела, утратившего незаурядную личность, мудрого мастера, учителя, достойного самого бережного отношения коллег.

В той «космополитической» истории вспоминается и один светлый эпизод – гражданственность недавнего фронтовика, преподавателя МГБИ Исидора Марковича Фрумина. Своим отчаянно смелым выступлением в защиту идей Д.Д. Иванова, которое по тем временам могло завершиться для него драматично (потерей партбилета, полученного на фронте, смещением с должности и т.д.), Фрумин, во-первых, изрядно потрепал сценарий спектакля, а во-вторых, опроверг расхожее мнение, что интеллигентный человек полон колебаний и сомнений, непременно хлюпик и слабак, что личное спокойствие и благополучие он ставит выше истины. И.М. Фрумин не только не разделил позицию тех руководящих товарищей, которые готовили спектакль, но и убедительно обосновал перспективность ивановской концепции. Она действительно нашла свое реальное воплощение в 1960–1970-е годы в структурах таких публичных библиотек, как республиканские (АССР), краевые, областные библиотеки России; они были построены по проблемно-отраслевому принципу.

Инициаторы разгрома библиотечных «космополитов» не ограничились двумя собраниями. Они коллективно сочиняли по случаю соответствующие политические, а не профессиональные материалы, пристраивали их в печати и тем самым настраивали всю библиотечную рать Советского Союза на свою «единственно» верную волну. В качестве примера можно привести, видимо коллективную, статью Е. Герр «Лженаучные измышления по поводу пропаганды науки библиотекарями»¹. Лишенная профессиональных достоинств, эта статья как политический манифест сыграла свою роль в формировании мировоззрения библиотечарей, попор-

¹ Библиотекарь. – М., 1949. – № 4. – С. 34–39.

тила многим из них кровь, лишив творческой активности, настроив на догматизм и унылое однообразие.

Минули десятилетия, много воды утекло. Однако ощущения тех событий не выветрились и поныне. Более того, возникают реминисценции с более поздними временами и с сегодняшним днем. Перманентная топорная борьба против «ошибок и извращений» в библиотечной теории и практике, против «объективизма, культурничества и надклассовости», то затухая, то разгораясь вновь, продолжалась более 70 лет. Не успевало государство начать очередную политическую кампанию, которых было на памяти выпускников МГБИ 1948 г. не счесть (и «морганисты-вейсманисты», и «космополиты-низкопоклонники», и «врачи-отравители», и т.д. и т.д.), как от библиотекарей тут же требовали ревизовать свое хозяйство, снять с полки по общегосударственным спискам Главлита «вредные» книги, изъять карточки из каталогов и картотек, вычеркнуть сомнительные имена из указателей. Подобная борьба за чистоту идеологии была запрограммирована советской системой.

Можно было надеяться, что с началом перестройки, а затем провозглашением идей демократии и свободы библиотечное дело избавится от оков идеологии и начнет развиваться независимо от политических взглядов многочисленных начальников, сосредоточиваясь на сугубо профессиональных проблемах, своей внутренней технологической сути. Ничуть не бывало – вновь «пошла писать губерния»... Сотни теоретиков, практиков, библиотечных начальников всех мастей вслед за политиками и легковесными журналистами-дилетантами ринулись без оглядки ниспровергать наше профессиональное прошлое как полностью скомпрометированное тоталитаризмом и административно-бюрократической системой. И симптоматично, что делается это уже по собственной инициативе, без оглядки на власти. С готовностью отказываются от вековых библиотечных традиций, забывают о вкладе в отечественную культуру пионеров библиотечного дела России...

Однако вернемся к 1940-м.

В цепочке событий ключевым, бесспорно, оказался приход в ФБОН в 1949 г. нового директора Виктора Ивановича Шункова. Молодежи библиотеки его имя и скупые биографические данные мало что говорили. Кандидат исторических наук, в молодости биб-

лиограф, сотрудник Института всеобщей истории Академии наук¹, участник Великой Отечественной войны, орденоносец. Это уже проработав много лет в ФБОН, он сделал себе имя и в исторической науке, и в библиотековедении, и на международной библиотечной стезе. Как исследователь истории Сибири XVI–XVII вв., защитил докторскую диссертацию, получил звание члена-корреспондента Академии наук СССР, удостоен Государственной премии.

Все мы, фэбзоновцы, еще вчера испытывавшие искренние чувства уважения, даже обожания, к Д.Д. Иванову, тем не менее уже при первой встрече с Виктором Ивановичем испытали влияние его сильной личности. И подспудно это ощущалось (мною, во всяком случае) как своего рода предательство. Но постепенно в моем представлении об этих уникальных и непохожих личностях выкристаллизовалось своеобразное золотое сечение: ведь их объединяли преданность делу, ФБОН, ее коллективу, искусство тонкого руководства им.

В.И. Шунков принадлежал к той немногочисленной разновидности начальников, которые умеют умно, деликатно, дипломатично входить в руководящую должность. Они сначала обретают авторитет, союзников в новом для них коллективе, а потом уж, ничего не ломая, не отрицая и не порицая содеянное предшественником, эволюционно умножают и наращивают сложившийся в прошлые годы интеллектуально-духовный, материально-технический и кадровый потенциал. А ведь бывает, что, придя в то или иное учреждение, руководитель начинает все рушить, добиваясь, чтобы и духа не оставалось от деяний предшественников. Он перечеркивает всю историю учреждения, искореняет его истоки, исподволь возвеличивая собственное имя, утверждая в общении с коллегами и даже в печати, что история организации зародилась с его приходом к руководству. Пышно отмечает круглые даты своего прихода, нимало не заботясь об исторической объективности фактов, событий.

И нужно благодарить судьбу за то, что она, отняв у ФБОН одного яркого руководителя, вверила ее другому, тоже яркому; что в ФБОН не «сослали» на ее «укрепление» далекого от библиотечных дел случайного партийного функционера, военного отставника, кадровика из Президиума Академии наук и т.п.

¹ В те годы институт назывался Институтом истории АН СССР. Его разделение на Институт всеобщей истории АН СССР и Институт истории СССР АН СССР произошло в 1968 г. – *Прим. ред.*

В.И. Шунков оставил в коллективе Д.Д. Иванова, тесно с ним сотрудничал, доверил круг самостоятельных творческих работ, вывел на активные контакты с большим числом крупных библиотечных специалистов, в том числе зарубежных.

Не стану рассказывать о библиотечно-информационной, исследовательской, научно-методической деятельности ФБОН под руководством Виктора Ивановича. Она многогранна, результативна и в силу своей неисчерпаемости требует специального анализа. К тому же эта деятельность довольно обстоятельно рассмотрена и оценена в печати¹. Подчеркну лишь, что библиотека в те годы сделала ощутимый рывок вперед.

Отчетливо сознавая, что уникальность библиотеки обеспечивается в значительной степени фэбэоновскими ветеранами, новый директор в то же время заботился о преемственности поколений. При Шункове в библиотеке появилось немало выпускников МГУ и других вузов, занявших те участки, где требовалось прежде всего глубокое знание той или иной отрасли общественных наук.

Сложнее всего было с библиотековедением, да еще сориентированным на специальную научную библиотеку. Аспирантура МГБИ уходила от подготовки таких кадров. И Шунков, заручившись поддержкой своей инициативы в Президиуме АН СССР, сделал ставку на собственную академическую аспирантуру. Среди четырех молодых сотрудников библиотеки в ноябре 1950 г. в аспирантуру был зачислен и я по специальности «Библиотековедение». Доктор исторических наук Т.И. Райнов был утвержден моим руководителем.

Потребовалось срочно сочинять реферат «Издание и публикация произведений Г.В. Плеханова в СССР. 1917–1950». Судьбой этой интереснейшей личности я интересовался еще в институтские годы. Кое-что прочитал из сочинений Плеханова, был знаком с историей их публикации. Но все это на уровне любительства, любопытства. Здесь же, в ФБОН, надо было на суд приемной комиссии сдать серьезную работу. И как же я был польщен, когда в отзыве на мой реферат, подписанном В.И. Шунковым и блистательным

¹ Фундаментальная библиотека общественных наук. (Из опыта работы за 40 лет): Сб. ст. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – 318 с.; Симон К.Р. История иностранной библиографии. – М.: Всес. кн. палата, 1963. – 736 с.; Научная библиография. Из опыта ФБОН. – М.: Наука, 1967. – 239 с.; Теория и история библиографии: Сб. ст. в память К.Р. Симона. – М., 1969. – 241 с.; Симон К.Р. Избранное. – М.: Книга, 1984. – 238 с.; Иванов Д.Д. Избранное. – М.: Книга, 1986. – 334 с.

Г.Г. Кричевским, прочитал: «Работа, проделанная автором, имеет актуальное значение и может быть использована для планирования издания сочинений Плеханова в ближайшем будущем».

Значительно труднее, чем в МГБИ, оказалось сдать экзамен по библиотековедению. В институте и в ФБОН господствовали разные библиотековедческие школы, а их апологеты охраняли и продвигали свои личные библиотековедческие доктрины. Тем не менее кандидатский экзамен по общему библиотековедению, как и по теории предметного каталога, я сдал на «отлично». На «хорошо» сдал организацию библиотечной сети в комплексном научном учреждении (системе библиотек АН СССР). Последнюю дисциплину мне, новичку, было нереально сдать на «отлично»: экзамен принимали основоположники системы библиотек АН СССР, каждый из которых знал, как все происходило, по-своему оценивал свой личный вклад в теорию и практику формирования комплексного научного учреждения. Любое мое высказывание, любой ответ шли вразрез с личными пристрастиями кого-то из экзаменаторов. Можно сказать, что это был не экзамен для аспиранта, а событие для экзаменаторов, возвращавшее их в боевую молодость. По библиотечным дисциплинам экзаменовали меня популярные в книжном мире специалисты – Д.Д. Иванов, Г.Г. Кричевский, В.Г. Орлова, Т.И. Райнов, К.Р. Симон, Л.В. Трофимов, В.И. Шунков, З.К. Эггерт.

Один экзаменационный казус я подстроил себе сам. Вместо того чтобы вступительный экзамен сдавать по английскому языку, которым успешно пользовался в работе, я вдруг вопреки логике решил экзаменоваться по французскому. Дело в том, что этот красивейший язык я начал изучать в языковой группе библиотеки. За несколько месяцев мы постигли в основном грамматику, коллективно разбирали и читали адаптированные тексты, а библиотечная французская терминология была еще за семью печатями, личный словарный запас был скудный. К тому же вместо политического текста (как делали все абитуриенты), например, из известной коммунистической газеты «L'Humanité», я прихватил на экзамен несколько французских библиотечных изданий. А они, как я со временем усвоил, особенно трудны в переводе. То была полнейшая авантюра, чистейшей воды мальчишество с предрешенным результатом. Времени, отведенного на перевод, мне не хватило. Я с треском провалился...

С дурными мыслями я возвращался с улицы Куйбышева, где размещалась кафедра иностранных языков Академии наук, в ФБОН. Но тяжелых объяснений не было. Меня пригласила к себе в отдел

спецхрана бессменный партийный секретарь Вера Георгиевна Орлова, обладавшая практическим гибким умом, не ведавшая, что такое растерянность, уныние. И еще – у нее было доброе материнское сердце. Вера Георгиевна поручила мне устроить ей свидание с преподавательницей французского, у которой училась наша группа. О чем они говорили, мне неизвестно. Затем Орлова пригласила Сюзанну, успокоила ее и поручила: «Кормите мужа!» Вызвав через день-два меня, Вера Георгиевна была лаконична: «Вас зачислят в аспирантуру. Я дала слово заведующей кафедрой, что через полгода вы сдадите экзамен по французскому языку на пятерку!»

Честное имя Веры Георгиевны я не посрамил, хотя это стоило мне жестокой самодисциплины и едва ли не круглосуточного штудирования, иногда в совсем неподходящей обстановке (транспорт, совещания и т.д.). 28 июня 1951 г. приемная комиссия кафедры иностранных языков АН СССР оценила мои знания на «хорошо».

Что касается темы будущей диссертации, то все считали, что она должна быть сориентирована на нужды академических библиотек, а еще лучше – самой ФБОН. Предполагались две темы: «Предметный каталог ФБОН» и «Построение единой библиотечной сети комплексного научного учреждения». Решение затянулось, и какое-то время мне пришлось выявлять и собирать материал, штудировать литературу и документы по обеим темам. Решение подсказали последующие события.

Руководство Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина развернуло очередную политическую кампанию. На этот раз – по ликвидации в библиотеках предметных каталогов как «буржуазных». Коллектив ФБОН еще не оправился от последствий космополитической кампании, которую ГБЛ так жестоко и «результативно» провела в 1949-м. ФБОН свой предметный каталог не ликвидировала, но признала за благо диссертацию о предметном каталоге из планов исключить: береженого Бог бережет...

Чтобы расширить исследовательскую базу моей диссертации (архивные и оперативные документы, общение со специалистами), руководство ФБОН в 1952 г. направило меня в Ленинград для сбора материалов в Архиве АН, БАН и специальных библиотеках при академических учреждениях. Для меня это было особенно важно при почти полном отсутствии печатных источников по теме.

Вся командировка – удивительный калейдоскоп, который и ныне во мне и со мной. Уникальность информации в грудях просмотренных архивных дел, оперативных библиотечных документах, робкое знакомство с ленинградскими академическими биб-

лиотеками, старшими коллегами, посещение галопом Эрмитажа, Русского музея, Пушкинского театра, ошеломившее исполнение великим актером Николаем Симоновым роли Протасова в спектакле «Живой труп». Атмосфера легендарной ленинградской интеллигентности, хотя уже тогда ленинградцы были разными и всякими. Скажем, пришел в Пушкинский театр, подаю гардеробщику пальто и шапку и слышу: «У нас гардероб платный». – «Сколько с меня?» В ответ молчание. Я протягиваю трешку – стоимость аспирантского обеда. Направляюсь в сторону зрительного зала и обнаруживаю табличку – «Оплата гардероба – 20 коп.». Но такие нюансы были не в счет.

Всё воспринималось мною восторженно, как подарок судьбы, тем более что с сотрудниками БАН отношения сложились не только деловые – сердечные (они оставались в силе десятилетиями, уже после того как я расстался с Академией наук и мало кто трудился в БАН из моих знакомых). Огорчало лишь одно: ежевечерне, когда я покидал архив, его служащая стопку моих выписок уполовинивала, а в оставшихся записях делала купюры. Но и после этих операций, как мне казалось, я возвращался в ФБОН с большим и ценным материалом.

Увы! От радужного настроения, от сознания значительности выполненного долга не осталось и следа, едва на ученом совете ФБОН началось обсуждение итогов вояжа. Мои научные руководители и согласованно действующие «мучители» Т.И. Райнов и Л.В. Трофимов так аргументированно показали членам совета, мне, другим аспирантам, как не надо и, главное, как надо работать с архивными и оперативными служебными материалами, как выявлять факты, извлекать из них самое существенное, отсекал второстепенное, беллетристику, пропагандистский «шум», как анализировать и систематизировать источники, что я четко осознал свой явный провал, приуныл, подумав, что взялся не за свое дело.

Предоставили слово мне. Я, впервые попав на заседание ученого совета, от волнения запутался в деталях, частностях, да еще заявил, что мой рабочий день в командировке продолжался с девяти утра до одиннадцати ночи. В ответ В.И. Шунков приземлил меня: «Молодому человеку, решившему заниматься наукой, непозволительно подсчитывать минуты, подаренные ей. Науке принадлежит вся его жизнь!» Слова Виктора Ивановича навсегда стали моим кредо.

Покидая заседание ученого совета, я полагал, что буду отчислен из аспирантуры, что научная карьера бесславно завершилась. Но я ошибся. Меня вновь направили в Ленинград, дав по-

нять, что верят в молодого специалиста. Строгость моих учителей удивительным образом сочеталась с их естественной и глубокой интеллигентностью, доброжелательностью. Они научили нас – аспирантов – трезво, не обижаясь, воспринимать умную деловую критику; учили вести предметный диалог без навешивания на оппонента ярлыков.

Отдавая должное Льву Владимировичу Трофимову как одному из своих наставников, я попытался проанализировать его роль в становлении отечественного библиотековедения, формировании теории научной библиотеки¹.

Постепенно отшлифовался четкий порядок. Подготовив очередную главу диссертации, я передавал ее Т.И. Райнову. Он, написав краткое методологическое резюме и сделав многочисленные сердитые замечания на полях, передавал все научному консультанту Л.В. Трофимову. Тот с позиций мирового библиотековедения и прогнозируя развитие теории построения единой библиотечной системы Академии наук, добавлял множество своих не менее сердитых замечаний.

Стиль научных работ самого Льва Владимировича, стиль вышедших из-под его пера многочисленных документов, стиль публичных выступлений выпускника физико-математического факультета МГУ всегда был четок, ясен и ярок, высвечивал авторскую позицию.

И Лев Владимирович, и Тимофей Иванович слыли в коллективе самыми строгими и требовательными специалистами. Однако справедливыми и себя не щадящими. Они были максималистами, уверенными, что средненький уровень в любом деле не может быть нормой. Норма – отменно выполненная работа. Впрочем, они не были трудоголиками в «экстремистском» понимании этого слова, в чем я мог неоднократно убедиться в редкие, очень редкие минуты отдыха, на встречах в неофициальной обстановке. Здесь они были заботливы, приветливы, остроумны, ироничны, улыбкивы. А это в сочетании с уже упомянутыми качествами – черты сильных, ярких натур. Таким людям хочется подражать, хочется на них равняться. Ничто человеческое им не было чуждо. Вспоминаются, скажем, те немногие минуты в обеденный перерыв, когда под ласковым весенним солнцем у дверей библиотеки собиралась мужская компания покурить. В ее эпицентре нередко оказывался

¹ Бачалдин Б.Н. Разносторонний библиотековед. (К 90-летию со дня рождения Л.В. Трофимова) // Библиотекарь. – 1974. – № 12. – С. 46–49.

Л.В. Трофимов – умелый, остроумный, увлеченный рассказчик множества оригинальных баек, реже – анекдотов, знаток историко-литературных фактов. Всех нас, особенно молодых, тянуло на следующий перекур с участием Льва Владимировича.

Многие в библиотеке робели, зная, что им предстоит общение с Т.И. Райновым. Он все видел, все знал, мгновенно схватывал суть проблемы и никогда не пускался в утомительные рассуждения, а принимал конкретное решение. Не только слыл, но и был строг, требователен, внимателен к делу до педантизма. Поэтому и наша аспирантская группа страшно робела, когда однажды знойным летом решила навестить заболевшего Тимофея Ивановича. В дверях нас встретила седая немолодая и приветливая женщина – супруга нашего руководителя. Провела в комнату, где он лежал, помогла разместиться вокруг его постели так, чтобы он мог видеть каждого, и удалилась по своим делам. Мы готовились к строгому официальному аспирантскому отчету, а завязалась интересная, непринужденная беседа о разных разностях. Тимофей Иванович интересовался буквально всем: какие спектакли мы посетили, какие концерты в консерватории, что экспонируется в музеях, какие новинки вышли из печати.

Боясь утомить больного, мы все время порывались уйти, особенно когда его супруга стала накрывать стол к обеду. Но Тимофей Иванович, обычно такой деловой, даже суховатый, находил одну причину за другой, чтобы нас задержать, был оживлен, шутил. Поглаживая голый веснушчатый локоть огненно-рыжей грузинки Нелли Менагеришвили, он заметил: «Вот вы жалуетсяе на жару, духоту, говорите, что вам трудно и дышать, и работать. При современной моде грешно так говорить. (На Нелли легкое, свободное, открытое, короткое без рукавов платье). А каково было какой-нибудь подмосковной купчихе, облаченной в длинное платье, застегнутое под горло, да еще перед кипящим самоваром? Единственно, что она могла себе позволить – это просунуть палец между глухим воротничком и полной шеей и оттянуть несколько раз воротничок». Долго мы еще вспоминали тот визит...

Забываясь о нашем профессиональном мужании, и Т.И. Райнов, и Л.В. Трофимов, кажется, готовы были использовать любой повод, чтобы обучить нас научному труду. Они приглашали аспирантов на общебиблиотечные совещания, семинары, конференции, партийно-комсомольские активы, если на них дебатировались проблемы науки. Особенно поучительны были заседания ученого совета. От нас там было мало проку, мы только занимали четыре

дефицитных стула. Но мы дышали воздухом серьезных научных диспутов, осваивали их методологию и методику. А в те годы заседания ученого совета ФБОН – это битва гигантов библиотечной мысли, демонстрация эрудиции, логики, оригинальнейшей аргументации, словесного блеска. Было чему и у кого поучиться! Например, после выступления самого эмоционального члена совета Е.В. Бажановой, умевшей спровоцировать любую дискуссию, атмосфера раскалялась, летели пух, перо. Такие люди, как Елена Васильевна, нужны каждому уважающему себя научному коллективу, поскольку не дают застояться теоретической мысли, покрыться плесенью, остановиться в развитии. Она была отчаянным возмутителем спокойствия, имела свою точку зрения на серьезные научные проблемы и смело ее обосновывала. Ради научной истины она готова была вступить в дискуссию с любым авторитетом. После ее выступления начиналось самое интересное и полезное. Один за другим свою позицию высказывали ведущие специалисты: Л.И. Герман, Т.И. Райнов, блистательный остро слов Г.Г. Кричевский, Н.К. Каратаев... И, как казалось нам – аспирантам, искомое решение готово было захлебнуться в дебатах. Но мы заблуждались. Дипломат Виктор Иванович, венчая споры, произносил свою сакраментальную формулу: «Как будто бы в итоге мы пришли к единому мнению» – и выстраивал пункты логичного конкретного решения.

В эпоху В.И. Шункова на заседаниях ученого совета шло столкновение взглядов, идей, точек зрения, а не личностей с их амбициями, выпадами друг против друга. С подобной интеллигентностью я больше нигде не встречался.

Летели неделя за неделей, месяц за месяцем. К концу 1953 г., т.е. к окончанию учебы в аспирантуре, диссертация в основном была написана, по замечаниям учителей неоднократно переписана. Несмотря на то что я, как неопытный автор, цеплялся за каждый факт, каждую деталь, добытую в архивах, пришлось поступиться большим их числом. При этом я был во власти юношеских иллюзий, полагал, что когда-нибудь вернусь к изъятым материалам. Увы!..

К моему большому огорчению плавно развивавшиеся диссертационные дела к концу 1953 г. заметно притормозились. Тому были две причины. Во-первых, оказалось чрезвычайно сложно организовать публикацию статей по теме диссертации. Проблематично было аспиранту пробиться в единственный профессиональный журнал – «Библиотекарь». Брезжила надежда опубликоваться в «Трудах Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной

библиотеки общественных наук АН СССР» (далее «Труды БАН и ФБОН»), но после выхода в 1948 г. первого тома, в котором была опубликована та самая статья Д.Д. Иванова, установилась затянувшаяся пауза.

Вторая причина, по которой несколько поугас аспирантский энтузиазм в библиотеке, – это состояние здоровья моих учителей. Как-то синхронно сдало их здоровье. Они и из жизни ушли синхронно, в 1958 г.

Лишившись активной повседневной поддержки, контроля руководителей, я остался один на один со своими проблемами, но расслабляться себе не позволил, подготовил для второго тома «Трудов БАН и ФБОН» статью об оптимизации системы библиотек АН СССР. Статью в редакции приняли, и я ждал положительного результата от ее публикации.

Ожидание оказалось долгим, результат – абсолютно непредсказуемым, более того – драматичным. Впервые я осознал, что и в моем любимом фэбэоновском коллективе, как и на солнце, есть темные пятна. Ведь я весь коллектив воспринимал исключительно в характеристиках превосходной степени, но столкнулся с загадочностью его персон, которым свойственно улыбаться, говорить комплименты, называть тебя Боречкой, а за спиной развешивать кампанию по дискредитации твоего труда. Тогда я был ошеломлен, поскольку столкнулся с этим впервые. Малоприятно было сталкиваться с подобным и в последующей жизни. Однако уже спал иммунитет.

Итак, одна дама, как выяснилось позже, страстно не желавшая видеть меня разработчиком проблемы «Библиотечная система Академии наук», считавшая себя монополистом в данной теме, нашла двух кандидатов наук – одного из ГБЛ, другого из МГБИ, которые не очень-то ценили и оберегали свое авторское реноме. Иначе чем можно объяснить, что не читая мою статью, не владея ее предметом, они передали нашей даме за своей подписью две несуразные, легковесные писульки, которым и суждено было сыграть темную роль. Как говорится, клевета, что сажа – не обожжет, так замарает. Реакция «Трудов БАН и ФБОН», не извещая меня, сняла мою статью, и тем самым защита диссертации была отодвинута на несколько лет. Однако только отодвинута. Решающую роль здесь вновь сыграл Л.В. Трофимов. Преодолевая недуги, он напоследок написал глубоко аргументированный развернутый отзыв на мою статью, который не только посрамил хилые тезисы тех двух рецензентов, но, главное, повлиял на решение редакции.

Под трафаретным для той эпохи заглавием «Из истории организации и развития сети библиотек Академии наук СССР после Великой Октябрьской социалистической революции» статья была напечатана в 1958 г. в третьем томе «Трудов БАН и ФБОН». Но я опережаю события.

...Приближался 1954 год. Уже несколько месяцев Лев Владимирович (Трофимов) вводил меня в курс дел своего отдела систематизации, поручал выполнение небольших заданий, приглашал на производственные совещания, впрочем, никак не объясняя, зачем это делает. Некоторые все знающие молодые сотрудницы намекали, что их начальник имеет намерение включить меня в штат отдела, якобы ждет вакансию. Но предопределил мое будущее Шунков. Пригласив к себе для беседы, он сначала поинтересовался диссертационными делами, осведомился, какую роль в будущем я отвожу в диссертации, ФБОН, БАН, Сектору сети специальных библиотек Академии наук СССР, Библиотечной комиссии при Президиуме АН СССР. При этом особенно детально мы обсуждали статус и фактическое состояние двух последних учреждений. И вдруг Виктор Иванович ошеломил меня предложением перейти на работу в качестве главного библиотекаря в Библиотечную комиссию. С января 1954 г. я занял эту должность.

Как я впоследствии понял, Виктор Иванович, будучи опытным администратором, считал нужным иметь своего человека в общеакадемическом органе, координировавшем деятельность академических библиотечных центров.

Была у него и еще одна сугубо деликатная цель, о которой он, естественно, не обмолвился: вывести меня из нежелательной для него как администратора зоны – прервать или хотя бы затушевать разгоравшийся тогда мой роман с ведущей сотрудницей библиотеки. Но об этом в следующих главах¹.

¹ Речь идет о служебном романе автора с ученым секретарем ФБОН К.П. Алексеевой (см. ее воспоминания в настоящем издании). Эти отношения завершились уходом Б.Н. Бачалдина из семьи и женитьбой на Клавдии Павловне. Подробнее об этом: Бачалдин Б.Н. Фрагменты памяти / Рос. гос. б-ка. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 117–142. – *Прим. ред.*

В.П. Пироговская В «ТИШИ БИБЛИОТЕК»¹

Более полувека тому назад, в феврале 1953 г., в ФБОН пришел новый «кадр». Специальное образование, знание иностранных языков, хорошая характеристика (из Центральной научной библиотеки МИД СССР) – все это удовлетворяет. Но это – формальная сторона, а что это за человек? Да и 26-летний возраст не говорит о серьезном жизненном опыте.

А в ФБОН в это время возникла некоторая проблема с кадрами. В ведение ФБОН была передана библиотека Института мировой литературы с сохранением ее функций по обслуживанию ИМЛИ.

В результате этой реорганизации библиотека осталась без заведующего. Не беден работниками коллектив ФБОН, да отказываются от «завидного» поста опытные библиотекари. Видимо, придерживаются мнения Н. Дебеч: «Моей жизни не хватит сделать библиотеку из этого развала».

Вот и «сыграли на новенького». Сначала – проверка делом. Дали участок работы с институтскими библиотеками: контроль движения новых поступлений на выставки и в длительное пользование. Всё идет нормально. А как могло быть иначе, если опытные сотрудники ФБОН сразу же взяли чуть ли не материнское шефство над новенькой.

Дали и еще одно задание – обследовать несколько институтских библиотек на предмет использования поступлений из ФБОН,

¹ Воспоминания В.П. Пироговской впервые опубликованы в 2004 г. в сборнике научных трудов ИНИОН РАН «Теория и практика общественно-научной информации» (Пироговская В.П. В «тиши библиотек» // Теория и практика общественно-научной информации. Ежегодник / РАН. ИНИОН; Редкол.: Пивоваров Ю.С. (гл. ред.) и др. – М., 2004. – Вып. 19. – С. 242–271.

их учет и хранение. Представленные отчеты обследований удовлетворили руководство ФБОН, а директор вдруг задает автору отчетов неожиданный вопрос, что ей больше нравится, библиографическая работа или организация библиотечного процесса в целом.

«И то и другое», – отвечаю я. Да, это я была тем «новичком». «Теперь у Вас будет возможность делать и то, и другое», – сказал директор, сообщая мне о моем новом месте работы. Он не без юмора предположил, что теперь я сама смогу выполнить предложения из собственного заключения обследования. Правда, я выразила опасения, смогу ли руководить людьми, – такого опыта у меня не было. Библиотечная же работа меня не пугала. У меня уже «горели руки» исправить, изменить, устроить.

Но я еще не видела всей разрухи. Не осознала, что в результате многомесячного процесса передачи библиотеки штат урезали до 14 библиотечных единиц (включая зава). Восемь библиографов взяты в ФБОН для организации нового библиографического сектора (литературоведения). Кабинет горьковедения выведен из структуры библиотеки ИМЛИ (что было ошибкой, как показала в дальнейшем жизнь). «Пощупали» и технический персонал: осталась одна уборщица вместо двух, два вахтера-пожарника вместо четырех (т.е. сняты круглосуточные дежурства и охрана). Курьер оставлен в штате ИМЛИ, а ведь предстояло доставлять книги в Институт и ученым, не каждый из которых был в состоянии подниматься без лифта на 4-й этаж библиотеки.

Но молодость и при отсутствии жизненного опыта самоуверенна, энергична и категорична.

И вот я – в ответе за это все. Предполагается, что заведующий принимает библиотеку на ответственное хранение. А как нести материальную ответственность за груды, подвалы, углы, как учитывать и принимать?

Но акт, составленный комиссией по передаче библиотеки, содержал описание этого «хозяйства». Для меня это и был документ приема библиотеки. Он фиксировал, что были потери; что-то не учтенное и т.п. А я чувствовала себя в ответе за все. И началось...

Это журналисты придумали красивые слова: «В тиши библиотек». А для тех, кто десятки лет проработал здесь, это – не более чем недобрый юмор.

Конечно, книги, складированные на стеллажах, в шкафах-буфетах, сваленные в углах, проходах и даже в туалете, тишину не нарушают. Лежат в «тиши библиотечной» груды, укрытые от протечек сшитыми полотнищами, пленкой, фанерой.

Потолочная балка-перекрытие обрушилась в хранилище, через отверстие в потолке льют дожди, а шума нет – тишь.

Да, потолки все в пятнах, штукатурка обваливается, там и от этого не много шума. А один из зарубежных гостей, работающий в читальном зале, глядя на эти потолки, заявил доверительно: «Люблю русскую старину».

Несмотря ни на что мы стараемся выполнять запросы читателей. Доступны новые поступления, справочные отделы, подсобные фонды читального зала. Что-то ухитряемся доставать из штабелей, куда удастся протиснуться. И, как правило, ищем по памяти. КATALOGИ-ТО фактически бесполезны. 360 ящиков старых карточек, лишь частично сохранившихся во время многих переездов, не соответствуют фонду, не имеют шифров, перепутаны, сбиты. Есть, правда, 50 ящиков, которыми могут как-то пользоваться библиотекари (но не читателям в них разбираться и гадать).

Есть две-три ценные библиографические картотеки, но они не охватывают тематику даже одного отдела или сектора Института. И что же? Опять тишина? А вот и нет! Шумим!

Люди работали и жили под влиянием вдохновляющих идей периода создания этой библиотеки. Осталась в памяти прекрасная мечта: еще в 1936 г. разрабатывался проект строительства городка Института мировой литературы им. М. Горького на одной из набережных Москвы-реки. Предусматривались здания научно-исследовательского и учебного институтов, музея и библиотеки на 1 млн томов.

Не забыто и выступление бывшего директора ИМЛИ И.К. Луппола¹ о создании научной базы для исследовательской работы и о том, что «материалом, источником, своеобразным “сырьем” в области истории мировой литературы для ученого-литературоведа, историка литературы и писателя является книга, рукопись, документ, художественно-образительный материал и другие литературные реликвии». И по правительственному постановлению (от 17 сентября 1932 г.) создавалась центральная библиотека по истории художественной литературы с заданием собрать лучшие образцы мировой художественной литературы в фонде в 1 млн томов.

В короткий довоенный период и создается эта научная база как система кабинетов, связанных с отделами Института. В библиотеке работают 53 сотрудника-библиотекаря и ученые-литературоведы.

¹ Луппол Иван Капитонович (1896–1943) – философ, специалист по эстетике, литературовед, академик АН СССР (1939), в 1935–1940 гг. – директор ИМЛИ АН СССР. В 1941 г. репрессирован. – *Прим. сост.*

Разыскивают по всей стране, покупают, принимают дары, собирают уникальную коллекцию. Создают и каталоги. А некоторые библиографические картотеки не потеряли своего значения и до сего дня. Это – Дополнение (за 1896–1940 гг.) к труду П. Прозорова «Систематический указатель книг и статей по греческой филологии (с XVII в. до 1896 г.)». Это также «Роспись журнала “Гермес” (1908–1918 гг.)». Было еще несколько картотек за 1917–1940 гг. А в планах на 1941 г. – составление синхронистических таблиц по мировой литературе.

Ну а потом?.. Война. Бомбежка. Потеря здания. Подвалы, склады, коридоры чужих зданий и все – на руках девяти женщин. Всё это и объясняет настрой коллектива.

От передачи библиотеки под начало ФБОН и до появления нового зава прошло всего несколько месяцев, рано еще ждать решительных изменений, да и штат – не 53 человека. А для сотрудников, оставшихся в штате библиотеки, передача их «родной» библиотеки «чужому дяде» – ФБОН – казалась худшей катастрофой, чем имеющийся развал. К тому же переданная в ФБОН библиотека почему-то была названа «кабинетом». Что это значит? Не специализированное собрание, не научная лаборатория и даже не библиотека! А что? Передвижка? Изба-читальня? Тут уж не до «тиши библиотек». Страсти кипят! Не отдать на россыпь в универсальном фонде! Это же сокровища, спасенные от огня, воды, разграбления в разных катастрофах!

Правда, сейчас эти сокровища в штабелях и кучах, но они собраны, они есть. И люди верят в свои силы воссоздать, восстановить. Вот они и шумят до скандалов, отстаивают свои мечты. Ну а что делать руководителю? Отмахнуться?

А ведь каждый член этого коллектива – сильная и неоднозначная личность со своими высокими устремлениями. Здесь и бывшая фронтовичка Е.В. Вертоградская, и потомок княжеского рода М.Ю. Мещерская, и дочь знаменитой балерины Джюри (в которую был влюблен Шаляпин, а уже сын его позже, в наше время, прислал белую розу на ее могилу, когда мы все были на ее похоронах). Здесь, в этой библиотеке, собрались и другие интересные люди, чьи жизнеописания заняли бы не одну страницу воспоминаний. Среди них и те, кто спасал этот фонд в годы войны, и те, кто связан с коллективом ИМЛИ многолетними дружескими, чисто человеческими отношениями. Все это можно понять. Но нередко, стремясь к единой благой цели, люди видят свои, разные пути к ней. Отсюда – конфликты и долгая, подчас бессмысленная борьба.

Кроме того, установилась тут многолетняя «вольница». Начальство далеко, да и вникать в дела библиотеки ему недосуг: выдают «девочки» книги и ладно. А тут новая заведующая с дисциплиной, нормами.

Однако едва ли молодая заведующая справилась бы с этим бушующим женским коллективом, если бы не постоянное внимание дирекции ФБОН во главе с В.И. Шунковым.

Отчеты, доклады, планы, проблемы библиотеки ИМЛИ постоянно и неотложно обсуждаются на заседаниях дирекции, методических советах, комиссиях. Ведущие специалисты с полной отдачей, необыкновенной благожелательностью помогают советами, участвуют в разработках планов и путей решения и библиотечных, и хозяйственных вопросов. Добрую память храню об Э.И. Бумагиной, З.К. Эггерт, К.П. Алексеевой, В. Орловой, Л. Дудкиной, А.И. Широковой, И.Я. Госине. И не было ни одного случая, когда обращение за советом или помощью к кому-либо в ФБОН (а позже и в ИНИОН) осталось без ответа.

Постепенно удалось получить поддержку и в своем коллективе. Осознали люди необратимость событий и неизбежность самим «засучивать рукава» и восстанавливать библиотеку. Это сразу поняли мои ровесники В.А. Либман, Н.В. Гельфанд, Г.Н. Волошина и др.

А позже новое поколение – И.Н. Исаева, Я. Лебедева и все пришедшие к нам с энтузиазмом включились в выполнение общих планов. А ведь планы – не мечта. Их надо обосновать, довести до каждого исполнителя и по возможности вовлекать всех в само продумывание и создание этих планов. Тут понимаю, что в библиотечном деле, как и в любом другом, специального образования для решения нестандартных проблем совсем не достаточно. Надо искать решения самостоятельно.

Вот, например, оказалось, что определение состава фонда и предназначение библиотеки могут входить в противоречия. Так, институтская библиотека призвана обслуживать узкий круг – ученых данного института. Аппарат же этой библиотеки (прежде всего – фонды) должен быть ориентирован на научную проблематику института. А проблематика ИМЛИ – литературы мира без национальных и исторических ограничений. Кроме того, литература и литературоведение тесно связаны с искусством, философией, историей, языкознанием.

При такой ориентации естественно построение библиотеки отраслевой – литературоведческой, т.е. для более широкого круга пользователей, чем только сотрудники ИМЛИ. А сможем ли мы

обслужить столько пользователей? Ведь это далеко не только литературоведы. Да и наши «родные» читатели, увы, не ограничивают свои запросы строго пределами научных тем института. Значит, нам предстоит выделить основные обязательные функции и задачи. Но также продумать пути компенсации неизбежных ограничений за счет координации работы с другими библиотеками и не гонять ученых по библиотекам города.

Постоянные контакты с сотрудниками ИМЛИ помогли уточнить рамки формирования фонда. Намечены были его пересмотр и дальнейшее пополнение с целью иметь историко- и научно значимые издания исследований и текстов художественной литературы, фольклора, справочных изданий по профилю и основополагающих работ по смежным отраслям общественных наук.

Таким образом, вопрос об урезании этой библиотеки до небольшой подсобной передвижки не мог даже и подниматься.

Принималось направление на восстановление и развитие литературоведческой научной базы. Это соответствовало и первоначальному замыслу. Казалось, убедятся люди и успокоятся. Увы, нет! Кипим! А может, это не так уж и плохо? Кипим и спорим именно потому, что нет равнодушия. Каждый «болеет» за дела, хотя и по-своему.

Да и соответствовать постоянно развивающимся направлениям ИМЛИ и ФБОН непросто. А вхождение в библиотечную сеть ФБОН (ИНИОН) имеет свои преимущества. Но это еще впереди.

А пока реальность – выживание: ремонты (крыша, потолки и пр.). И это значит – опять «нянчить» сотни тысяч томов, грузить, перевозить, укладывать в сараях на временное хранение. И вот вяжем пачки, подъемные для женских рук, запускаем живой «конвейер» – цепочку по крытым лестничным пролетам с высокого старого четвертого этажа. Погрузка и отправка в сарай Музея Л. Толстого. А потом – ремонт окончен, и становимся в тот же «конвейер» для подъема из рук в руки на тот же четвертый этаж. И нет тут освобождения ни начальнику, ни ветерану. Да никто и не отказывается.

Новая забота – построение стеллажей. А вот лестницы на высоту более четырех метров – это уже «эпопея» с длительным и упорным «давлением» на хозяйственников. Нелегко было доказать необходимость не просто высоких, но и безопасных, устойчивых, легко передвигающихся лестниц предлагаемой нами конструкции. Увидев подвижные лестницы в книжном магазине, мы предложили схему лестниц, скользящих по верхним опорам (трубам) между стеллажами в каждом проходе. Дело-то нетрудное, но непривыч-

ное. Более знакомы стремянки. Но ведь для такой высоты они неудобны, тяжелы, неповоротливы. Вот и пришлось убеждать и доказывать. Не обошлось и без анекдотов. Один из хозяйственников, недовольный количеством требуемых лестниц, упрекает заведующего: «Разбаловала ты тут “научников” – открыла все хранилища. Пусть сначала в одном все прочитают». Объясняю. Убеждаю. А потом, наблюдая, как женщины карабкаются без лестниц вверх по параллельным полкам стеллажей, один из «серьезных» хозяйственников делает замечание: «Позволяешь своим девчонкам на работе в брюках щеголять, а ведь сюда серьезные ученые, порядочные люди приходят».

Пытаюсь объяснить, что женщина в юбке там, под потолком, с ногами на параллельных полках, представляла бы не лучшее зрелище. Убедила и удивила: «девчонки»-то, о приличном виде которых он заботится, давно уже семейные матери. Смех не помеха, но надо сказать, что забот с нами у хозяйственных служб ФБОН, а затем и ИНИОН, было более чем достаточно. Чего стоили одни только акты Госпожнадзора. Пожарники были по-своему правы, но и требовали-то они подчас невозможного, только что запасной выход прямо на Луну почему-то забыли. Да и зачем, если просто запретили работать в помещении читателям. А что делаем мы? Работаем «подпольно» и говорим о нелепости такого запрета. Ведь 15–20 мужчин в читальном зале не помешают, а помогут женщинам-библиотекарям в случае пожара. А закрыть помещение вообще и Госпожнадзор не в силах: в помещении возможны разные аварии или вторжение посетителей – вот и дежуриим, и работаем как бы «подпольно». А акты все идут, и все на заведующую. А что с нее возьмешь: мало осознавать ответственность, надо еще иметь возможности фактически. А значит, на головы хозяйственных служб и передаются акты пожарной инспекции, горкома профсоюзов, предписания служб МВД по охране помещения, акты о протечках, о неработающем отоплении и т.д. и т.п. Как бы то ни было, но хозяйственные службы ФБОН и ИНИОН осилили огромный объем работ: ремонты крыши, дверей, энергосистем, охранной сигнализации, и многое еще другое, что было возможно в условиях этого помещения.

А библиотека живет, работает в полторы смены. Обслуживание ученых не останавливается.

Люди понимают необходимость жесткой организации труда, но и недовольство все-таки прорывается. «Вы так сверхактивны, что от Вас прямо-таки бьет электричество», – жалуются мои кол-

леги. Хотя методичку-то всех этих нормированных процессов мы и разрабатываем, и осваиваем вместе. А работать мы умеем «до одурения». Вот одна заявляет, что она и за ночь не отдохнула: во сне прохожих раскладывала по тротуарам Новой площади и громко выкрикивала расстановочные шифры, пока муж не разбудил ее, предложив глотнуть водички.

Да и у меня постоянно «сны в руку». Все вижу во сне огромные залы для библиотеки за какими-то таинственными дверями.

Ну а явь не радует. Друзья советуют не волноваться. Сколько ценнейших библиотек человечество потеряло! Сокрушаться бесполезно. И все-таки обидно осознавать, что ушли из страны сокровища минувших веков. Где библиотека Г.В. Юдина? Книги XIII–XIX вв. в 519 ящиках отправлены в Вашингтон в 1907 г. Давно продана с аукциона в Европе первая библиотека семьи Соболевских¹.

Сколько книг погибло во время революции и Гражданской войны, во время Великой Отечественной войны!

Но мне ли сокрушаться? Вот оно, сокровище, передо мной. Что его ждет?!

И все-таки сейчас надо так построить эту единственную в стране специализированную литературоведческую библиотеку, чтобы она стала действительно научной базой – лабораторией литературоведа. Мечтаю сделать эту систему: фонды – каталоги – картотеки – легкодоступной и необходимой ученому. Справлюсь ли? Справимся ли мы?

Пытаюсь направить усилия по общему руслу. Понимаю, что нормы, инструкции, графики – еще не все. Ведь у нас у всех есть свои личные удачи и неприятности, семьи, дети, связи, друзья и враги. Всё отражается на настроении и, конечно, на атмосфере в коллективе. Простые человеческие, добрые отношения в коллективе нужны. Где-то кто-то бросил лозунг «Вместе работаем – вместе отдыхаем!» Может, попробовать? Хорошо бы чувствовать себя в едином коллективе и частичкой большого коллектива ФБОН. Знаю, все и всегда надо начинать с себя. Включаюсь в общественную жизнь ФБОН. Работаю в редколлегии стенгазеты и в кружке художественной самодеятельности вместе с другими энтузиастами ФБОН. Мы даже выезжаем с нашим репертуаром в подшефную деревню и в какой-то клуб милиции. В общем, я-то «влилась». А мой коллектив? Ходят на собрания, вечера, встречи в ФБОН, которые, как правило, содержательны, интересны, бывают нова-

¹ С надписями «Дар Соболевского». – *Прим. сост.*

торские предложения, интересные взгляды (и не только на библиотечный мир). Помнится, с каким интересом обсуждали рассказ В.И. Шункова о его поездке в Париж. Особенно заинтересовал взгляд французов на историю, которую перекраивать нельзя. Речь шла об одном парижском памятнике, который немцы покрыли позолотой. Через несколько лет после войны позолота облезла. Почему же не очистили памятник и не придали ему первоначальный благородный вид? «И это принадлежит истории» – мнение французов. У себя в библиотеке мы с интересом обсуждаем все, что узнаем на встречах в ФБОН. И все-таки чувствую, продолжается наша отчужденность от большого коллектива. Да и в самой библиотеке хочется дружбы, добрых отношений. Хотя вроде бы «отношений-то» предостаточно. Здесь ведь не только библиотекари и читатели. Здесь также женщины и мужчины. Есть и страсти, и далеко не библиографические «взаимосвязи». Есть и комедии, и трагедии с «последствиями» и без них. В общем – все как везде, но это не вполне то, что хотелось бы чувствовать в дружном коллективе. Вот как-то додумалась и уговорила всех пойти в воскресенье вместе на каток. Получилось. Правда, я коньки никогда не надевала, руки потом несколько дней болели: я полдня буквально висела на перилах для начинающих. А уж смеху-то потом было! И это уже хорошо – смех сближает.

Бывали и другие конфузы. Появился в ФБОН новый комендант – молодой, видный, бывший военный. Он предложил вступить в общество «Рыболов-спортсмен», обещая машину по выходным на рыбалку, где для членов общества есть бесплатная базаночлег и оборудование для приготовления питания. Тут я, вечный энтузиаст, «заггла» весь коллектив (и некоторых членов семей). Дружно вступаем в это «Общество», платим членские взносы, получаем красивые книжечки, потом приглашения на собрание «секции удильщиков» и... все. Добрый молодец исчез из ФБОН без следа (в «Общество»-то вступили не только мы). А найти его мы не смогли, да и не очень старались. И что? А ничего. Просто посмеялись, в основном надо мной. Смеяться – не ругаться, да и работать веселее.

А между тем полным ходом шла выверка каталогов, рекаталогизация старых фондов и описание новых. Разрабатываем свои классификационные схемы, и к 1965 г. одних только каталогов уже 510 ящиков.

Мы знаем, к чему стремимся, но реальность тяжела. Потолки протекают. Отопление или не работает, или взрывается потоком

кипятка на книги. И нет места. Опять «консервация», подвалы, углы. Библиотеке нужна помощь! Мне нужна помощь!

А жизнь научила – те, которые могли бы помочь, не хотят осознать ценность этой книжной коллекции.

Один из таких деятелей, увидев наше книгохранилище, воскликнул: «Вот где книги-то воровать!» Взглянув на онемевшую от возмущения заведующую, быстро переключился на сотрудницу с кипой подобранных для читателя книг и решительно заявил: «Да кто это может столько кип сразу прочитать!» Тут уж срываюсь на менторский тон: «Здесь не чтиво на досуге. Ученые работают с этими материалами, а не почитывают книжечки». На мой выпад он ответил с иронией: «Учите нас, дураков, а сейчас, между прочим, нужны дискотеки, а не библиотеки. Да и кто к вам ходит-то?»

Бывали у нас и более «эрудированные» чиновники. Один из них, торопливо пройдя по коридорам и хранилищам, изрек: «Судить надо».

– Кого?

– А вот того, кто здесь – указал он на меня. Затем строго спросил: «Есть ли у нас компьютер и введен ли в него этот книжный фонд?» (Подготовился товарищ к посещению библиотеки.) Услышав: «Нет, но...», с презрением отвернулся, не слушая объяснений о централизованной обработке, о бессмысленности вводить в компьютер художественные произведения. Может быть, он имел в виду электронный каталог, но он точно не хотел выслушать хоть что-нибудь и быстро покинул библиотеку, даже не взглянув на собеседника. К такому отношению хочешь – не хочешь, надо привыкать. Один из начальников просто называет меня преступницей за попытку отстоять предлагаемое библиотеке здание, якобы в ущерб подведомственному ему учреждению. Он напирает на то, что библиотеке другое дадут, она же в аварийном помещении.

В нарушении какого-то закона обвиняет меня другой руководитель, увидев периодику пушкинских времен. Оказывается, по его мнению, мы имеем право хранить журналы только за три года.

– А старые куда? В макулатуру?

– Возможно.

А один из «знатоков» библиотечного дела уличает нас в неправильной расстановке книг. Он, видите ли, считает, что произведения одного писателя издают одним форматом и его легко найти. А у нас расстановка не по форматам. Тут не о чем говорить и бесполезно объяснять.

После таких встреч ничему не удивляюсь и никого не боюсь. Закалилась.

Наверное, поэтому и на «странные» беседы со «странными» посетителями коллеги вызывают именно меня. А такие «с неустойчивой психикой» люди заходят к нам нередко. Видимо, наша вывеска привлекает их словами «мировая», «им. М. Горького», «общественные» науки.

И вот я спасаю свою сотрудницу, за которой бегают вокруг столов возбужденный человек с дрючком в руке и требует книгу о половой жизни 20 великих людей. Мне он говорит о неграмотности моих подчиненных: раз на вывеске сказано, что здесь «общественные» науки, то и книга о великих людях – представителях общества должна быть.

Вижу, надо немедленно его успокоить объяснениями, адекватными его состоянию. Подтверждаю, что, в общем, он прав, но половая жизнь – дело не общественное, а сугубо личное. А ведь просто отказывать такому человеку опасно. Надо дать полезный совет, вот я и направляю его в библиотеку Политехнического музея, через дорогу. (Нехорошо, конечно, но надеюсь, что он, пока идет, все адреса забудет.) А он явно обрадовался, воскликнул, что половая жизнь – это техника, и конечно надо идти в политехническую библиотеку. Провозгласив: «У Вас ясный ленинский ум!» – он уходит успокоенный. Такие встречи у нас – не редкость.

А что касается вполне ответственных особ, наверное, мне просто не повезло встретить «чиновного» человека, усвоившего общечеловеческие моральные истины и осознающего непреходящее значение культурных ценностей.

Один из видных ученых сказал, что расформированный университет можно быстро вновь создать, только если будут библиотеки.

Да, библиотеки несут эстафету культуры веков и поколений. Не через книги ли многовековой разум человечества обогащает нас? Кто мы без этих корней, питающих современную мысль. Возможны ли наука, образование, культура без освоения достижений ушедших поколений. А библиотеки – хранители этих передаваемых через книги достижений.

Страшно представить, насколько ущербна была бы наша среда обитания без полноценных и разных библиотек.

Однобокий взгляд на библиотеку «власть имущих» – «не престижна», «не доходна» – ведет лишь к бездуховности. Это означает, что больно само общество. К счастью, есть много людей, нуждающихся в духовной пище. Даже к одной нашей библиотеке

обращались не только литературоведы, а и видная часть творческой интеллигенции города (работники издательств, радио, телевидения, театров и др.), а также гости ИМЛИ из других городов и стран. Ежегодная выдача доходила до 150 тыс. единиц. И это притом что более или менее доступны были около 350 тыс. библиотечных единиц. Кроме того, по системе межбиблиотечного абонемента из ста библиотек страны поступали материалы для работающих в читальном зале. Еженедельные выставки знакомили посетителей библиотеки с десятками тысяч поступлений ИНИОН по отраслям общественных наук. Все это, а также 12 тыс. ежегодных справок-разысканий по заявкам потребителей говорит о нашей цели – освободить ученого от того, что может сделать для него библиотекарь и библиограф.

Этой цели должны служить и весь наш поисковый аппарат, и создаваемые нами библиографические работы. Ну, например, сколько материалов должен был бы «перелопатить» «американист» без подсказок нашего указателя? Его тематика может быть запрятана в работах, далеких от американистики, как, например, в книге «Общественный смысл русского литературного структурализма» (1922).

Реальная отдача наших работ обеспечена сотрудничеством библиографа с литературоведом. И мои выступления в творческих подразделениях ИМЛИ всегда были нацелены на развитие фактического взаимодействия библиографа и ученого. И наши библиографические указатели, имеющие характер живого литературоведения, – результат такого рабочего содружества.

Но это еще впереди, хотя фундамент этого закладывался тогда, когда мы еще разрабатывали системы расстановки и шифровки, классификационные таблицы и методические материалы с учетом опыта, накопленного библиотечным миром. Так, побывав в Библиотеке Конгресса США, Библиотеке профсоюзов в Вене, в библиотеках Чехословакии, Югославии, ГДР, я убедилась, что и при электронных каталогах и ЭВМ надо сохранять и продолжать пополнять традиционные информационно-поисковые системы (ИПС), т.е. карточные каталоги и картотеки.

Итак, мы приняли правильное решение о развитии библиотеки – лаборатории ученого. Люди это поняли, приняли линию, предлагаемую заведующей. И все-таки, чтобы добиться максимальной отдачи, приходится «выжимать» соки нормами, графиками, внедрять «научную организацию труда». Впрочем, это течение охватило все библиотеки (и не только библиотеки). Не отстаем и мы.

А прежние-то времена нет-нет, да и напомним о себе. «До нее-то 18 заведующих сменилось», т.е. более шести месяцев никто не задерживался. И какие люди были! Один ушел в священники, другой в директора МТС (был тогда такой призыв). А один зав – красавец-мужчина, являлся, бывало только во второй половине дня, красуясь свежим загаром и рассказывая, как было хорошо с утра на Москве-реке. «Да, были люди в наше время!»

А что теперь? Скучно. А может, дисциплина поджимает, как башмак не с той ноги?

Отчего поспорили вдруг два библиографа? От скуки? Вроде бы по профессиональному вопросу, а дошли до «непрофессиональной» перепалки. Профессиональная-то проблема разрешена в общей беседе с заведующей. Но раз мнения были противоположны, то одно – не поддержано. Обида остается. Смириться? Жаловаться? Но заведующая уже не поддержала одну из спорящих, значит, если уж жаловаться, то на нее, на заведующую.

И вот в «лучших традициях» прежних времен идет в парторганизацию жалоба-донос. Разбирается «персональное дело». Вот только до сути «дела» так и не докопались. А выступления «серьезны». «Такая ли Вы заведующая, какая должна быть?» – восклицает Т.С., и в этом все ее высказывание. А Р.А. жалуется! «При наших разногласиях по классификации Л.Н. очень упряма, а Валентина Петровна вместо того, чтобы стукнуть кулаком по столу и приструнить Л.Н., начинает рассуждать, что мы хорошие специалисты, и уговаривает не ссориться. А как же не ссориться, если я не согласен?»

«Утром делает обход как главный врач», – раздастся неодобрительная реплика. Звучит и более конкретная жалоба на жестковатый характер. А кто-то попытался и «политическую окраску» добавить: «Не отпустила коллектив на выборы месткома, посчитала, видимо, советские профсоюзы “желтыми”». Выяснили: проезд в тот день с Новой площади на ул. Фрунзе был перекрыт похоронной церемонией в Колонном зале Дома Союзов. А вот забыли пожаловаться на жесткость «Правил внутреннего распорядка» и других организационных инструкций. Создавали мы их вместе на методических совещаниях, но все-таки это же политика заведующей. Без нее-то вольнее жили. «Персональное» дело получило резонанс на уровне разговоров в коридорах, да нервы потрепало участникам разборки. Ну а завбиблиотекой почувствовала даже положительные последствия: ее направление, планы и действия получили поддержку, и работать стало легче.

«Организаторы» же этого «дела» скоро не просто смирились, а открыто и убедительно признали свою неправоту и перешли в лагерь моих сторонников. Были и удивления: «До чего же Вы не мстительная, даже не верится. Никаких знаков недоброжелательства даже к активным злопыхателям». Кстати, никто не помнил, из-за чего все началось. Как же это по-женски! И каких только обвинений не изобретают. Тут вспоминаю и анекдотичное обвинение очередного незнакомца, привлеченного нашей вывеской (со словом мировой литературы). Взглянув на выставку изданий на иностранных языках, он потребовал заведующего и строго мне приказал: «Все убрать немедленно!»

– Почему?

– Какая же Вы заведующая, если не знаете последнего закона! – Какого?

– Все языки отменяются. Остается русский и китайский, остальные сливаются в один. А все это – на всяких языках – убрать!

– Да, да, хорошо, убираем.

Человек покидает нас довольный, а мы – тем более: ушел – не дрался.

Вот и у нас – люди кипучих страстей. Забывают подчас суть дела и теряют чувство реальности, доходя почти до потасовок. Вот спорят о правилах описания и опрокидывают картотеку на пол, а потом, забыв о споре, дружно вместе собирают ее до позднего вечера.

Легко ли руководить этим коллективом, бороться за выживание библиотеки и постоянно убеждать, воевать, работать? Кажется, тогда я едва ли смогла бы объяснить, почему продолжала «тянуть эту ляжку». Ведь были приглашения на более спокойные устроенные места. Да и на прежней работе меня не забыли, вот через много лет уже после моего ухода из ЦНБ МИД СССР нашла меня «Нобелевская грамота» по случаю 50-летия советской дипломатической службы. Было и приглашение на работу в библиотеку Международной организации труда в Швейцарию. В те годы я, кажется, не вполне понимала, почему отказывалась от этих предложений. Правда, директор тогда сказал, что препятствовать моему отъезду в Швейцарию он не может, но не гарантирует сохранения за мной моего места работы по возвращении. И все-таки не в этом была причина моего отказа сменить место работы. Ведь и от последующих предложений директора перейти на другую работу в той же ФБОН я тоже отказалась.

Вот только теперь я поняла, в чем было дело: просто приросла я душой к этому хозяйству. Вместе с трудностями были

немалые результаты, влекущие задумки. А коллектив, каким бы он ни был, стал все-таки родным. Работа же в библиотеке в Швейцарии представлялась мне монотонной, устроенной и скучной.

У нас, конечно, не соскучишься, это как в семье: перепалки, шум, а все-таки свои.

Да и не только у нас так. Как-то я работала в одной из городских библиотечных комиссий. Улаживали мы очень трудные взаимоотношения в одной из крупных специализированных библиотек города. И конфликт был острее наших «бурь». Уладили.

Да ведь и в стране всегда много непростых проблем и почти ни одна не обходит нас стороной.

Разразилась кампания против культа личности Сталина, и к нам является цензор. Прямо с порога она смотрит на портрет Сталина на стене (мы давно его не замечаем – привыкли). Грозный приказ: «Снять немедленно!» Снимаем. Она идет к полкам прямо к отделу политической книги и начинает кричать: «Что это у тебя делается! Смотри – Маркс, Энгельс, Ленин оттиснуты контурами части, а Сталин поверх них целиком». (Так издавали тогда многие политические книги, и никто не придавал этому особого значения.) Видимо, эта дама побывала в лагерях, а теперь изливает желчь на первого встречного, и летят на пол одна за другой книги, хотя нет никаких оснований их убирать с полок. А может, она просто хотела доказать свою полезность, а придраться не к чему. Но и спорить с ней не стоит. Ушла. Книги возвращаем на их места. Это не проблема. У нас есть, как всегда, свои проблемы. Нет места, не весь фонд еще учтен и описан. Конечно же, это не снижает его ценности и очевидной уникальности. Ведь немалая часть этой коллекции – прижизненные издания классиков, редкие журналы и книги, уже исчезающие из научного оборота. Сюда же вошли коллекции, собиравшиеся поколениями ученых, писателей, критиков, книголюбов. О многом говорит даже простое перечисление имен этих собирателей: В.П. Полонский, А.И. Малеин, С.И. Соболевский, П.Д. Этингер, Н.П. Сидоров, В.Д. Комарова-Стасова, Н.А. Пешкова, Л.Б. Модзалевский. Книги с автографами, маргиналиями, раскрывающими подчас интересные и до сих пор не известные, не изученные факты.

Впрочем, описание этого фонда – разговор особый. И при всей уникальности – это не мертвое хранилище сокровищ. Он функционирует, хотя и гложет беспокойство постоянно: не полностью используется богатый потенциал. К тому же много сил уходит на «глупые» (но необходимые) работы – передвижки, «консер-

вазии», перевозки, спасение от аварий. Так и живем в аварийном, периодически неотапливаемом помещении, а иногда еще и без воды и с туалетом на Новой площади.

А читатели еще и шутят: «Не удастся вам выжить нас ни холодом, ни водой, ни безводьем». Да, наши читатели давно уже наши друзья, разделяющие наши библиотечные беды.

Официально Библиотечный совет ИМЛИ не собирается на заседания, а практически чувствуем, как говорится, «плечо друга». Есть полное взаимопонимание по библиотечным проблемам. Понимают все, что нельзя ни на один день останавливать формирование фонда. Кроме его пополнения, текущего и ретроспективного, необходим регулярный пересмотр его состава.

Любой библиотечный фонд неизбежно обрастает каким-то количеством, условно говоря, «отсева».

В библиотеке же с такой нелегкой судьбой пересмотр фонда и для «временной консервации», и на «отсев» – дело острой необходимости и безотлагательности. Потому что наряду с отработкой научной чистоты фонда это и вопрос места.

Сотрудники ИМЛИ вместе с нами определяют принципы отбора на «консервацию» и «отсев» и сами становятся полками для просмотра книги за книгой.

Отбираются стереотипные переиздания книг (среди них много книг для малышей в переводах и перепечатках). Попадают узкопрофессиональные пособия для клубов и прочие, не имеющие научного значения для наших потребителей (поступившие когда-то в составе обязательного экземпляра).

Помня законы Ранганатана: каждому читателю – его книга, каждой книге – ее читатель, – я убеждена, что и каждая книга нашего отсева найдет своего читателя. И действительно, с помощью друзей мы передаем эти «отсевы» во многие библиотеки страны. Это библиотеки республиканских университетов, детские и школьные библиотеки, пионерский лагерь, интернат специальной коррекции. Городская библиотека Риги забрала наши «отсевы» прямо здесь, в Москве. Через Всесоюзное общество любителей книги идут наши дары в воинские части, в библиотеки разоренных войной районов и др.

А мы задумали библиотеку как систему (фонды – каталоги – картотеки), раскрывающую состав фонда в разных аспектах и uproшающую пользование им. И продолжаем свое дело.

Издания художественных текстов сгруппированы по национальным литературам с выделением авторских рядов и подразделов исторических работ по данной литературе. В отдельные группы

собраны издания справочно-библиографические, литературоведение и смежные отрасли знания. Особые отделы фонда – Античность, древнерусская и редкости. Раздел всеобщей истории по литературам мира предваряет собрание по национальным литературам.

Такая расстановка в ряде случаев позволяет находить без шифров и каталогов книги по литературам, пособиям, темам. Ну, адекватный каталог – понятно. Он показывает весь состав библиотеки и подскажет, на какой полке искать книгу и к какой литературе принадлежит тот или иной писатель. Здесь же его «Personalia». А систематический каталог мы создали по своей классификационной схеме в историко-литературном разрезе. Сюда же в определенные литературы и в периодике распределена наша оригинальная картотека – «Словник». Это справочные карточки на писателей с краткими сведениями (жанры творчества, первая публикация, место рождения и проживания, справочные источники и т.п.). Здесь же отсылки к алфавитному каталогу, где собраны описания издания его произведений, есть и шифры – места на полках.

Ценнейшая часть нашей ИПС – картотеки тематические, фактографические, персональные, трудов ИМЛИ и его сотрудников с хроникальным материалом и др.

На справочно-библиографические издания ведется особый раздел систематического каталога, объединенный с картотеккой. В него включаем не только отдельные издания, но и примененные и внутрикнижные справочно-библиографические материалы. Пытаемся сделать его по возможности сводным, вливая карточки на материалы, остающиеся в ИНИОНе. Наша ИПС снабжена алфавитно-предметным ключом-указателем. Кроме того, мы сделали (в издании ИНИОНа) «Путеводитель по библиотеке ИМЛИ» и «Правила пользования библиотекой». В разное время создавались и краткие информационные справки для читателей в соответствии с состоянием нашей ИПС на определенный период.

Иногда кажется, что все наши трудности – это что-то закономерно сопутствующее нашей жизни. Зато и радостей у нас больше, чем у тех, кто окружен покоем и скучной рутинной. С каким энтузиазмом люди работают уже на «отдачу» на основе ими же созданной системы! Конечно, мы не можем обеспечить все запросы литературоведов при возрастающем потоке печатной продукции и увеличивающихся запросах Института. Но наш статус отделения ИНИОНа дает возможности использовать пути кооперации в информационно-библиографической работе. Мы освобождены от сплошного про-

смотря всего потока новых поступлений и можем проводить углубленную дополнительную проработку по кругу своей специфики.

Надо заметить, что здесь мог бы быть обоюдный интерес. Я вносила предложения об издании бюллетеней ИНИОНа пакетами на несброшюрованных листах с печатью на одной стороне либо параллельно издавать также их и в виде карточек с более детальной систематизацией. Тогда все библиотеки, получая эту информацию ИНИОНа, давали бы ей вторую и стабильную жизнь, вливая их в свои ИПС (наряду с использованием в текущей работе). А ученые могли бы выписывать карточки по «своим» темам, т.е. получать информацию без «посредников» и быстрее.

Конечно, мы и при имеющихся возможностях используем свою ИПС, и информационные материалы ИНИОНа. И мы развивали свои формы информационно-библиографического обслуживания.

Индивидуальная информация ведущим ученым по более чем трем десяткам тем. Библиографические указатели. Вспомогательные указатели к некоторым трудам ИМЛИ. В отсутствии профессионализма и работоспособности теперь людей не упрекнуть. Коллектив увлечен нововведениями и уходом от типовых стандартов, возможностью самим выступать с этими идеями в библиотечной прессе (В.А. Либман, Н.В. Гельфанд, Р. Бородулин, Т. Спиридонова уже не только библиотекари-практики, но и авторы печатных работ).

Мы начинаем искать возможности говорить о наших буднях, но тут создается парадоксальная ситуация. Вот Ф.Ф. Кузнецов сообщил, что в результате аварий, протечек погibli многие тысячи книг, складированных в подвалах (еще в 1946–1948 гг.). А я получаю вызов в прокуратуру – не уберегла социалистическую собственность. Вмешательство директора ИНИОНа и одного из вице-президентов Академии наук спасло меня от долгих разбирательств. А ведь «умудренные» люди советовали не очень-то «распространяться» о гибели книг: никто не станет разбираться в истории, а просто «притянут» заведующую: почему «допустили». – А как было спасать? – Да хоть проветривать постранично в перелуке или на проспекте. Глупо? Может быть, но, увы, вероятно.

Убедилась я в этом, когда явились ко мне «мальчишки», представившись сотрудниками Отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Настойчиво пытаются выяснить мою роль в том, что где-то в подворотне продавали три книги с печатями библиотеки ИМЛИ. Проверяем. Две из названных книг (с указанными инвентарными номерами) благополучно стоят на полке в комнате-сейфе как редкие книги. Они и предъявлены проверяющим. А третья –

одна из многочисленных перепечаток для малышей (Маршак. «Усатый-полосатый»). Эта книжка могла исчезнуть из библиотеки, перемещавшейся по углам, коридорам, подвалам. Могла она быть утеряна, похищена или просто не возвращена читателем. Когда? Возможно, в те годы, когда я бегала в школу с портфельчиком, а «контролеры» эти еще и на Божий свет не появились.

Проверив всю систему учета: акты, инвекторы, каталоги, — они уходят, унося с собой две инвентарные книги. А потом строгий «дядя» (по телефону), обеспокоенный судьбой того «Усатого-полосатого», угрожает мне судом. Спокойно соглашаюсь, что конечно же меня надо судить, видимо, это я вдруг оказалась «владельцем заводов, газет, пароходов» и торгую алмазами или чем-то вроде этого. Голос в трубке исчез. Инвентарные книги вернулись.

Задумываюсь, почему вдруг такое внимание к незначительному факту на фоне очень даже значительных. Может, опять донос?

Друзей у меня много, да и недругов немало. Да. Жить бы тихонько, делать что возможно и ничего сверх — и врагов не навешь. Увы, не каждый так может.

Донос возможен. Вспоминаю резкие наскоки некоторых дам из ИМЛИ в связи с возвращением в состав библиотеки кабинета горьковедения. Он и был создан как часть библиотеки наряду с литературными кабинетами по античным литературам, французской, немецкой, англо-американским, славянским, восточным литературам и др.

Недовольных перемещением кабинета на территорию библиотеки устраивало не столько существование и работа кабинета по сути, сколько установившаяся к тому времени полная бесконтрольность. Сотни книг разнесены по частным квартирам, закупались книги часто по личным заказам друзей-приятелей. А кабинет забыт, превращен в склад, каталоги-картотеки исчезают. Отчеты, правда, этого не говорят, но... бумага все стерпит. Но сегодня не стоит говорить о том, что уже было зафиксировано в свое время. Кабинет восстановлен в соответствии с горьковедческим профилем. Он был открыт в одном из читальных залов библиотеки.

А недовольными оказались те, кто долго и упорно отказывался возвращать библиотечные книги.

Ну а виновник всего конечно же завбиблиотекой ИМЛИ. Жаловаться некуда: все сделано с одобрения руководства институтов.

Ну а донос — милое дело. Видимо, так и было. Ведь названия редких книг, якобы продававшихся где-то, взяты из каталогов, недоступных посторонним.

Ну а с доносами от «своих» мне приходилось иметь дело, этот – не единственный.

Как-то в метро произошла пара взрывов. И вот – в библиотеке «человек в штатском» заявляет мне, что от нас, из этой библиотеки, уходят инструкции по изготовлению взрывных устройств. Понимаю, что это не прохожий со «странностями», но принять такое обвинение я не в состоянии. Длительная беседа и наводящие вопросы: не увольняла ли я кого-то за последнее время, не обнаружили ли мы инструкцию такого устройства в старом журнале.

Тут-то я и вспоминаю, что, выполняя какую-то справку, библиографы наткнулись на описание бомбы, напечатанное в журнале после покушения на Александра II. Ну, удивились, посмеялись и забыли. А наводящий вопрос моего собеседника, не конфликтовала ли я с кем-нибудь из этих библиографов, сразу напомнил, что я уважила «по собственному желанию» сотрудницу М. А., уходя, она пригрозила, что я ее еще вспомню. Собеседник удовлетворен. Причина его прихода понятна и мне, и ему. А перед уходом он предупреждает: «Будьте осторожны, разговорчики тут у вас». Да, это донос. А стоит ли он внимания! У нас тут своя «страда», которая началась не сегодня.

Еще в 1948 г. был составлен акт о непригодности этого помещения. Вот уж подлинно: жизнь – это борьба! Многие годы продолжают хождения по инстанциям и по «неинстанциям», т.е. я «лезу во все щели».

Выступаю на собраниях, конференциях, встречах (в ИНИОНе, ИМЛИ). Говорю речи на съездах руководителей библиотек союзных республик и всюду, где только появляется возможность. В любую тему выступления вставляю «клич о спасении» этой библиотеки.

А мудрые коллеги опять предостерегают от гласного раскрытия состава нашей коллекции. Не отберут ли те, у кого сила, да еще и обвинят в том, что рискуем сохранностью ценностей, не имея соответствующих условий хранения. Подумываю, что опасаться следует и элементарных воров с такими-то дверями, но эти-то едва ли смогут что-то найти в наших забытых хранилищах-массивах. А ведь «мудрые»-то отчасти правы. Ведь были же попытки расчленивать, реорганизовать, урезав библиотеку. А однажды на достаточно высоком академическом уровне обсуждался вопрос забрать из библиотеки ИМЛИ все лучшее для организации некой новой престижной структуры.

Мои возражения на упомянутом заседании с предложением реальных путей создания библиотечно-выставочного фонда для

этой предполагаемой структуры едва ли были бы приняты во внимание. Но подключился директор ИНИОН в защиту целостности коллекции библиотеки ИМЛИ. Кстати, эта самая «престижная» структура так и не была создана, и, к счастью, не по нашей вине.

А может, «мудрые» права: уникальность-то можно доказывать не только наличием раритетов, но и коллекционностью отраслевого собрания материалов. В общем, борись, но с оглядкой.

Докладные, справки, письма, ходатайства идут во многие и «самые высокие» адреса. Как осмеливаюсь? Да ведь наше дело правое. Однажды на заседании редколлегии ББИ услышала насмешливое замечание по поводу этой моей деятельности и, не сдержавшись, закричала в ярости: «Да я за библиотеку хоть на виселицу пойду!» И тут С.К. Виленская произнесла с полной убежденностью: «И ведь пойдет».

А сотрудники мои шутят: «Под “псевдонимами” ведете переписку с таким обширным кругом важных лиц».

И действительно, составляю проекты писем, снабжаю их справками. И письма уходят по адресам с подписями коллективными и индивидуальными. Среди них подписи директоров и других академических руководителей, академиков, ученых. Десятки и сотни людей уже включаются в эту борьбу.

С благодарностью вспоминаю поддержку, понимание и заботу, которые я находила у директоров институтов В.И. Шункова, Б.Л. Сучкова, В.А. Виноградова, Ф.Ф. Кузнецова.

Помещение в Москве – острейшая проблема. Многие сотрудники двух институтов делали, что могли. Не в их силах было решить вопрос. Но люди, пытавшиеся помочь, остаются в благодарной памяти. Как забыть П.В. Палиевского, И.А. Ходош, А.М. Ушакова, А.П. Саруханян, Н.С. Надъярных. В общем, было немало тех, кто привлекал прессу, телевидение. Вот только внимание людей, решающих наши судьбы, привлечь трудно.

А для нас единственная отрада была – чувствовать понимание и участие умных людей.

И Институт мировой литературы никогда не сетовал на недостатки обслуживания, понимания, среди всего прочего, и штатную стесненность библиотеки. А ведь запросы на информационно-библиографическое обслуживание возрастали. И мы стараемся соответствовать им.

Многие сотрудники ИМЛИ (А.Н. Николокин, И.И. Вайнберг и др.) помогают библиографам: консультируют, редактируют

готовящиеся к печати указатели. Эти работы выходят и отдельными изданиями, и прикнижными к трудам ИМЛИ.

Наше сотрудничество приносит реальные плоды – научно-вспомогательные литературоведческие материалы.

Даже такая, казалось бы, чисто формальная работа, как алфавитно-предметный указатель, может оказаться научно-вспомогательным аппаратом для исследователя. И даже если это указатель к художественному произведению, т.е. случай особый.

Это стало понятно в ходе работы над указателем к роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Конечно, необычен был сам факт указателя к роману. Но в этом произведении Горького на каждой странице реалии персональные, исторические, географические, художественные, литературные, общественные. Выявляя все это и соотнося с фактами, указатель создает базу для работы исследователя-горьковеда. Используя свои библиотечные возможности, мы сотрудничаем с ИМЛИ и по линии международных контактов. Это – наш вклад в библиографию по истории немецкой литературы, которая вышла в Берлине. Это и наши выставки на научных международных конференциях, организованных ИМЛИ. На научных симпозиумах, имеющих международное значение, таких, как 160-летие славянской письменности, где мы показали даже раритеты. Упомяну хотя бы один – «Апостол», 11-е издание (Вильно, в типографии Мамониной, 1591 г.). Кстати сказать, наш отдел древнерусской литературы богат древностями. И мы обязаны все это сохранить и за помещение бороться.

Одних только официально зарегистрированных бумаг – более сотни, а промежуточных справок, обращений, разработок намного больше.

Причем в наших обращениях не просто жалобы, а реальные деловые предложения. Ответы же шли по традиционно-бюрократическим правилам: по форме не отказываем, а по сути... Вот предлагается что-то в промышленной зоне за городом (где-то у железнодорожных путей), а то – на водонасосной станции на водоканале, а то – с отселением сотен жильцов и фабрики (и ни в коем случае не за счет города).

Друзья уговаривают бросить: «Что, тебе больше всех надо?» Да. Мне надо. И я продолжаю метаться от одного знакомого подъезда к другому. На одной из бесед в Моссовете слышу, как «чиновные» дамы возмущаются: «У нас забота как людей накормить, а тут с какой-то библиотекой...» Бедные «кормилицы»!

Другая важная городская «чиновная» особа советует мне ходить по Москве и искать во дворах и переулках бесхозные дома – архитектурные памятники. Этот совет похож на издевательство. Но я делаю вид, будто верю, что нет учета таких домов.

Друзья библиотеки (в порядке личной просьбы) сумели заинтересовать одного архитектора, имеющего отношение к архитектурным памятникам (из Совета министров). И вот мы в его машине уже объезжаем такие дома. Осматриваем, забираемся по щербатым лестницам, примеряемся. Эти поиски можно было бы назвать «Операция – пустые хлопоты».

Правда, один дом в Савёловском переулке мог бы подойти. Руководством ИНИОНа – одобрен, составлена даже была смета на его реконструкцию, получено согласие Моссовета и... Опять я – посмешище: «Для кого каштаны из огня таскаешь?» Дом-то отобрали, а как и когда – не сказали.

А потом узнаем, что там будет гостиница. И действительно, гостиница-то выгоднее библиотеки. Впрочем, дело не в том, гостиница или что другое: нам не дали после всех обещаний и решений.

Или – вот еще дом (Спасский тупик, 12). И постановление есть, и согласование есть. Чего же еще?

А «эта библиотека» и «эти ее начальники» (ИНИОН) не могут дать квартиры для ста человек и помещение для фабрики (не за счет города, конечно). А мы-то кто? Пришельцы заморские? Конечно, мы не так нужны городу, как фабрика по пошиву одежды для лесников. Ну вот, и опять – мимо. А в Отделе нежилых помещений слышу еще один совет: искать строящийся жилой дом и всунуться туда с библиотекой на первые этажи.

Хватаюсь и за эту мысль: иду в ЖСК, где давно уже веду общественную работу. Через некоторое время становлюсь председателем правления ЖСК. Кооператив старый, развелись семьи, и идей постройки еще одного кооперативного дома заинтересовались.

Добиваюсь соглашения между ЖСК «Работники АН СССР» и ИНИОН о строительстве жилого дома со встроенно-пристроенным зданием библиотеки. Оговорено долевое участие Академии наук в части здания библиотеки.

Не входит в мои должностные обязанности заниматься строительством, а директор вдохновляет: получается, значит, надо продолжать. И вот я как председатель правления ЖСК и как представитель ИНИОНа продолжаю прорабатывать уже 18-й вариант спасения библиотеки. Этот вариант был поддержан академиком В.А. Виногра-

довым. Президент Академии наук академик Г.И. Марчук одобрил инициативу ЖСК и ИНИОНа о строительстве этого дома.

По поручению мэра Москвы Г.Х. Попова городские службы согласовали необходимую документацию и по распоряжению правительства Москвы выделили земельный участок.

Библиотека представила свои расчеты на основе государственных нормативов. В ЖСК мы сумели подключить компетентных профессионалов. И вот созданы технико-экономические обоснования, есть экспертные утверждения. Заседаем на десятках комиссий. Успешно идут к соглашению переговоры с инвесторами и подрядчиками. И вот последний этап, на встрече с районной властью, где нас с академиком В.А. Виноградовым приняли с многообещающим пониманием. Предлагаемый договор не вызывает возражений. Строительство – не за счет города. Используются новые экономические условия, да и район не в проигрыше. Согласовали выделение части квартир на вступление в кооператив очередников района, претендующих на жилье в кооперативном доме.

В общем, при этой личной беседе с начальством достигли согласия, а дальше... Уже на следующий день начались «чиновничьи игры». Сначала затягивается подписание договора: кто-то болен, кто-то в отпуске, где-то затерялась бумага, и снова кто-то уехал... А в результате – все сорвано. Что и требовалось доказать.

И ничего тут нет необычного, все очевидно – зачем отдавать «золотой» участок какому-то ЖСК и ИНИОНу. Найдутся претенденты повыгоднее.

Невольно задумываешься, в чем смысл такого отношения. А мы так верили в эту перестройку и новые экономические пути. Нельзя же забыть длинную историю мытарств и борьбы за спасение национального достояния, истории длиною в полвека. Появляется сомнение, а может быть, прозрение, что прежние посулы-предложения явно неподходящих вариантов или невыполнимых условий – это и есть вечно живущая бюрократическая уловка. Надо так отвязаться от слишком активных, чтобы и жаловаться не могли. Сами, дескать, виноваты – сами отказались. И жаловаться не на что.

Появился и еще один могучий фактор против этих «слишком активных»: выгодно – не выгодно! Кто больше даст! Вот оно – «реально, грубо, зримо».

И все-таки мы упорно преданы идеям сохранения литературоведческой системы – лаборатории, которую создавали 70 лет бескорыстные энтузиасты.

Мы были, мы есть, мы будем.

И я горжусь тем, что мы достигли, превратив библиотеку в сложившуюся систему с миллионным коллекционным фондом. Уникален и картотечный информационно-поисковый аппарат.

А более 40 подготовленных здесь библиографических работ заполняют лакуны отечественной и зарубежной литературоведческой библиографии. К тому же они охватывают большие исторические периоды. Американисты получили указатель материалов за 200 лет. В русской части «Internationale Bibliographie zur Geschichte der Deutschen Literatur» включены работы за 200-летний период. Нам не стыдно за качество своих работ.

Академик М.П. Алексеев отмечает, что многотомный библиографический указатель по взаимосвязям литератур мира нужен не только литературоведу, но и историку, философу и любому специалисту в области общественных наук. Он подчеркивает, что эта работа дает возможность представить и оценить масштабы изучения литературных связей в нашей стране. Зарубежная же компаративистика вообще не учитывает работ многонационального отряда литературоведов этой страны.

Нельзя не добавить, что наши работы содержат профессиональные решения, интересные библиографу.

Главной идее международных взаимосвязей мы подчинили и структуру указателя, и формы описания. Мы приняли свое осознанное методическое решение описывать работы национальных авторов на русском языке (с указанием языка издания). Используя русский как язык межнационального общения, мы даем возможность любому исследователю увидеть и географические грани проблемы в целом. Мы полагали, что это способствует развитию межнациональных научных контактов.

А библиографические указатели по литературе XVII в. (под ред. Ю.Б. Виппера) и литературе XVIII в. (под ред. С.В. Тураева) отличаются особым подбором материалов. Кроме литературоведческих трудов обследованы были работы по истории, философии, искусству, педагогике (включая комментарии и любой подсобный аппарат).

Короче говоря, наши работы – результат сотрудничества библиографов и литературоведов, они имеют методическое значение и заслуживают отдельного разговора.

Мы понимаем, что эти методы могли бы использоваться не только в нашей библиотеке. Мы своего опыта не прятали. Правильность наших решений подтверждалась практикой и отзывами читателей – пользователей, опираясь именно на опыт нашего кол-

лектива я смогла работать, например, в редколлегии ББИ, что меня также обогатило опытом многих научных библиотек страны.

Но если говорить о передаче опыта и обогащении новым опытом, нельзя не сказать о работе в методическом совете и комиссиях при методисте ИНИОНа. Библиотечная сеть ИНИОНа объединяет очень разные библиотеки, и здесь передавать свой опыт очень интересно, а получать новые не менее важно и полезно.

Ведь мы здесь обсуждали, спорили, разрабатывали разнообразные методические документы от основополагающих «Положений», «Правил» до узкопрофессиональных инструкций. Для всех нас, заведующих библиотеками сети, неоценимую роль играл объединяющий нас методист А.И. Карженевич, а затем ее преемница Л.В. Юрченкова.

Этот методический пункт ИНИОН объединял нас и чисто человечески, создавая теплую дружескую среду общения. Наши взаимные посещения библиотек иногда дарили настоящие откровения. Ну а встречи по случаю торжеств или юбилеев всегда сопровождались юмором, смехом, самодеятельными сюрпризами, «капустниками». Это сближает людей, и они с большим доверием воспринимали методические регламентации и с открытой готовностью шли на поиски своих специфических решений и отступлений от стандартных инструкций. А в конце концов вырабатывалось чувство единого коллектива библиотечной сети и собственно ИНИОНа.

И выполняя поручения любой организации (были среди них и общесоюзные, и международные), я всегда считала себя представителем прежде всего ИНИОНа.

Именно в таком качестве я выполняла задания «Всесоюзного общества любителей книги», посылавшего меня в Томск, Ангарск, Иркутск, Кишинёв, Тирасполь.

Студентам-филологам Иркутского университета я рассказывала об использовании библиографического пособия при изучении литературы. А в руках у меня было такое пособие – наша работа «Американская литература в русской критике». Здесь есть чем заинтересовать и тех, кто изучает русскую литературу. С гордостью рассказываю студентам о фактах, впервые вводимых в научный оборот библиографии нашей библиотеки – одного из подразделений ИНИОНа.

В Тирасполе выступаю перед ткачихами с небольшой выставкой «Пушкиниана последних лет», сопровождаю выступление небольшими рассказами о книгах. Вопросы слушателей показывают явный интерес к этой теме.

Дары библиотеки оставляю в музее А.С. Пушкина в Кишинёве. Встречи с библиотекарями во всех городах носили профессиональный характер, и многие говорили о «проблемах» библиотек. В «Международный институт мира» в Вену я была направлена по представлению ИНИОНа для оказания методической и практической помощи в организации библиотечного фонда. Мы были там вместе с сотрудницей другого академического института. Там мы составили схемы шифровки, расставили книги, подготовили несколько необходимых инструкций по учету, обработке, комплектованию.

Мы также предложили возможные пути сотрудничества с ИНИОНом по книгообмену и централизованной обработке. Одобрено было руководством и наше предложение об организации в составе института информационно-библиографического отдела с включением в него имеющегося книжного фонда, который до тех пор размещался по коридорам.

Знакомясь с очень разными библиотеками, очень многими, и не только в сети ИНИОНа, убеждаюсь, что слово «библиотека» объединяет под одним названием очень разные библиотечные системы. Конечно, наши читатели – представители общественных наук. Однако подход к книге, печатному тексту, информации у экономиста или этнографа, археолога или философа очень неодинаков, что и объясняет многие вопросы специфики библиотек, обслуживающих ученых отраслевого или комплексно-страноведческого, или социально-экономического институтов. Именно эти различия и подчеркивают необходимость кооперирования и какой-то координации этих разных звеньев единой библиотечной сети ИНИОНа.

Вместе с тем при их, образно говоря, генетическом различии не может быть стандартного подхода к ним только на основе названия «библиотека». Коллекции, собрания в ряде этих библиотек закономерно выходят за рамки институтской библиотеки в обычном понимании.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что специалисты ИНИОНа, готовя унифицирующие методические материалы, всегда привлекали к их обсуждению и библиотеки сети. И, таким образом, всегда находили нужные грани между унификацией и спецификой отдельных звеньев сети.

Может быть, я слишком увлеклась сугубо библиотечными проблемами, но я не пытаюсь создать впечатление, что только библиотека и была главным в жизни людей. Но вспоминаю я именно этот кусок жизни – библиотеки.

Просто библиотечная работа не может быть механической. Она забирает душу, становится частью твоей жизни. А впрочем, это может быть и не для всякого так. Возможно, дело и не в библиотечной профессии, а в характере человека. Видимо, бывает «характер», которому при любой профессии «больше всех надо» (я не имею в виду материальную сторону).

При таком характере равнодушия и покоя – не ждать. Не было покоя и за прошедшие полвека. А горести и многие проблемы вспоминаются не потому, что нравится о них говорить. Нет и нет! Но чем больше трудностей мы преодолеваем, тем больше находим удовлетворения от достигнутых результатов. Вот это остается с нами, и это – наша заслуженная гордость. И это не бахвальство, а правда. Этот самый характер и сидел в моих коллегах-единомышленниках, и это тот характер, «энергия которого не возникает и не исчезает – она просто есть», – говорили мои сотрудники. Конечно же такие нагрузки, как работа в Ученом совете ФБОН, в Библиотечном совете при Президиуме АН СССР, были связаны с профессией и работой в научной библиотеке. А вот разработки, обсуждения методических проблем во многих комиссиях – это уже и профессия, и характер. И все-таки при этом не забывались проблемы своей библиотеки, и все шло ей на пользу. Всё было в одну точку – спасти то, что есть явление национальной культуры. Библиотеку знал библиотечный мир, литературная среда, здесь рады были видеть представителей этой библиотеки на очень многих встречах, юбилеях, конференциях. Нас приглашали, мы бывали, но это не было для нас главным. Главное всегда было – сама наша библиотека.

Но сейчас, глядя в прошлое, хотелось бы избавиться от прежней категоричности. И честно сказать, что сама-то я не всегда была такой уж стойкой, несгибаемой. Однажды, уже в 70-х, сообразилась на предложение работать в Библиотеке ООН. И письменное и устное собеседование в международной комиссии прошла, документы сдала и добро получила, но застопорили врачи. Правда, потом меня во многие поездки по линии научного туризма пускали. Оказывается, можно было мне ездить и в Японию, и в Америку, и в Югославию, и в Германию, а вот работать в ООН – нельзя. Ну что ж! Врачи тоже подходят по-разному. Одно дело – лечить, а другое – отвечать.

Вот и осталась я опять в своей стихии. Бороться, надеяться, работать. Переезды – прошлое. Мечта о переезде – на будущее. Сейчас мы получили это будущее – новый переезд. И все-таки нет

пока уверенности, что удастся сохранить полностью созданную систему. То, что выстрадано десятилетиями, нелегким трудом. Любовь к своей профессии, энтузиазм, устремления в будущее (порой идеалистические) двигали нами, а отнюдь не инструкции (и уж, конечно, не зарплата). И мы никогда не замыкались от всего библиотечного мира. Стремясь сделать свою библиотеку совершенной системой, мы всегда знали, что нам надо иметь и электронный каталог, и компьютер с подключением к Интернету. Но знать и иметь возможности – это разные вещи.

А знакомый с историей этой библиотеки не обвинит нас в отсутствии электронных библиотечных систем.

Мы опять живем надеждами сохранить, развивать то, что есть, служить науке. И пришедшие нам на смену добьются большего.

Р.М. Фрумкина
ИЗ КНИГИ «О НАС – НАИСКОСОК»¹

Библиотека

Весной 1956 г. меня взяли библиографом в библиотеку Института языкознания АН СССР². Могла ли я думать, что именно этот период, когда я была занята вовсе не лингвистикой, а освоением библиотечного дела, предопределил столь многое в моей жизни...

Библиотека Института языкознания в 1956 г. заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Помещалась она в полуподвальном этаже того самого особняка на углу Волхонки и бульвара, где много лет по очереди обретались Институт языка и мышления имени Марра, Институт языкознания вместе с Институтом русского языка, а теперь – только Институт русского языка. Полуподвал и сейчас занят библиотекой – правда, сильно разоренной разными реорганизациями.

Административно библиотека была подчинена двум учреждениям – ФБОН, т.е. основной гуманитарной академической библиотеке, и институту, в здании которого наша библиотека помещалась. Заведовала библиотекой Надежда Петровна Дебеч – несомненно значительная личность и глубоко преданный своему делу человек. Надежда Петровна, или «ЭнПэ», как за глаза звали ее сотрудники, считалась работающей в Институте языкознания. Я и другие библиографы были в ведении ФБОН. Это немаловажная деталь, потому что меня – с согласия Н.П., конечно, – на работу взял В.И. Шунков, директор ФБОН. Виктор Иванович Борков-

¹ Текст публикуется по изданию: Фрумкина Р.М. О нас – наискосок. – М.: Русские словари, 1997. – С. 87–93.

² Библиотека Института языкознания АН СССР в то время была отделением ФБОН АН СССР. Сейчас она входит в структуру Библиотеки ИНИОН РАН.

ский¹, тогдашний директор Института языкознания, этого бы ни за что не сделал. И еще неизвестно, как в этом случае могла бы сложиться моя дальнейшая судьба.

В.И. Борковский, у которого я все-таки позже работала и, более того, сохранила о нем самые добрые воспоминания, был анти-семитом. О своей первой встрече с Борковским любила рассказывать Надежда Петровна. Ко времени, к которому относится мой рассказ, она разошлась с мужем, крупным ученым-антропологом Г.Ф. Дебецем. Это обстоятельство побудило ее покинуть библиотеку Института этнографии. Когда она пришла представиться Борковскому, тот посмотрел ее анкету и, просияв, воскликнул: «Как приятно познакомиться с истинно русским человеком!» Надежда Петровна едва не расхохоталась ему в лицо. Дело в том, что отец ее был священником, в терминах анкеты – «служителем культа». Для его дочерей это означало ни более ни менее, как «лишение», т.е. определенное поражение в правах. В частности, они не могли поступать в высшие учебные заведения непосредственно после завершения среднего образования. И вдруг – на шестом десятке лет жизни – кто-то счел это происхождение преимуществом.

Эта история выглядела особенно гротескной для всех, кто знал ее героев. Надежда Петровна была высокая крупная женщина, коротко стриженная, с грубоватым обветренным лицом и низким голосом. За годы замужества она перебивалась с Дебецем в дальних экспедициях, в самой что ни на есть глуши, и ничего и никого не боялась. Виктор Иванович был стройным, моложавым, начинающим сесть брюнетом, с темными глазами и угольно-черными бровями – тип скорее южный, нежели русский. Он был обладателем красивого оперного баритона и кончил консерваторию – кажется, в Киеве. Женат он был на дочери белорусского словесника Карского, что само по себе мало кого могло тогда заинтересовать. Но в первом же разговоре с новым человеком Виктор Иванович непременно сообщал: «Я, знаете ли, женат на дочери академика Карского²».

По поводу этого родства добродушно сплетничали, объясняя антисемитские склонности Борковского тем, что в свое время ака-

¹ Борковский Виктор Иванович (1900–1982), академик АН СССР (1972). В 1954–1960 гг. – директор Института языкознания АН СССР. – *Прим. сост.*

² Карский Евфимий Фёдорович (1860–1931), академик Петербургской АН (1916), филолог-славист, этнограф, фольклорист, палеограф. Ему принадлежит классический труд «Белорусы» (1903–1922). – *Прим. сост.*

демик не хотел отдавать за него дочь, сказав якобы при этом: «Мало того, что яврей, так еще и поет!» В бытность Борковского моим директором я сама сподобилась услышать от Виктора Ивановича о дочери академика Е.Ф. Карского. Что до пения, то он и в самом деле пел, и притом превосходно. Сейчас очень трудно представить себе, что в конце 50-х – начале 60-х годов директор такого консервативного института, как наш, охотно пел русские романсы на институтских вечерах.

Антисемитом Борковский был уж очень на всякий случай, потому что, взявши еврея на работу, он в дальнейшем как бы забывал о том, что в свое время сделал это под большим давлением. По моим наблюдениям, на его отношении к человеку его «исходный» антисемитизм никак не сказывался.

Научная библиотека Института языкознания для того времени была образцовой. У нас любили не только книгу, но и читателей, а это не так часто случается. Опыт общения с сотрудниками Ленинки впервые открыл мне, что среди библиотечных работников страсть к книге часто обратно пропорциональна приязни к читателю. Когда я приходила в Ленинку со служебного входа, я была желанным гостем. Старушки, донашивавшие пожелтевшие кружевные жабо, радушно открывали для меня каталожные ящики и справочники. Если же я приходила туда как читатель, то за несомненным профессионализмом тогдашних консультантов все равно угадывалось нечто вроде «ходят тут всякие».

Замечательным в нашей библиотеке был и подбор сотрудников. Главный библиотекарь – Роза Гутмановна Шварцман – была одной из тех, по ее словам, о ком в стихотворении Пастернака «Ирпень – это память о людях и лете...» сказано: «В дни съезда шесть женщин топтали луга». Благодаря ей я стала понимать, что многие невнятности у Пастернака – это просто отсылки к бытовым деталям, а не какие-то метафизические шифры. Из ровесниц я подружилась с Кирой Филоновой, дочерью известной актрисы немого кино Людмилы Николаевны Семёновой. Людмила Николаевна училась еще у Фореггера, снималась у Эрмлера в знаменитом фильме «Обломок империи». Кира успела поработать в одной из наиболее культурных тогдашних библиотек – в Государственной театральной, Театралке, как ее все называли. Она свободно владела французским и хорошо знала историю театра и кино.

У нас работала Марианна Цезаревна Шабат¹, бывшая студентка знаменитого ИФЛИ, героиня автобиографического романа одного из первых писателей-диссидентов Аркадия Белинкова. В 60-е годы книга Белинкова о Тынянове оказала немалое влияние на умы.

Моим ближайшим коллегой был Генрих Соломонович Цвейг – человек совсем уж немыслимой, хотя и типичной для того времени судьбы. Генрих доводился близкой родней знаменитому австрийскому писателю Стефану Цвейгу. Цвейга после войны почти не переиздавали, но в любой библиотеке его книги были измусолены несколькими поколениями читателей – так он был популярен. Война застала Генриха Цвейга студентом Краковского университета по факультету истории. Он успел уйти пешком на восток – это спасло его от гибели в каком-нибудь из немецких крематориев, но не спасло от советской тюрьмы и лагеря особого режима. В лагерь Генрих попал уже не с воли, а после ссылки в Барнаул. В Барнауле он познакомился с другой ссыльной – совсем еще юной Зорей Серебряковой, дочерью советского государственного деятеля, расстрелянного по одному из процессов. (Не помню уже, где отбывала свой срок мать Зори – писательница Галина Серебрякова.) Они с Зорей то ли обручились, то ли поженились. С чьей-то помощью удалось добиться того, что Зоре разрешили уехать в Москву учиться, и она кончила истфак МГУ. Сам же Генрих был арестован как шпион, а их отношения с Зорей как с дочерью врага народа шли в обвинении отдельным пунктом.

В библиотеку Г.С. Цвейг пришел в 1956 г. – кажется, осенью. У них с Зорей был маленький сын, о котором Генрих говорил много и с нежностью. Именно от Генриха я впервые услышала рассказы о жизни в тюрьмах и лагерях. О своем прошлом он говорил достаточно подробно, но отстраненно, без всяких эмоций. Позже я неоднократно задумывалась над тем, почему таким потрясением стал для меня вышедший в 1963 г. «Один день Ивана Денисовича». Казалось бы, за полтора года, что мы с Генрихом просидели вместе между стеллажами в полуподвальной комнате, набезало немало рассказов о подобных же днях...

Время от времени в библиотеку приходили девочки на временную работу. Среди них была только что кончившая школу хохотушка Светка, с отчимом которой – писателем А.М. Борщаговским – я тогда познакомилась. Через много лет Светка стала известна как Светлана Кармалита, сценарист и режиссер, жена Алексея Германа.

¹ См. ее воспоминания: Шабат М.Ц. От ФБОН к ИНИОН (взгляд снизу) // Тыняновский сб. – М., 2002. – Вып. 11. – С. 849–879. – *Прим. сост.*

Работа моя в библиотеке по напряженности напоминала конвейер. Каждое утро на мой стол попадала стопка новых иностранных книг и журналов. Из них я должна была отобрать все, что касалось лингвистики. Далее отобранные книги, статьи, рецензии и прочее следовало распределить по рубрикам. Если из заглавия неясно было, о чем идет речь, то я должна была написать краткую аннотацию.

Здесь и обнаружилось, что диплом филфака образца 1955 г. не дал мне *профессиональной* лингвистической подготовки.

Начать с того, что я имела весьма смутные представления о том, из каких разделов вообще состоит лингвистика. Ведь одно дело – понимать, что есть сравнительно-историческое языкознание, и совсем другое – сообразить, куда конкретно отнести поток статей об особенностях кумранских свитков.

Я ничего не знала и об источниках, с которыми мне приходилось иметь дело, поскольку нам не читали источниковедения (замечу, что будущим лингвистам его и сейчас не читают). Поэтому для меня все специальные журналы долго были как бы на одно лицо. И, разумеется, я была в полной растерянности, когда нужно было уточнить имя, дату или термин: я не знала, куда в каждом отдельном случае следует смотреть. Я помнила, что Иракий Андроников во всех затруднительных случаях обращался к знаменитой «Картотеке Модзалевского», но, увы, ко мне это не имело отношения.

Два года в библиотеке, по существу, и были настоящим приобщением к профессии лингвиста. Во многом – из-за разнообразия конкретных задач, которые надо было решать безотлагательно. В неменьшей мере – благодаря общению с нашими читателями, которые и стали моими подлинными учителями.

Г.С. Померанц ПРОФЕССИЯ НЕУДАЧНИКА: ЖИЗНЕННАЯ МОЗАИКА

В 1950-е годы, получив справку о реабилитации, я вернулся в Москву и – неожиданно для себя – стал «люмпен-пролетарием умственного труда». Так меня назвал бывший коллега по нарам и будущий романист Е.Б. Фёдоров¹.

Это отчасти было моим свободным выбором. Женщина, которую я полюбил, могла прожить не более 10 лет, а может быть, и гораздо меньше. Так решили врачи, и они были правы. Ирине Игнатьевне (Муравьёвой) не хотелось меня надолго отпускать, а мне – оставлять ее одну. Зарабатывать на жизнь легче было отдельными заказами. Основным заказчиком был сектор информации Института экономики. Я просматривал каталоги и выбирал подходящее для реферирования в БЛ², ФБОН и т.п.

Так мне попала книга Гензеля «К теории центрально-административного хозяйства», над которой я засел надолго. Это было в фондах ФБОН, и я ходил туда ежедневно, часа на четыре. Ко мне привыкли, и когда в секторе экономики надо было навести порядок в картотеке, стали упрашивать зачислиться туда на временную работу недели на две. Я нехотя согласился. Систематизацией заниматься я не любил. Но если надо помочь хорошим людям, то я могу на пару недель стать человеком-машиной. Проклиная себя, я согласился, я за эти две недели очень устал и, как оказалось, кое-как исправил то, что сотрудницы напутали. И меня стали приглашать в другие отделы. Я соглашался – но без систематизации и на полставки, чтобы скорее уходить домой.

¹ Фёдоров Евгений Борисович (р. в 1929), писатель. В 1949–1953 гг. был репрессирован. Печатался в «Новом мире» и других журналах. – *Прим. сост.*

² Всесоюзная государственная библиотека им. В.И. Ленина.

Потом случилось непоправимое – Ира решила вырезать каверну и умерла на операционном столе. Мне некуда было больше уходить, разве к пасынкам, делить с ними горе. Некуда было девать опустошенное время. И я согласился с предложением Софьи Иосифовны Кузнецовой поступить к ней в Сектор востоковедения, переименованный в Отдел стран Азии и Африки.

Работа библиографа, при известном устройстве ума, позволяла восстанавливать то, что казалось навеки утраченным нашей разбежавшейся по сторонам цивилизацией: созерцать развитие общества как единого целого. Обрывки фактов, на которые я наталкивался, были вызовом способности к синтезу.

Вскоре Леонид Ефимович Пинский¹ (у которого я был в 30-е годы любимым учеником) стал удивляться, что у меня за работа, которая мне так много дала. А работа была незавидная. Сперва очень от нее голова болела. Но потом привык, научился просматривать никчемные статьи и писать аннотации галопом, высвобождая себе время читать то, что интересно, и за несколько лет стал заправским востоковедом и культурологом и социологом. Мне никто не дал простора для развития. Я сам его создал, – и в моем ничтожном положении нашел залог свободы: нельзя было запугать угрозой снять с работы. (Это с какой именно? С библиографического конвейера? За 105 р. в месяц? Да любая другая была бы легче!)

* * *

Осенью 1966 г. сослуживец по ФБОН Игорь Александрович Энгельгардт подсунил мне статью Лифшица² «Почему я не модернист». Читать было неохота, но Игорь Александрович упорствовал. В конце концов, я прочел. И тут же, в Белом зале (где библиографы расписывают журналы), часа за три настроил то, что потом было опубликовано в «Литературной газете». Лифшиц пришел в ярость, посвятил мне 80% своего ответа, и – хочешь не хочешь – пришлось и меня напечатать. Под заголовком, придуманным в последнюю минуту, «Кто совратил Калибана?» (А кто такой этот Калибан? Замред Сырокомский не знал – и не вычеркнул. Но и читатели не знали. Любопытно провести опрос: кто читал драму Вильяма Шекспира «Буря»?)

¹ Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), литературовед. – *Прим. сост.*

² Лившиц Михаил Александрович (1905–1983), философ. – *Прим. сост.*

Перепалка наделала шума. Откликнулась «Фигаро литерер». Был и отечественный отклик: цензор, размахивая «Литературной газетой», где я назван пособником фашизма, заставил вырезать из «Народов Азии и Африки» мою статью по теории субэкумен. Я огрызнулся на Лифшица постскриптумом и еще одной прибавкой – про пять сортов интеллигенции. Этот текст прочел Солженицын, не понял (или забыл) и впоследствии приписал мне саркастическое определение интеллигенции четвертого сорта (одну из полемических стрел против Лифшица) как авторскую идейную платформу. Таким косвенным и неожиданным образом перепалка, сама по себе не очень значительная, вошла в историю.

* * *

Состав нашего сектора был дружный, почти семья. Но ближе, чем с другими, я сошелся с Виталием Рубиным¹. Очень чувствовалась в нем традиция семьи. Я еще застал в живых его отца; к сожалению, тот вскоре умер.

В старике было какое-то редкое сочетание легкости и глубины. Философское образование, немислимое в наше время, проскальзывало, но не давило. Почти танцующее «ученое незнание». Мне кажется, Виталий унаследовал от отца легкость характера, бодрость, быстроту – но в Ароне Рубине² было еще что-то...

Отношения с Виталием складывались просто и естественно, мы очень скоро подружились. Виталий был захвачен своей новой оценкой роли Конфуция, и я охотно слушал его рассказы о конфликте конфуцианского гуманизма с принципом государственной пользы в учениях школы Фа-цзя (легистов). Легизм возносился в сталинские годы и легко ассоциировался со сталинизмом, отчасти даже персонально (апологеты Фа-цзя были нераскаявшиеся сталинисты). Я вполне сочувствовал пафосу Виталия и перенес его в свою речь 3 декабря 1965 г., на которую рассердился Семичастный, тогдашний руководитель КГБ.

Начав писать статьи по сравнительной культурологии, я непременно показывал Виталию первые варианты своих работ. С его помощью и с помощью других моих консультантов (А. Герасимова, А. Сыркина, М. Занда) я смог избежать промахов, неизбежных при отрывочном востоковедческом образовании. Но еще раньше у

¹ Рубин Виталий Аронович (1926–1981), китаист. – *Прим. сост.*

² Рубин Арон Ильич (1888–1961), историк философии. – *Прим. сост.*

нас с Виталием открылось новое общее поле деятельности: капустастики. Как-то вдруг возникло сознание, что зигзаги Никиты скорее расшатывают режим, чем укрепляют его, и отдельные хамские выходы заслуживают только смеха. Заговорило «армянское радио». Интеллигенция, смеясь, прощалась со своими страхами. С какого-то капустника Виталий принес частушку:

*Мы с Пал Палычем вдвоем
Обнаглели – и поем...*

И мы с Виталием обнаглели. В 1961 г. мы сидели рядом, слушая доклад о Кубе. Там, дескать, старое переплетается с новым. Например, по-прежнему устраиваются конкурсы красоты, но при этом учитываются и производственные показатели. Мы переглянулись с Виталием и секретарем комсомольской организации Игорем Добро-нравовым и начали давиться от смеха. В тот же миг решено было устроить капустник «выборы мисс ФБОН» и выбрать ее по производственным показателям. Потом производственные показатели были забыты и на первое место вылезла опасность культа мисс ФБОН. Выбрать королеву просто, но попробуйте ее переизбрать, это может оказаться и вовсе невозможным, как показывает пример недавнего прошлого... (долгая пауза) в Португалии, Греции и других капиталистических странах. Королева будет стареть, но повсюду ее портреты в блеске красоты, а юных соперниц ссылают в книгохранилище на каторжные работы... Всего в своей предостерегающей речи уже не помню, но смеха было много. Культ личности я описал довольно подробно. Виталий, потерявший здоровье в проверочных лагерях после выхода из окружения, играл роль капустного прокурора, наш общий друг Василий Николаевич Романов¹, сидевший еще в 1934–1937 гг., тоже что-то острил... В конце концов, нескольких девушек признали одинаково хорошенькими и таким образом избрали коллективное руководство. Публика наполовину состояла из читателей библиотеки; наши шутки разошлись по нескольким институтам.

Следующий капустник был посвящен культуркампуфу Никиты против Эрнста Неизвестного (впоследствии спроектировавшего памятник на Новодевичьем). Называлось это «Террор в ФБОН». Свиная Мария Заглада, судившая о живописи, была травестирована в Марию Зануду, в маске поросенка хрюкавшую перед пустой

¹ Романов Василий Николаевич, сотрудник Отдела научной систематизации ФБОН АН СССР. – *Прим. сост.*

рамой (абстрактная живопись). Центральным номером были вызовы в кабинет следователя. Мне удалось убедить молодого ученого с довольно простым лицом (сына чекиста)¹ сыграть роль следователя, а у него хватило чувства юмора согласиться. Роль свою он сыграл превосходно, совсем как на Лубянке. Являлись мы к нему с парой белья под мышкой. Моя жена говорила, что ей было совсем не смешно, а страшно, но хохот был гомерический. Дня через два Никита выступил с разгромной речью против абстракционизма. Молва, перепутав, посчитала наш капустник прямым ответом на его речь. Но до такой наглости мы не доросли.

Когда «пошел Никита юзом», я спросил Виталия: «Где будет какой-нибудь интересный доклад или дискуссия?» Он ответил: «Сегодня в Институте истории доклад Елены Михайловны Штаерман² о циклических теориях исторического процесса». Циклические так циклические. Мы отпросились у заведующей отделом и пошли в буфет...

Пока Виталий стоял в очереди за виногретом, я присел за столик и набросал на каталожной карточке несколько мыслей по поводу циклических теорий. С этим идейным багажом мы поехали в Институт истории и стали слушать. Елена Михайловна долго, часа полтора, крутилась вокруг высказываний Маркса, Энгельса, Ленина. Кончила она примерно на том, с чего начала: что классики марксизма кое-что о циклических теориях говорили, но ничего определенного из их высказываний не вытекло. А отойти от цитат и прямо сказать, что она сама думает, докладчица не решилась.

Когда Елена Михайловна кончила, председатель спросил: «Кто хочет выступить?» Все молчали. Никто не решался ступить на не огороженное цитатами поле. Я поднял руку – и мне сейчас же дали слово.

Опыт публичных выступлений у меня был только один: капустный. И в Институте истории, после архиосторожного доклада, я выступил так:

– По-моему, есть два типа циклических движений. Первый случай: обезьяна накладывает друг на друга ящики, чтобы достать банан. Накладывает неумело, ящики разваливаются, и приходится

¹ Сергея Грибанова, позднее работавшего в редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения», в пору расцвета журнала как органа творческой мысли. – *Прим. А.В. Гордона.*

² Штаерман Елена Михайловна (1914–1991), историк Античности. Речь идет о ее докладе на семинаре в Секторе методологии истории Института истории АН СССР в 1964 г. – *Прим. сост.*

начинать заново. Это модель циклизма на основе невыполненной исторической задачи. Второй случай – колебания моды. Юбки укорачиваются до предела, а когда предел мини достигнут, начинается движение в обратную сторону до предела макси. Это модель циклизма на основе выполненной исторической задачи.

Председатель, М.Я. Гефтер¹, спросил: «Нельзя поближе к истории?» – «Пожалуйста», – ответил я, и дал несколько заранее припасенных примеров: из истории доколумбовой Америки, Французской революции, Древнего Китая и т.п. Когда я кончил и сходил с трибуны, Виталий сидел затылком к кафедре. Потом мне объяснил: я смотрел, не собираются ли тебя линчевать. Но линчевать меня не стали. Только удивленный Гефтер спросил во время перерыва Виталия: откуда Померанц знает про Цинь Шихуанди? Виталий откровенно ответил: «Это я ему рассказал».

Так начались мои попытки вклиниться в дискуссии, которые велись в институтах Академии наук, и превратить их вялое течение во что-то вроде французской банкетной кампании 1847 г. Это была проба, эксперимент. Либо начнется цепной процесс, либо мой расчет неверен. Проверкой мог быть только опыт. Я приходил, садился, слушал. На что-то хотелось возразить. Начнут в голове мелькать мысли, я их набрасываю на каталожные карточки и прошу слова. Иногда выходило хорошо, иногда не очень, но своего я добился. В ноябре 1965 г. меня пригласили сделать 20-минутный доклад на конференции «Личность и общество» в Институте философии.

Никакого сговора ни с кем у меня не было, я не знал, что будут говорить другие и кто будет в зале. Но обстановка сама по себе сложилась такая, как надо. Лед растопил Виталий своей речью о совести историка. Это была именно речь, а не научное сообщение. Он говорил, что ему стыдно назвать свою профессию: историк; что слово история стало синонимом лжи, бессовестной фальсификации, духовной продажности... Говорил горячо, проводили его аплодисментами, и когда я начал с известных стихов Наума Коржавина, зал сразу откликнулся (я это почувствовал):

*Мы сегодня поем тебе славу,
И как видно, поем неспроста,
Основатель великой державы,
Князь Московский Иван Калита.*

¹ Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995), историк, заведующий Сектором методологии истории Института истории АН СССР в 1963–1968 гг. – *Прим. сост.*

*Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл – но не в этом суть.
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.*

А потом, когда кто-то попытался возражать с позиций всепобеждающего учения, Лена Огородникова-Романова¹ сравнила моих оппонентов с Шигалевым: и они, дескать, начинают с идеи свободы и приходят к рабству. Любопытно, что все три острые речи произнесли сотрудники ФБОН, библиографы, а не члены официального корпуса советской науки. «Библиограф – профессия неудачника», – часто говорила Лена Огородникова. Судя по ней – профессия человека, и не искавшего удачи. Она умерла несколько лет спустя от инсульта, оставив несколько эссе, написанных в стол, и только три опубликованные статьи (в сборнике «“Август 1914-го” читают на родине»). Я до сих пор помню некоторые ее реплики в коридорах ФБОН. Лена была поэт реплики, т.е. самого бескорыстного слова, брошенного, чтобы прозвучать и исчезнуть. Так и вся ее жизнь.

В 1966 г. наши надежды подогрела культурная революция в Китае. Я еще раз использовал рубинскую концепцию раннего конфуцианства в статье «Размышляю о Циньском огне», оставшейся ненапечатанной и впоследствии включенной в мою книжку «Неопубликованное» (Мюнхен, 1972). Какие-то надежды подавала и хозяйственная реформа. Либо она должна была провалиться (что и случилось), либо захватить и политику, и культуру. Что получится – было не совсем ясно. Разочаровала меня только весна 1967 г. Очень сильным ударом было чтение в апреле романа А. Солженицына «В круге первом». Многое в романе захватывало, радовало, было то самое, что мне хотелось увидеть высказанным, напечатанным. И в то же время... Именно чужое в своем было невыносимо. Началось то направление оппозиционной мысли, которое и сегодня меня глубоко отталкивает... Второй травмой была реакция Москвы на Шестидневную войну. Прага ликовала, в Варшаве интеллигенция завалила посольство Израиля цветами. В Москве вялое и скорее враждебное недоумение.

В 1956 г. я негодовал на Израиль за то, что он расколол мировое общественное мнение в дни будапештского кризиса. Но в

¹ Романова (Огородникова) Елена Дмитриевна, сотрудник Сектора истории ФБОН. – *Прим. сост.*

1967 г. не было рабочих советов в Венгрии, не было союза Израйля с Англией и Францией, да и колониализма почти не было... На Синайском полуострове столкнулись демократия и тоталитаризм, и демократия победила. Это было ошеломительно, как победа греков под Марафоном. Но в Москве (за исключением очень узкого круга) не было самого желания свободы, тоски по свободе, радости за успех свободы. По этим впечатлениям легко было предсказать события 1968 г.: всеобщий порыв к свободе в Чехии, движение интеллигенции в Польше, не поддержанное (тогда) народом – и отсутствие всякого движения в России (несколько диссидентских ласточек не делают весны).

Виталий дольше сохранял оптимизм. Помню, он с Василием Николаевичем Романовым пытался созвать профсоюзное собрание для выступления против директора, В.И. Шункова, запретившего вечер Солженицына в нашей библиотеке. Председатель тогда бросил свой колокольчик и таким образом призвал публику расходиться, поскольку повестка дня была исчерпана. Я взял колокольчик и заявил, что собрание продолжается (хотелось довести эксперимент до конца, до голосования резолюции). Кто просит слова?

Заместительнице директора, И. Ходош, пришлось произнести демагогическую речь. Потом я поставил рубинско-романовский вотум недоверия на голосование... Против дирекции голосовали трое – авторы предложения и я; с этих пор нам не платили премиальных. Остальные голосовали по обычным советским нормам.

Следующий раз Виталий вспыхнул, когда Лариса Богораз и Павел Литвинов¹ дали пресс-конференцию иностранным корреспондентам. Помню, это и меня поразило. Но я никак не мог согласиться со словами Павла, что «у щуки выпали зубы». А Виталий был совершенно захвачен. О своих поездках к Павлу он рассказывал с неподдельным энтузиазмом. События в Москве шли так, что для энтузиазма оставалось все меньше места, зато в Праге... Иногда и мне казалось, что Прага вызовет цепной процесс в Восточной Европе, а там – чем черт не шутит...

Но наступил август. Оставалось или отказаться от оптимизма, или от своих корней в России. Я выбрал первое, Виталий –

¹ Богораз Лариса Иосифовна (1929–2004), филолог, активная участница правозащитного движения. В 1968–1971 гг. в ссылке; Литвинов Павел Михайлович (р. в 1940), физик, педагог, внук М.М. Литвинова, участник правозащитного движения, политзаключенный, в 1968–1972 гг. в ссылке. – *Прим. сост.*

второе. Думаю, что и в этом случае, как и в спорах о Конфуции и Чжуанцзы, оба были правы. Тут самое трудное – понять самого себя. Период колебаний занял у меня года два. Он отразился в «Неуловимом образе», в «Двух принцах» и в первых частях «Снов земли». Победило желание – не суетиться, принять свою судьбу во внешнем и двигаться по мере сил внутрь. В этом решении сказало много обстоятельств. Я не мог представить себя в другом языковом облике. А если за мною всюду потащится русский язык, то зачем, без особой нужды, уезжать из России? Писать пока не мешают. А печататься... Я уже привык, что книги печатаются спустя четверть века. Это отчасти даже хорошо: отсеивается литературная суета. Можно ли писать в гниющем обществе? Можно. Империя, ради которой Сервантес потерял руку, развалилась, а «Дон Кихот» остался, и «Жизнь есть сон» Кальдерона, и Эль Греко, и Сурбаран... Всюду можно вживаться в жизнь до любой сильной тебе духовной глубины. А уникальный исторический опыт утопии – неотразимо привлекателен для историка...

Какую-то роль играли и личные связи, и диалог со спорадически возникавшей аудиторией, и то, что у меня нет детей (которых надо спасти). Всё это важно для меня – и совершенно неважно для другого. Виталия неудержимо потянуло туда, где его деятельный, рациональный и гуманный оптимизм получил новый смысл. Я его вполне понимал. Огорчали меня только накладные расходы выбора. Но никто не расходится с женщиной, не вспоминая ее недостатков. Так и с доисторической родиной: с нею нельзя было расстаться, не облив презрением...

Здесь, как и во многих других случаях, о которых я писал, ни у какого личного решения нет монополии на историческую и нравственную оправданность. Истина в каждом случае индивидуальна, для каждого своя. Богу безразлично, в какой угол человек забьется. Важно, чтобы это был его угол, чтобы человек нашел свой дом и в этом доме – тишину и покой для движения вглубь. Дом Виталия нашелся в Израиле. С точки зрения страны, которую Виталий покинул, начавшаяся алия тоже имеет смысл. Распад системы начался с распада оппозиции. Не сумев увлечь народы общей борьбой за права человека, оппозиция стала рассыпаться и наполовину рассыпалась на национальные партии. В обществе, где одна официальная партия и много наций, центробежные тенденции необходимо должны были принять национальный характер. Национальности превращаются в партии – сионизм, сепаратизм и проч. Только маленькое ядро остается верным космополитиче-

ским принципам гуманности и прав личности. В новых условиях это ядро все больше отступает на роль всесоюзного политического Красного креста и информационного центра Международной амнистии. Я всем сердцем сочувствовал его бескорыстному служению, но не возлагал на него политических надежд.

Чувствовал ли Виталий трагизм израильской судьбы? Сознал ли он, что меняет положение узника на положение бойца в гарнизоне осажденной навечно крепости, который может отбивать врагов, делать вылазки, но не может снять осаду?

Одного он не знал бесспорно: что его самого ждет придорожный столб в пустыне Негев и жизнь оборвется мгновенно – без раздумий, сожалений, мук. Легко для него, невыносимо для близких (я испытал нечто подобное и понимаю это). Смерть приходит как вор, и вот уже нет многих, и остаются ненапечатанные статьи, оборванные черновики. Может быть, все мы – Божьи черновики, которые к исходу дня сметают и бросают в корзину. И редко какой лист, написанный начисто, остается на столе.

На эти вопросы никогда не будет ответа. Но каждый человек должен стать самим собой и пройти свой жизненный путь по своей продуманной воле.

Впрочем, размышления опять увлекли меня очень далеко вперед. Вернусь снова (кажется, в последний раз) к началу 60-х. Когда я просто был никто. Так, как сказала Эмили Дикинсон: ты никто, и я никто; значит, нас двое... Значит – просто жизнь. В этой жизни случались скверные анекдоты, глупости, за которые приходилось расплачиваться. Но все это было ничтожно сравнительно с огромной жизнью. Огромной жизнью рядового человека, который ходит на работу, как все, и каждый будничным днем снимает табель.

Поступая в штат ФБОН, я уже немного знал буддизм дзен и сформулировал проблему в дзенских терминах: «Можно ли быть буддой, снимая табель?» То есть сохраню ли я внутреннюю свободу, отказавшись от внешней свободы люмпен-пролетария умственного труда, сменив в 1960 г. свободу Диогена на незаметную свободу Канта? Заведующая отделом Софья Иосифовна Кузнецова мне понравилась. Она подбирала способных людей и давала им полную волю – лишь бы работа не стояла. Я сунул голову в хомут и проработал на одном месте 18 лет – до пенсии.

Фундаментальная библиотека открыла мне много возможностей. Это было окно в мир. Несколько лет я осваивал кучу информации, а потом стал перестраивать ее по-своему и написал несколько книг, опубликованных сперва на Западе, а потом и у нас,

после перестройки. Правда, выкраивая время на свое, приходилось работать, как почтовой кляче, но радость жизни я не терял, жизнь углублялась и собиралась в пучок за выходные дни – в лесу, летом на даче, осенью у моря...

Дослужившись до пенсии, я уволился, но память о статьях и книгах, прочитанных в Белом зале ФБОН, продолжала жить в моей голове, вступать в новые отношения с новыми фактами, новыми духовными открытиями и с жизненным опытом, который я приобрел в прошлом. То, что во мне сложилось, опирается на память внутреннего сопротивления террору 30-х годов, преодоления страха на войне и борьбы творческого меньшинства с косностью, накопленной веками. Мне хочется оставить в наследство это сочетание тем, кто будет жить в XXI в.

А.В. Гордон ФБОН: МОЛОДОСТЬ, ШКОЛА, СУДЬБА

Окончив истфак Ленинградского университета в 1959 г., я приехал к родителям в Подлипки¹, где устроился в местную школу воспитателем группы продленного дня. Нива просвещения была малодоступна для университетских выпускников, предмет «читали» обычно отставные политотдельцы, райисполкомовцы. Типичной была фигура директора школы или завуча, которым история прилагалась к административным обязанностям. Хотя учительского хлеба я все же вкусил, замещая штатного педагога во время его походов за дипломом, школьная карьера оказалась для меня закрытой. Административная тоже.

Здесь был иной парадокс советского времени. Прознав про университетское образование и лекторскую практику, завотделом пропаганды горкома комсомола стала азартно пробивать мою кандидатуру в «инстанциях». Вмешательство ведавшего номенклатурой (которая не допускала «пятой графы») секретаря горкома партии положило конец ее стараниям. К счастью, такая карьера меня отнюдь не прельщала. Получив классическую подготовку в вузе, особо пострадавшем в «чистках» (1921–1922, 1929–1931, 1935–1938, 1949–1951 гг.), но все же удержавшем некую преемственность школ, я искал пути в науку.

Требовались московские связи, и замечательной оказалась поддержка Лены Предеин, пионервожатой моего класса (в 1944–1950-х я учился в подмосковном Чкаловском). Она работала в Главном архивном управлении, по ее звонку меня взяли на сделную работу в Архив МИДа. Без всяких допусков и отношений! Просто выяснили мои возможности для издания документов

¹ Краткое описание этих перипетий см.: Французский ежегодник. – М., 2002. – С. 42.

внешней политики России. Курьез, но деньги я получал на Смоленской в ряду с сотрудниками МИДа и МВТ, которым причиталось нечто непостижимое для советского человека – валюта на командировки. В ожидании выдачи прикасался к издательской «кухне». Так, при мне высокая комиссия, решая вопрос о составе, исключила из издания документы по внешней политике России XVIII в., в неблагоприятном свете отражавшие имперскую политику в отношении Польши.

А вот культура работы с документами была высокая. До сих пор вспоминаю Сергея Ивановича Дивильковского, сына одного из первых советских послов во Франции и моего непосредственного начальника. Как он меня поразил самой способностью проникновения в иноязычную культуру, чувством тонкостей французского языка! Впрочем, русского тоже. Как-то раз он мне предложил позвонить на Смоленскую и спросить, получили ли они счет на выполненную мной работу. От волнения я оговорился и назвал счет «чеком». С.И. немедленно меня поправил: «Мы не в Чикаго!»

Устроиться по специальности помогли другие подруги. Как-то в Москве собрались однокашницы, присутствовала сестра моей соратницы по целине и другим сельхозработам¹ Нина Крыкина. Нина работала в Институте востоковедения и рассказала обо мне Анне Михайловне Гришиной, та Софье Иосифовне Кузнецовой, заведовавшей сектором востоковедения ФБОН. В секторе было много дела с картотекой, имелись секторские деньги, и можно было обходиться без оформления. Так с 1960 г. стал я работать в здании на Знаменке (тогда ул. Фрунзе). Зачисление состоялось через год. Воля случая оказалась рукой Провидения.

В двух словах: для меня ФБОН – это Белый зал, в который я стал выходить после зачисления. Белоколонное торжественное и уютное помещение с огромными окнами, большим зеркалом и резным камином было украшением старинного особняка, очевидно предназначенным для балов и приемов. От парадного входа со Знаменки к нему вела мраморная лестница с двумя грациозными статуями посланца Любви, воспринимавшегося добрым вестником для нашего женского коллектива.

¹ Еще один образовательный парадокс. Хотя в моем дипломе записано «Преподаватель истории средней школы», педпрактика у нас продолжалась несколько маловыразительных недель. Зато мой университетский «сельхозстаж» достиг к окончанию чистых шести месяцев. И это был очень содержательный университет (занятие в котором было продолжено в ФБОН).

В фэбэоновской действительности Белый зал выполнял многие функции. Прежде всего это было рабочее место, заполнявшееся несколькими десятками столов по пять-шесть в ряд. Здесь ежедневно около сорока библиографов просматривали и обрабатывали новые поступления разноязычной литературы. Зал служил местом собраний коллектива, а по торжественным случаям танцевальным, лекционным либо театральным помещением. Была у зала и ритуальная функция.

Живописности интерьера соответствовала примечательность работавших в нем людей. Моими соседками слева были две замечательные старушки из сектора науки Эрнестина Борисовна Гвиниева и Лидия Александровна Воскресенская. Первая была кандидатом наук, готовила библиографию для академических изданий и по различным случаям, например, когда новых поступлений оказывалось особенно много, восклицала: «Oh, grand-maman!» По мужу она была связана с культурной элитой Грузии, во время выступления у нас И.Л. Андроникова выяснилось, что искомая тетрадка со стихами Лермонтова хранилась у них в семье.

А Лидия Александровна, муж которой был видным врачом, связывала нас с родовой московской интеллигенцией. Притом отец ее был промышленником¹, и у нее осталось много родственников за рубежом (не пятый, но тоже нежелательный пункт). Л.А. помогала Гвиниевой, подносила ей литературу, между тем великолепно знала европейские языки, включая венгерский, который выучила в весьма солидном возрасте. Накануне Первой мировой пешком исходила Францию и своими рассказами о недоступной земле возбуждала романтические чувства коллег. А когда страна вновь открыла себя внешнему миру, в 80 с лишком лет слетала к родственникам в Америку.

Справа сидела Наталья Ивановна Голубцова из сектора истории. Она ряд лет работала референтом Вячеслава Петровича Волгина², имя которого библиотека носила после его смерти (1962).

¹ Бари Александр Вениаминович (1847–1913) – российский инженер, предприниматель и общественный деятель, создатель первой в России инжиниринговой компании.

² Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк, общественный деятель. Специалист по истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода. Академик АН СССР (1930), с 1930 по 1935 г. – непреходящий секретарь, с 1942 по 1953 г. – вице-президент АН СССР. Главный редактор Французского ежегодника (1958–1962). Лауреат Ленинской премии (1961). *Honoris causa* в области истории от Университета Дели (1947).

Волгин – непреременный секретарь Академии в трагической ситуации «академического дела» (1930), затем вице-президент АН, был не только крупным ученым, создавшим дисциплину под названием «утопический коммунизм», но и замечательным человеком, сохранившим при коммунистической убежденности и партийной вышколенности духовную независимость. Н.И. вдохновенно рассказывала об этой колоритной личности, о своей работе с ним, об ученых, с которыми он общался. В общем, мои соседки по Белому залу олицетворяли культурную традицию, вобравшую в себя минувший век без разделения на досоветские и советские времена. Ее духом, духом российского Просвещения, чрезвычайно органичным в классическом старинном интерьере, и была проникнута атмосфера ФБОН.

После университета, Эрмитажа и петербургского классицизма мне вновь посчастливилось оказаться в очаге высокой культуры. Самой главной ценностью почитались здесь человеческие отношения, а одухотворялись они культом Знания – не того, что Сила, значит и Власть, но того, что несет в себе смысл жизни как Свет. Царило глубокое уважение к учености, к книге и к работе с ней. Как-то проходивший мимо Белого зала и, видимо, получивший взыскание от начальства механик в раздражении бросил: «Подумаешь, работают. Книжки читают». Ответом был дружный смех. Да, работники ФБОН были убеждены в высоком предназначении занятий с книгой! Убеждено было в этом и начальство, которое олицетворяло ту же традицию.

Директором (с 1949 г.) был Виктор Иванович Шунков, человек вдумчивый, неспешный, благородной стати. По происхождению сибиряк и, очевидно, из состоятельной семьи, судя по тому, что другом его детства был ньюфаундленд, редкая, думаю, собачка для дореволюционной России. Вместе с тем он был вполне советским, партийным человеком, внимательно следил за общественной жизнью библиотеки, опекал комсомол. Участник войны, в науке он был известен как историк Сибири, а в ФБОН запомнился своей сродненностью с Академией. Будучи заместителем секретаря отделения истории, Виктор Иванович стал (не сразу) членом-корреспондентом, и академические дела оставались его душевной привязанностью. Как-то мы пришли в директорский кабинет по комсомольским делам, а он для начала предложил записать результаты только что прошедших академических выборов. В то же время В.И. умело руководил библиотечным коллективом, с дипломатическим (я бы сказал) тактом предотвращая или «разруливая» возникающие рабочие конфликты, в которых немалую роль

играла коллизия между научными устремлениями сотрудников и библиотечным предназначением учреждения.

Его предшественник на директорском посту Дмитрий Дмитриевич Иванов был человеком другого склада, стремительный, темпераментный, экспансивный. Огромного роста с седой бородой, он являл тип русского просветителя даже не XX, а XIX в. Д.Д. был пламенным патриотом библиотечного дела. Как-то при обсуждении библиографического издания, подготовленного нашим сектором, завсектором философии, человек прагматический, восхитился нашими рационализаторскими методами: «Какая экономия!» Дмитрий Дмитриевич возмутился. Вытянувшись во весь рост над незадачливым философом, он заявил: «Экономия? Библиография – это Труд!» Понятно, что для него-то был труд только с большой буквы.

Представителем библиографической элиты являлся и Константин Романович Симон. Его отличали артистическая внешность, легкое грассирование и курение, кажется, трубки, сопровождавшееся раскатистым покашливанием. По окончании историко-филологического факультета Московского университета (1911) он был оставлен «для подготовки к профессорскому званию», в 1913 г. опубликовал работу по крестьянской истории Французской революции. Революционная драма лишила К.Р. и любимого занятия, и состояния, и жилья. Лишь в 1923 г. он смог получить работу, и это оказалось местом библиографа в Международном аграрном институте. Так драматические обстоятельства вовлекли в библиотечное дело человека, которого признали классиком зарубежного библиографоведения в стране. Почитался он также как знаток исторической библиографии и истории книги. А еще обладал Константин Романович выразительным поэтическим даром. Его стихи проникнуты – как неизбежное следствие жизненной драмы – глубокой печалью, которой он мало с кем делился. В такой тональности писал Симон и о своем служении книге:

*Я жизнь влачу во власти книг,
В их шелесте однообразном:
Кто прелесть книжную постиг,
Тот чужд другим земным соблазнам.
Тяжел и нежен книжный гнет,
Как шелк надгробного покрова.
Не вырвать душу из тенет
Другими сотканного слова.*

*Я в лабиринте смутных дней
Брожу по брошенным мне нитям,
Чтоб не искать своих путей
Иль, отыскавши, изменить им.
Та мысль, что ластится ко мне
С такой навязчивой истомой,
Лежала, сонная, на дне
Чужого высохшего тома.
Любовь, дарящую мне свет
И неожиданный, и жаркий,
Уже воспел в веках сонет
Жеманно-мудрого Петрарки.
А книжный мой и душный плен
Уж осудил насмешкой хмурой
Капризный пьяница Верлен
И окрестил «литературой»¹.*

Сподвижником Симона по зарубежной библиографии и библиотековедению был Григорий Григорьевич Кричевский. Как организатора справочно-библиографической службы его помнят в Институте². Ограничусь двумя афоризмами. По поводу издательского обыкновения экономить на указателях Гри-Гри (так его любовно именовали за глаза) сказал: «А.В.³, das Buch ohne Index ist kein Buch»⁴. Второй относится ко времени форсированной компьютеризации, изрядно травмировавшей мэтров библиографии (да и всех к ней по-настоящему причастных) своей формализацией. «Думают, – говорил он в сердцах, – пусть на входе в систему (АИС. – Г.) будет г..., зато на выходе можно получить золото. Ничего подобного: если было г..., оно и останется».

Всей практической библиотечной работой ведали замдиректора по науке Зинаида Карловна Эггерт и ученый секретарь Клавдия Павловна Алексеева. Эггерт – интеллигентная, представительная, суховатая на вид дама, отличалась хрестоматийным педантизмом и требовала такой же тщательности в работе от со-

¹ Симон К.Р. Стихотворения. 1901–1957 / Вступ. ст. Г.М. Марковской. – М., 2003. – С. 13. Хочется обратить внимание на это издание ИНИОНа как на прекрасный пример культивирования памяти о наших замечательных предшественниках.

² См. воспоминания М.Б. Исакович.

³ Увы, и мои первые книги вышли без указателей.

⁴ «Книга без указателя – не книга» (нем. яз.).

трудников. В то же время к ритуально-нормативной отчетности она относилась с долей юмора. Кажется, именно ей принадлежит определение «средне-потолочные». Так З.К. называла мнимо точные показатели своей деятельности, которые ежегодно должны были представлять сектора. Зная Зинаиду Карловну поближе свидетельствовали и о ее душевной чуткости. История появления замдиректора по науке в ФБОН вполне типична. Как и другая «докторесса» Софья Ароновна Фейгина из сектора истории, работавшая вместе с ней в Институте истории, Эггерт стала жертвой (одной из первых в Академии) «космополитчины».

Вообще, в силу превратностей советского времени в ФБОН оказалось немало людей, что называется, большой науки, из нее выдворенных или лишенных возможности работать в научных институтах и вузах. ФБОН стал своего рода кадровым резервом Академии, и это имело последствия двоякого рода: коллектив обладал высоким профессионализмом заодно с серьезными научными потенциалами, которые не могли быть реализованы в библиотечных рамках. По утвердившемуся регламенту – и ИНИОН в некоей мере остается заложником этой ситуации – науку движут профильные академические институты, а наш коллектив является вспомогательным учреждением, способствующим их эффективной работе. Стенгазета ФБОН так и называлась «На службе науке», и мы, газетчики, постоянно каламбурили на тему, какой падеж – дательный или родительный – следует употреблять, а попутно, чему или кому мы обязаны служить.

Как-то библиотечный люд был взволнован появлением бравого молодца в форме, который принес распоряжение начальника Генерального штаба М.В. Захарова «Произвести библиографию!» Требовался список литературы по какой-то модной теме, как потом выяснилось, для невестки маршала. В наш сектор обратился сотрудник Международного отдела ЦК. Ему потребовалась библиография по Вьетнаму. Он был известным страноведом и, в отличие от маршала, сам приехал в ФБОН. Выбранные им из секторских ящиков карточки составили две полных коробки, к ужасу наших машинисток, которым пришлось воспроизводить вьетнамскую фонетику. А аппаратчик, переходя из ЦК на другую работу, просто-таки решил на прощание попользоваться своим положением.

Собственно библиотечные подразделения (обслуживание и хранение) были максимально ориентированы на службу читателям. Образцом в этом отношении был кабинет истории. Его работники во главе с подвижной не по годам Марией Ивановной Фур-

совой сбивались буквально с ног в усилиях доставить читателю нужную книгу и в кратчайший срок. Впрочем, читатели – а то была научная элита из Института истории, московских и провинциальных вузов – отличались взаимностью. Традиционным ее выражением, кроме, разумеется, праздничных презентов, были книги с благодарственными и иногда трогательными надписями. Из этих книг составилась целый фонд, по составу которого легко установить значение ФБОН для советской науки, но, к сожалению, уже после переезда на Профсоюзную он был распылен.

В конце своего «царствования» Мария Ивановна застала новые времена, когда молодая поросль библиотеки стала добиваться, чтобы их обслуживали на том же уровне, что и работников институтов. М.И. была очень озадачена переменами. Столкнувшись с требованиями одного недавно скончавшегося (тогда двадцати с небольшим лет) сотрудника, она искренне недоумевала: «А что Антонос – генерал?»

Замечу, фэбэоновцы, желавшие заниматься наукой, не были обижены. Для них существовало отдельное обслуживание. Да и дорога в хранение была, можно сказать, прямой, ведь хранение размещалось в соседнем здании по ул. Маркса–Энгельса (Малый Знаменский пер.), приспособленном в 20-х годах под книгохранилище. Поднабравшие опыта сотрудники ориентировались в нужных фондах не хуже хранителей. Замечательно, однако, что при отсутствии кодовых замков и открытых дверях серьезного фондового хищения не отмечалось. Исключение представляет литература, складировавшаяся в церкви на территории санатория АН «Узкое». Но это совершенно другая и очень печальная песня.

Коллизия науки и библиотеки ярко выражалась в функционировании сектора востоковедения. Еще в послевоенные годы его возглавлял (до 1956 г.) видный историк науки, философ, литературовед (осужденный в первом издании «Литературной энциклопедии» за «неокантианство»), доктор наук Тимофей Иванович Райнов¹ (с ударением на первом слоге ввиду болгарского происхождения). Он не только сам регулярно выступал с докладами, в частности в Институте востоковедения, но и, как вспоминала К.А. Антонова, «прямо предписывал» сотрудникам сектора делать в Институте сообщения о новых поступлениях ФБОН по Востоку². Сама Кока Александровна

¹ См.: Гаврюшин Н. К изучению рукописного наследия Т.И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. – М.: Наука, 1986. – С. 170–182.

² «В России надо жить долго...»: Памяти К.А. Антоновой (1910–2007). – М.: Вост. лит., 2010. – С. 106.

вскоре перешла в ИВАН, защитила докторскую диссертацию, став одной из основательниц «современной отечественной индологии»¹. А ее сменила Клара Зармайровна Ашрафян, тоже видный специалист по средневековой Индии, впоследствии доктор наук и сотрудник ИВАН. Во времена ИНИОНа успешно реферировала литературу для нашего журнала.

Характерны и требования, которые предъявлялись к составителям библиографического бюллетеня по востоковедению. О них можно судить по характеристике 1948 г., выданной Антоновой (в связи с переходом в ИВАН), где говорилось, что работа составителя требует «серьезной научной квалификации», что бюллетень «регистрирует и аннотирует около 7000 востоковедных работ в год» и Антонова «много способствует подготовке этого издания своим широким востоковедным кругозором, большой работоспособностью и оперативностью»².

Нашу амбициозность подчеркивал наклеенный на дверях сектора плакат с изречением Анатоля Франса: «Il faut être un homme de bibliothèque mais pas un rat de bibliothèque»³. Отношение к работе было творческим. Тон задавала заведующая Софья Иосифовна Кузнецова с ее необыкновенно душевной энергетикой, деловой сметкой и мудрой кадровой политикой. В секторе сложилось ядро из квалифицированных и думающих сотрудников. В этот «ученый клуб» во главе с самой заведующей, защитившей впоследствии докторскую диссертацию по африканистике, входили: известный индолог, а потом еще более известный как социолог Леонид Абрамович Гордон, китаист Виталий Аронович Рубин⁴ (оба вскоре перешли в Институт востоковедения, но не перестали «тусоваться» в секторе) и Григорий Соломонович Померанц, ставший к концу 60-х самым знаменитым сотрудником сектора да и ФБОН в целом.

Время наполнилось разбуженными надеждами на обновление и все более нараставшими тревогами – страна доживала «оттепель» и сползала к застою, потому часто говорили «про политику» с не-

¹ «В России надо жить долго...»: Памяти К.А. Антоновой (1910–2007). – М.: Вост. лит., 2010. – С. 3.

² Там же. – С. 5.

³ «Нужно быть человеком библиотеки, а не библиотечной крысой» (франц. яз.).

⁴ По имени его дяди в начале 30-х годов заодно с «кондратьевщиной», «чаяновщиной», «кажановщиной» громили «рубинщину». Был репрессирован и его отец. Да и сам Виталий после окружения в 1941 г. и плена оказался узником ГУЛАГа, где заработал туберкулез позвоночника.

привычной для меня откровенностью. Разумеется, сектор не был исключением. Читатели-ветераны вспоминают дискуссии на лестничной площадке перед спецхраном, на выставке новых поступлений, в буфете. Чем не оазис свободомыслия? Конечно, с оглядкой, недомолвками, эвфемизмами¹. И все же этот Гайд-парк советского периода тоже был нашей достопримечательностью, привлекавшей в ФБОН академическую Москву.

Люди умели не только рассуждать на отвлеченные темы, но и – сужу прежде всего по нашему сектору – вдохновенно, умно, эффективно работать. Политика, наука, библиотечное дело – все было слито воедино и как-то, я бы сказал сейчас, органично. Благодаря многогранности своих интересов и талантов да толковой организации кадры сектора, действительно, «решали все»!

Мой однофамилец и предшественник² отличался неумемной энергией, общественным темпераментом и буквально фонтанировал научными и производственными идеями. Л.А. Гордон заложил основы системы редактирования в нашем конкретно взятом секторе. От природы он был великолепным редактором, широко эрудированным, требовательным и вместе с тем чутким к человеческим (преимущественно женским) эмоциям. Последнее значило немало, поскольку снятие вопросов к аннотациям (с неизбежной критикой их) было публичным действием, на которое собирался весь сектор. Благодаря деликатности и юмору Лёни напряженное занятие превращалось в подобие небольшого праздника, а сотрудники приобщались к школе коллективного редактирования, которая очень пригодилась при становлении реферативного дела.

Присутствовал при редакторских «разборках» и Г.С. Померанц, хотя эти уроки ему лично были ни к чему. Он был настоящим асом в обработке текущих поступлений (многоязычной, между прочим) литературы: схватывая содержание текста на лету, молниеносно составлял аннотации, которые, как правило, не нуждались в редактировании. Позднее таким же образцом стали его рефераты: посвященные, как правило, сложным культурологическим сюжетам они изяществом стиля напоминали эссе.

¹ Весьма впрочем, прозрачными – так «Галина Борисовна» означала госбезопасность. Другим обозначением органов было «комитет глубокого бурения». Так, десятилетием раньше табуированным в междусобойных разговорах было имя Сталина. Говорили «Хозяин» или просто «Он».

² Я был зачислен на место Л.А. и занял вскоре его место на редакторском посту.

В общем, работа сектора оценивалась положительно и даже выделялась начальством, вызывая «белую зависть» у более ортодоксальных подразделений библиотеки. Гибко проводя курс на нововведения и обладая талантом привлекать людей, Софья Иосифовна неизменно оставалась на хорошем счету в дирекции, в первую очередь у самого В.И. Шункова, который определенно симпатизировал и нашей заведующей, и проводимому ею курсу. Стратегия С.И., в сочетании с деловыми качествами сотрудников, приносила ощутимые результаты.

Мы первые сделали свой библиографический бюллетень сводным, отражавшим текущие поступления основных московских библиотек. В рамках одного издания советская литература вливалась в иностранную, чем преодолевалось нормативное разделение на «чистых» и «нечистых»¹. В секторе с середины 1950-х годов реферировалась литература КНР. В середине 1960-х задумались о переходе к охватывающему все страны нашего ареала систематическому реферированию «от потока» новых поступлений² и предприняли первые шаги, выпустив в качестве пробного шара РЖ по Индии в 1966 г. Вполне закономерно, что после учреждения Института первым был подготовлен РЖ «Востоковедение и африканистика»³.

Не знаю, кому тут отдать пальму первенства, да и стоит ли ее делить? Софья Иосифовна, как я понимаю, придавала рациональную форму и организационно «пробивала» идеи, автором которых в большинстве случаев был Леонид Абрамович. Запомнилась его соответствовавшая времени гагаринского полета метафора – он уподоблял информационную систему, которую требовалось создать, трехступенчатой ракете. Первая ступень – реферативный журнал, вторая – аналитический обзор, третья – монография, обобщающая движение в том или ином направлении (отрасли) научного знания. Так раскрывалась амбициозная цель выведения отечественного общественнознания на передовые рубежи мировой науки. При-

¹ В каталоге даже был разделитель между ними, по «сю сторону» из латиницы оказывались лишь издания братских компартий и заведомо марксистских авторов. В результате почти вся зарубежная литература оказывалась в «нечистых» (спецхрановская вообще не включалась в общий каталог).

² То есть при соблюдении принципа адекватности – пропорциональном по тематике отражении текущих поступлений за соответствующий период.

³ По существовавшей «табели о рангах» (иерархия значения для Власти) с востоковедения никак нельзя было начинать информационные издания Института: пришлось ждать подготовки «Научного коммунизма» и «Экономики». Соответственно наш РЖ замкнул тройку «призеров».

этом Л.А. обосновывал необходимость внимания ко всем ступеням, начиная с реферативного журнала. РЖ, приговаривал он, «это – хлеб», а обзор – уже «хлеб с маслом».

Горячо обсуждались в секторе (Софьей Иосифовной с Л.А. Гордоном, Л.А. Фридманом, Игорем Добронравовым¹ и др.) все перипетии подготовки проекта Института информации, который по аналогии с ВИНТИ предполагалось назвать ВИНИБОН (Всесоюзный институт научной информации и библиотека по общественным наукам)². Тому, что стало в конце концов Постановлением ЦК и Совмина³ (1968), предшествовало немало этапов и согласований. Потребовалась гора бумаг⁴ – знай нашу извечную бюрократию! – в составлении которых Софье Иосифовне помогали С.К. Виленская и К.П. Алексеева, а в Президиум обычно ходила И.А. Ходош, ставшая после кончины З.К. Эггерт заместителем директора (1967). Инессе Александровне и довелось исполнять обязанности первого директора ИНИОНа, поскольку В.И. Шунков, с благословения которого начиналась работа, умер незадолго до судьбоносных событий.

Конечным смыслом всех проектов было придание гуманитарной информации универсального, систематического и сугубо профессионального характера с выходом ее на уровень мировых стандартов качества. При этом аналогичной системы нигде в мире не было, так что, подобно ракетам и балету, мы и здесь оказались «впереди планеты всей». Возможность такого прорыва гарантировали деловые качества сотрудников ФБОН. Уникальное сочетание библиотечной квалификации с серьезным научным потенциалом и стало одной из отправных точек инновационного проекта.

¹ Наш многолетний комсомольский секретарь И.С. Добронравов стал энтузиастом зарождавшейся тогда информатики и перешел вскоре в ВИНТИ. Работая в секторе философии, перевел совместно с Д.Г. Лахути «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна (М., 1958). В 2000-х годах публиковался как автор книг по истории отечественного спорта.

² См. воспоминания С.И. Кузнецовой «Из истории востоковедения в ФБОН-ИНИОН» // ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред.: Ефременко Д.В., Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – Вып. 1. – С. 47–54.

³ «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук». Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 828 от 22 октября 1968 г.

⁴ Незадолго до смерти Софьи Иосифовна отправила в мусорный контейнер, по ее словам, целый чемодан этих бумаг.

Чтобы оценить новаторский характер идеи собственно для СССР, следует вспомнить принципиальное отличие общественных наук в советской системе – идеологический режим. Задумаемся: такой искушенный знаток информационного дела, как К.Р. Симон, полагал невозможным полноценное реферирование в гуманитарных отраслях знания¹. Разрабатывая с Г.Г. Кричевским еще в начале 1950-х годов методологические основы реферирования, наш мэтр допускал как неизбежность наличие в рефератах «оценочных моментов»².

Хочется подчеркнуть все же другое: в ледяную стужу сталинщины наши библиотечные классики замыслили информационную систему, которая стала возможной лишь после «оттепели» – спустя два десятилетия. Между прочим, ими же была выведена классическая формула реферативного жанра (которую я три десятилетия твержу новобранцам реферирования, впервые узнав из юбилейного сборника – честь и хвала составителям, – кто ее автор). «Реферат повествует о том, *что* написано в работе, аннотация – *о чем* она написана, а рецензия – *как* написана работа»³.

«Оценочность», т.е. идеологический комментарий к зарубежной литературе, висела над реферированием как дамоклов меч. Мы очень боялись подмены информации контрпропагандой⁴. Бесспорно, власти ощущали необходимость совершенствования обществovedческой информации.

Ходившая в ЦК с проектом Института С.И. Кузнецова отмечает доброжелательный прием в Отделе науки и в Международном отделе. Еще большую заинтересованность в зарубежной научной информации проявляли тесно связанные с ЦК руководители секции общественных наук Академии. С 1964 г. в ФБОН действовала реферативная группа, обслуживавшая Президиум и персо-

¹ См.: Кричевский Г.Г. Константин Романович Симон (1887–1966) // Симон К.Р. Избранные труды. – М., 1984. – С. 13.

² Симон К.Р., Кричевский Г.Г. Советская реферативная периодика и ближайшие задачи ее организации // 90 лет служения науке: К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук и Института научной информации по общественным наукам РАН: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Ю.С. Пивоваров (предс.) и др.; Сост.: Ю.Ю. Черный, Н.Ю. Соколова, Л.В. Юрченкова. – М., 2009. – С. 83.

³ Там же. – С. 70.

⁴ Помню со слов Г.Г. Кричевского пример такой сталинских времен «оценочности» в аннотации – «фашистский дурак ругает Маркса».

нально вице-президента П.Н. Федосеева¹. Мы с ней тесно контактировали, предоставляя информацию по «нашим» странам, в основном по Китаю, где происходили драматические события.

Координация шла на пользу и нам. Руководитель группы Надежда Ноевна Косорез «подарила» мне Франца Фанона. Внимательно следя за новыми явлениями в левых кругах Западной Европы («еврокоммунизм», «новые левые»), она обратила внимание на интерес в них к творчеству этого идеолога Фронта национального освобождения Алжира и «сдала» его нам, настоятельно потребовав от меня – а у нас были очень теплые отношения², – чтобы я им занялся. Из этих занятий вышел сначала 20-листовый обзор литературы, а потом монография, имевшая довольно широкую читательскую аудиторию.

Порой номенклатурный интерес к зарубежной литературе принимал какую-то карикатурную форму. Помню, как мы совместно с реферативной группой составляли «цитатник» к 50-летию Октябрьской революции. Требовались «убойные» цитаты о всемирно-историческом значении. Вообще далеко не все, что мы замечали, наверху готовы были «переварить». И несмотря на то что над нами не было Главлита, не считая Захара Моисеевича Шапиро, «внутренний цензор» призывал к осторожности. Наша информация дозировалась и по «контенту», и по адресатам. Круг получателей был списочным и сугубо ограниченным. И в послесталинский период руководство не было готово поступиться режимностью в науке. Более того, с конца 60-х годов идеологическая реакция нарастала. Как это ни покажется сейчас забавным, затронула она даже издание библиографического бюллетеня.

Спустя несколько лет после поступления заведующая доверила мне редакторскую работу по этой нашей основной продукции. Случись тут война (1967) между Израилем и ОАР (Египтом), Сирией, Иорданией. Верхушка обескуражена, интеллигенция смеется: «Можно поставить не на ту лошадь, но зачем же было ставить на осла». Стратегические просчеты режим по обыкновению компенсировал пропагандистской кампанией, нашедшей отклик

¹ См. воспоминания Е.Б. Рашковского и Э.Н. Жука в настоящем издании.

² Н.Н. была энтузиастом турпоходов ФБОН, свидетельству чему посвящение на отписке ее статьи, присланном из Штатов: «Саше Гордону – старому товарищу по чудесным походам (и коллеге “по буржуазным революциям”)». 2/VIII 1987. А о сохранявшемся увлечении революционной тематикой свидетельствовала сама статья: Cosores N. England and the Spanish revolution // Trienio, Madrid, 1987. – N 9. – P. 39–131).

среди известной части научной общественности. Газеты и радио изошрялись в ярлыках, и уподобление Израиля гитлеровской Германии, а сионизма фашизму сделались общим местом.

Естественно, шел поток международных откликов, между тем спецификой бюллетеня по востоковедению было значительное преобладание зарубежной литературы, так что освещение события резко расходилось с официальной советской позицией, а я, редактируя, называл рубрики в соответствии с наполнением. Большинство карточек дал Г.С. Померанц, он же предложил название рубрики – Шестидневная война. Я же стал мудрить: вроде нужны кавычки, а закавыченная рубрика не солидно. В результате написал – Арабо-израильская война, с чем бюллетень и был опубликован.

Вскоре ко мне пришел сотрудник ИВАН т. Шах¹ (наш завсегда, между прочим) и говорит: «вы нарушаете», «вы расходитесь» и т.п. Надо писать: «Агрессия Израиля». Я ответил, что нападение Германии тоже было агрессией, однако события 1941–1945 гг. получили-таки другое название. Товарищ остался недоволен, но не нашел, что возразить, и я, преодолев тягостное ощущение, предпочел думать, что инцидент исчерпан. Не тут-то было! Товарищ обратился к своему начальнику, завсектором арабских стран, который заодно был секретарем парткома ИВАН; и от имени последнего было подготовлено доношение в райком партии. Оно попало на глаза сотруднице этого сектора И.М. Смилянской, та позвонила Софье Иосифовне, а С.И. обратилась к замдиректора ИВАН Г.Ф. Киму. Вмешательство Георгия Федоровича положило конец делу.

Меня же «вызвала на ковер» Софья Иосифовна (которой я не сообщил о своей беседе с т. Шахом). Будучи неизменно единственным партийцем в секторе, она несла за нас весь груз не только административной, но и партийной ответственности, а в критической для коллектива ситуации не случайно избиралась секретарем парторганизации ФБОН. Строгим голосом С.И. прочла мне нотацию. Если бы бумага дошла до райкома, были бы «оргвыводы». Мне как молодому специалисту² они не грозили, но она, главный редактор, получила бы выговор по партийной линии, а Григория Соломоновича попросту бы уволили. Больше упреков о расхождении с «генеральной линией» на редакторском посту я не получал.

¹ Фамилия приводится в сокращенном виде.

² К тому же моей фамилии не было на титуле.

Надо отдать должное гражданской позиции заведующей. Прекрасно зная, что положено и что не положено в партийном государстве, С.И. поступала так, как считала нравственным и полезным для дела. Как-то она сказала: «Саша, Вы человек способный, талантливый. Можете сделать научную карьеру. Но у Вас два недостатка. С одним я ничего не могу поделать, а другой – она была в то время секретарем парторганизации ФБОН – легко могу исправить». Подумав, я решил, что один или два «недостатка» – роли не играет. Я-то не собирался становиться героем. А Софье Иосифовне ее партийность помогала в добрых делах.

Представляю, сколько ей – при наличии того же «недостатка» – пришлось понервничать, «пробивая» мою или кандидатуру Вити Бейлиса на должность старшего научного. Про поддержку Г.С. Померанца она бы могла рассказать куда больше. Само зачисление его было делом непростым, а уж с конца 60-х над ним все время ходили «тучи». В 1968 г. его диссертационную защиту в Институте востоковедения попросту отменили. Огромный актовый зал в Армянском переулке (там тогда в здании Лазаревского института помещался ИВАН), полно народу, публика разнообразная, на вид интеллигентная. Перед амфитеатром ходит Г.С. с академиком Николаем Иосифовичем Конрадом, который очень его ценил. Между тем заседание все не начинается. Наконец, появляется председательствующий и объявляет, что «из-за отсутствия кворума» защита состояться не может. Оказывается, накануне один из «голосов» объявил о предстоящей защите «известного антисталиниста».

Дальше больше. Г.С. остался в библиографическом секторе (до выхода на пенсию), но продолжал реферировать. То был «криминал», поэтому сначала он публиковался под фамилией Соломин, потом – З.А. Миркина. А когда и его жена «проштрафилась», я придумал псевдоним З.А. Мирный. Активный член редколлегии нашего РЖ Дмитрий Алексеевич Ольдерогге¹, узнав об этом, рассмеялся: «А замиренный, значит». Не все так считали.

Однажды звонит Софья Иосифовна: «Саша, я говорю из автомата, боюсь, мой телефон прослушивается. Надо предупредить Григория Соломоновича, чтобы он не появлялся в Институте». А как? Уж телефон Г.С. точно прослушивался. Ловить его, что ли,

¹ Видный африканист, член-корреспондент АН, заведующим отделом Африки в ленинградском Институте антропологии. О нем тепло написал Аполлон Борисович Давидсон в своих воспоминаниях (Давидсон А.Б. Я вас люблю: Страницы жизни. – М., 2008).

у подъезда? Поколебался-поколебался, плюнул и позвонил. Встречались на улице академика Волгина. Я приносил ксероксы статей, он передавал рефераты. Конспирация! Так продолжалось до самой Перестройки.

Для сотрудников библиотеки коллеги и люди, которые к нам приходили, представляли важнейшую среду не просто общения, но и самого жизнеобитания. Библиотека жила в режиме производственного предприятия. Существовала шестидневная (48 часов) рабочая неделя, работа начиналась в 8.30 и требовалось (до 1962 г.) снимать личные номерки на табельной доске, которая через 10–15 минут закрывалась, и опоздавшие должны были писать объяснительные записки. На обеденный перерыв полагалось 45 минут, и в некоторых секторах, например науки, заведующие действительно скрупулезно хронометрировали отсутствие сотрудниц. В таких условиях «отдушиной» становилась курительная комната, которая помещалась в подвале, под читательским входом (с улицы Маркса–Энгельса). Здесь собиралась молодежь обоих полов, обсуждались насущные проблемы, возникали дружеские компании, составлялись (и разрушались) романтические союзы. И совершенно не случайно среди коллектива образовалось немало супружеских пар.

Библиотека была важнейшим центром отдыха, точнее, досуга для сотрудников. Регулярно устраивались танцы, и немаловажной для женского коллектива была возможность пригласить в особняк в центре Москвы, в красивый и респектабельный Белый зал самого взыскательного кавалера. Разумеется, танцевальные вечера служили способом сближения самих сотрудников (так именно я познакомился с работавшей в хранении Светланой Марносовой, ставшей Гордон).

Нерегулярными, но очень значимыми мероприятиями были «капустники». Зрителей всегда было битком. Весь коллектив сначала, казалось, жил предстоящим событием, а потом долго на рабочих местах обсуждал состоявшееся зрелище. Здесь во всей полноте проявлялась художественная одаренность сотрудников ФБОН. Выдвигались свои режиссеры (в такой роли запомнился, в частности, сотрудник сектора философии, перешедший потом в МГИМО, одессит Миша Полишук). Были свои авторы поэтических текстов (среди поэтов выделялся сын «врага народа» фронтовик Генрих Рудяков), перекладываемых при надобности на музыку, свои примы (блистала цыганскими танцами Нина Визильтер).

Территориальное расположение ФБОН в центре Москвы имело не только символическое значение. Как-то прямо на меня вышагал

высокий статный военный, который приветливо, с легкой улыбкой посмотрел в мое лицо. Я же оторопел. При своем гарнизонном детстве и отрочестве маршальские звезды видел впервые, а тут один из настоящих полководцев Отечественной – К.К. Рокоссовский. Дважды встречал В.М. Молотова, проходившего мимо министерства обороны, видимо от знаменитой своими вельможными жителями ул. Грановского к Волхонке. Опальный Вячеслав (так звал его вождь) шел, сосредоточенно глядя под ноги. А между прочим, его дочь Светлана Никонова постоянно занималась в кабинете истории. Посещала нас одно время и Светлана Аллилуева.

Сектором экономики заведовала Е.В. Бажанова, репрессированный отец которой работал в СНК с Молотовым. В секторе каталогизации работала дочь первого наркома земледелия, левого эсера А.Л. Колегаева, описывала газеты Зоря Серебрякова, дочь расстрелянного советского деятеля и модной тогда писательницы (тоже «гулаговки») Галины Серебряковой. А мужем Зори был Генрих Цвейг, родственник Стефана Цвейга. Спасшийся чудом от нацизма, студент Краковского университета с переходом границы угодил сначала в Восточный Казахстан, а в достославном 1949 г. на основании доносов и за «преступную связь с членом семьи врага народа Серебрякова» был осужден на 25 лет заключения в лагерях. Большой террор вошел в жизнь многих людей ФБОН, и это подспудно (рассказы о Гулаге были редкостью) отложилось в коллективной памяти.

Вообще же с исторической памятью собственно ФБОН дело обстояло неважно. За весь почти десятилетний период работы я не слышал имен первых директоров библиотеки. Да, я знал, что систематизация наших фондов была проведена по аналогии с классификацией Библиотеки Конгресса, но кто обогатил нас этим опытом – не ведал. Даже по юбилейным случаям не вспоминали ни Давида Борисовича Рязанова, ни Генриетту Карловну Дерман. С Рязановым было еще как-то понятно: по партийной линии основатель первых историко-партийных учреждений был реабилитирован лишь в годы перестройки.

А Дерман была реабилитирована «вчистую» после XX съезда; и, видимо, с восстановлением ее имени в скрижалях ФБОН виноваты были мы сами, точнее, жуткая, вколоченная, некоторым сотрудникам в буквальном смысле, опасливость. Сколько помнится, даже на праздновании полувека Библиотеки об ее организаторе не вспоминали.

Празднование полувекового юбилея между тем следует отметить особо. То было знаменательное событие. Начну с того, что для юбилея нам предоставили залы Дома ученых, что уже подчеркивало и статус ФБОН, и ранг мероприятия. Обстановка была, естественно, торжественной с официальными поздравлениями, личным участием вице-президента Академии и, может быть, не менее знаменательным – участием иностранных гостей-библиотекарей из таких «посторонних» держав, как США. Вспоминается некая эйфория: конечно, действовал антураж, но многие были в курсе (то была зима 1968 г.) интенсивной работы, связанной с преобразованием библиотеки в научно-информационный центр.

Библиотека помещалась на правительственной трассе от Кузовского проспекта к Боровицким воротам. Поэтому нередко к нам заглядывали «сотрудники», предупреждавшие о нежелательности стояния у окон во время церемониальных проездов. По праздникам библиотека ритуально опечатывалась. Особый интерес «сотрудники» проявляли к множительной технике, все пишущие машинки из секторов сносили в машбюро, их шрифты фиксировались. Очевидно, компетентные органы опасались печатания листовок.

Разбуженная «десталинизацией» общественная жизнь страны лилась в библиотеку мощным потоком. Белый зал встречал видных «шестидесятников». Необычайно исповедально (видимо, аудитория расположила) говорил Илья Эренбург¹. Запомнился афоризм о том, что хрущевские дни со всеми нападками² не перевесят одну сталинскую ночь. Выступали Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина, пел Булат Окуджава. Поклонник вождя Владимир Солоухин клялся в любви к приходившему вместе с ним Науму Коржавину, проникновенно пародировавшему сталинскую философию истории. Был вечер Ильи Глазунова, который, жутко вымолвить, «косил» тогда чуть ли не под диссидента.

Библиотечный комсомол был достаточно боевитым, а комсомольская организация во главе с Игорем Добронравовым имела свое лицо и положение. Секретарь (когда обстоятельства позволяли) держался независимо. Светлана Марносова, придя на работу, сняла с табельной доски номерок подруги. И хотя подруга тоже

¹ Видимо, это была не та встреча, о которой рассказывает Б.Н. Бачалдин. Михаил Михайлович Штранге уже перешел тогда в Институт истории.

² Наиболее непримиримым оппонентом автора «оттепели», сколько помнится, выступал все же не Хрущёв, а любимец партсъездов автор «Поднятой целины». На одном из них он заявил, что от «оттепели» только «патроны ржавеют».

успела прийти вовремя, завкадрами, следившая за табельной «процедурой», засекала правонарушение и донесла по начальству. Заведующий отделом, где работали провинившиеся, вызвал Добронравова и потребовал исключить их из комсомола. «Не Вы принимали, не Вам и исключать», – отвечивал Игорь.

Комсомольская жизнь ярко проявлялась в агитпоходах. Это тоже была своеобразная отдушина: участники на неделю освобождались от работы. Занятие между тем было вроде экстрима. С незапамятных (для меня) времен существовал подшефный детдом ФБОН в Рузском районе. К нему приходилось долго ехать на электричке, затем автобусом, и, наконец, километров 15 идти на лыжах, поскольку мероприятие имело место быть преимущественно зимой. Местность была лесистой, пересеченной, с неизбежными падениями, порой болезненными (как у Галины Кареловой, сломавшей ногу). Плюс мороз, как правило за 20, а то и 30 градусов (зимы тогда стояли суровые). Ну, а главное, набирались мы прилично: следовало запастись консервами и буханками хлеба для себя, доставить детишкам книги, игрушки, весомо было и наше музыкальное сопровождение (магнитофон, гитара, аккордеон).

Пели солистка Наташа Маркова (Челнокова)¹ прочувственно исполняла песенку про «черного кота, которому не везет». Еще чаще звучал хор, в котором участвовали все спевшиеся дорогой агитпоходники. Жанна Коробейникова вдохновенно читала Есенина. Большим успехом пользовались жанровые рассказы в исполнении Алексея Доронина². Он же пел под гитару и аккомпанировал нам на аккордеоне. Лёша был человеком сложной биографии, вместившей войну с пленом, концлагеря по обе стороны фронта. В его исполнении услышал я впервые песню о восстании в Воркутинских лагерях. Поразили слова «Чекисты стреляли в народ», ведь чекисты были тогда в почете, а репрессии творили «гэпэушники», «энкавэдэшники», «гэбэшники». В ряду с «Муркой», «Марселем» (о «советской малине», «врагу сказавшей нет») подобные песни звучали, разумеется, после концертов.

¹ Внучка бессменного главбуха ФБОН Александра Николаевича Сеченых, который запомнился многим редким сочетанием компетентности и отзывчивости. Последнюю платежную ведомость ему принесли прямо в больницу, кажется, за день до кончины.

² Его отец Иона Петрович работал в секторе истории, сотрудничал с нашим директором как сибиряк и сибиревед, был составителем фундаментального библиографического указателя (История СССР: Указ. сов. лит-ры за 1917–1952. – Т. 1–2. – М.: Изд-во АН СССР, 1956–1958).

Детишки с азартом участвовали во всяких розыгрышах и конкурсах, которые мы устраивали: надо было только больше запасться призами. Такой же энтузиазм проявляли бабушки из деревень, которые мы посещали на обратном пути. Программа наших выступлений была совершенно идентичной, лишь предварялись они для взрослых лекцией о международном положении. Поразительно, какой отклик имели наша скромная самодеятельность и более чем скромные призы. Да и простое появление гостей из Москвы за 100 километров от нее вызывало оживление. Чувствовалась у сельских людей неустрашимая тяга к общению в условиях все более поражающих колхозную деревню отчуждения и разобщенности. Последнее тоже было заметно.

Зашли в турпоходе (туризм в разных видах и на разные вкусы был одной из традиций ФБОН) в отдаленную деревню. Стали проситься на ночлег, а все посылают к какому-то «общественнику». Пришли. Хозяин подтверждает, что он – подлинно «общественный человек», а деревню сплошь населяют индивидуалисты. Впрочем, «общественник» и городских как класс не шибко жаловал. «У тебя кто отец?» – спрашивал он меня. – «Инженер». «А у того?», «а у того?», – продолжал он расследование, указывая на моих спутников. Выяснив интеллигентское происхождение, с торжеством произнес: «Вот, я и говорю, что все вы из начальников!» Изумившись таким социологическим прозрениям¹, я стал возражать: «Дед, у тебя самого сын – начальник райотдела милиции». «Общественник» не сдавался: «Нет, он из народа».

Были и более масштабные агитпоездки, например в Красноярский край на строительство крупнейшей ГЭС. Понятно, такие поездки требовали санкции властей, логика которых нередко расходилась с нашей. После Красноярского края собирались еще дальше, в Туву. Но инструктор загорелась желанием направить нас в Прибалтику. Мы противились: что там делать с нашей самодеятельностью и аттракционами? С ультиматумом «или – или» отправились в Балтию. Проехав в августе 1962 г. лекторами ЦК ВЛКСМ от Финского залива до белорусской границы, приобрели бесценный опыт межкультурного общения.

Нас опекало также Общество по распространению политических и научных знаний, представляли мы и Академию. Виктор

¹ Впоследствии я нашел деление на «народ» и «начальников» в работах Кропоткина. Видимо, мой «общественник» воспроизводил укорененную убежденность крестьянского общества.

Иванович вызывал нас, напутствовал. От той агитбригады продолжают работать в Институте лишь Л.Н. Верчёнов да я. А были еще ветераны ФБОН Аля Амплеева, Галя Павленко, Марина Папкина (Смольянинова)¹. Во главе пребывал Рудик Додельцев (впоследствии перешедший в МГИМО). Добавились сотрудники соседних учреждений – Саша Стулов из Института экономики, Борис Созонов из Института философии, Нелли Панас из Музея искусств на Волхонке. Читали на экономические и культурно-просветительские темы. Востребованной была международная тематика (прочел лично 16 лекций).

Что собой представляла такая лекция? Коротко, ряд внешнеполитических установок, разбавлявшихся эпизодами из «ненашей» жизни, которые равно заимствовались обычно из «установочной» лекции высокопоставленного товарища. Интересным для меня бывал отклик слушателей, когда ответы на вопросы переходили в беседу, затягивавшуюся на час и дольше. Так было в техническом отделе Прибалтийской ГРЭС под Нарвой и в санатории ЦК компартии Латвии в Юрмале. В рядовом случае лекция назначалась отчетности ради. «Провокационным» (существовала такая уставная формула лекторов в затруднительных случаях «на провокационные вопросы не отвечаю») помнится лишь один вопрос на торфоразработках в Шальчининкайском районе Литвы: «Почему не привозят белый хлеб?»

Свидетельствую: советские люди мыслили, хотя размышления укладывались в установленные положения. Не всегда! В начале лекторской карьеры меня, еще студента, направили в конный обоз на Васильевском острове. В небольшом помещении собрали около 20 крепких мужиков лет пятидесяти. 1957 г., я по инструкции разоблачаю «ревизионизм» Союза коммунистов Югославии. А мужики мне говорят: «Тито – молодец. У него нет колхозов». Уж они-то знали, с кого спрос за белый хлеб и за черный тоже!

Август 1962 г. Догоняли Америку по мясу-молоку, а остались без зерна. Просчеты во внутренней политике компенсируются внешнеполитическим задором. Берлинская стена, взрыв «сверхбомбы» на Новой Земле, корабли с ракетными установками плывут к

¹ Ее мама, Милица Павлиновна Папкина, работала в секторе литературоведения, отбыв свой срок в ГУЛАГе за расстрелянного мужа, отца Марины. Отец, Г.А. Смольянинов, был репрессирован в 1937 г. заодно с другими сотрудниками ИМЛИ, разбиравшими архив Максима Горького (см.: Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX в. – М., 2006. – С. 25 и сл.).

Кубе навстречу Карибскому кризису. Позднее, в мемуарах советский лидер объяснит все это защитой «интересов марксизма-ленинизма». Тогда больше в ходу было упоминание кузькиной матери, которую срочно требовалось предъявить империалистам, чтобы «сбить с них спесь»¹.

О ракетах «для Фиделя», понятно, не говорили, разоблачали гонку вооружений. Дескать, портят нам жизнь империалисты проклятые. Некоторые мои слушатели, правда, задумывались о причинах такой зловредности: «Как Вы считаете, что главное в гонке вооружений – политика или экономика?» Встречался и наивный догматизм. Один инвалид войны с костылем вместо ампутированной ноги говорил мне: «Надо было всю Германию занять. Ничего, что погибло бы еще народу, зато было бы спокойно».

Если с гонкой вооружений и Германией казалось ясно, то Китай вызывал недоумение. Меня принял секретарь Нарвского горкома партии, беседа продолжалась около часа, и наибольшую озабоченность секретаря вызывали именно отношения с КНР. То же самое повторилось во время выступления в партийном санатории. Как востоковед я мог кое-что добавить к официальной информации, сводившейся к тому, «кто есть ревизионист?» Партийцев это не удовлетворяло, и я рассказывал о «большом скачке», о тяжелом положении в деревне, о злключениях курса на форсированную индустриализацию.

О национализме. Да, мы ехали в Прибалтику соответственно настроенными и готовы были считать таковым всякое недопонимание вроде пресловутого отказа указать нужное направление. Ощутимый языковой барьер существовал в Эстонии – конечно, сказывалось несходство языков. Впрочем, плохое знание русского языка, особенно среди молодежи, можно отчасти объяснить тем, что и русская молодежь не желала обучаться местным языкам. Моя спутница, окончившая школу в Риге, с трудом разбирала надписи на Братском кладбище.

В Сигулде (Латвия) мужчина лет 50 на чистом русском языке спросил, откуда я. Узнав, что из Москвы, произнес: «Курземе знаю, Виндземе знаю, а такой земли в Латвии не знаю». Были и противоположные примеры. Выступал я на коксогазовом производстве. Рижский пролетариат слушал угрюмо, но по окончании мне (первый и последний раз в моей лекторской жизни) был вру-

¹ Цитирую сохранившийся конспект лекции.

чен пышный букет красных гвоздик, очень впечатлявших на фоне прокопченных стен и суровых лиц этих рабочих людей.

В Прейле, на Куршской косе, в пансионате, где остатки бригады отдыхали после агитпохода, со мной подружился литовский академик. Он был астрономом, но из-за востребованности (уже тогда) тем национальной идентичности занялся литовским языком. Увлеченно рассказывал о его древности, родстве с санскритом. Говорил и о «давлении Москвы», о том, что контроль центра в образе президиума Академии душит местную инициативу, столь необходимую в научных исследованиях. Подчеркивал, что аналогичное раздражение гиперцентрализацией встречал у представителей других республик.

Агитпоход бригады ФБОН оказался родом паломничества. Мы были буквально одержимы средневековыми ансамблями и памятниками «нашего» Запада. Находили бытовые артефакты, отличавшиеся от советских стандартов, а наиболее впечатляющими остались наблюдения над народной, особенно музыкальной культурой – стадионы для певческих фестивалей, неподдельная эйфория и массовость аграрно-календарных празднеств. Традиции, традиции!

Поехали мы в город, именуемый по прихоти исторической судьбы Калининградом (100 км от Прейлы). Сразу по пересечении административной границы Литвы с РСФСР шоссе перешло в подобие былинного тракта («Эх, дороги»). Презирая тряску, литовская часть дружно пела народные песни. Русские молчали. Тогда литовцы стали петь тоже дружно русские песни, однако и это не помогло. Ансамбля не получилось.

Любые поездки были праздником, по возвращении еще более тяготила неблагоустроенность «коммунальной страны». Прав был Воланд-Булгаков: больше всего жителей столицы травмировал квартирный вопрос. Массовое жилищное строительство только развертывалось, но москвичи дружно возжаждали расстаться с коммуналками. И хотя распространялись жилкооперативы, большинство считало себя вправе получить жилье «от государства». Конфликтная ситуация втягивала в себя ФБОН.

Как-то случилось, что отдельную квартиру (а давали только льготным категориям и не больше одной на библиотеку в год) получил сотрудник, далеко не самый уважаемый в коллективе. Всё в том же Белом зале состоялось собрание, где на самых высоких тонах взывали к справедливости, умудренные, казалось бы, жизнью, благообразные «коренные москвичи» впадали в истерику и

где директору пришлось извиняться за недогляд. Увы, даже в храме науки не все было гармонично и далеко не все конфликты могли считаться трудовыми.

Но последние, естественно, преобладали, и к ним коллектив в целом проявлял стойкий иммунитет. В Белом зале выставкой новых поступлений заведовала Ида Абрамовна, седовласая дама с голубыми глазами, проникновенным взором и звучным голосом. «Белая дама Белого зала», как ее называли для истории ФБОН в одном поэтическом опусе, добиваясь порядка, остро конфликтовала с библиографами, которые, понятно, клали книги и журналы на неподобающее место, а иногда без спросу уносили в сектора и даже, кажется, домой. Посему обыденное списание новых поступлений в хранение превращалось в регулярную баталию, впрочем, настолько привычную, что стороны оставались по преимуществу в дружеских отношениях.

Ида Абрамовна натурально сердилась, строгим голосом взывала к лучшим чувствам, но совсем не ожидала, что ее подопечные когда-нибудь исправятся. На тему своих отношений с библиографами хозяйка Белого зала рассказывала житейский эпизод, навсегда, как она говорила, убедивший ее в несовместимости личных интересов. Мальчишка на ее глазах выковыривал камешки из бульжной мостовой, а в ответ на замечание о травматических последствиях для прохожих или проезжих сказал: «Тетья, но ведь они мне тоже нужны».

Другая седовласая и представительная дама возглавляла машбюро. И в том же опусе для библиотечной истории о ней говорилось: «Кто в ФЭБЭОНе главная – Анна Stanisлавовна». Анна Stanisлавовна тоже вела постоянную борьбу с библиографами, поскольку они загружали ее подчиненных излишней, совершенно ненужной работой, писали аннотации издевательски неряшливым почерком и т.п. Тут требовалось молча выслушать поток эмоций, почтительно принять поучения и заверить, что провинившиеся получают замечание и перепишут свою мазню печатными буквами.

Конечно, невозможно представить все колоритные или значимые личности ФБОН, но нельзя не упомянуть еще несколько персонажей. Замдиректора по хозяйственным вопросам Семён Минаевич Шапиро был отставником из органов и в немалых чинах (полковник, помнится). Все вопросы материального обеспечения деятельности библиотеки и содержания здания были в его ведении. Но назвать Семёна Минаевича лишь директором по хозяйству было бы несправедливо. К нему обращались по общественным

делам, он помогал при организации всех коллективных мероприятий, включая походы. Сотрудники постоянно приходили к нему за консультацией по личным вопросам, и благодаря своим академическим (и иным) связям он нередко решал эти вопросы. Пока мы со Светланой собирали деньги на паевой взнос, места в ЖСК оказались, как нам сказали, заняты. Пошли к Семёну Минаевичу, и тот, сделав пару звонков, заверил нас в успешном решении дела. Так оно и было.

Игорь Энгельгардт был, пожалуй, самой заметной личностью. Крепкого телосложения, он большой рыжеватой бородой (за что я называл его «Барбароссой», а он, не желая аналогий, неизменно возражал: «Нет, Лангобард») да еще чтением на ходу привлекал к себе внимание и уличных прохожих, и даже постовых милиционеров. Был Игорь сыном «врагов народа», учительствовал в Якутске, при том всю жизнь придерживался тех советских идеалов, в которых был воспитан. Распространялись они и на вопросы религиозности: искренне веруя в свое неверие, вел Игорь бюллетень по атеизму и истории религии. А вообще круг его интересов был необыкновенно широк: кто почтительно, кто снисходительно называл его «ходячая энциклопедия». Напичканный всевозможными сведениями, он бескорыстно предоставлял их всякому нуждающемуся, а еще любил спорить на исторические темы и неизменно выигрывал. До последних лет, ведя полуголодный образ жизни, покупал книги, и из его карманов неизменно торчала пачка библиографических карточек по разнообразной тематике.

Можно упомянуть его сангвинический нрав и страстную любовь к шахматам: он, даже по дороге на работу, ухитрялся разбирать партии гроссмейстеров. А еще заслуживает внимания одна из рассказанных им историй. Хлопоча о реабилитации отца, Игорь дошел до Григория Ивановича Петровского, с сыном которого отец Игоря работал в органах до их ежовской «чистки». Петровский остался единственным не репрессированным членом руководства Украины, и его чудесному спасению обязан своим названием бывший Екатеринослав. Председатель украинского ЦИК покаянно признался Игорю: «Правильно молодые не верили Сталина, а мы (старые большевики. – А. Г.) верили, дураки».

Полной противоположностью Энгельгардту был Лёва Морозов, одинокий, тихий, почти незаметный человек. Фронтовик и тоже из детей репрессированных, он никогда не рассказывал ни о репрессиях, ни о войне. Между тем Лёва был общителен и, несмотря на разницу лет и жизненного опыта, допускал обращение

«на ты» (именуя меня «Сандимыч»). Лёва писал стихи, порой шаржи на библиотечные темы, однако, в отличие от Игоря, предпочитал анонимность. Имел же он «одну, но пламенную страсть», составлял биобиблиографию по русской общественной мысли конца XIX – начала XX в. Особо его привлекала религиозная тематика. Отработав в секторе науки ФБОН до 5 (и 15 минут) вечера, Лёва шел в Ленинку, где до закрытия (21 час) расписывал мало-доступные тогда журналы по «ведомству православного вероисповедания», собирал сведения об авторах. Создалась уникальная картотека, утраченная при обустройстве на «Профсоюзной». А Лёва так же незаметно, как жил, умер. Бессребреником.

Александр Иванович Белозерцев. Сейчас он напоминает мне героя фильма «Холодное лето 53-го», того самого, из фронтовой разведки. Такой же жилистый и подтянутый. Тоже из разведки и тоже, помнится, капитан. За какую провинность он оказался у нас, не знаю. Работал он в комплектовании с китайской литературой, дружил с Надимом Арифуловым¹, который расписывал литературу на арабском. А запомнился мне Саша двумя эпизодами. Одно время мы соседствовали домами по ул. Крупской. В доме Белозерцева хозяйничала шпана, с которой он по мере сил боролся. Однажды, сидя с тестем за праздничным столом, он услышал крики и увидел, как шпана избивает кого-то лежащего на земле. Саша выскочил (жили они на первом этаже) и заорал командирским голосом «Окружай их!» Кодля разбежалась, избитого увезли в больницу. А в 1968 г., когда развернулась «животворная» кампания в поддержку оккупации Чехословакии, у нас тоже состоялось собрание «актива». Против проголосовали двое: одним из них был Белозерцев, а с ним – Таня Гаврилова, стройная, скромная девушка из сектора философии.

Я постарался показать в меру своего кругозора, как жили мы, люди своего времени со всей страной вместе, каким многообразным и редкостно богатым был человеческий мир ФБОН, какой разносторонней деятельностью этого уникального учреждения Академии. Работа здесь стала моей судьбой, как и немалого числа других многолетних сотрудников Института. Вошла она в жизнь и тех, кто сменил место службы, и тех очень многих, кто приходил для своих научных занятий в гостеприимные залы Библиотеки к их доброжелательным служащим. Существование ФБОН по праву стало частью истории отечественной науки.

¹ См. воспоминания Е.Б. Рашковского.

Е.Б. Рашковский **ФБОН: ОСОБАЯ КУЛЬТУРА ДУШИ**

Странная вещь, странная история... Роман моей жизни с ФБОН-ИНИОН во многом был предопределен событиями, связанными с так называемым Июньским пленумом ЦК КПСС 1963 г. Очень многое предопределил в моей судьбе этот их пленум, который, как вердикт, вынес решение о том, что Советский Союз и Коммунистическая партия ныне находятся в идеологической осаде и что вне и внутри страны нас окружают идеологические враги. Эти «высокодуховные» постулаты определили мою судьбу вдвойне. Как же все это было?

Во-первых, к тому времени я попал в глупую студенческую историю, которая грозила мне волчьим билетом. А во-вторых, произошло еще одно важное событие: в связи с постановлением и решениями Пленума были выделены огромные деньги на разоблачение и критику «буржуазной идеологии».

Я в тот момент как раз заканчивал Историко-архивный институт и, поскольку подобием незримого волчьего билета тянулась за мною эта самая глупая студенческая история, по специальности нигде устроиться бы не смог, если бы не помощь замечательного ученого и вузовского педагога Сигурда Оттовича Шмидта. Именно он устроил меня на работу в ФБОН во вновь создававшуюся реферативную группу, работавшую на покойного академика Петра Николаевича Федосеева.

Академик Федосеев в то время занимался тем, что громил «буржуазную идеологию», и ему были нужны разные цитаты, чтобы их опровергать. И вот, ради задач «идеологической борьбы» в ФБОН была создана реферативная группа, которая в секретном порядке реферировала не только «буржуазные» книги, но и книги зарубежных авторов, в том числе многих западных антикоммунистов. И меня, человека почти что unperson, не принятого на работу по архивной части, посадили, почитай, на самый передовой край тогдашних советских идеологических батальей.

Всего я проработал в ФБОН с июля 1964 по декабрь 1967 г. Так что на моих глазах эта реферативная группа и создавалась.

Работы было много. Мы переводили и реферировали книги и по социологии, и по политологии, и по историографии с самых разных языков. Я работал с английским, французским, итальянским и славянскими языками. Печаталось все это в трех экземплярах. Два экземпляра отсылались академику Федосееву, а третий хранился у нашего начальства. Потом из наших рефератов и переводов создавались реферативные сборники, которые рассылались всяким идеологическим боссам.

Так или иначе, в стране происходило тогда то, что Григорий Соломонович Померанц назвал «революцией референтов», в результате которой уже начали изучаться и циркулировать – пусть и в ограниченном и упрощенном виде – тексты передовой зарубежной мысли, которые к российской публике дотоле не попадали.

Мы всячески старались отработать методику реферирования. Ведь, с одной стороны, нужно было писать довольно кратко, а с другой – писать так, чтобы человек, который прочел реферат (рефераты мы писали разные, от пяти-семи до 50 страниц в зависимости от емкости и содержательной важности реферируемого текста), получил достаточно полное представление о самой книге.

Мы старались сделать так, чтобы эти наши реферативные тексты были хорошим эрзацем отреферированной книги, чтобы читатель, прочитавший наш текст, мог сказать, что он читал соответствующую книгу, причем старались дать представление не только о концептуальной части, но и об ее композиции и стилистике.

Первоначальная идея Петра Николаевича Федосеева состояла в том, что мы должны, прежде всего, реферировать антикоммунистическую литературу. Но оказалось, что так называемая антикоммунистическая литература – т.е. марксведение, лениноведение, история КПСС, история и практика коммунистического движения, кремленология – все это яйца выеденного не стоит без глубокой информационной и концептуальной базы современной социальной мысли. И мы вынуждены были расширять круг и тематику наших рефератов. Так что от антикоммунизма мы сделали дрейф к философии, теоретической социологии и даже теологии.

Потом мы работали и для Алексея Матвеевича Румянцева, ибо после П.Н. Федосеева в 1967–1971 гг. вице-президентом АН СССР был Румянцев, который, к сожалению, «прожил» недолго. Я с ним сам, конечно, не встречался, но материалы для него делал. Это все было очень интересно. Тогда приближалось 50-летие Октябрьской

революции. Я получил заказ на обзор трактовок Октябрьской революции не только в зарубежной, но и в русской литературе с 1917 г. по середину 1920-х годов. И это стало для меня огромной школой. Конечно, я писал эти обзоры очень осторожно, чтобы не подставить ни себя, ни учреждение, ни самого Алексея Матвеевича.

В результате моих занятий этой темой передо мной вырисовывалась проблема, связанная с тем, что Октябрьская революция и русский большевизм решили модернизировать Россию в обход основных человеческих ценностей толерантности, веры и права. И эта попытка ущербной технопопулистской модернизации сыграла столь губительную роль в истории нашей родины. Я обсуждал эту проблему с тогдашним директором ФБОН Виктором Ивановичем Шунковым. И обсуждал, конечно, сделав это очень осторожно в подборе слов, понимая, что разговор на эту тему совсем небезопасен. Я сказал ему, что «буржуазная» литература трактует эту тему в значительной мере в ракурсе ущемления человеческих прав, достоинства и свободы, что может самым драматическим образом отозваться на будущих судьбах страны. Виктор Иванович одобрил мою позицию. У него была очень добрая улыбка. Он ответил, что ежели такого рода трактовка имеет место, то и осветить ее очень важно. Тогда умели подцензурно разговаривать о скользких и страшных вещах...

Но мы умели не только тяжело работать, но и веселиться. В канун каждого 7 ноября или перед каждым Новым годом у нас ставились капустники.

Душой этих капустников был социолог Михаил Лазаревич Полищук, который потом ушел в систему высшего образования. Чего только мы не вытворяли! Я, например, в этих капустниках играл и польского эстетика пана Самохвальского, и комсомольскую невесту с усиками и бородой, и Деда Мороза-хунвейбина, и кубинского поэта, приехавшего в Советский Союз на открытие Волго-Амурского канала, и афинского «сикофанта» в пенсне¹. Вот такие у нас были несколько вольнодумные капустники, и народ просто

¹ Вспоминаю отрывок из тогдашней моей импровизации под титулом «Venceremos!»:

*На Западе рвутся секс-бомбы,
Клокочет газетная ложь,
Но верю: хоть бомбой, хоть лбом бы,
Хоть лестью, – но нас не пробьешь!*

*У них электроника, лазер,
Хотят нас рассеять, как дым!
Из грязи – мы подняты в князи!
И, стало быть, – мы победим.*

надрывался от хохота. В них участвовали интересные, креативные сотрудники нашей библиотеки: Г.А. Антонос, Э.Н. Жук, М.Н. Корнилов, А.М. Непомнящая, А.Н. Орлов, Н.С. Плоткина, Г.С. Померанц, В.А. Рубин, Л.Е. Фарбер.

Первоначально наша «реферативная группа» была рассредоточена по разным отделам ФБОН (философский, исторический, востоковедческий...).

Потом нас «преобразовали» в Отдел реферативной информации и выделили нам небольшую комнату в мансарде, выходящей окном во дворик. За окном шумели и наливались багряными ягодами рябины (которых уже давным-давно нет), а с первым снегом и первыми морозами на этих рябинах проходили – забавно было смотреть! – целые вороньи конгрессы. Птицы подчистую обирали ягоды в течение нескольких часов, и дворик за окном становился унылым до самых майских дней.

А наш переезд на мансарду все тот же неугомонный Михаил Лазаревич (он же Миша, он же Щук) воспел в особой песенке на мотив известной песни Александра Галича про сумасшедший дом в Белых Столбах:

*А у референтов жить – да там бы жил любой:
Хоть реферат пиши, а хошь пиши другой! –
Предоставлен им в употребление
Персональный туалет на заглядение...*

* * *

Вообще в тяжелой идеологической и инквизиторской обстановке, которая господствовала в стране в тот период, у нас в ФБОН сложилась удивительно доброжелательная и креативная среда.

Я должен упомянуть очень просвещенное и доброе начальство, которое у нас тогда было. Это, прежде всего, директор ФБОН Виктор Иванович Шунков, крупный ученый-крестьяновед и сибиревед, Инесса Александровна Ходош, замечательный организатор библиотечного дела и реферативной науки, и парторг Софья Иосифовна Кузнецова, которая все понимала очень остро, тонко и доброжелательно.

Я хотел бы также вспомнить имена некоторых своих старших коллег, которых я вспоминаю с благоговением, и кратко сказать несколько слов о каждом из них. Надим Арифлулов – библиограф,

который работал с восточными арабскими и ивритскими книгами¹. Он по библиотечной части был учеником замечательного русского науковеда и библиографа Тимофея Ивановича Райнова. Надим много рассказывал о Райнове, и, в частности, о том, что Райнов, умирая, опасался того обстоятельства, что за отчуждением действия (у него были работы на эту тему), последует в истории и отчуждение мысли (что и случилось).

О Григории Григорьевиче Кричевском рассказывают очень много. Его доброжелательность, внутренняя просветленность, как говорят на латыни *luciditas*, его умение видеть и понимать и книги, и людей, и события, его энциклопедическая образованность – этого забыть совершенно невозможно.

Маргарита Иосифовна Левина – ученица замечательного историка-медиевиста Александра Иосифовича Неусыхина. Она была эталоном культуры работы над текстами и культуры чувств одновременно, культуры человеческих отношений. Последние годы жизни она посвятила переводам из Гегеля.

Лев Владимирович Морозов, работавший в отделе науковедения, человек, который знал все о книгах, и особенно о русской книге. Это был очень одинокий человек. Он любил людей, но все же, его небесами, его цветами, его травами были книги. И перед его любовью к книгам я могу только преклоняться.

Василий Николаевич Романов, старый русский интеллигент, родственник русского религиозного философа и правоведа Павла Новгородцева, который работал в отделе научной систематизации и нас, молодых, приохочивал к философии, в частности к кантовской философии и одновременно к философии языка. Его жена Екатерина Дмитриевна Романова-Охотникова – живой наследник русской политической и культурной истории: отец ее был меньшевиком, а дядя, которого расстреляли большевики, кадетом. Ее страстная любовь к русской литературе и поэзии заражала многих из нас.

Мария Васильевна Резцова – та, которая провожала московских философов, отправлявшихся в Петроград на «философский пароход». Она участвовала в создании первого советского учебника истории западной философии под редакцией академика Александрова, который был публично «высечен» Ждановым.

Софья Ароновна Фейгина, историк Петровской эпохи, человек, который великолепнейшим и ясным образом отдавал себе

¹ Надим был фронтовиком, вернулся с войны инвалидом. – *Прим. А.В. Гордона.*

отчет в том, сколь связана история России и история Европы, и это в тот период, когда силы политической и идеологической ксенофобии и раздутого самобытничества были чрезвычайно сильны, как, впрочем, это не раз бывало в истории России.

И наконец, огненно-рыжий, щедрый на все ответы Игорь Александрович Энгельгардт. С ним мы расходились во всем: он любил коммунизм, правда, какой-то абстрактный, который должен свершиться, а я любил Христа. Он не верил в Бога, а я в Него верил. Но человек он был замечательный, щедрый, много знавший, помогавший. А под конец мы с ним даже сблизились (хотя и всегда хорошо относились друг к другу) на почве глубокого интереса к Пушкину.

Игорь Александрович был представителем известного в России рода Энгельгардтов с XVII в. Они были связаны узами крови с потомками Григория Потёмкина.

Его мать – замечательная журналистка Раиса Лерт¹. Она работала в Совинформбюро, и ее обещался повесить доктор Геббельс. Но доктор не повесил Раису Лерт, а, предварительно расстреляв свою семью, сам пустил себе пулю в лоб. В последние годы жизни матушка Энгельгардта много писала в самиздате и, будучи марксисткой, коммунисткой, все же выступала против тоталитарных тенденций в советской политической жизни.

Так что за Игорем Александровичем громадная семейная историческая и культурная память, и в этом смысле его обращение к Пушкину на склоне лет не случайно, потому что Пушкин также вобрал в себя разные пласты русской памяти и сумел их претворить в поэзию и прозу.

Все эти люди, которых я перечислил и назвал с благоговением, все-таки были людьми старой недобитой коммунизмом интеллигентско-эрудиционной русской культуры.

Но появлялись и люди нового склада, не только эрудиционной, но и креативной культуры, которые, кстати, очень много сил вложили и в реферативное дело. Один из них протопал всю войну от Москвы до Берлина, и все трое они прошли ГУЛАГ. Это были Григорий Соломонович Померанц, Виталий Аронович Рубин и Марат Александрович

¹ Лерт Раиса Борисовна (1906–1985), журналистка. Автор и редактор самиздатских изданий. Один из инициаторов создания и член редколлегии бесцензурного журнала «Поиски». Исключена из КПСС в 1979 г. В 1986 г. в Париже вышла ее книга под названием «Не поминайте лихом». Эта же книга вышла в 1991 г. в России под названием «На том стою». – *Прим. сост.*

рович Чешков. Правда, с Чешковым мы сблизились несколько позже. Это было новое поколение русских интеллигентов. Потом у меня появились друзья моего возраста, которым я очень обязан многими идеями и научным сотрудничеством в становлении своего мировоззрения, люди очень креативные и глубокие и образованные.

Вообще, если говорить обо всех этих людях, отошедших и ныне здравствующих, то нельзя не поражаться объему их памяти, цепкости их ассоциаций, богатству культуры. Я думаю, что причина этого в том, что добрая память, благорасположенная к миру и людям, накапливает больше, чем память человека атомизированного, озлобленного, у которого пересекаются и отсекаются ассоциативные связи, который не умеет протягивать нить любви от идеи к идее, от человека к человеку, от книги к книге. Я связываю это богатство памяти и ассоциаций с особой культурой души.

Работа моя в ФБОН шла для меня на износ. Во-первых, я работал на библиографическом конвейере для бюллетеня новой литературы по историческим наукам, который выходил ежемесячно. Это занятие было изматывающим, потому что приходилось работать с разными языками, разными шрифтами, разными темами, разной цветностью бумаги, что привело к тому, что я основательно подпортил себе зрение. Кроме того, я реферировал литературу и политическую, и философскую теологическую, и социологическую.

Как ни было мне трудно, я с благодарностью вспоминаю свою работу в ФБОН, потому что она открыла мне сокрытую, заприщенную в те годы настоящую культуру мышления, настоящую культуру веры, веры зрячей, мыслящей. Сейчас свежо предание, но верится с трудом. Для того чтобы получить Библию для постоянной работы над буржуазной литературой, мне пришлось взять для отдела хранения особую справку в дирекции.

Вообще-то, в спецхране ФБОН обстановка была довольно либеральная. Мне, например, впоследствии невозбранно давали книги Владимира Соловьёва. А ведь тогда в библиотечном деле Советского Союза господствовал так называемый рекомендательный принцип, т.е. партия решала, что мне читать, а что не читать. И я помню, что, когда я работал в спецхране Библиотеки иностранной литературы во времена, когда директором библиотеки была Л.А. Гвишиани (дочь А.Н. Косыгина), там очень твердо проверяли, берешь ли ты книги по теме или не по теме и на тех ли языках, которые ты указывал. Поэтому я как опытный советский перестраховщик научился всегда очень широко указывать для спецхранов темы своей работы.

Три года работы в ФБОН ознаменовались для меня сменой мировоззрения. От критического марксистского гуманизма я перешел на позицию религиозного персонализма, в какой и пребываю по сей день и в таком 40-летнем постоянстве не раскаиваюсь. Уже четыре десятка лет после этого я сижу в одной и той же философской системе, руководствуюсь теми же научными интересами. Можно сказать, заскорую в этих своих воззрениях и занятиях.

В ФБОН я пришел агностиком. Толчком к вере для меня стало рождение моей дочери, когда я столкнулся с суверенностью жизни другого человека, слабого, маленького, зависимого от меня, но все же суверенного в своем происхождении, и это было для меня большим потрясением. Концептуализировать это новое чувство мне помогли книги Владимира Соловьёва.

Однако хотя я и думал, когда пришел в это учреждение, что буду работать в нем всю жизнь, но потом мне работать стало весьма тяжело, и не только потому, что сам процесс был очень тяжелый, и меня заставляли очень много реферировать итальянскую социалистическую и коммунистическую литературу чисто идеологического плана, от которой мне было тошно, хотя итальянской мысли в целом я очень многим обязан. И не потому, что постепенно часть коллег стали меня немного подтравливать, во-первых, за мои религиозные увлечения и, во-вторых, за увлечение англосаксонской терминологией, что и тогда и позже долгое время казалось полной крамолой. Дело было еще и в том, что я с юности увлекался теорией исторической науки, и мне уже хотелось не только пересказывать чужие тексты, но и создавать собственные. А для этого мне уже было нужно немного больше свободного времени и немного больше возможностей для собирания внимания.

Ушел я из ФБОН по приглашению профессора Юрия Александровича Замошкина¹ в Институт международного рабочего движения с большим риском, потому что предчувствовал, что рано или поздно меня оттуда с треском выгонят из-за моих религиозных убеждений. После того как меня действительно там «разоблачили» как верующего человека, я ушел в Институт востоковедения, где работал 19 лет до самой перестройки и работаю и поныне, совмещая эту работу с руководством религиозно-научным центром Библиотеки иностранной литературы. Но мое сотрудничество с ИНИОН-ФБОН продолжалось еще много лет. Еще много лет

¹ Замошкин Юрий Александрович (1927–1993), философ, доктор философских наук, профессор. – *Прим. сост.*

я писал рефераты для Отдела науковедения и больше всего для Отдела востоковедения. Писал я рефераты и для Отдела научного коммунизма. Что такое научный коммунизм? На самом деле в тогдашней идеологической номенклатуре просто не было другого термина для обозначения самых животрепещущих мировых проблем, и вся эта область называлась научным коммунизмом.

Связь с этим учреждением оказалась для меня судьбоносной, великой удачей и великой радостью моей жизни, великой радостью приобщения к замечательным книгам, людям, идеям. За многолетнюю связь с этим учреждением, где я до сих пор остаюсь читателем, несмотря на работу в другом институте и библиотеке, и за связанную с этим радость я благодарю и Господа, да будет имя его благословенно, и людей, да будет благословенна их память и жизнь!

М.А. Чешков

ТРИ ГОДА РАБОТЫ В ФБОН

Мне довелось работать в ФБОН с 1964 по 1967 г., и я считаю, что пребывание здесь было незаменимо для моего дальнейшего научного развития. Работал я в двух отделах. Это в первую очередь Отдел каталогизации, возглавляемый Софьей Константиновной Виленской, и отдел, занимающийся Востоком, которым руководила Софья Иосифовна Кузнецова.

Попал я сюда случайно и вот какими судьбами. Я закончил в свое время истфак МГУ специалистом по Вьетнаму, но затем, поскольку меня не удовлетворяло мое историческое образование, поступил в аспирантуру экономического факультета. Но свою кандидатскую диссертацию о вьетнамской буржуазии писал уже в лагере (мне очень помог посылкой материалов мой научный руководитель академик Александр Андреевич Губер), куда угодил в 1957 г. по делу Л. Краснопевцева¹. Там у меня была возможность заниматься этим делом после нашего семи-восьмичасового рабочего дня. Когда я вышел оттуда в октябре 1963 г., текст диссертации у меня уже был готов.

Сразу после возвращения из лагеря мне удалось поступить во вьетнамскую редакцию издательства «Прогресс», где мы занимались изданием работ Н.С. Хрущёва на вьетнамском языке.

После его удаления от власти наши труды перестали быть нужны, и я оказался без работы. Не помню уж точно, кто меня познакомил с Софьей Константиновной Виленской, которая с помощью и

¹ По делу аспиранта и секретаря комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ Л.Н. Краснопевцева («делу историков») 14 августа 1957 г. было арестовано девять человек – преподавателей и аспирантов МГУ, которым были инкриминированы участие в создании антисоветской группы и антисоциалистическая деятельность.

при содействии Инессы Александровны Ходош пошла к В.И. Шункову и уговорила его взять меня на работу. Я думаю, что это было довольно трудно сделать, потому что и так тогда здесь было достаточное количество всяких «идеологических калек» – репрессированных, диссидентов и т.д. Меня зачислили в Отдел каталогизации, и там я проработал в общей сложности около двух с половиной лет. Именно тогда я по-настоящему понял, насколько полезно для научного сотрудника первоклассное информационное «питание».

Я попал в очень хороший, просто великолепный, на мой взгляд, коллектив, который создала Софья Константиновна, где работа была четко организована, и не было ни интриг, ни подсиживаний. Все работали прекрасно. Не могу назвать ни одного человека (может быть, за исключением одного-двух), который бы из этого коллектива выбивался. Помню, перед диссертацией, которую я защитил 1965 г., когда я был слишком занят своими делами и несколько запустил работу, Софья Константиновна мне сделала очень вежливое, но строгое замечание, которое на меня сильно подействовало. Я считаю, что мне очень повезло в том, что довелось работать в этом коллективе.

Заниматься рубриками предметного каталога было очень интересно, но не менее интересной была и работа для Отдела Востока, где я в первую очередь сотрудничал с А.В. Гордоном. Помню, там потом работали Ю.И. Комар, А.И. Фурсов, С.М. Макарова. Та работа, которую вел этот отдел по составлению реферативных сборников, мне очень нравилась. Я вообще считаю, что наше востоковедение, наука, занимающаяся развивающимися странами и «третьим миром», без этих РЖ не смогла бы стать тем, чем она стала сейчас. Я бы даже сказал, что усилия этой реферативной группы во многом способствовали становлению той линии в нашем отечественном востоковедении, которую можно назвать теоретическим востоковедением и которая до этого у нас совершенно отсутствовала. Оценивая их так высоко, я исхожу из того, что, по моему мнению, страноведческий принцип, преобладающий и сейчас в нашем востоковедении, в значительной степени устарел, хотя он и постоянно возобновляется за счет основанного на нем востоковедческого образования и информознания. Реферативные же издания этой группы в значительной степени способствовали созданию теоретического корпуса отечественного востоковедения.

Имея дело непосредственно с первоклассным западным материалом, эти издания давали и новую информацию, и аппарат научных понятий, категорий. А это было очень важно, потому что

наше мышление в категориальном отношении было очень аморфным, и эти издания, калькируя, или просто буквально перенося западные понятия на нашу почву, приучали нас к тому, что научное знание о Востоке – это знание комплексное, категориальное, объединяющее знание о доколониальном, колониальном и послеколониальном Востоке. Поэтому, я думаю, они могут рассматриваться как существенный шаг в становлении того, что уже в то время стало называться науковедением в области социально-гуманитарного и философского знания. Эта линия востоковедения у нас раньше по существу отсутствовала, и для ее введения этот отдел сделал очень многое.

Особенно полезной для меня была работа с А.В. Гордоном, который всегда стремился, чтобы мы в своих рефератах делали акцент на процесс и структуру самого знания. Помню, я писал рефераты по работам И. Валлерстайна, которым много занимался и А. Фурсов. Это сотрудничество развивало у меня интерес к структуре самого знания, и именно тогда меня стали интересовать проблемы науковедения.

Наши рефераты позволяли рассматривать научное знание самостоятельно и в связи со знанием философским, что особенно проявилось в рефератах и собственных трудах Г.С. Померанца, который умел очень хорошо связывать знание Востока и философское знание современного Запада. Е.Б. Рашковский интересно рассматривал востоковедческую тематику через призму идей сначала А. Тойнби, а потом В.С. Соловьёва.

Таким образом, реферативная работа этой группы стала одним из важных факторов в нашем отечественном научном сознании, источником синтетического, комплексного знания. Она соединяла те идейные импульсы, которые шли с Запада, и те представления, которые складывались в нашем научном сознании. Западный идейный материал осмысливался сотрудниками этой группы в таком ключе, который давал возможность перебросить мостик между западной и отечественной наукой, что способствовало существенному сдвигу в нашем научном познании.

К сожалению, как таковая теоретическая ветвь впоследствии так и не оформилась в нашем востоковедении, несмотря на то что для этого многое делали такие ученые как В. Ким, И. Рейснер, Л. Васильев, А. Меликсетов и другие. Хотя это направление все же имело влияние, отчасти проявившееся в ИМЭМО, куда после перестройки перешла группа сотрудников Института востоковедения. Некоторые проблемы теоретического востоковедения остава-

лись открытыми и в новых рамках. В первую очередь речь идет о соотношении Востока и «третьего мира», обоих этих исторических миров в современной (XX век) мировой системе, о балансе специалистов и теоретиков в этих новых организационных рамках.

Несмотря на краткосрочность этого периода в моей жизни, я считаю его очень полезным для себя и своего дальнейшего научного развития во время последующей работы в ИМЭМО.

Э.Н. Жук **«НАС ЗДЕСЬ СТОЯЛО»¹**

Осень 1965 г. После четырех месяцев безработицы, казавшейся совсем уж беспросветной и бесконечной, узнаю, что в ФБОН, в созданную годом раньше реферативную группу требуется сотрудник со знанием польского и чешского языков. Имеющим гуманитарное образование обычно редко удается найти работу, соответствующую полученной специальности. Я окончил истфак МГУ по кафедре истории южных и западных славян, и предлагаемая работа была несомненной удачей.

Написав два пробных реферата, я отправился за отзывом к Надежде Ноевне Косорез, возглавлявшей тогда реферативную группу. Навстречу мне по коридору широким, военизированным шагом быстро шла женщина лет 50, с короткой стрижкой, в клетчатой рубашке. Протянув мне один из рефератов, она сказала (до сих пор помню каждое ее слово): «Ну что ж, русского языка вы не знаете вообще, а чешский – еще нужно проверить». Говорила она с едва заметным английским акцентом. Позже я узнал, что родилась Н.Н. и, кажется, до 12-летнего возраста жила в США. Ее отец был инженером-мостостроителем. Откликнувшись на призыв советского правительства к иностранным специалистам оказать помощь нашей стране в восстановлении народного хозяйства, он вместе с семьей во второй половине 1920-х годов приехал в Советский Союз, где много и плодотворно работал. Одной из наград стала для него трехкомнатная квартира в «сталинском» доме на Фрунзенской набережной, где после смерти родителей жила Надежда Ноевна со своей младшей сестрой.

¹ Анна Ахматова: «Вас здесь не стояло».

Суровый вердикт Н.Н. хотя и был неожиданным, скорее позабавил, чем огорчил меня, поскольку в ее голосе, несмотря на строгость, я не почувствовал недоброжелательства. Одним словом, я был принят на работу с испытательным сроком в два месяца.

Фундаментальная библиотека в те годы размещалась в особняке, принадлежавшем до революции нефтепромышленнику Григорию Мартыновичу Арафелову. Здание было построено в 1913 г. по проекту архитекторов А.Г. Измирова и братьев Весниных¹ и являло собой стилизацию построек московского ампира. Интерьер еще хранил остатки былой роскоши – громадные зеркала в Белом зале, лепные потолки, мраморные подоконники, бронзовые ручки на окнах и массивных дверях. Реферативная же группа обитала в мансарде, в трех маленьких комнатах, занимаемых в прежние времена, по-видимому, прислугой или какими-то хозяйственными службами. Одна из комнат была завалена подшивками белогвардейских и эмигрантских газет, которым не нашлось, по причине тесноты, места в спецхране. Мы, естественно, с большим интересом читали их.

К моменту моего прихода в реферативную группу в ней работали 11 человек: Н.Н. Косорез, Г.А. Антонос, К.А. Беляева, Л.Б. Бибилова, С.П. Кабатова, В. Лазарев, М.И. Левина, К.Г. Мяло, Э.Ф. Петров, М.Л. Полищук, Е.Б. Рашковский. В основном это были выпускники исторического и философского факультетов МГУ. Средний возраст группы был немногим более 33 лет. Самыми пожилыми (по 50 лет) были М.И. Левина и Н.Н. Косорез. Сравнивая со средним возрастом научного сотрудника ИНИОН в наши дни – просто молодежь! Спустя два-три года на работу в группу пришли И.Е. Попова, Е.Я. Додин, Л.Н. Верчёнов, А.Б. Каплан, А.И. Сперанский, Ф.А. Фёдорова.

Суть работы состояла в том, что «наверх» в Президиум АН посылались аннотированные списки наиболее важных и интерес-

¹ К сожалению, автор приводит не вполне точные сведения, касающиеся истории здания, в котором размещалась ФБОН. Его заказчиком стал владелец земельного участка И.Е. Пономарёв. Проект был выполнен архитектором К.Ф. Буровым. Время постройки особняка – с 18 мая 1899 г. по 8 мая 1900 г. Новые строительные работы были заказаны в 1912 г. очередным владельцем здания Г.М. Арафеловым гражданскому инженеру А.Г. Измирову и его помощнику – технику И.П. Румянцеву. Также в работах принимали участие гражданские инженеры А.А. и В.А. Веснины. См.: Лазарев А.В. Историческая справка по дому 11 в Малом Знаменском переулке // Теория и практика общественно-научной информации: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. БЕН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С., гл. ред., и др. – М., 2011. – Вып. 20. – С. 182–188. – *Прим. ред.*

ных книг и статей (преимущественно зарубежных) по философии, политологии, социологии, экономике, поступающих в библиотеку, а затем эти списки возвращались к нам с отмеченными галочкой работами. Их-то и нужно было реферировать. Затем готовые рефераты рассылались «заказчикам». По мере накопления из этих рефератов создавались тематические сборники, выпускаемые небольшими тиражами под грифом «Для служебного пользования».

Нет сомнения в том, что продуктивная работа реферативной группы на протяжении нескольких лет и стала толчком в реализации идеи создать Институт научной информации в области общественных наук. Не имея реальных результатов вряд ли удалось бы доказать целесообразность создания такого института.

Между тем подходил к концу второй месяц моего испытательного срока. Я заметил, что отношение Надежды Ноевны ко мне стало меняться в худшую сторону. Причина этого была поначалу непонятна, тем более что по работе претензий ко мне не было. Я не стал тянуть время и напрямую спросил у Н.Н.: «Мне искать работу?» – «Да!» – был ответ. Позже я узнал о появлении «конкурирующей фирмы» в лице моей однокурсницы, заручившейся поддержкой в дирекции и якобы не ведавшей о том, что я уже работаю. Может быть, так оно и было, не берусь судить. Мысленно я уже распрощался с ФБОН, стал думать о поисках работы. Но тут на помощь мне неожиданно пришел «спаситель» в лице корифея польской социологии Яна Щепаньского. Напоследок, перед уходом я написал реферат на его новую книгу. На Н.Н. он произвел впечатление. Она показала реферат нескольким ФБО-Новским «авторитетам», которые по прочтении в один голос заявили, что работа очень интересная, а реферат хорошо написан. Это и решило мою судьбу, я был зачислен в штат. Какое-то время спустя мне сказали, что на решение Н.Н. взять меня на работу повлияло еще и то обстоятельство, что меня, родившегося во время войны на оккупированной немцами Украине, родители называли Эрнстом, что в представлении Надежды Ноевны было проявлением мужества и даже героизма. Хотя на самом деле все было гораздо проще. Просто мой отец, будучи коммунистом-интернационалистом, уходя на фронт, сказал маме, если родится сын, назвать его Эрнстом – в честь вождя немецкого пролетариата. Так она и сделала. Вот и весь героизм.

Отношения с Н.Н. наладились, и одно время я даже носил звание «мой лучший референт», чем вызывал многочисленные шутки коллег. Надежда Ноевна в сущности была добрым, поря-

дочным человеком, но с импульсивным, иногда вздорным, непредсказуемым характером, из-за чего нередко возникали конфликты. С такими качествами трудно руководить коллективом. Назначая Н.Н. завреферативной группой, по-видимому, исходили, прежде всего из того, что она обладала глубокими знаниями, владела иностранными языками. Возможно, сложность характера Н.Н. была обусловлена пережитыми потрясениями (насколько я знаю, в конце 1940-х годов ее исключали из партии, позже, правда, она была восстановлена в ее рядах), возможно, сказалось отсутствие семьи, одиночество. Помнится, как-то с Жорой Антоносом по просьбе Н.Н. устанавливали на ее кухне холодильник и, когда закончили работу, она произнесла сакраментальную фразу: «Наконец-то я поняла, зачем в доме нужен мужчина».

Надо сказать, что к Г.А. Антоносу Надежда Ноевна относилась с большой симпатией, чувствуя в нем родственную душу, поскольку Жора был исключен из МГИМО с 6-го курса, когда ему оставалось сдать госэкзамен. Причина – «антисоветская деятельность» (хотя вся эта деятельность яйца выеденного не стоила). Частенько, устав от поисков Г. Антоноса, Н.Н. буквально врывалась в нашу комнату с возгласом – «Где этот негодяй Жора?!» Но мы-то знали, что гнев этот напускной.

Хотя Н.Н. весьма критически относилась к властям предрежущим, но диссидентом не была. Ее раздражал ортодоксальный марксизм, отсюда – интерес к идеям еврокоммунизма и, прежде всего, к деятельности компартий Италии и Испании. Помню, какое воодушевление охватило Н.Н. во время Пражской весны, когда любимым ее героем стал А. Дубчек. Она просила переводить и реферировать все, что содержало информацию о событиях в Чехословакии о «социализме с человеческим лицом».

В те годы мы все с нетерпением ждали выхода из печати каждого номера «Нового мира». А.Т. Твардовский был тогда еще одним любимым героем Надежды Ноевны. Она долго собирала отклики зарубежной прессы на деятельность «Нового мира» и об его влиянии на общественное сознание, на роль самого Александра Трифоновича в его борьбе с цензурой и идеологическими препонами. Собрал эти материалы в увесистый пакет, мы отвезли его в редакцию «Нового мира». А через некоторое время в библиотеку пришло благодарственное письмо за подписью А.Т. Твардовского, адресованное тов. Косорезу (по фамилии трудно было определить пол адресата; аналогичный сюжет повторился, когда в ИНИОН пришло

письмо из-за границы на имя madame Garochka). Письмо из «Нового мира», помещенное в рамку, долго висело у нас в комнате.

Работа работой, но мы, естественно, жили не только ею одной. Мы были тогда молодые, веселые и задорные, любили пошутить (иногда с элементами розыгрыша и провокации). Однажды, когда в г. Тольятти завершилось строительство ВАЗа, Миша Полищук придумал такую шутку: на доску объявлений вывешиваем бумагу с текстом – «Желающие приобрести автомобиль FIAT должны указать свою фамилию, занимаемую должность и зарплату. Ориентировочная стоимость автомобиля 900–1000 рублей». И подпись – Оргкомитет. Время от времени мы проходили мимо доски объявлений, фиксируя количество записавшихся. Вначале их было немного – два-три человека, а потом как прорвало – записывались все подряд, начиная от коменданта Рябова с окладом жалованья в 75 руб. до замдиректора. Кстати, Рябов «прославился» еще раз, когда в ФБОН ожидали делегацию Библиотеки Конгресса. Обуреваемый «административным восторгом» и осознавая важность момента, комендант ходил по парадной лестнице, разбрызгивая с помощью пульверизатора «хвойную воду», дабы американские гости думали, что сотрудники и читатели библиотеки постоянно пребывают в атмосфере, наполненной озоном и ароматом соснового бора.

Наше объявление, в некотором смысле, стало своего рода микросоциологическим исследованием, которое было прервано контробъявлением: «Представителей оргкомитета по продаже автомобилей FIAT просим зайти в местком». Автором объявления был С.М. Шапиро, замдиректора по административно-хозяйственной части. Говорили, что Семён Минаевич раньше работал «в органах», потому и засомневался в серьезности нашего объявления. Естественно, сдаваться в местком никто не пошел, и стало ясно, что над общественностью нехорошо пошутили. Шапиро на этом не успокоился и даже собирался установить шутников по шрифту пишущей машинки, на которой было напечатано объявление. Но это уже было из области фантастики. На том все и кончилось.

Стены комнаты, в которой сидела большая часть сотрудников отдела, мы расписали «фресками». Е. Рашковский сделал портреты Ивана Грозного и Мао Цзэдуна, а М. Полищук черной тушью нарисовал ряд довольно изящных стилизованных женских фигур. Слухи о наших художествах дошли до партбюро, правда, в искаженном виде. Говорили, что рефератчики (так именовали нас в библиотеке) расписали стены «порнографией». Когда выяснили, что это совсем

не так, нам все равно пригрозили, что покрасят стены за наш счет. Стены действительно покрасили, но «фрески» все-таки проступили сквозь слой краски, что невероятно нас забавляло.

Еще одним видом коллективного творчества были капустники. Сценарий писали сообща, привлекая некоторых сотрудников из других отделов. Стихотворные тексты обычно писал Е. Рашковский, а прозаические – все вместе. Капустники для библиотеки были «планетарным» событием, поэтому в нерабочее время нам разрешали сочинять и репетировать в кабинете В.И. Шункова, директора ФБОН. Темы капустников были самыми разнообразными – «Свадьба», «Китайский» и др., но это была, скорее, форма, а содержание – сатирическое и юмористическое представление тех или иных производственных (и не только) коллизий. В дни, когда устраивались капустники, людей набивалось в Белый зал в два раза больше, чем он мог вместить. Активное участие в них принимали сотрудники разных темпераментов и возрастов – М. Полищук, Е. Рашковский, мой однокурсник М. Корнилов, Г. Рудяков, А. Орлов, Л. Фарбер, А. Непомнящая, Е. Серебряная, Н. Визильтер, А. Баракчеева и даже Г. Померанц. Успех капустников всегда был безоговорочным. Помню, после одного из них, где я исполнял роль «сына степей, горного орла, акына Аула Аулова», меня не раз затаскивали в разные отделы с просьбой исполнить его куплеты.

В 60-е годы культурная жизнь в ФБОН, естественно, не ограничивалась «внутренними ресурсами». В библиотеке постоянно устраивались творческие вечера поэтов, писателей, актеров, композиторов. Помню выступления С. Образцова, Н. Коржавина, В. Солоухина, М. Таривердиева, сестер Лисициан, актеров Театра сатиры и многих других. Особенно запомнился вечер Иосифа Бродского, приехавшего в Москву после архангельской ссылки. В Белом зале собралось «пол-Москвы». На подобного рода мероприятиях библиотечное начальство всегда присутствовало, занимая первый ряд. И вот когда Бродский, в свойственной ему манере чтения, возопил: «Мимо ристалищ и кладбищ...», руководство наше встревожилось, стало нервно переглядываться и перешептываться: «Кто такой? Кто его пригласил?» Тревогу вызывало еще и то, что Белый зал, все проходы и подступы к нему были забиты до отказа, причем в значительной степени людьми, не имеющими к библиотеке никакого отношения. Но потом тревога улеглась, и все обошлось. А однажды (кажется, это был 1967 г.) чуть было не произошла встреча с А.И. Солженицыным. Ему было послано приглашение, он дал согласие. Были напечатаны кустарным спо-

собом и в ограниченном количестве пригласительные билеты с указанной на них датой. Но в последний момент дирекция по своей воле, или по указанию свыше, решила не испытывать судьбу и приглашение отменила. К Александру Исаевичу был отправлен И.А. Энгельгардт с извинительным письмом и заверениями в глубоком уважении к его таланту. Думаю, вряд ли сам А.И. верил, что его визит в ФБОН состоится. Такие были времена.

Раз, а иногда и два раза в год мы ездили в подшефный детский дом под Рузой. Он располагался в усадьбе Волынщина, которая была создана в 70-е годы XVIII в. и находилась тогда во владении князей Долгоруких-Крымских. Поездке в детский дом предшествовали довольно длительные сборы. В библиотеке бросался клич, и все кто мог, приносили одежду, обувь, книги, игрушки и т.п. Всё это в день поездки размещалось по рюкзакам, и мы отправлялись в путь. Вдохновителем и организатором этих походов, как обычно, был Г. Антонос. Надо сказать, что детдом и его обитатели в целом находились в неплохом состоянии, в основном благодаря стараниям директора (не помню, к сожалению, его имени), но дети всегда ждали нас с нетерпением и встречали с радостью. Стоило нам появиться, как они тотчас же облепляли нас, особенно наших сотрудниц. Чувствовалось, как им не хватает ласки. В детдоме мы давали концерты, общались с детьми, раздавали им вещи и подарки. Обычно по одному, по два человека приглашали, чтобы не создавать суету, и каждый выбирал себе по вкусу и размеру одежду. Помнится, зашел в комнату мальчишка лет пяти-шести, такой коренастенький, косоглазенький, но очень симпатичный маленький мужичок. Оглядев все, по-деловому спросил:

– Можно я себе свитер возьму?

– Можно.

– А можно я сестре кофту возьму? (Сестра жила в этом же детдоме).

– Можно.

– А можно я еще шарф себе возьму?

– Конечно можно.

Посмотрев на нас с сознанием выполненного долга, «мужичок» как-то очень по-взрослому сказал:

– Слушай, а здорово я на зиму утепился.

Нас это растрогало почти до слез. Походы в детский дом учили нас сочувствию и состраданию.

Кажется, в конце 1968 или начале 1969 г. Надежда Ноевна Косорез решила уйти с должности завреферативной группой. Воз-

можно, накопилась усталость, возможно захотелось заниматься только научной работой. Одним словом, Н.Н. ушла, а на ее место пришел полковник в отставке, кандидат филологических наук Яков Абрамович Блинкин. Отношения с отделом у него сразу не заладились. Его раздражали наше вольномыслие, нежелание следовать нелепым указаниям и, как ему казалось, разболтанность. Одна из первых задач, которую он себе поставил, прозвучала в брошенной кому-то фразе: «Я разгоню эту шарагу!» Разогнать, правда, не удалось, но некоторые изменения в нашей жизни произошли. Большинство книг и журналов, с которыми работали наши сотрудники, были из спецхрана. Кроме того, мы регулярно получали БПИ (бюллетень почтовой информации), в которых печатались переводы статей из буржуазных газет и сообщения западных информагентств. Мы сами их читали и давали читать другим, т.е. нарушали правила пользования закрытой информацией. Думаю, что именно с подачи Я.А. решено было переселить наш отдел в большую комнату рядом с Белым залом и спецхраном. Одно время у нас даже дежурил кто-то из сотрудников спецхрана, что было довольно глупо, а работникам неловко, но Я.А. был доволен. Армейские методы управления не приживались. Мы частенько подшучивали над Блинкиным. Он обижался. А когда ему говорили: «Яков Абрамович, это же юмор», он с готовностью отвечал: «Ах, юмор? Юмор я понимаю». Мила Бибилова как-то сказала о Блинкине: «Вот пример того, как армия может вытравить из человека все национальные черты». А вообще-то мы воспринимали Я.А. скорее как забавного, нежели сурового руководителя. Помню, как обитая еще в мансарде, отмечали День Советской армии, а Я.А. «гулял» в буфете, где ветеранам накрыли стол. Поднялся он к нам в мансарду навеселе и, когда через некоторое время появился Алёша Сперанский, между ними произошел такой разговор:

Я.А. – Алексей Иммануилович, мы вас ждем, ждем, а вы где-то ходите.

А.С. – А я ездил за ключами от новой квартиры.

Я.А. – Вот прекрасный повод обмочить ключи!

Нам было довольно странно услышать такой оборот речи из уст человека, написавшего диссертацию о творчестве итальянского писателя эпохи возрождения Франко Сакетти.

Правление Я.А. длилось недолго. С созданием в 1969 г. ИНИБОНа (позже «Б» пропала) власть переменялась. Блинкин перешел в Отдел европейских соцстран, где, говорят, стал спокойным, адекватным и полностью избавился от армейских комплек-

сов. Надежда Ноевна вернулась в Отдел истории, в котором когда-то работала. А через несколько лет она уехала в США. Поначалу Н.Н. собиралась съездить по приглашению, но когда пришла в посольство за визой, ей сказали, что в этом нет необходимости, поскольку родившись в Нью-Йорке, она автоматически обрела гражданство США. В общем, уехала Н.Н. и не вернулась. Жила она в Бостоне, говорят, полностью адаптироваться к тамошней жизни так и не смогла, и даже жалела о содеянном, и мы тоже жалели, но что случилось, то случилось.

Итак, реферативная группа прекратила свое существование. Сейчас из ее состава в ИНИОНе осталось всего два человека – Л.Н. Верчёнов и автор этих строк, а тогда группу в полном составе назвали Отделом научного коммунизма и прислали нового заведующего – Я.М. Бергера. Вначале мы отнеслись к нему настороженно, но убедившись в его демократичности, интеллигентности и наличии чувства юмора, приняли. Тем более что было с кем сравнивать.

В период становления ИНИОНа в отделе постоянно появлялись новые люди. Одни приходили ненадолго, затем переходили в другие отделы, иные уходили совсем, кто-то оседал надолго, а то и навсегда. К середине 70-х годов численность отдела стабилизировалась, составив почти 40 человек. Научный коммунизм для всех нас был тогда *terra incognita*, но постепенно мы освоились и вошли в курс дела.

В конце 60-х – начале 70-х годов в марксистской науке стала разрабатываться концепция развитого социализма. Поскольку проблема была новой, многие сперва даже не знали как правильно говорить: развитый или развитой социализм. Помню, по этому поводу разгорелся спор. Парторг отдела Снегина Жакова утверждала, что развитой – это выдумка малообразованных партийных функционеров, а правильно надо говорить *раз*витый социализм, на что Жора Антонос, хитро улыбнувшись, сказал: «Снегина, ты не права. *Раз*витым может быть Рабинович, а социализм – только развитой».

В отделе было много ученых, а «больших ученых» еще больше. Все хотели создавать «нетленки», но надо было оправдывать название отдела и выпускать соответствующую продукцию с желанием или даже без отсутствия оного. «Нетленки» тоже создавались, и, прежде всего, нужно назвать работы М.Вебера и К.Ясперса в великолепных переводах Маргариты Иосифовны Левиной, человека необычайной скромности и деликатности.

В 1984 г. с уходом Л.Н. Верчёнова на должность ученого секретаря института Я.М. Бергер поручил мне редактировать «зару-

бежный» РЖ, чем я и занимался вплоть до ликвидации Отдела научного коммунизма. Последний, шестой номер журнала за 1990 г. храню как память о далеко не худшем периоде своей жизни.

С октября 1990 г. нас в очередной раз переименовали. На сей раз в Отдел культурологии.

В конце 80-х – начале 90-х годов из института многие сотрудники стали уходить в поисках лучшей доли. Спустя какое-то время, смотрю – один появился, второй, третий, четвертый. Думал, приходят в институт как читатели, а нет – попросились обратно. Вероятно, оказались невостребованными на стороне, или сила притяжения ИНИОНа возобладала. Говорю это не в осуждение, а в подтверждение максимы – от добра добра не ищут. За годы работы в ФБОН-ИНИОН я неоднократно получал предложения сменить работу, некоторые были весьма заманчивыми, но после недолгих раздумий я всякий раз отказывался и нисколько об этом не жалею. Такие дела.

Я.М. Бергер **ИНИОН в моей судьбе**

В ИНИОН меня привела довольно долгая жизненная дорога. Уже много лет я изучаю Китай, но как раз китаистом я и не собирался быть. В школе мечтал заниматься математикой. Потом так получилось, что на нашу школу не дали золотой медали, дали три серебряных и, чтобы ее получить, надо было пойти на снижение какой-либо одной оценки, кроме сочинения по литературе (в этом случае и серебряной медали не полагалось). Мне оценку снизили как раз по математике. И математическая дорога оказалась для меня закрытой.

Мой товарищ и соученик Юра Новгородский решил пойти учиться в Институт востоковедения, поскольку у него там преподавал отец, и он пригласил меня с собой. Для поступления достаточно было сдать только немецкий язык, все остальное засчитывалось без экзамена, а с немецким у меня проблем не было. Я спокойно сдал экзамен и уехал отдыхать.

Уже потом я понял, что этот институт принципиально не предназначался для меня и мне подобных, в том числе и по зрению, но, главным образом, в силу пресловутого пятого пункта в анкете – национальность. В те годы евреев не принимали во многие институты. В дирекции института меня всячески стали уговаривать, чтобы я забрал документы, но я оказался достаточно упрямым молодым человеком. В результате меня все-таки приняли в Московский институт востоковедения, который я благополучно закончил в 1952 г. Несколько позже мой институт закрыли, а недоучившихся студентов перевели в МГИМО.

На комиссии по распределению всем моим товарищам по выпуску предложили работу по специальности: кого в МИД, кого во Внешторг, кого в ТАСС, кого на радио. Мне же, с моим крас-

ным дипломом, предложили ехать преподавать английский язык школьным учителем в какую-то тьмутаракань, от чего я отказался, полагая себя по праву профессиональным китаистом, на подготовку которого государство затратило немалые деньги. Я попытался поступить в аспирантуру Института востоковедения АН СССР по древней истории. Сдал три экзамена (английский и китайский языки и специальность) на пятерки, но по марксизму мне поставили четверку. Когда я поинтересовался почему, мне ответили, что это вполне хорошая оценка. И этого было достаточно, чтобы «отфутболить» меня от аспирантуры. Я остался без распределения и без возможности продолжить учебу.

Оказавшись без постоянной работы (а это был 1952 г. и надежды на скорое трудоустройство не было), мне пришлось прибавляться случайными заработками: переводами, рефератами. Я уже был женат, супруга училась на пятом курсе и была беременна, так что позарез нужно было добывать пропитание. К счастью, бывший мой институтский преподаватель по военному переводу И.В. Меньшиков подсказал мне обратиться в ВИНТИ, который издавал реферативные журналы по естественным наукам. Меня там приютили, и я стал зарабатывать там неплохие по тем временам деньги.

Я занимался реферированием работ китайских ученых по математике, биологии и другим естественным наукам, которых, конечно, толком не знал. Поэтому ходил в Ленинскую библиотеку, в научный зал, где набирал необходимую литературу, «въедался» в надлежащую проблему, осваивал термины, понятия и, таким образом, более или менее сносно писал рефераты.

Так продолжалось года полтора. Потом, после того как в марте 1953 г. скончался «отец народов» и было прекращено «дело врачей», грозившее мне и моим соплеменникам как минимум высылкой из Москвы, меня встретил на лестнице сосед по подъезду, известный геоморфолог, который знал меня с детства. «Ты все еще без работы? – спросил он. – Хочешь устроиться в Институт географии? Есть вакансия младшего научно-технического сотрудника на 83 руб., пока не в штате, но с осени могут взять в штат». «Конечно!» – без колебаний ответил я, плохо еще понимая, что мне предстоит, хотя по диплому и числился страноведом по Китаю, и, стало быть, какими-то начатками географических знаний располагал.

Первое время в Институте географии я занимался переводами с китайского для монографии по физической географии Китая, которую готовили мои старшие коллеги, самостоятельно добывая

литературу, где только было можно. Но довольно скоро перестал довольствоваться только этим. Начал писать статьи, работал с китайскими делегациями, стал публиковаться в сборниках, в журнале «Известия» АН географической серии, принимал участие в научных конференциях, а затем и выступил на Международном географическом конгрессе в Киеве.

В институте работали специалисты, которые занимались геоботаникой, геоморфологией, зоогеографией, гляциологией и другими естественно-научными дисциплинами. К пришельцам из иного научного мира, к чужакам, которые не оканчивали геофака, относились напряженно. Особо там не любили чистых экономистов. Правда, экономгеографов еще терпели, поскольку они только наполовину гуманитарии. А у меня ситуация была еще сложнее: вместо общераспространенного географического образования было малопонятное страноведческое. Ведь я о географии раньше не помышлял, скорее, историей заниматься хотел. Вот и пришлось грызть гранит новой для себя науки с самых аздов.

В 1957 г. заместитель директора института, великолепный ученый и прекрасный человек, Эдуард Макарович Мурзаев, предложил мне поехать в Китай в составе возглавляемой им совместной китайско-советской комплексной экспедиции в Синьцзян. Я был самым молодым в советской части экспедиции, состоявшей всего из восьми человек. Но среди значительно более многочисленной китайской части было немало юношей и девушек, еще моложе меня, только что закончивших университет, с которыми я много общался и сдружился. Экспедиционный быт этому сильно способствует. Общался и с местным населением, среди которого были не только ханьцы, но также уйгуры, казахи. Некоторые из них в 1930-х годах бежали от раскулачивания и коллективизации из СССР. Позже они попали под такой же каток в Китае.

Для меня экспедиция была великолепной профессиональной школой, о которой можно было только мечтать. Там мне – начинающему исследователю – высококлассные специалисты разъясняли основы работы на местности и разные естественно-географические премудрости.

В 1958 г. удалось мне в Китае поработать еще раз, на стажировке в Институте географии Академии наук Китая. Там меня очень хорошо приняли, вплоть до того, что я имел свой ключ от библиотеки и мог брать с полки любую книгу. Много пользовался и статистикой. В результате удалось собрать достаточное количество неплохих материалов.

Однако поездка в 1958 г. в Китай меня сильно выбила из колеи. Перед этим я подрядился писать в издательстве «Географгиз» книгу – «Очерки по географии экономики и населении Китая», которую планировалось издать к десятилетию КНР в октябре 1959 г. Я попал в Китай в момент огромных потрясений: «большого скачка», образования коммун. Мне удалось проехать чуть ли не весь Китай с севера на юг и с востока на запад и многое повидать. Я увидел воочию невероятные идеологические и политические эксперименты. С одной стороны, огромный энтузиазм народа, а с другой – использование этого энтузиазма не в лучших целях. Везде в Китае висел лозунг: «Три года упорного труда, десять тысяч лет счастья». Упорный труд, действительно, был. Пытались увеличить урожай, разрыхляя не только почву, но и подпочву на большую глубину. Строили в каждом дворе печи, стремясь догнать Америку по выплавке чугуна и стали. Отказывались от семейного быта, желая быстрее шагнуть в коммунизм. Но вместо счастья получили жесточайший повальный голод, истребивший десятки миллионов людей. Все это не могло не потрясать, психологически воспринимать происходящее в стране стало сложнее.

Диссертацию я закончил только в 1962 г. К этому же периоду относится и мое знакомство с Львом Петровичем Делюсиным, который впоследствии принял меня на работу в ИНИОН. Это знакомство случилось при чрезвычайных, можно сказать, почти трагических для меня обстоятельствах.

Дело было в сентябре 1962 г. После многомесячных и многолетних творческих и нетворческих мучений я, наконец, как говорят, «вышел» на защиту кандидатской диссертации. В те времена это означало не только операции по подготовке собственно опуса (написание, перепечатку на машинке, облачение в переплет и т.д.) и автореферата, но еще и публикацию в газете объявления о времени и месте защиты, дабы каждый желающий и просто прохожий мог зайти на заседание Ученого совета и высказать все, что думает по поводу подзащитного и его творения, а, возможно, и прочие важные мысли.

Вот ласкающее глаз объявление появилось в газете (а нужно было отстоять немалую очередь из жаждущих получить «корочку»). Все остальное тоже в ажуре: кворум совета после летних отпусков набирается, отзывы оппонентов тешат самолюбие, и даже деньги на скромный фуршет отложены. И тут как гром среди ясного неба: сразу после публикации, за две недели до торжества, институтское начальство с прискорбием сообщает, что моя защита

отменяется. Защита моего напарника (кандидатские рассматривались на одном совете попарно, а докторские – поодиночке) Володи Котлякова¹, позже академика и директора того самого академического Института географии, в котором вся эта драма происходила, состоится, а моя, увы, нет. Придя как-то в себя после ошеломляющего удара, начинаю, запинаясь, расспрашивать. Отводят глаза, говорят что-то невнятное. Как мне-то быть, говорю, ведь объявление, люди придут, возможно. В ответ – как-то загадочно: вот это-то как раз мы и не хотели бы. Ты скажись больным, бюллетеня не нужно, а на совете мы объявим, что диссертант заболел, защита откладывается, пока до выздоровления, а там видно будет. Последнее настораживает. Всё же непонятно, зачем нужно откладывать. Да еще притворяться больным...

Ощущая смутную, но неотвратимо надвигающуюся угрозу, прилагаю максимум усилий, использую все свои возможности, а главное – доброе расположение кое-кого из институтского и академического начальства, чтобы все-таки понять, что, в сущности, происходит. И наконец, тайное приоткрывается (как потом выяснится, далеко не полностью). Оказывается, защита отменена по прямому распоряжению (правда, устному, по телефону) ни больше ни меньше, как Главного ученого секретаря Академии наук СССР академика А.В. Топчиева, и пока это указание в силе, никакой защиты быть не может. Трудно вообразить глубину моего искреннего недоумения: с чего это вдруг столь высокому чиновнику, озабоченному грудой государственных и научных проблем, понадобилось заниматься кандидатской диссертацией какого-то заштатного младшего научного сотрудника? Но ничего путного сообразить не могу.

Опять к друзьям: помогите понять, что происходит. И тогда один из них, Александр Григорьевич Яковлев, светлая ему память, надоумил: не иначе как без ЦК дело не обошлось. А кто может там знать что-нибудь? Обратись ко Льву Петровичу Делюсину, он там важный пост занимает – консультант, может, ему удастся что-то разузнать. Да я с ним незнаком, неловко как-то. Ладно, соглашается Саша Яковлев, я попрошу его принять тебя, а ты потом ему позвони, вот телефон. Звоню дрожащим голосом. Лев Петрович отвечает: приходи сразу, у тебя партбилет с собой? Начинаю мяться, дескать, с собой нет. Постеснялся сказать, что вообще-то я не

¹ Котляков Владимир Михайлович (р. в 1931), географ, академик РАН (1991). – *Прим. сост.*

член партии. Хорошо, говорит, пройдешь по паспорту, зайди сначала в бюро пропусков. Прихожу, рассказываю всю историю. Лев Петрович внимательно выслушал, с лица помрачнел, но пообещал разузнать и позвонить. На следующий день звонок: заходи, узнал. Ни жив, ни мертв, прихожу. Смотрит на меня Лев Петрович и жестким голосом говорит: дело, в общем, обстоит плохо. Топчиеву с требованием отменить защиту звонил сам Фрол Романович Козлов, секретарь и член Президиума ЦК КПСС. Ошарашенный, спрашиваю: а ему-то я зачем?

И тогда выясняется вся глубина моего политического невежества. Оказывается, за время, пока я колупался со своей диссертацией, произошли важные перемены не только в советско-китайских отношениях, которые стали много хуже, чем были, но и, что еще более для меня важно, в том регионе, который был непосредственным объектом моих исследовательских усилий, в Синьцзяне. Чуть ли не восстание там супротив китайских властей, с жестоким подавлением и переходом тысяч уйгур и казахов через границу к нам, в страну дружбы и братства народов.

Нельзя сказать, чтобы я совсем не ведал обо всех этих переменах, но как-то не связывал их со своей собственной судьбой. Дело в том, что диссертация моя не имела ни малейшего отношения к политике. Называлась она добротнo и скучно: «Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР: экономико-географическая характеристика». И касалась она таких далеких от политики сюжетов, как то: природные ресурсы региона, размещение производства и тому подобное. Использовались в основном те материалы, которые мне посчастливилось собрать, принимая участие в уже упомянутой экспедиции в 1957 г. и во время последующей стажировки в Институте географии АН КНР в 1958 г. Политика конечно же не была мне чужда и в те годы. И многое я видел тогда в Китае, что, мягко говоря, не вызывало восторга. Были и лагеря в синьцзянских пустынях для трудового перевоспитания лиц, неугодных властям и высланных из внутреннего Китая, и преследования местных «националистов», и разжалованные в уборщицы «правые» интеллигенты... Но все это никак не входило в содержание диссертации. За что же кара? При чем здесь защита?

Ну как ты не понимаешь? Объявление о защите подогрело ажиотаж в некоторых иностранных посольствах и у некоторых иностранных журналистов. И без того твердят об особом интересе Советского Союза к Синьцзяну, даже о подготовке аннексии. А тут, как

на грех, твоя защита, лишнее подтверждение тайных планов. Что бы ты там ни написал в своей диссертации, очень она не ко времени.

Что же теперь делать? А ничего, напишешь другую диссертацию. Трудно передать чувства, охватившие меня при этом совете. На диссертацию я убил три года очень непростой жизни. Помимо обычных терзаний каждого диссертанта мне еще пришлось вникать в чуждую для меня науку. Ну, а на защиту возлагались самые радужные чаяния. Выбиться из нищеты – это раз. То есть с зарплаты мэнээс без степени в 120 р. подняться до зарплаты мэнээс со степенью в 200 р. И во-вторых, на ту же разницу купить в рассрочку кооперативную квартиру. Жить в 17-метровой комнате в коммуналке с женой и двумя детьми было тяжело. Диссертацию приходилось писать по ночам на кухонном столе. И вот все мечты одним махом порушены, скорее всего – навсегда.

Должно быть, все эти переживания отразились на моей физиономии. Помолчав немного, Лев Петрович уже более мягко сказал: ну подожди немного, не отчаивайся. Тут у нас есть один уйгур – Турсун Рахимов, он отвечает за национальные отношения в Китае и за твой Синьцзян тоже. Поговорю с ним, может, он что-нибудь придумает. Давай твой телефон, позвоню.

Без всякой надежды вернулся домой, отводя взгляд от вопрошающих глаз жены. Делать дома было нечего. В институт не ходил, поскольку не велено. Оставалось ждать, хоть и понимал, что шансы на благополучный исход почти нулевые.

И вдруг на следующий день звонок. Лев Петрович: ну все в порядке, будешь защищаться на закрытом совете, начальство твое в курсе, иди, согласовывай детали. Не могу вспомнить, что со мной тогда творилось. Сказал ли спасибо или онемел от неожиданности. Точно знаю только, что о подробностях не спрашивал: с домашнего телефона не принято было. Так и не узнал, побеспокоили ли лично Фрол Романыча или как-то обошлись без него.

Полетел, как на крыльях, в институт. С надрывом в голосе спрашиваю: как насчет защиты моей, что-нибудь слышно? Улыбаются: слышно, через две недели будешь защищаться на закрытом совете. Ступай, предупреди оппонентов. Я – к ним. Один, как штык, готов соответствовать, а со вторым – неожиданная загвоздка: заболел вдруг – то ли взаправду, то ли ввиду сомнительности ситуации. Срочно нужен третий, не трусливый и не больной. Но эта проблема, слава Богу, разрешилась тотчас. Третьим быть согласился тот самый Эдуард Макарович Мурзаев (заместитель директора института, известный географ, руководитель советской

части Синьцзянской экспедиции, благодаря которому я и попал в эту экспедицию и который много способствовал там, прямо в поле, моему географическому образованию).

Защита прошла как по маслу, без сучка и задоринки. Народу было много, все мне сочувствовали и говорили всякие приятные слова. Никого, конечно, не смущало, что открытая диссертация вдруг стала закрытой. Никому не пришло в голову ставить на ней какой-либо запретительный гриф. Она как была, так и осталась в открытом доступе в родной Ленинской библиотеке, и никого это не волновало. Декорум соблюден, чего же еще? Членами закрытого Ученого совета были те же уважаемые ученые, что и открытого. Все имели допуск. Кроме меня, защищавшего свою открытую работу на закрытом совете.

Не знаю, как сложилась бы дальше моя судьба, если бы не эта защита. В итоге ведь состоялась защита не только диссертации, но, что еще более важно, защита маленького человека от бездушной партийно-государственной машины, которая готова была его раздавить во имя высших интересов.

Впоследствии через много лет Лев Петрович был причастен к защите мной и докторской диссертации, уже не географической, а исторической и не столь аполитичной, как кандидатская, на сей раз вполне официально, в качестве председательствующего на Ученом совете в Институте востоковедения. Надзиратели за китаеведческой проблематикой в родном ЦК партии еще не перевелись полностью, и время от времени они давали себя знать, но столь грубого вмешательства в дела научные они себе позволить уже не могли: пришли иные, перестроечные времена.

Кандидатскую диссертацию я, таким образом, защитил, но в то время наши отношения с Китаем окончательно испортились. Экспедиций и командировок в страну больше не было, с материалами стало совсем худо. А кроме того, хотя я был уже мэнээс – кандидат наук, и получал ощутимую прибавку к зарплате, денег все равно катастрофически не хватало: поскольку в семье уже второй ребенок появился, а перспектив выйти на должность старшего не было. И мой тогдашний руководитель, имя которого мне не хотелось бы называть, предложил резко переменить область моих занятий: перейти в закрытый отдел, который занимался прикладными географическими исследованиями для военных целей, занявшись уже не Китаем, а Европой, Англией. Полгода я пытался освоить новое для меня дело. Но эта работа оказалась недолгой и не пошла впрок. Мой патрон, очень хороший человек, в прошлом

советский разведчик, работавший в Италии, к сожалению, скончался, и я остался у разбитого корыта.

При каждом академическом институте функционировал такой закрытый отдел. Он был и при ИМЭМО, там работали многие отставные генералы, полковники. Наш отдел при Институте географии находился с ними в одном и том же особняке, располагавшемся в самом центре Москвы.

Вскоре после моих неудачных попыток найти себе новое поле деятельности, в 1965 г., возникла еще одна весьма хитрая структура. Она называлась Отделом истории, хотя как раз к истории этот отдел не имел никакого отношения, а, напротив, был нацелен на изучение сугубо современного Китая. В конспиративных целях его создали при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, но работал он на ЦК КПСС, вернее, на его аппарат. Поэтому и был создан по решению ЦК, но формально в системе Академии наук.

Туда набрали несколько десятков китаистов, всех после очень тщательной проверки в КГБ. Я вообще сильно сомневался, что меня туда примут по разным обстоятельствам, в том числе описанным выше, но почему-то взяли. О новом отделе мне сообщил все тот же Юра Новгородский, мой товарищ по школе и Московскому институту востоковедения. Он убедил меня шансом получить, наконец, должность старшего научного сотрудника, которая мне остро была нужна. Привлекала и перспектива заняться чем-то новым за рамками географии. Так мой друг еще раз опередил поворот в моей жизни.

В то время все более обострялись идеологическая борьба и полемика между нашим и китайским ЦК партии. Нужен был орган, который поставлял бы некие теоретические аргументы для такого рода схватки. Поэтому и был создан закрытый отдел под руководством известного китаиста и дипломата Сергея Леонидовича Тихвинского. Разместили его сначала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где ранее базировался Коминтерн, около киностудии им. Горького. Проход к нам преграждали два милицейских кордона. Тем не менее в отделе господствовала камерная, приятельская атмосфера, поскольку собрались там коллеги, давно знакомые друг с другом. Приятную обстановку хорошо дополняли прекрасная цеховская столовая и некоторые другие блага.

Нашим патроном был так называемый Отдел ЦК (известное здание на Новой площади в Москве, где теперь располагается Администрация Президента РФ, пятый подъезд, 4-й этаж), который

так именовался тоже в интересах конспирации. Фактически он занимался социалистическими странами, но в его названии были и еще какие-то слова, типа «руководства революционным процессом» или что-то в этом роде, которые нельзя было вслух произносить, поэтому его именовали просто «Отдел ЦК». В его составе был и сектор Китая. Международный же отдел ЦК, располагавшийся этажом выше, ведал капиталистическими и развивающимися странами и на него работал ИМЭМО. Отдел ЦК в свое время возглавлял Андропов, который потом ушел в КГБ. Заместителем Андропова как заведующего отделом был Олег Борисович Рахманин. Именно он и его ближайшие помощники курировали всю тематику Китая в нашей науке и политике, и их позиции определяли в то время и значительно позже тональность всех публикаций по Китаю. Недавно вышла книга А.В. Лукина, где многое рассказывается о том, как цензурировали все публикации.

Спустя год, в 1966 г., наш отдел был реорганизован в Институт Дальнего Востока АН СССР, и мы переехали сначала в красное кирпичное здание на улице Кржижановского, а потом – в большой дом на Нахимовском проспекте, д. 32. Новый институт возглавил Михаил Иосифович Сладковский, человек очень непростой судьбы. Я с ним познакомился еще студентом, когда он занимал пост начальника Восточного управления Министерства внешней торговли, а у нас преподавал экономику Китая. В момент создания ИДВ он занимал пост заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС. Мои попытки привлечь к руководству институтом Льва Петровича Делюсина не увенчались успехом.

Статус института оставался полузакрытым, хотя блага, которыми мы пользовались, находясь в помещении Института марксизма-ленинизма, канули в Лету. Но в здание института провели линию спецсвязи, и на столе М.И. Сладковского стояла так называемая «вертушка», по которой он напрямую, без посредников мог связываться со всей номенклатурой, номера спецтелефонов которой были включены в особую постоянно обновляемую книжицу. Существовала в институте и должность заместителя директора по режиму.

Историей Китая, как я уже сказал, в ИДВ особо не интересовались. Вернее говоря, интересовались выборочно, например, в связи с территориальными претензиями Китая к России или применительно к истории КПК и ее руководства. Но в основном занимались политикой, экономикой, культурой, международными отношениями современного Китая. Главной же темой была развертывавшаяся в Китае в то время «культурная революция». Историю в

более широком плане изучали другие институты, например отдел Китая в Институте востоковедения АН СССР, которым одно время руководил Л.П. Делюсин. Историческим исследованиям основательно способствовала также Синологическая библиотека, которая располагала великолепными фондами и отлично справлялась со своими библиографическими обязанностями, вела всю информацию по исторической литературе. По современному же Китаю долгое время почти не было никакой литературы, ни китайской, ни русской. Моя брошюра «К событиям в Китае», написанная под псевдонимом Я. Михайлов в соавторстве с двумя моими коллегами Б.Н. Занегиным и А.М. Григорьевым и вышедшая в 1967 г., была, пожалуй, первой за долгий период более или менее содержательной публикацией о процессах, происходивших тогда в современном Китае. Потом ее перевели на несколько языков.

В Институте Дальнего Востока мне предложили возглавить сектор информации, и я стал создавать систему информационных изданий. Поскольку это был новый институт, все в нем начиналось с нуля. Мы выпускали более или менее регулярно два информационных бюллетеня. Один был посвящен, скорее, текущей, информации. Второй – аналитический. Никаких образцов подобного рода изданий тогда не было. Выпускались, правда, библиографические бюллетени-указатели и реферативные сборники ФБОН, но у нас было нечто иное. Не существовало еще никакой координации информационной работы по линии Академии наук, связей, обменов. Все возникало спонтанно. Во время «культурной революции» в Китае появилось большое количество первичных документов: хунвейбиновских листовок, газет, материалов радиоперехвата, и нужно было с ними работать, обрабатывать для директивных органов и собственной научной работы.

Я начал тогда уже было писать докторскую диссертацию по «культурной революции», но загруженность была очень большой. Особенно после того, как меня перевели на должность заведующего Сектором общих проблем, который специально занимался аналитической работой, анализом ситуации в Китае, написанием разного рода аналитических записок.

Несколько раз я участвовал в коллективной подготовке официальных документов. Часто такая работа происходила вдали от московской жизни, на загородных правительственных дачах. Мы обрывали все связи с Москвой, жили там, работали с утра до вечера, а для расслабления смотрели иногда по вечерам лучшие зарубежные фильмы, которые нам специально туда привозили и кото-

рые в обычный прокат не пускали. Естественно, проживание, а также еда и выпивка были бесплатными.

Сложившейся постоянной группы для такого рода работы не существовало, каждый раз создавали новый коллектив. Там были не только китаисты, но также профессионалы-идеологи, международники. Китаисты были как из Отдела ЦК, так и из нашего института.

Мы готовили промежуточные черновые варианты, куски текста, делали заготовки. Это была многоступенчатая, аккордная работа, в процессе которой многократно обговаривались структура документа, распределение по разделам. Приезжали все более высокие чины, и каждый вносил свою правку, свою лепту. Я до стадии готового текста никогда не добирался.

Выходил результат наших трудов в виде открытого письма ЦК «городу и миру», где излагалась оценка советским руководством ситуации в Китае и обращение к международному коммунистическому движению.

В группе происходило естественное общение, не всегда, впрочем, приятное. Нас всех объединяло одно: отвращение к тому политическому и идеологическому режиму, который господствовал в то время в Китае и который, по крайней мере, кто-то из нас более или менее правомерно отождествлял со сталинским режимом. Борьба с таким режимом и была лично для меня главным духовным стимулом. Но во всем остальном мы были очень разными, у нас были разные ценности, разные вкусы и ориентиры. Помню, например, очень острое свое столкновение с одним из работников Отдела ЦК, ярим ксенофобом и антисемитом. В изрядном подпитии, что для него было нормой, он всячески провоцировал меня на откровения по поводу нашей собственной действительности. Для него главным объектом ненависти были не маоизм и маоистское руководство, а любые инородцы: евреи ли, китайцы ли. И таких людей среди нашей номенклатуры было немало. Во всяком случае, я встречался с ними и позже не один раз. Недаром ходил в то время анекдот об одном нашем высокопоставленном деятеле, который, прибыв в Китай, грозно вопрошал: «Ну, что, евреи, прищурились?»

Избежать напряженности и столкновений было невозможно, поскольку происходило все в замкнутой среде. Мы тесно общались каждый день, каждый час, за обеденным столом, на совещаниях.

Я не думаю, что раньше происходило что-то подобное, во всяком случае с участием китаистов. Тогда ведь был самый разгар «культурной революции», пик напряженных отношений с Китаем,

вплоть до инцидентов на границе. Взаимные обвинения достигали максимального накала – в ревизионизме, в предательстве идеалов социализма и коммунизма, в установлении режима военной бюрократии. Именно изобретение все новых ярлыков требовало некоторой интеллектуальной деятельности, предполагавшей и обработку поступающей новой информации по событиям в Китае. Конечно, идеологические разногласия в коммунистическом движении возникали и раньше, например с Югославией, и эти разногласия, видимо, также нуждались в изготовлении пропагандистских и идеологических штампов. Но я в этом не участвовал, и как это происходило – не знаю.

Но кроме чисто идеологического аспекта в деятельности Института Дальнего Востока присутствовали и элементы научного анализа. Можно сказать, что там происходило становление отечественной школы аналитики современного Китая. Тут уместно вспомнить и ситуационный анализ, который ввел Е.М. Примаков в ИМЭМО, и мы тоже участвовали в таких своеобразных «ролевых играх».

В Институте Дальнего Востока я проработал до 1970 г. В начале мне было интересно заниматься новыми для меня сюжетами, осваивать новые виды деятельности. Потом, однако, все стало приедаться. Воспроизводить многократно сказанное на все более высокой ноте было скучно. А в самом Китае, прежде всего в экономической и социальной жизни, которая меня больше всего интересовала, вплоть до конца 1970-х годов ничего принципиально нового не происходило. Шло по преимуществу все то же политическое и идеологическое противоборство. И тогда мы вместе с моим другом из Института Дальнего Востока Александром Мироновичем Григорьевым решили уйти во вновь созданный на базе Фундаментальной библиотеки Института, где директором стал Л.П. Делюсин, Григорьеву он предложил стать заведующим сектором Китая в отделе Софьи Иосифовны Кузнецовой, а мне сказал: «Знаешь, у меня штатное расписание уже все заполнено. Вот осталась одна ставка – заведующего Отделом научного коммунизма. Есть у нас в библиотеке Реферативный отдел. Люди там при новой структуре Института неприкаянные, а у тебя нет отдела. Возьми их к себе. Будете называться Отделом научного коммунизма, и делай там все, что хочешь». Это меня устраивало. Но несколько смущало то обстоятельство, что среди нескольких десятков сотрудников нового отдела не было никого, кто хотя бы примерно представлял себе, что такое научный коммунизм, включая, разумеется, и меня самого. Потом, к счастью, неожиданно появился молодой человек Альмин Моисеев

вич Рабинович, который закончил как раз МГУ по кафедре научно-коммунизма. Он пришел сам, без всяких рекомендаций, в наш библиотечный особняк на ул. Фрунзе и предложил свои услуги. Подумав, я взял его на работу как единственного специалиста, отвечающего формальному профилю нового подразделения. И я в нем не разочаровался, хотя это и резко увеличило прослойку пятого пункта, поскольку Алик, как мы, превосходившие его по возрасту в два-три раза, звали, оказался на удивление милым, контактным, доброжелательным человеком и очень хорошим, трудолюбивым сотрудником. (Много позже, уже в годы перестройки, когда научный коммунизм и одноименный отдел почили в бозе, Алик тоже бросил прежние занятия, выучился аудиту и стал признанным авторитетом на этой почтенной стезе.)

Бывший Реферативный отдел ФБОН был уникальным человеческим собранием. Там обретались люди разного, но по преимуществу не слишком успешного жизненного опыта, разных специальностей, разных пристрастий и склонностей. До меня отделом управлял полковник в отставке Яков Абрамович Блинкин, любимым присловьем которого, в изображении отшельского насмешника Э.Н. Жука, было: «Жизнь, она умнее нас», что, конечно, справедливо.

Раньше в ФБОН они работали по заданиям Президиума АН и лично вице-президента АН и начальника над всеми общественными науками в СССР академика Петра Николаевича Федосеева. Когда ему требовался какой-то материал по той или иной теме, они его подбирали, реферировали книги, статьи. Еще до образования института начали издавать реферативные сборники. Эти сборники имелись в спецхране библиотек всех гуманитарных академических институтов. Так, мне еще в Институте Дальнего Востока попался на глаза сборник рефератов по западным политическим движениям, прежде всего «новым левым», об идеологии которых я тогда не имел ни малейшего представления. Сборник этот был издан в 1968 г., т.е. в разгар китайской «культурной революции», и произвел на меня сильное впечатление не только наличием определенных концептуальных созвучий, но и необычайной ясностью изложения достаточно сложных идейных конструкций.

Многие сотрудники бывшего Реферативного отдела ФБОН обладали очень высоким уровнем профессионализма. Некоторые отлично владели несколькими иностранными языками.

У них уже был выработан определенный стиль реферирования. Он предполагал абсолютно объективный подход к тексту,

недопустимость каких-либо ценностных суждений референта, полную отстраненность от собственных симпатий или антипатий по отношению к реферируемому тексту. Максимально, что допускалось, это некоторые вводные фразы в особо идеологически опасных местах: «как полагает автор», «как утверждает автор» и т.п. Самым главным требованием было в целостности и сохранности донести точно, без каких-либо искажений до читателя основные исходные мысли автора, нравятся они референту (либо его заказчику) или нет, несмотря на многократное «ужатие» первоначального текста.

Одним из главных ревнителей такого подхода и его фактическим зачинателем была Надежда Ноевна Косорез, которая сама по себе, по своей натуре никак не могла считаться человеком бесстрастным и беспристрастным. Любимыми ее героями были Че Гевара, портрет которого висел в нашем рабочем помещении, и Роза Люксембург. Позже мы с Надеждой Ноевной и еще одной нашей сотрудницей и тоже почитательницей немецкой революционерки Рахилью Самойловной Горелик (супругой известного опального историка Михаила Яковлевича Гефтера и матерью достаточно известного правозащитника Валентина Михайловича Гефтера) выпустили специальный сборник, где особое место заняли мало кому известные, но немаловажные расхождения Розы Люксембург с Лениным в период Октябрьской революции. Надежда Ноевна в совершенстве владела английским, который для нее практически был родным языком, и овладела итальянским ввиду своих особых симпатий к Антонио Грамши и другим неординарным деятелям Итальянской компартии. Позже она уехала из СССР навсегда к родной сестре в США.

Большая часть сотрудников нашего отдела были практически изгоями, они по разным обстоятельствам не имели возможности работать в нормальных академических институтах. Причина была либо в пятом пункте анкеты, либо в идеологической и политической неблагонадежности, либо в сочетании этих двух моментов. Некоторые вступали в недозволенные отношения с иностранцами, другие писали или говорили не то, что не было принято. Короче говоря, отдел был тихой заводью, в которой укрывались нередко потерпевшие крушение, весьма своеобразные, но умные и талантливые люди. Такого количества талантов на квадратный сантиметр служебного помещения я не встречал больше нигде (на кухнях, конечно, случалось). Среди них были литературоведы и театроведы, историки и философы, филологи и психоаналитики.

Мы помещались сперва в одной большой комнате в здании ФБОН на улице Фрунзе на втором этаже. Там насчитывалось до 40 человек в разное время. Точнее, их число колебалось в промежутке между 30 и 40. Уже значительно позже библиотека и некоторые реферативные отделы с дирекцией и прочими службами переехали в специально построенное для нас здание (кстати, очень неудобное) на Профсоюзной улице, а наш отдел и некоторые другие поселили на Якиманке.

Поскольку Реферативный отдел был прежде встроен в библиотечную структуру, то и должности там были библиотечные, и когда с преобразованием ФБОН в ИНИОН мы переходили на институтские должности (младший, старший научный сотрудник), у сотрудников это не всегда вызывало радость. Для некоторых ставка главного библиографа была более почетной и уважаемой, и не все готовы были с ней расставаться.

Ко мне сначала отнеслись довольно настороженно. Особую тревогу вызывало, конечно, переименование отдела. Вряд ли кому-нибудь из них тогда могло понравиться называться «научными коммунистами». Но мало-помалу обстановка менялась, становилась все менее официальной, все более доверительной. Уже довольно скоро люди перестали опасаться, говорили, что думали, и за все долгие годы совместной жизни не было, насколько я знаю, никаких доносов начальству или куда-либо еще. Главное, конечно, было в том, что мы совсем не старались подстроиться под новое название, и каждый имел возможность заниматься тем, что его интересовало, и оставаться самим собой. И когда пять лет спустя мы отмечали отдельский юбилей в просторной арбатской квартире Лидии Фридмановны Вольфсон, это уже был наш общий праздник.

За годы совместной жизни у нас сложились свои неписанные правила и традиции. Женский праздник мы, например, отмечали не только подношением цветов и сувениров прекрасной половине, но и сложением виршей, восхваляющих персонально каждую ее представительницу. Для этой цели мобилизовались все мужчины, способные рифмовать слова. Впрочем, такая же традиция существовала у меня и по месту прежней работы в Институте Дальнего Востока. И когда спустя 30 лет я вернулся туда, я встретил женщин, которые помнили стихи, написанные для них, когда они были совсем юными.

Людмила Михайловна Алексеева, известная участница диссидентского движения, многолетний руководитель Московской Хельсинкской группы, которая семь лет проработала у нас в отде-

ле, в своих воспоминаниях пишет, что это была совершенно оруэлловская ситуация. Уникальность ее состояла в том, что Отдел научного коммунизма фактически занимался антикоммунизмом.

В известной мере это было действительно так. Хотя, возможно, точнее сказать, что главным содержанием нашей тогдашней деятельности было стремление ознакомить советскую интеллектуальную общественность с некоммунистическими концепциями общественного развития. Во всяком случае, именно так («Современные буржуазные теории общественного развития») называлась вышедшая под моей редакцией коллективная монография – как некоторый предварительный итог нашего опыта. Наверное, тогда это могло считаться антикоммунизмом.

Среди нас были уникальные люди. Возможно, первый среди них – Александр Моисеевич Пятигорский¹, ныне известный философ. Помню, он сидел где-то на галерке в нашем общем зале и задавал обычно вопросы абстрактно-теоретического порядка. С высоты своего немалого роста он, например, неожиданно вопрошал: «Яков Михайлович, а как вы думаете, какая существует разница между нормой и институтом?» Я глубоко задумывался и до сих пор не нахожу адекватного ответа на этот вопрос.

К сожалению, мы с ним работали вместе сравнительно недолго, он вскоре уехал в Англию. Александр Моисеевич с самого начала был очень нацелен на отъезд. У него была специфическая манера изучения языка: заучивая тексты целыми страницами.

А.М. Пятигорский – очень яркая личность. Будучи востоковедом, он больше интересовался не страноведением, а проблемами чистой теории, метафизики, семиотики. И пострадал Александр Моисеевич как раз из-за этих своих увлечений. Он поехал выступать на конференцию по семиотике в Тарту, нарушив запрет директора Института востоковедения, и был уволен. В моей личной библиотеке до сих пор хранятся подаренные им труды лотмановского семинара, где была напечатана его статья. Несмотря на свои серьезные штудии, А.М. Пятигорскому было совсем не чуждо и вполне гедонистическое отношение к жизни.

А.М. Пятигорский – не единственный известный мне востоковед, который ушел в иные области знания. У некоторых востоковедов раньше или позже обнаруживается некоторая предраспо-

¹ Пятигорский Александр Моисеевич (1929–2009) – философ, востоковед, филолог, писатель. Один из основателей Тартуско-московской семиотической школы. – *Прим. сост.*

ложенность переходить к занятию какими-либо специальными научными дисциплинами. Возможно, к этому толкает, скорее, широкое, чем углубленное комплексное образование. Занимаясь той или иной страной, знакомишься с разными аспектами ее истории, этнографии, политики, культуры, общественной мысли, но редко – с какой-то сферой достаточно глубоко. Известно, что каждый специалист подобен флюсу, но в данном случае это – очень специфический флюс, способный расти в разные стороны. Всегда остается возможность уйти в те области, которые ранее были тебе известны лишь поверхностно.

Но, возможно, дело тут даже не в наличии или отсутствии востоковедческого образования, а в некоторых особенностях российской ментальности. Точнее говоря, ментальности части российских интеллектуалов. То, чем люди должны заниматься по своей прямой специальности, иногда оказывается слишком узким для их интересов.

В ИНИОНе в целом и в нашем отделе в особенности создавалась уникальная возможность соединения в одном коллективе разных научных специальностей, людей с разным багажом знаний. ИНИОН позволял максимально широко и достаточно глубоко охватывать всю проблематику общественных наук и предельно раздвинуть собственный кругозор.

Определенная специализация, конечно, существовала. Но работа в режиме текущих и иногда экстренных поручений начальства мало способствовала ее развитию. Переход в режим заблаговременного планирования публикаций, свойственный любому научно-исследовательскому институту, позволил лучше учитывать личные научные и иные интересы и возможности сотрудников.

С приходом в отдел я, прежде всего, стремился выяснить область интересов каждого и, насколько возможно, обеспечить свободу выбора. Впоследствии, когда в дополнение к подготовке тематических сборников и обзоров нас обязали также регулярно выпускать реферативные журналы, потребовалась организация коллективной работы, но и здесь, по возможности, учитывались личные склонности. Так или иначе в конечном счете нам удалось сформировать более или менее гармоничное сочетание солирующих голосов и оркестра.

Через наш отдел за два десятилетия его существования прошли самые разные люди. Одни задерживались надолго, другие скоро находили себе новое пристанище. По-разному складывалась их дальнейшая жизнь. Но вся слава ИНИОНа, все его заслуги – в этих людях.

О Пятигорском я уже упоминал. Можно назвать еще немало. Например, великолепный неразлучный тандем: Рената Александровна Гальцева и Ирина Бенционовна Роднянская. Первая пришла к нам из издательства Большой советской энциклопедии. Там она ведала подготовкой и выпуском в свет знаменитого пятого тома «Философской энциклопедии», который настолько разительно отличался от предыдущих, содержал такое количество первоклассной информации, открывал столь много нового для читателя, что вызвал немалый переполох в идеологическом начальстве. Поэтому Ренате Александровне пришлось уйти оттуда и обрести новое поприще для применения своих знаний и талантов. Ирина Бенционовна – блестящий литературовед, но тоже с философским складом ума, с тягой к постижению сложных смыслов бытия и культуры. Их стараниями и стараниями привлекаемых ими других известных отечественных исследователей были созданы русские версии трудов крупнейших мыслителей Запада: Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Й. Хёйзинги, К.Г. Юнга, М. Вебера. В их поле зрения находились и, возможно, менее значительные, но весьма шумные фигуры тех, кто определял западную идеологическую моду в наши дни. Например, так называемые французские «новые философы», взошедшие на западный интеллектуальный Олимп в конце 70-х годов прошлого века и заслужившие свою известность благодаря не столь редкому в истории общественной мысли преображению левых бунтарей в правых консерваторов. Главным предназначением их жизнедеятельности стало низвержение марксизма.

Среди тех, кто сотрудничал с Р.А. Гальцевой, были С.С. Аверинцев, В.В. Библихин, П.П. Гайденко, К.Г. Мяло и иные известные исследователи. Подготовленные при их активном участии информационные издания были посвящены проблемам идеологии, культуры, массового сознания. В принципе допускаемыми жанрами для таких изданий были либо рефераты, либо обзоры, но удавалось включать в публикации также полные или краткие переводы наиболее значимых работ, причем с обстоятельными научными комментариями, что существенно повышало их ценность. Р.А. Гальцева продолжила свою деятельность в ИНИОНе и после ликвидации нашего отдела, в рамках созданного на основе его остатков культурологического подразделения, а И.Б. Роднянская покинула отдел раньше, вернувшись в лоно литературной критики и заняв принадлежащее ей по праву ведущее место в редакции «Нового мира».

Блестящим переводчиком сложнейших научных трудов выдающихся немецких философов и социологов была Маргарита Иосифовна Левина. Способная проникать в логические конструкции практически любого мыслителя и находить адекватный понятийный аппарат в русском языке для передачи их мысли, она все же имела свои пристрастия. И, к большому моему удовольствию, ее пристрастия часто совпадали с моими. Помню, с какой нескрываемой радостью она приняла мое предложение заняться переводом штудий Макса Вебера, прежде всего его знаменитой «Протестантской этики», а затем и других его трудов. Недаром Маргарита Иосифовна была ученицей А.И. Неусыхина. Не меньший энтузиазм у нее вызвала перспектива перевести известную работу Карла Ясперса «Истоки истории и ее цель». На переводческой ниве Маргарита Иосифовна продолжала трудиться и после ухода на пенсию, прибавляя к перечню переводимых ею авторов новые имена. Но закончила она свою деятельность опять-таки Вебером, точнее произведением его супруги, впервые открыв нашему читателю эту незаурядную личность.

Одна из самых ярких наших звезд – Виктория Атомовна Чаликова¹. Мое первое знакомство с ней, как ни странно, тоже связано с именем Макса Вебера. Я вообще-то до ИНИОНа имел об этом выдающемся мыслителе очень слабое представление. Как-то на книжном развале мне удалось за три рубля купить единственную его работу, изданную целиком еще в 20-е годы прошлого столетия «Аграрная история Древнего мира» под редакцией Д.М. Петрушевского. Она произвела на меня сильное впечатление, но других работ М. Вебера я не знал. А тут вдруг появляется в отделе тоненькое молоджавое существо и в качестве визитной карточки предьявляет кандидатскую диссертацию по Веберу. Я с некоторым недоверием взял ее домой, а потом до ночи не мог оторваться. Настолько блистательно и глубоко она была написана. Помню, с утверждением диссертации у Вики (так ее звали все) было еще немало хлопот, настолько она была неординарной и вызвала моментальное отторжение у заправявших в ВАКе ортодоксов. Но в нашем отделе с этого момента Вика сразу же утвердилась в качестве одного из признанных интеллектуальных

¹ Чаликова Виктория Атомовна (1935–1991), литературовед, философ, социолог. Окончила Славянский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (1958). Кандидат философских наук (1973). Работала в ИНИОНе в 1971–1991 гг. в Отделе научного коммунизма и Лаборатории теории и истории культуры. Основные научные труды по литературной утопии и антиутопии, проблемам либерализма. – *Прим. ред.*

гуру, не говоря уже о том, что мало на кого не действовало ее женское очарование. Главной областью ее научных интересов первое время были исследования утопического мышления, современных социокультурных утопий, включая литературные утопии и утопические эксперименты. На эти темы ею были изданы шесть реферативных сборников. Позднее ее увлекли социально-философские аспекты современного либерализма. В перестроечные годы Вика с энтузиазмом включается в общественную жизнь. Выступает с яркими речами на разных форумах. К сожалению, в это время обостряется у нее неизлечимая болезнь. С тяжелым сердцем и слабыми надеждами на исцеление проводили мы ее к врачам в Германию. Там она скончалась и была похоронена, практически одновременно с кончиной отдела, которому она отдала немалую часть своей прекрасной души и таланта. Впоследствии многие ее работы были опубликованы в открытой печати.

Еще одна удивительная личность – Дмитрий Николаевич Ляликов. Он – наследственный географ, кандидат географических наук, его отец – автор школьного учебника по географии. Но его больше влекли иные науки, особенно психоанализ. Дмитрий Николаевич собрал у себя дома в Мытищах, где родился и умер, блестящую библиотеку, включавшую все труды Фрейда в оригинале. Очень скромный человек с огромной эрудицией, к сожалению, скончался довольно рано, сраженный традиционной русской болезнью. Его изложение весьма сложных и трудных для понимания текстов поражает кристальной ясностью. До сих пор помню реферат Дмитрия Николаевича по книге известного западного психолога Роберта Лифтона «Революционное бессмертие», который многое для меня раскрыл в пружинах деятельности Мао и его присных. В работах Лифтона Дмитрия Николаевича интересовала особенно технология «промывки мозгов».

Думаю, что отдел наш не сумел бы выполнить миссию транслятора не только фундаментальных идей западных мыслителей, но и самых актуальных течений, если бы не Лидия Фридмановна Вольфсон. У нее была исключительная способность мгновенно распознавать все новое и наиболее ценное, что появлялось в общественной мысли Запада, а затем емко и точно отражать в своих работах самое главное. Лидия Фридмановна имела возможность получать с Запада самую свежую литературу, иногда намного раньше, чем она поступала в библиотеку, поэтому мы всегда были первыми. Так наш читательзнакомился с работами Д. Белла, А. Тоффлера, З. Бжезинского почти одновременно со своими западными коллегами.

Как уже было сказано, некоторые из нас работали с самого начала существования отдела и до его ликвидации или ухода на пенсию, но были и те, кто приходил в него на короткий срок как в некое временное убежище для последующего перемещения в более привычные для себя ниши. Так, литературным редактором реферативного журнала по русской литературе одно время у нас работала известный театровед и театральный критик Наталья Анатольевна Крымова. Она пришла после того, как у нее случились какие-то неприятности в журнале «Театр». Будучи человеком театральным, Наталья Анатольевна, несомненно, тоже видела в нашей деятельности немалый элемент абсурда, что, возможно, давало пищу ее профессиональным размышлениям. Мы, в свою очередь, пользовались протекцией Натальи Анатольевны для посещения спектаклей ее супруга Анатолия Васильевича Эфроса.

Литературным редактором другого реферативного журнала – по иностранной литературе – была Людмила Михайловна Алексеева. С тех пор и в течение многих десятилетий я сохранял чувство безграничного восхищения ее беззаветной правозащитной деятельностью и высокими человеческими достоинствами.

Труд всех, кто работал в нашем отделе, никак нельзя свести к бесстрастной передаче информации. Переработанная и трансформированная информация всегда несла на себе личностный отпечаток, происходило ли это сознательно или бессознательно. Чужие мысли, чужие труды неизбежно так или иначе сопрягались с собственным опытом, с собственными размышлениями. И такой сплав в итоге проявлялся как в плодах нашей деятельности, так и в нашей повседневной коммуникации. Каждый реферативный сборник или сборник аналитических обзоров был отражением личности. Это проявлялось на всех стадиях работы, начиная с определения тем и проблем, подлежащих освещению, выбора литературы, подбора авторов и кончая реферированием и редактированием, в процессе которых расставляются основные акценты.

Я многое получил от ИНИОНа. Он обогатил меня не только новыми знаниями, которые были далеки от меня по моей основной профессии, но, как оказалось позже, способны придать некоторый дополнительный импульс и профессиональным занятиям. Но не меньшее значение имело и человеческое общение. В рамках нашего отдела сосуществовали и сотрудничали люди, приверженные разным идейным течениям, нередко взаимоисключающим друг друга. Я же в силу своего положения должен был сохранять идеологический нейтралитет, примирять полярные точки зрения и не

отдавать предпочтения ни одной из них, во всяком случае в предоставлении равных возможностей для выражения своих взглядов и пристрастий. Я всегда знал, что в мире не бывает одной правды, равно справедливой для всех и на все времена. Понимал также, что, на свою беду, мы плохо умеем договариваться, хотя бы частично принимать чужую правду. Чаще всего – либо ты свой, либо чужой. Я старался по возможности терпимо относиться к любым взглядам, даже если они мне были совершенно чужды. Для меня были и остаются неприемлемыми только крайности, когда идеи или платформы принимают агрессивные формы, неважно где: в фундаментальном исламе или в фундаментальном православии, или в радикальном левом движении, тем более когда взгляды порождают экстремизм.

В той или иной степени на нас отражалось традиционное для русского общества разделение на «западников» и сторонников самобытного развития России. Так, Ренате Гальцевой и Ирине Роднянской, как и тем, кто группировался вокруг них, были ближе антизападные, почвеннические настроения. А, скажем, Леонид Борисович Волков, юрист и политолог, скорее мог считаться западником. Одна из его работ была посвящена теориям модернизации, предполагавшим, что Россия пойдет по общему с западными странами пути развития. Я не знаю, в какой мере эти убеждения стимулировали дальнейшую политическую деятельность Леонида Борисовича, но исключить этого не могу. Скромный старший научный сотрудник рискнул избираться в народные депутаты. Мало кто верил, что этот кабинетный ученый, в прошлом сотрудник банка, а затем – Института государства и права, к тому же еще еврей, мог победить на выборах. Но он мобилизовал все мыслимые и немыслимые ресурсы и был избран депутатом Съезда народных депутатов СССР, а затем – и Верховного Совета по Таганскому округу г. Москвы, причем был избран в серьезной борьбе. Яркий, музыкально одаренный человек, Л.Б. Волков стал активным парламентарием. Много раз я наблюдал его на экране телевизора, как он рвался к трибунам, что-то доказывая, в чем-то убеждал своих коллег и аудиторию. Вместе с Борисом Сергеевичем Орловым, сотрудником братского Отдела стран Западной Европы и Америки, а в прошлом – известным журналистом, он стал одним из основателей социал-демократической партии СССР. Впоследствии жизнь Л.Б. Волкова сделала еще один крутой поворот: он женился на немке и уехал в Германию вместе с ней.

Поскольку в отделе существовала мощная установка на творчество, на проявление своей индивидуальности, заражались этим и те, кто явного стремления к самовыражению раньше не выказывал. Так, Инна Васильевна Случевская, занимавшаяся переводами с французского, заинтересовалась западным феминизмом и подготовила к выпуску два сборника по феминистскому движению. Сейчас, конечно, такими публикациями никого не удивишь. По феминизму издается множество работ. Но тогда это был первый в Советском Союзе подход к этой непростой теме, где получили отражение самые разные феминистские взгляды: от крайних, радикальных до относительно умеренных.

В этом же ряду находятся два сборника по терроризму, которые подготовила и выпустила Инесса Феликсовна Рековская¹. В свое время эта тема была опасной. В нашей литературе старались соблюсти не всегда очевидное разграничение между борцами за национальное и социальное освобождение, с одной стороны, и террористами – с другой. В западной литературе чаще всего такие идеологемы никого не останавливали. Террористами называли самых разных людей: от палестинских экстремистов до левых радикалов в Германии и Италии. Прямо утверждалось, что Советский Союз готовит на своей территории террористов для распространения своего влияния в мире. Видимо, для таких утверждений имелись достаточно веские основания. Инесса Феликсовна собрала много интереснейших материалов и выпустила в свет издание, где были представлены как идеология, так и психология терроризма. Эти сборники, как потом выяснилось, вызвали живейших интерес специальных органов. Что уж их там особенно привлекло, не знаю.

Инесса Феликсовна была женой Алексея Эйснера, человека удивительной судьбы, поэта, проведшего свою юность во Франции, в семье эмигрантов из России и участвовавшего в Испанской войне на стороне антифранкистов. Потом он переехал в Россию и конечно же попал в лагерь, в Караганду. После реабилитации вернулся в Москву, здесь встретил молодого библиографа ФБОН Инессу Рековскую, которая стала его женой. До конца своих дней

¹ Рековская Инесса Феликсовна (1932–2000), библиотековед. Окончила факультет библиотековедения Московского библиотечного института (1955). Работала в системе ФБОН-ИНИОН с 1956 г. В 1970–1990 гг. – в Отделе научного коммунизма. Вела и обрабатывала досье ТАСС, была ответственным секретарем редколлегии серии «Проблемы научного коммунизма» РЖ «Общественные науки за рубежом». – *Прим. ред.*

Инесса Феликсовна пронесла революционную романтику антифашистской борьбы в Испании, равно как и нелюбовь к советской власти, искалечившей жизнь ее супруга. Впрочем, для неприязни были и личные причины, поскольку в жилах ее текла и немецкая кровь, и она не понаслышке знала о политике этнических чисток.

После ухода Льва Петровича Делюсина с директорского поста перед новым директором членом-корреспондентом АН СССР (позднее – академиком) В.А. Виноградовым, когда он занял этот пост, стояла непростая задача. Насколько я понимаю, он сам никакими специальными фобиями не страдал. Но с точки зрения партийных органов институт был сильно «засорен», а Отдел научного коммунизма был «засорен» особенно. Очень много было евреев, а руководил одним из ведущих, с идеологической и политической точки зрения, отделов мало того что еврей, так еще и кандидат географических наук. География здесь уже представлялась совершенно неуместной. Так, между прочим, совершенно справедливо, считал и сам Владимир Алексеевич. Много раз впоследствии, когда отношения между нами вполне нормализовались, он давал мне понять, в том числе через своего заместителя и моего друга Липарита Сергеевича¹ Кюзаджяна, что давно пора бы защитить докторскую по какой-нибудь более приличной науке: по истории или философии, чтобы подтвердить свое право на руководство Отделом научного коммунизма. Но я еще долго был к этому не готов, да и, честно говоря, немного гордился своей степенью, добытой честным трудом.

Я знаю, что на В.А. Виноградова оказывалось огромное давление со стороны Киевского райкома КПСС, который требовал, чтобы меня уволили. Я это понимал, и мне было любопытно, как новый директор решит эту задачу. Некоторое время В.А. Виноградов не предпринимал никаких действий, выжидал. Месяца три меня он не принимал. Всех заведующих отделами ИНИОН принял, а меня нет.

Но ситуация стала меняться, когда нам поручили создать пробные номера реферативных журналов (РЖ). Три отдела – Азии и Африки, экономики и наш – первыми подготовили пробные выпуски, и они были представлены на суд высшего начальства – вице-президента АН академика Петра Николаевича Федосеева. Когда В.А. Виноградов спустя некоторое время получил ответную реакцию, он созвал дирекцию с участием заведующих и объявил, что все три выпуска получили одобрение. А затем, многозначи-

¹ Правильно – Липарита Саркисовича. – *Прим. ред.*

тельно помолчав, спросил у присутствующих: «А как вы полагаете, чей выпуск оказался лучшим?» После некоторого замешательства и молчания он показал наш. В итоге я как бы на время был реабилитирован, а В.А. Виноградов получил козырь в своей игре с райкомом.

Пробный выпуск нашего РЖ был довольно смелым, хотя и не выходил, конечно, за пределы допустимого. Схема журнала была разработана применительно к вузовскому стандарту, но мы ввели и некоторые свои рубрики, предложили некоторые инновации. Прежде всего, мы поместили там рефераты и обзоры статей из ведущих органов компартий социалистических стран. Дело в том, что ситуация в общественно-научной мысли в России была настолько затхлой, что там не пробивалась никакая сколько-нибудь свежая мысль. Не появлялось практически ничего мало-мальски интересного, чем вузовские преподаватели могли бы хоть как-то привлечь скушающую студенческую аудиторию. По сравнению с абсолютным маразмом советской литературы по общественным наукам ситуация даже в партийных журналах в Италии, в Болгарии или, как ни странно, ГДР казалась несколько менее безрадостной. В болгарской печати, например, попадались небезынтересные данные по социологии семьи, социологии культуры.

Кроме того, мы заполнили большой раздел, который назывался «Общий кризис капитализма», вообще некоммунистическими материалами, которые Р. Гальцева и И. Роднянская с присущим им мастерством добывали из литературы открытого доступа. Они весьма впечатляюще рисовали «загнивание» западного мира.

С пробными выпусками наших реферативных журналов мы поехали для их обсуждения в Ленинград, Казань, Тбилиси. Наш журнал был хорошо принят вузовской профессурой, что не могло не радовать нас и, что еще важнее, наше институтское начальство.

Я не знаю, доводилось ли В.А. Виноградову читать не только наши реферативные журналы, но и главную нашу продукцию – тематические сборники. Для директора было важным, как я понимаю, чтобы вся наша информационная деятельность шла тихо и гладко, чтобы не возникало никаких неожиданных сюрпризов. Если все же возникали какие-то проблемы, то их нужно было решать, не производя излишнего шума. Так было, например, когда люди уезжали из нашей страны, как, скажем, первая из них – тихий и скромный библиотекарь Кира Гдалевич, или позже – поэт и мистик, поклонник философии Мартина Бубера, Аркадий Ровнер (в Израиле он стал издавать свой журнал). Чтобы не подставлять

остальных, они увольнялись «по собственному желанию», но не порывали своих связей с отделом. В моем распоряжении был внештатный фонд, за счет которого можно было их «подкармливать», пока длилось оформление документов на выезд.

Готовя русское издание книги своих воспоминаний «Поколение оттепели» (первоначально вышедшей в США на английском), Людмила Михайловна Алексеева попросила меня и известного правозащитника Сергея Адамовича Ковалёва побеседовать о нынешнем самочувствии и самоидентификации поколения бывших шестидесятников, чтобы как-то перекинуть мостик от событий, которые она описывает, к сегодняшним дням, и дала запись нашей беседы как послесловие к своему тексту. В этой беседе С.А. Ковалёв вспоминал, что у него тоже была ситуация, когда его прикрывали симпатизировавшие ему люди. Поэтому когда у нас сегодня пытаются изображать советское общество тех лет исключительно в одном черном цвете, иногда забывают, что это общество было вовсе не таким слепым, глухим, немым, как это некоторым кажется. Те, кто очень хотел, мог получать доступ к правдивой и объективной информации и находить достаточно комфортную для себя среду.

Существовало множество ниточек, связывавших нас с окружающим миром. Мы не были в изоляции. У нас существовала тесная связь и с теми, кто писал для нас рефераты и обзоры, и с теми, кто их потреблял. Реферативные сборники в большинстве своем имели гриф «для служебного пользования» и распространялись по спискам, но мы могли эти списки корректировать и дополнять, чем мы активно пользовались, чтобы направлять информацию тем, кому она была нужна и интересна, прежде всего друзьям и знакомым. Кроме того, часть тиража неизбежно уходила на сторону. Н.Н. Разумович однажды принародно сказал мне: «А вы знаете, что ваши сборники по 25 рублей на черном рынке продаются? Срезают номер и продают». Это отдавало, конечно, криминалом, но, с другой стороны, свидетельствовало и об определенной популярности наших изданий.

ИНИОН – очень важный кусок моей жизни. Больше двух десятилетий по протяженности и не меньший, чем любой другой такой же отрезок, по значимости. В чисто профессиональном отношении ИНИОН позволил мне выйти за пределы моих китаеведческих интересов. Китай – это столь огромная область для исследований, что он чаще всего поглощает без остатка человека, который решил им заниматься, и у него не остается возможности

взглянуть чуть шире вокруг своего предмета, обрести какой-то иной угол зрения на Китай. А здесь мне волей-неволей пришлось такой шаг сделать, и я был этому рад. Поскольку собственно современным Китаем около трети моего пребывания в ИНИОН по объективным причинам было неинтересно заниматься, то этот промежуток времени мне удалось употребить с пользой для себя. Я оказался вовлечен в широкий поток литературы по социальным, философским, мировоззренческим вопросам, имеющей то или иное отношение к предмету моих главных научных интересов.

С началом перестройки встал вопрос о будущем отдела, по-прежнему называвшегося Отделом научного коммунизма. Прежде всего, в нашей деятельности появился новый ракурс. Как я уже говорил, помимо нерегулярных тематических сборников и обзоров, бывших, как мы считали, важнейшей и наиболее ценной частью нашей информационной продукции, мы выпускали также два периодических издания, два реферативных журнала: по русской и зарубежной литературе. Раньше мы концентрировали больше усилий на зарубежном РЖ, поскольку русская литература была значительно менее интересной. Теперь же потоком пошли первоклассные публикации в русской прессе, и мы в большой степени переключились на эти полупублицистические работы. Наш реферативный журнал по русской литературе стал более интересным, чем зарубежный.

Более того, мы организовали семинар для обсуждения наиболее значимых публикаций и стали приглашать к себе их авторов, в том числе и тех, кто долгое время был в опале. У нас выступали Гелий Шмелёв, Игорь Клямкин, Рой Медведев, Андраник Мигранян, Владимир Библер и многие другие «властители умов» того времени. На семинары сбегался весь институт, да и из других институтов тоже.

Большую роль в организации и популяризации этой деятельности сыграла Галя Ковальская. Она пришла в отдел сразу после окончания истфака МГУ, где занималась итальянским Возрождением. Закончила у нас аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, выпустила довольно интересный реферативный сборник по проблемам семьи, вела работу в журнале. Но всего этого было, как оказалось, слишком мало, чтобы раскрыть ее огромный общественный темперамент и блестящий журналистский дар. Журнал «Знание – сила» взялся публиковать отчеты о наших семинарах. Галя сочиняла их столь талантливо, что всем стало ясно: журналистика – ее подлинное призвание. Когда отдел дожи-

вал свои последние дни, Галя ушла, сначала работать в Конституционной комиссии Верховного Совета, а потом – в профессиональную журналистику. Работала в газете «Демократическая Россия», в журналах «Новое время», «Итоги», «Еженедельный журнал». Побывала в разных городах и весях, в том числе во всех горячих точках страны, особенно много – в Чечне. Стала, без преувеличения, одним из лучших публицистов России. Особенно хорошо ей удавались психологические портреты героев: и политических деятелей, и простых смертных. В 2003 г. Галя, выполняя очередное задание редакции, безвременно и трагически ушла из жизни, сгорела в вертолете на лесном пожаре в Читинской области. Вечная ей любовь и память.

Меня тоже повело по жизни в новую сторону. Вернулась из эмиграции Людмила Михайловна Алексеева, и я оказался одним из первых, с кем она встретилась. Совершенно неожиданно для себя, после 16-летнего перерыва, я услышал ее неповторимый голос и незабываемую интонацию не по «вражескому» радио, а по своему домашнему телефону. Она спросила: «Ты как, что делаешь, чем занимаешься, меня примешь?» Я с радостью ответил «Конечно», и Людмила Михайловна появилась в моей московской квартире, полная свежих идей и замыслов, которые непрестанно рождаются в ее неумной голове.

Будучи в эмиграции, Людмила Михайловна занималась в числе прочего и рабочим движением. Вернувшись в Россию, она связывала немалые надежды на демократическое обновление страны именно с возможностью появления и развития такого движения. Ее усилиями при поддержке американской профсоюзной организацией АФТ-КПП в Москве был создан Фонд профсоюзных исследований и обучения. На должность руководителя фонда был приглашен бывший аспирант ИМЭМО, а в перестроечные годы – заместитель министра труда Павел Михайлович Кудюкин. Научным консультантом фонда, не порывая своих основных связей с ИМЭМО, стал Л.А. Гордон, который в то время увлекался такими же идеями и поддерживал достаточно тесные отношения с новыми профсоюзами. Новые независимые профсоюзы стали возникать среди рабочих угольной промышленности, среди авиадиспетчеров, моряков. Меня пригласили в Фонд на должность директора по «public relations». Поскольку я тогда не знал, что это такое, я решил заняться привычным для себя информационным делом и стал выпускать и распространять бюллетени, в которых анализировался опыт российского профсоюзного и рабочего движения. Людмила

Михайловна, при всей своей занятости, тоже была членом директората этого фонда. Вскоре П.М. Кудюкин, увлеченный политической деятельностью и руководством созданной им Социал-демократической партии России, ушел из Фонда, и основное бремя руководства его деятельностью легло на оставшихся.

1990-е годы были временем многих общественных начинаний и надежд. Мы полагали, что именно в результате массовой общественной активности все в стране должно коренным образом измениться. Одна за другой возникали организации, которые объединяли людей, стремившихся внести свою лепту в построение будущей России.

Так, в конце 1980-х годов возник Союз ученых СССР. Я стал членом правления этого Союза. Там объединились физики, биологи, математики, филологи, в основном молодые и среднего возраста доктора наук, люди достаточно высокой квалификации, стремившиеся реорганизовать систему управления наукой. Им было тесно в системе Академии наук. Они хотели другой, более мобильной организации, где можно было бы более свободно обмениваться идеями, создавать более подвижные структуры. Потом, когда политические процессы в стране ускорились и начались выборы в новые органы власти, многие стали активными участниками этих процессов. Особенно широкий размах приняла кампания за избрание А.Д. Сахарова на Съезд народных депутатов. Была в Союзе ученых и идея создать свой университет. На основе Союза возникла впоследствии Российская академия естественных наук, которая приобрела довольно большой авторитет. Самопроизвольно стали возникать и другие академии, например Академия гуманитарных наук и другие, которые, однако, не прижились.

Практически одновременно возник дискуссионный клуб московской интеллигенции «Московская трибуна». Эта организация, как и «Мемориал», была создана по инициативе, при патронаже и участии Андрея Дмитриевича Сахарова. На учредительном собрании клуба, состоявшемся в начале февраля 1989 г., в первое его руководство вошли наряду с А.Д. Сахаровым такие видные ученые, литераторы, общественные деятели, как А.М. Адамович, Ю.Н. Афанасьев, Л.М. Баткин, Ю.Г. Буртин, М.Я. Гефтер, Л.В. Карпинский, Ю.Ф. Карякин, Ю.А. Левада, А.В. Мигдал, Р.З. Сагдеев, Г.В. Старовойтова. Об этом событии КГБ специальной запиской оповестило ЦК КПСС. Потом состав клуба и его руководства менялся. Одни члены клуба отходили от активного участия в его деятельности, другие приходили на их место. Тональность акций «Московской трибуны» с самого

начала во многом определяли Ю.Н. Афанасьев и Л.М. Баткин. В клубе происходили горячие дискуссии по самым острым вопросам российской политической жизни того времени: о президентстве в России, о путях экономической реформы, о событиях в Грузии и Карабахе. На заседаниях клуба принимались также различные обращения в адрес властей и широкой общественности. Клуб принимал деятельное участие в организации и проведении многих публичных мероприятий. С самого начала очень большую часть организационной работы и здесь взяла на себя Галина Яковлевна Ковальская. Она стала ответственным секретарем, а затем и членом Правления «Московской трибуны». Она же привлекла и меня в этот клуб, где я позднее тоже был избран в состав Правления. Поскольку своего постоянного местожительства у клуба не было, постольку Правление чаще всего собиралось на квартире: либо у меня, либо у Стеллы Иосифовны Волькенштейн. Переводчица с испанского, чья юность также была связана с войной в Испании, она вложила немало энергии и сил в привлечение к «Московской трибуне» видных представителей нашей творческой элиты. Ее супруг, видный ученый-биофизик, член-корреспондент АН СССР Михаил Владимирович Волькенштейн также активно участвовал в работе клуба.

Многие члены клуба надеялись, что их профессиональный и общественный опыт и знания будут востребованы новой властью. В клубе выдвигались и обсуждались проекты решения разных актуальных проблем, стоявших перед страной: социальных, экономических, национальных. Клуб стал важной дискуссионной площадкой для выражения различных мнений по таким проектам. Такая деятельность вместе с тем была частью процесса самоорганизации интеллектуалов, стремившихся к новым формам социальной организации, к формированию гражданского общества.

В 1995 г. возник еще один сюжет в моей жизни. Меня пригласили в Институт «Открытое общество» (фонд Дж. Сороса) директором программы по высшему образованию. Это было интересное предложение. В то время нужно было основательно перестраивать преподавание гуманитарных и общественных наук в высших учебных заведениях, освободить его от идеологических штампов, приблизить к современным стандартам. По всем социальным дисциплинам не хватало профессионально подготовленных преподавателей и адекватных учебников. Новые учебники и учебные пособия надо было срочно готовить и издавать. Этим мне и предстояло заниматься. С помощью очень небольшого штата сотрудников, но при содействии многих десятков лучших специа-

листов по всем гуманитарным и общественным дисциплинам из разных вузов и Академии наук мы решали эту задачу. Были объявлены открытые конкурсы на написание учебников по всем общественным наукам. Заявки, а затем и готовые рукописи тщательно рецензировались и представлялись на одобрение специализированных советов, в которые входили наиболее видные ученые из соответствующих областей знания. В результате были изданы десятки первоклассных учебных книг. Проводились также конкурсы на лучшие аспирантские работы, на поддержку российских научных школ в обществоведении, на публикацию учебных материалов в специализированных научных журналах и другие.

Что же касается работы в ИНИОНе, то эпоха гласности ознаменовала собой закат той деятельности, которую мы вели в 1970-е и первой половине 1980-х годов. Наш отдел в свое время стал первооткрывателем немалого пласта научной литературы, социальных идей и концепций, не известных или мало известных обществу. В этом состояла его историческая роль. Этот период закончился. Книги, которые мы реферировали и переводили для спецхрана, стали появляться в открытом доступе. Очень большую роль в таком прорыве сыграла Светлана Яковлевна Левит, которая самоотверженно взвалила на себя огромную ношу по организации перевода и издания целых серий классических работ по культурологии и другим общественным дисциплинам. Мы свою миссию выполнили. И не было смысла ее как-то искусственно продлевать, хотя многим, наверное, было бы приятно продолжать работу в прежнем составе. Некоторые из нас настаивали на этом. Например, Вика Чаликова настроена была бороться до конца. Но отдел был закрыт решением дирекции. Точнее, реформирован: на его базе создали Лабораторию культуры. Меня перевели сначала в Отдел Азии и Африки, позднее – в Отдел социологии, потом, постепенно включаясь в деятельность иных структур, я все более сокращал свое присутствие в ИНИОНе и, наконец, полностью покинул его в конце 1990-х годов.

Я успел рассказать здесь лишь о некоторых своих коллегах по институту. Но я помню и высоко ценю всех. И тех, кто безвременно ушел из жизни, как Инна Евгеньевна Попова, Анатолий Федорович Цыркун, и тех, кто благополучно ныне здравствует. Низкий им всем поклон и признательность. Мне было хорошо с ними.

С середины 1980-х годов я возобновил свои профессиональные занятия современным Китаем. В стране после смерти Мао и отстранения от власти его ближайших последователей начались

радикальные перемены в идеологии, политике, социуме, экономике, хотя советская китаеведческая литература, следуя официальным установкам, еще долгое время этих перемен предпочитала не замечать. Свою же задачу я видел в том, чтобы объективно анализировать и оценивать происходившие процессы.

Мне удалось выпустить несколько научно-аналитических обзоров, вышедших отдельными книжками, и информационных сборников по китайской проблематике. Они по большей части были посвящены аграрной реформе, теме, которая меня в то время наиболее занимала. Потом на основе этих материалов я подготовил монографию «Социальные процессы в современной китайской деревне» и защитил докторскую диссертацию на эту тему.

В 1995 г. я стал заместителем главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», а в 2000 г. после 30-летнего отсутствия вновь вернулся в Институт Дальнего Востока РАН, где получил возможность полностью сосредоточиться на главном и самом интересном для меня деле – изучении современного Китая, ездить в страну, познавать новые реалии и писать на эти сюжеты статьи и книги.

ИНИОН постепенно стал существовать, главным образом, в прошедшем, но очень дорогим для меня времени.

В.А. Архангельская **ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕЙ РАБОТЕ В ФБОН**

Я пришла работать в ФБОН 4 сентября 1963 г. в чудесный солнечный день. Меня порекомендовала и взяла в свою группу в секторе библиографии по экономике Лидия Фридмановна Вольфсон, с которой мы ранее работали вместе. Вернее, она была завотделом сводных бюллетеней в ВГБИЛ (Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы, или, как ее все называют, Иностранка), где я начала свою трудовую деятельность в 1959 г. после окончания исторического факультета МГУ.

Хотя экономика не была моей специальностью, но в годы моего обучения на истфаке много внимания уделялось экономической истории. Свою дипломную работу на кафедре новой и новейшей истории я написала по теме «Аграрная политика США в годы мирового экономического кризиса, в период правления президента Гувера в 1929–1933 гг.». Кстати, большую часть материалов я нашла в Фундаментальной библиотеке, и уже тогда зародилась мысль, что было бы в будущем неплохо работать здесь.

В секторе экономики ФБОН я попала в иностранную группу, где мне поручили вести раздел по экономике США. Поэтому мне не так трудно было войти в курс дела, тем более что я прошла хорошую библиографическую школу во ВГБИЛ. Заведующей сектором экономики была Елена Васильевна Бажанова, незаурядная женщина и неутомимый работник, о которой я ниже расскажу подробнее. Директором ФБОН в то время был Виктор Иванович Шунков, известный историк, член-корреспондент Академии наук СССР. Елена Васильевна представила меня Виктору Ивановичу, который лично знакомился с новыми сотрудниками и к подбору которых он очень внимательно относился. По словам Елены Ва-

силевны, он положительно относился к выпускникам истфака МГУ, поскольку там тоже преподавал на кафедре истории СССР.

Сектор экономики в 1963 г. состоял из 11 человек, пятеро из которых имели ученые степени. У сектора было три основных направления деятельности (впрочем, как и в других библиографических секторах): текущая библиография новой советской литературы на русском языке и языках народов СССР, издание ежемесячного библиографического бюллетеня, а также ведение систематической картотеки; текущая библиография новой иностранной литературы и, соответственно, издание ежемесячного бюллетеня и ведение картотеки; ретроспективная библиография. Кроме того, сектор отличался от других подготовкой и изданием многочисленных тематических библиографических указателей, особенно по советской экономической тематике. Сотрудники сектора также консультировали читателей библиотеки, предоставляя им в помощь соответствующие разделы богатой систематической картотеки. Приходилось выполнять и письменные справки по запросам вышестоящих органов (особенно это практиковалось в период ИНИОНа). Составители иностранной группы осуществляли также разметку национальных библиографий зарубежных стран в целях отбора книг для комплектования.

В соответствии с видами деятельности сотрудники сектора распределялись по группам. В группу обработки советской литературы в то время входили следующие сотрудники: Тамара Петровна Богатырёва, Татьяна Петровна Андрущенко, Ева Бецалевна Марголина, Елизавета Леонидовна Кушнир. Редактором бюллетеня была Елена Васильевна Бажанова. Этот бюллетень был одним из самых больших и старых текущих изданий: он начал выходить еще в 1934 г. 1960-е годы характеризуются публикацией большого количества советской экономической литературы, что связано с подготовкой экономической реформы, ее обсуждением, выдвижением новых идей и появлением новых молодых авторов, которые в дальнейшем займут ключевые позиции в экономической науке.

Группу подготовки иностранного бюллетеня возглавляла и была ее редактором Лидия Фридмановна Вольфсон. В нее входили Ида Борисовна Дрейзеншток, Тамара Лазаревна Виленкина и я. Особенностью работы этой группы было то, что распределение работы велось в соответствии со знанием иностранных языков и по группам стран, преимущественно капиталистических, в соответствии с тогдашней терминологией, Западной Европы и Америки, поскольку литература об экономике стран Азии, Африки и европейских социалистических стран отражалась в комплексных

бюллетенях секторов востоковедения и европейских социалистических стран (между собой их называли славянами).

В те годы большое внимание уделялось ретроспективной библиографии. Наш сектор был одним из лидеров в этой области, хотя приоритеты дирекции отдавались сектору библиографии по истории. Активно и очень плодотворно вела работу по ретроспективной библиографии Елена Васильевна. В группу по составлению ретроспективной библиографии входили также Анна Борисовна Бродская и Серафима Сергеевна Филиппова (вскоре она перешла на преподавательскую работу в Институт культуры, но никогда не порывала связей с сектором). Но Елена Васильевна была основным мотором в этой работе. Она также активно участвовала в разработке методических материалов по составлению ретроспективной библиографии. Основные идеи по этой теме и пути их реализации исчерпывающе изложены в статье: Бажанова Е.В. Проблемы составления отраслевой ретроспективной библиографии советской экономической литературы. Опыт ФБОН // Научная библиография. Из опыта Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. – М.: Наука, 1967. – С. 157–204.

Из намеченного в те годы в области ретроспективной библиографии, увы, удалось реализовать не все. При жизни Елены Васильевны вышли в свет работы «Народное хозяйство СССР в первые годы советской власти. 1917–1920 гг.» и «Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – май 1945 г.» Основным составителем последней работы была Ева Бецалевна Марголина, а Елена Васильевна была редактором. Была подготовлена огромная картотека по теме «Народное хозяйство СССР в восстановительный период. 1921–1925 гг.» Работа над этой ретроспекцией была продолжена уже в новых условиях ИНИОНа в 1970–1980-е годы, о чем я скажу ниже.

Не удалось также даже приблизиться к задаче составления ретроспективной библиографии по истории экономической мысли в СССР. Правда, ранее Елена Васильевна выпустила в свет библиографический указатель «История экономической мысли народов СССР с древнейших времен до 1917 г. Книжная и журнальная литература за 1945–1958 гг.». Была подготовлена картотека по истории экономической мысли в СССР в 1920-е годы. Однако окончательное завершение этой работы предъявляло высокие требования к квалификации составителя, а также было связано со сложными идеологическими моментами. Не удалось найти нужного составителя, и я думаю, что были бы проблемы с ее изданием.

Остановлюсь на работе групп по составлению текущей библиографии советской экономической и иностранной литературы. Как я уже сказала, в группе по составлению текущей советской литературы тогда работали четыре составителя и редактор. Составлением текущей иностранной литературы занималось три человека и редактор, который также одновременно был и составителем. Технология и принципы этой работы сохранились до сих пор, что свидетельствует о разумном методическом подходе к этой работе тогдашних умов ФБОН. Менялись лишь объемы обрабатываемой литературы, соотношение между отдельными потоками (русской и иностранной), а также технические средства. Отмечу, что несмотря на примитивную технику издания бюллетеней в 1960-е годы в собственной типографии на основе использования специальных папок, их оперативность была очень высока: один месяц на сбор материала и один месяц на прочие работы, в том числе типографские. В последующие годы об этой оперативности оставалось только мечтать, хотя улучшались и внешний вид издания, и качество печати, а затем стали использовать электронную технику (опять-таки сектор экономики первый принял на себя этот удар при компьютеризации). Но проблема оперативности так и не решилась.

Помимо работы по подготовке текущих изданий почти все сотрудники сектора занимались подготовкой тематических указателей литературы по актуальной тематике. Особенно это затрагивало составителей, работавших с советской экономической литературой.

Важную роль в координации и методическом руководстве в области библиографии играла библиографическая секция. Это был очень действенный и плодотворный орган по организации методической работы в ФБОН. В работе библиографической секции принимали участие все заведующие библиографическими секторами, отдельные библиографы, а также невозможно представить работу библиографической секции без заведующего справочно-библиографическим отделом Григория Григорьевича Кричевского. Григорий Григорьевич проработал в ФБОН-ИНИОН с 1931 по 1989 г., до ухода на пенсию. В том же году он и скончался.

Хочу немного рассказать о работе этой секции. На ней помимо методических материалов по ретроспективной библиографии обсуждались все методические вопросы библиографической работы. На ней также обсуждались подготовляемые к печати тематические и ретроспективные библиографические указатели. Обсуждения проходили очень демократично, а подчас даже и бурно. По установ-

ленному регламенту работы секции подготовленные работы отдавались на рецензию сотрудникам других библиографических секторов. Основное внимание рецензента уделялось раскрытию тематики библиографии, отбору литературы, полноте отражаемого в ней материала, качеству библиографического описания и другим аспектам. Без одобрения библиографической секции работы не отдавались в печать. Работа проводилась огромная и трудоемкая, если учесть те примитивные средства, которые были тогда в арсенале библиографа: карточки и ручка. Всё делалось вручную. Но была отработана методика и технология, которая всеми секторами соблюдалась.

Важную роль в обобщении опыта работы, подведении итогов и разработке перспектив развития библиографической работы сыграли инициированные библиографической секцией научные сборники¹. Помещенные в них статьи на многие годы не потеряли своей актуальности и являлись ориентиром для будущих поколений библиографов.

Успехи сектора экономики во многом определялись умом, высокими темпами работы и умением стимулировать людей к труду без особых материальных поощрений Елены Васильевны Бажановой.

Елена Васильевна родилась 18 февраля 1917 г. Ее отец Василий Михайлович Бажанов окончил Петербургский горный институт. Будучи выходцем из старообрядческой крестьянской семьи, он проявил блестящие успехи в учебе. Участвовал в студенческих волнениях, за что был исключен из института, но за него вступился академик В. Вернадский, и он продолжил учебу. Он был активным участником революционного движения в России, был знаком с Лениным, сыграл огромную роль в развитии угольной промышленности страны, руководителем которой был в 1920–1930-е годы. Его жизнь закончилась трагически в 1937 г., когда он был арестован и расстрелян. От отца Елена Васильевна унаследовала государственный ум, умение смотреть широко, колоссальную работоспособность и целеустремленность.

Елена Васильевна была скрытным человеком и мало рассказывала о себе и своих родителях. Она очень любила свою мать Ольгу Сергеевну, которую ласково называла Оленькой. Я только недавно узнала из мемуаров ее сокурсницы по истфаку Житомир-

¹ Научная библиография: Из опыта Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. – М.: Наука, 1967. – 239 с.; Теория и история библиографии: Сборник статей в память К.Р. Симона. – М., 1969. – 243 с.

ской, что Ольга Сергеевна была петербурженкой и связана с художниками Серебряного века. Она была настоящим ценителем живописи, и это понимание передала своей дочери. После ареста мужа она была выслана на поселение. После войны жила, кажется, во Владимире и воссоединилась с дочерью и внуком только в 1956 г. Она прожила долгую жизнь, и, к сожалению, пережила свою дочь, которая умерла в возрасте 53 лет в апреле 1970 г.

Семейная жизнь Елены Васильевны также сложилась трагически. В студенческие годы она вышла замуж за своего однокурсника по истфаку Иосифа Розенберга. Он был сыном крупного экономиста, известного своими комментариями к «Капиталу» К. Маркса, профессора МГУ, члена-корреспондента Академии наук СССР Давида Иохеливича Розенберга. В начале войны Иосиф записался вместе с другими выпускниками истфака в ополчение, где и погиб в 1941 г., так и не увидев родившегося в том же году сына Лёву. Лев Иосифович Розенберг после смерти своей мамы пришел работать в ИНИОН, где трудится до сих пор в Отделе научно-библиографической информации.

Надо отдать должное порядочности и мужеству семьи Розенбергов, принявших в свою семью дочь репрессированных. Ее свекор заметил также незаурядные способности Елены Васильевны и порекомендовал ей учиться в аспирантуре на экономическом факультете МГУ. Она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Экономические взгляды Г.В. Плеханова». После этого в 1946 г. Елена Васильевна пришла в ФБОН, где проработала до своей трагической кончины в апреле 1970 г.

Елена Васильевна сразу выделилась своим творческим отношением к работе. Бывший в те годы директором библиотеки Дмитрий Дмитриевич Иванов, крупный библиограф, известный своей фундаментальной библиографией по истории Болгарии, привлек ее к работе по изучению фондов библиотеки. Она стала изучать документы по экономической политике Временного правительства, чему посвятила несколько статей (к сожалению, часть осталась только в ее архиве) и библиографический указатель.

Елена Васильевна понимала также важность оперативной информации для исследователей-экономистов. Уже став заведующей сектором (после перешедшего в Институт экономики Николая Николаевича Каратаева), она предпринимала попытки по изменению периодичности выхода в свет бюллетеней текущей советской экономической литературы и расширения круга включаемых в бюллетень материалов, в основном это касалось газет. Активно

включилась в подготовку тематических библиографических указателей. В смысле работоспособности она была уникальным явлением в библиотеке, и помимо восхищения встречала также непонимание и иногда резкий отпор. Помню длительное обсуждение, которое продолжалось несколько дней, ее ретроспективной библиографии. Главное возражение было в том, что нельзя такими малыми силами и в такой короткий срок подготовить качественную работу. Но в случае Елены Васильевны это было возможно.

Также у некоторых вызывал возражение большой объем бюллетеня советской экономической литературы. В смысле полноты охвата литературы он отличался от других. Как я уже упомянула, он включал в себя также и газетные материалы. Для Елены Васильевны это было чрезвычайно важно. Она рассматривала этот массив как основу для ретроспективной библиографии в будущем.

Она зорко следила за актуальной тематикой в науке и верно выбирала темы для будущих библиографий. Это касалось не только советской тематики, но и зарубежной. Она подсказала мне тему по положению и структуре рабочего класса США, и я подготовила библиографический указатель по этой теме. Эта работа увидела свет уже без нее. Если посмотреть на отраженные в каталоге ее работы и работы других сотрудников сектора, то это очень впечатляет.

Вспоминается один случай из моей научной командировки в Киев в 1968 г., когда у меня была возможность ознакомиться с работой тамошней университетской библиотеки. Когда я уже вышла из библиографического отдела и шла по коридору к выходу, меня бегом догнала одна из ее сотрудниц и спросила: «Вы работаете вместе с Бажановой? Мы восхищаемся, что и сколько она делает! Передайте ей привет». Такие оценки дорогого стоят.

Одну из ведущих позиций в группе по подготовке советской экономической литературы занимала Тамара Петровна Богатырёва. Она была экономистом по образованию и очень грамотным и кропотливым библиографом. Елена Васильевна доверяла ей как специалисту и уважала ее как глубоко интеллигентного человека. Помимо работы с текущим указателем Тамара Петровна подготовила и издала очень ценный тематический указатель литературы о хозяйственной реформе в СССР. Он пользовался большим спросом у читателей не только в 1960-е годы, но и гораздо позже, в годы перестройки. Ранее она принимала участие в подготовке материалов для ежегодника «Политическая экономия», о котором я скажу ниже.

Тамара Петровна в последующие годы, после кадровых изменений в секторе в связи со смертью Елены Васильевны, уделяла большое внимание обучению новых работников, пришедших в сектор экономики. О ней всегда с благодарностью вспоминали работавшие потом в этой группе Майя Григорьевна Данилевская (к сожалению, ушедшая из жизни), Нелли Николаевна Левчунец (много лет она была бессменным и очень добросовестным редактором этого бюллетеня), и по сей день работающая в секторе Галина Александровна Румянцева. Тамара Петровна также блестяще справилась с работой по возобновлению издания ретроспективной библиографии уже в 1970-е и 1980-е годы. Оставшийся огромный массив собранной литературы по периоду НЭПа в СССР надо было подготовить, отредактировать и издать. Этим также занимались вместе с ней Валентина Петровна Точёная, Ева Бецалевна Марголина и Татьяна Николаевна Камзолова. Так что дело Елены Васильевны было достойно продолжено и в период ИНИОНа. После ухода Тамары Петровны на пенсию мы постоянно поддерживали с ней отношения. Но ее следы затерялись после ее отъезда в США к дочери летом 1996 г.

Теперь несколько слов о заметных работниках в иностранной группе. Лидия Фридриховна Вольфсон, которая работала в группе с немецкой литературой (немецкий язык она знала блестяще, так как провела несколько лет в Германии вместе с родителями в 1920-е годы), была также и ее редактором. Но поскольку она по специальности была историком, ей стало не очень интересно оставаться на этом месте, и когда в ФБОН по решению вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева была создана реферативная группа, она перешла туда.

Интеллектуальным лидером группы безусловно была Ида Борисовна Дрейзеншток. Ида Борисовна родилась в г. Остров Псковской губернии в 1893 г. После революции она переехала в Петербург (затем Ленинград), где и закончила экономический факультет Ленинградского университета. Она была знакома со многими крупными экономистами того времени, большинство из которых затем подверглись репрессиям. Ее мужем был известный финансист Гордин, проработавший много лет в наркомате финансов. Он был родом из Пскова и учился в одной гимназии с известным советским писателем В. Кавериним. Так что молодые годы Ида Борисовна провела в интересной интеллектуальной среде. Семья Гординых дала многих известных людей, которые до сих пор живут и творят в Петербурге. Ида Борисовна работала в Моск-

ве сначала в Международном аграрном институте, директором которого с 1931 по 1941 г. был известный болгарский коммунист В. Коларов, а затем в ИМХ (Институте мирового хозяйства и мировой политики), который многие годы возглавлял Е.С. Варга. В конце 1940-х годов она по известным причинам была уволена из института, где ее специализацией была экономика транспорта Великобритании. На работу в ФБОН Ида Борисовна пришла в 1951 г. И несмотря на то что ранее она работала экономистом-исследователем, Ида Борисовна основательно освоила работу библиографа, хотя в то время ее возраст подходил уже ближе к 60 годам. Меня всегда поражало ее ответственное отношение к делу. Особенно когда уже в последующие годы в ИНИОН пришло немало серьезных экономистов, которые с неким оттенком презрения относились к труду библиографов.

Помимо участия в подготовке бюллетеня текущей иностранной литературы Ида Борисовна издавала ежегодник «Политическая экономика: марксистско-ленинская и буржуазная литература». Ей помогали в этой работе Е.И. Блюмина и Т.П. Богатырёва. В 1956–1962 гг. вышло в свет семь выпусков ежегодника. Она была самым серьезным и знающим политэкономом в секторе. К сожалению, как часто это бывало в советских коллективах, из-за интриг «Ежегодник» закрыли. Это случилось в 1963 г., когда я пришла на работу в сектор. Текущую работу Ида Борисовна сочетала с подготовкой тематических указателей по сложной тематике, которая тогда из-за идеологических соображений называлась «Критика буржуазных теорий политэкономии». Ида Борисовна была непростым в общении человеком, но очень порядочным. У меня с ней сложились хорошие и дружеские отношения до самой ее кончины в ноябре 1989 г., несмотря на то что мне пришлось в 1966 г. принять на себя обязанности редактора бюллетеня иностранной экономической литературы, а в 1970 г. после внезапной смерти Елены Васильевны стать заведующей сектором экономики. Она была думающим человеком, следила за литературными новинками, всегда интересовалась всеми событиями в мире и в стране. Каждый год в день ее рождения 25 января мы приезжали к ней в гости и знакомили с ней наших новых сотрудников.

За сравнительно небольшой период моей работы в ФБОН с сентября 1963 по декабрь 1969 г., когда ФБОН стал официально называться ИНИОНОм, произошло много событий и сменилось много людей, поскольку жизнь менялась, открывались новые институты в Академии наук, расширялся и менял направления деятельности наш новый ИНИОН.

Хочу только назвать имена людей, с которыми тогда мне пришлось работать. Анна Борисовна Бродская, экономист по образованию, специалист по экономике Франции. Родилась в 1907 г. в Тифлисе в семье зубного врача. Ее отец принимал участие в революционном движении. До конца своих дней Анна Борисовна оставалась преданным коммунистом. Еще до моего прихода в сектор Анна Борисовна по неким причинам перешла на работу в ретроспективную группу. С Анной Борисовной мне, как и другим, ладить было непросто, но тем не менее мы поддерживали с ней отношения еще в начале 1990-х годов. Жизнь ее оказалась трагичной. Погиб в расцвете сил после защиты докторской диссертации и подававший надежды ее сын, мой ровесник, физик Саша Дюкалов. Любимая внучка эмигрировала в США. Она очень боялась остаться одна.

Ева Бецалевна Марголина, очень красивая и яркая женщина, географ по образованию, быстрый и оперативный работник. В последнее время до ухода на пенсию работала в ретроспективной группе.

Лиза Кушнир, окончила, как и я, истфак, умная женщина, ее очень ценила Елена Васильевна за умение все схватывать мгновенно. По протекции Анны Борисовны ушла в ИМЭМО, но затем совсем исчезла из виду.

Татьяна Петровна Андрущенко, которая в 1970 г. перешла в реферативную группу, а затем ушла в ИМЛ при ЦК КПСС, но ее дочь Елена Андреевна Пальникова работает до сих пор в ИНИОНе.

Тамара Лазаревна Виленкина, которая также в 1970 г. перешла на реферативную работу, а затем эмигрировала в Израиль.

Эмма Багратовна Арушанян, которая перешла в группу по составлению бюллетеня по международному рабочему движению и еще долго работала в ИНИОНе.

Лариса Михайлова, которая также стала работать в Институте международного рабочего движения и защитила там диссертацию.

Татьяна Николаевна Мационашвили, перешедшая затем в реферативный отдел стран Европы (она хорошо знала немецкий язык) и, к сожалению, несколько лет назад трагически ушедшая из жизни.

И наконец, Иосиф Львович Беленький, который начинал работу в ФБОН в нашем секторе.

В заключение хочу сказать, что мне очень повезло в жизни. Я работала в интересном коллективе, с выдающимися людьми, работа всегда была мне интересна. Кроме того, соприкосновение с таким большим массивом литературы, поступавшей в библиотеку, давало возможность видеть весь мир по-иному.

Л.М. Алексеева
УДИВИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
И ЕГО ДИРЕКТОР

Не могу похвалиться, что близко знаю Льва Петровича Делюсина, но тем не менее знаю его хорошо. 33 года назад, в 1970 г., не будучи со мной знаком, он сыграл важную роль в моей жизни, совершив неординарный поступок. В качестве директора ИНИОНа (тогда еще – ИНИБОНа) он взял меня на работу.

Спросите, почему я называю этот поступок неординарным? Потому что он взял меня на работу как раз за то, за что другие директора мне в приеме на работу отказывали: я тогда была занесена в какой-то «черный» список, поскольку подписала письма в защиту осужденных в феврале 1968 г. самиздатчиков Юрия Галанскова и Александра Гинзбурга. После этого я была уволена с должности научного редактора отделения археологии и этнографии издательства «Наука», и полтора года все мои попытки устроиться хоть на какую-нибудь работу были безуспешными. Знакомые и полужнакомые начальники объясняли мне, что они бы это сделали с удовольствием, но обстоятельства сильнее их.

Поскольку я активно искала работу, то, конечно, слыхала об удивительном учреждении – Институте информации по общественным наукам АН СССР, куда берут и евреев, и диссидентов, но сама туда не обращалась.

К стыду своему, не помню, кто из совсем не близких мне людей спросил: «А к Делюсину вы не пытались устроиться?» Я объяснила, что никого из начальников там не знаю и не хочу соваться к незнакомым людям и заставлять их терпеть неизбежные неприятности в случае, если они займутся моим трудоустройством. «Я сам его тоже не знаю, но у меня есть знакомый, который может его спросить, не возьмет ли он вас», – ответили мне. Я, че-

стно говоря, совсем не была обнадежена этим случайным разговором, даже не вспоминала о нем, и была очень удивлена, когда через несколько дней мой благодетель позвонил и сказал, что я могу принести свою анкету в отдел кадров ИНИОНа.

Меня взяли на должность секретаря-машинистки и определили к заместителю директора Липариту Саркисовичу Кюзаджяну. Кюзаджян, очень галантный мужчина, объяснил, что первые три месяца мне будут давать какие-нибудь материалы на перепечатку. Делать эту работу я должна буду дома, а в ИНИОН показываться как можно реже: взяла работу, сдала работу – и ушла. И чтобы по возможности никто не знал ни в институте, ни за его стенами, что я зачислена в штат ИНИОНа. Три месяца – это испытательный срок, в течение которого человека можно без хлопот уволить как не подошедшего по деловым качествам.

Разумеется, я строго хранила тайну своего поступления на работу. Однажды, придя в ИНИОН, я встретила в коридоре довольно близкого знакомого – он пришел туда в библиотеку. На его вопрос, что я тут делаю, я соврала, что тоже пришла в библиотеку. Три месяца прошли благополучно. Видимо, никто не засек факта моего зачисления в штат ИНИОНа: работники отдела кадров из КГБ или не обратили внимания на какую-то Алексееву, зачисленную на весьма скромную должность, или были заодно с директором, давшим распоряжение об этом зачислении. Так или иначе, чекисты меня проворонили, и через три месяца я смогла объявиться в институте открыто. Я по-прежнему состояла при Липарите Саркисовиче, но теперь он сказал, что, формально находясь на той же должности, я буду редактором институтского журнала, где он, Кюзаджян, определен главным редактором. Журнал только замышлялся, и я должна была формировать его первый номер – подбирать материалы, редактировать их, предлагать рубрикации и т.д. Работа была интересная, и я после долгого периода случайных подработок была просто счастлива заняться настоящим делом. Но, увы, этот журнал так и не вышел в свет: наверху подули какие-то суровые ветра, и Лев Петрович решил оставить директорское кресло. Что там было на самом деле, я не знаю, но в институте говорили, что в свое время Делюсин согласился быть директором на условии, что сам будет подбирать ведущих сотрудников института, и оставался на своем посту, пока сверху это условие соблюдалось. Но к 1972 г. оно было нарушено, и Делюсин решил уйти. Видимо, он с самого начала понимал, что его директорство не будет продолжительным.

Это тоже был не такой уж ординарный поступок. Уход с директорского поста в научные сотрудники означал потерю благ, которые быстро становятся привычными: машина с шофером, секретарша, а в то время, наверное, и какой-нибудь спецмагазин, чтобы не стоять в очередях за самым необходимым. Директор издательства «Наука», которому пришлось меня увольнять, честно объяснил мне, что делать это ему очень неприятно и даже тяжело. Но ведь если он откажется это сделать, он потеряет директорское место со всеми прилагаемыми к нему благами, к которым он очень привык, а мне все равно не поможет: тот, кто придет на его место, тут же меня уволит. Я нисколько не осуждаю этого человека – все доводы, которые он мне изложил, были абсолютно правильными, но Львом Петровичем я восхищалась и восхищаюсь именно за то, что он действовал по совести, вопреки такой логике.

Я впервые увидела Льва Петровича в самые последние дни его пребывания в институте. Я обратилась к нему по какому-то поручению Кюзаджяна, связанному с журналом. Увидев меня перед собой, он с усилием отключился от дела, которым был занят, и сказал: «Да, а с Вами как быть? Вот что, пожалуй, я переведу Вас сейчас же в отдел к Якову Михайловичу Бергеру – это будет надежнее». И я оказалась в отделе, который назывался не как-нибудь, а «Отдел научного коммунизма». Название было чисто оруэлловское – по тому же принципу, по которому в романе Оруэлла «1984» Министерство пропаганды называлось Министерством правды. В Отделе научного коммунизма ИНИОНа делались переводы со всех европейских языков статей и книг с критикой советской идеологии и советской действительности. Разумеется, переводы эти не публиковались в открытой печати, а изготовлялись только для того, чтобы ответственные товарищи из ЦК КПСС могли ознакомиться с этой критикой, если пожелают. Такое желание посещало очень немногих из них, и притом очень редко, но сотрудники этого отдела, а также их родственники, друзья и знакомые, а то и знакомые родственников, друзей и знакомых с огромным интересом читали всю эту запретную литературу, для их удобства переведенную на русский язык.

В этом отделе я проработала семь лет, вплоть до эмиграции в 1977 г. За всю мою жизнь у меня не было другого такого замечательного места работы. Я не знаю, каким был весь ИНИОН, но Отдел научного коммунизма и после ухода Л.П. Делюсина с поста директора жил прежней жизнью, прикрываемый своим начальником Я.М. Бергером от житейских и политических бурь. Возможно,

в этот заповедник институтских нравов времен директорства Делюсина его заботами была переведена не только я, но и другие изгои советского общества, но так или иначе в тесных комнатках Отдела научного коммунизма в полный голос велись разговоры в точности такие же, как на дружеских посиделках на московских кухнях, и ни одного случая доноса не было. Мои сослуживцы приносили мне очень ценные материалы для информационного бюллетеня московских правозащитников «Хроники текущих событий», за что тогда полагался солидный лагерный срок. При этом работали мы честно – работы было много, так как зарубежной критики в адрес СССР хватало. Сотрудники отдела были людьми высококвалифицированными и порядочными, к тому же они очень ценили возможность работать в ИНИОНе, и именно в этом отделе. Так что Отдел научного коммунизма на протяжении многих лет после ухода Делюсина из института оставался нерукотворным памятником бывшему директору.

М.Н. Любимцева
ФБОН-ИНИОН – ЛЮБИМАЯ РАБОТА
И ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ

Я пришла на работу в ФБОН в апреле 1954 г. по рекомендации Клавдии Павловны Алексеевой. До этого я окончила в 1952 г. Московский библиотечный техникум и с августа 1952 г. по апрель 1954 г. работала в библиотеке № 13 при Дворце культуры им. Горбунова. Сначала в должности библиотекаря, затем заведующей абонементом. Одновременно поступила на вечернее отделение Библиотечного института (теперь Института культуры). В ФБОН я начала работать в отделе книгохранения, в так называемом «2-м кабинете», где была представлена литература по всеобщей истории, истории стран и народов, по истории развития многих отраслей науки, официальные ведомственные издания. Среди сотрудников «2-го кабинета» мне особенно дорога память о Татьяне Владимировне Ихиритовой. Эта удивительная замечательная женщина, от которой исходили душевность и сердечная теплота, была необычайно добра и заботлива ко мне – новой, совсем молодой сотруднице. Прекрасно знала расположение фонда и могла чуть ли не с закрытыми глазами найти расположение нужного шифра книги. Каким-то образом могла найти даже заставленные книги. Она учила дорабатывать требования читателей по справочникам в справочно-библиографическом отделе. Татьяна Владимировна была высококвалифицированным работником, совершенно бескорыстным, душевным человеком. Очень жаль, что она так рано ушла из жизни. Прошло много лет, но я до сих пор с теплотой вспоминаю о ней. В ИНИОНе работает и сейчас ее младшая дочь, Елена Ихиритова. Такая же добрая и отзывчивая.

В октябре 1956 г. я перешла работать в Кабинет славяноведения. Это была уже работа не только с книгами и периодически-

ми изданиями, но и живое общение с читателями. Это был такой специализированный кабинет для научных сотрудников гуманитарных институтов Академии наук, преподавателей высших учебных заведений не только Москвы, но и других городов Советского Союза. Приезжали специалисты по общественным наукам и политические деятели из других стран. В Кабинете был свой фонд основных изданий по разделу «Славяноведение и страны народной демократии», включая все отрасли общественных наук.

Создателем Кабинета была Нина Владимировна Постоловская. Она была знающим специалистом, но дама строгая. Очень внимательна к читателям Кабинета и их запросам. Когда я пришла работать в Кабинет, Нина Владимировна уже ушла из ФБОН.

Заведующей Кабинетом славяноведения стала Ольга Винченцовна Бианко. Она продолжила дело начатое Ниной Владимировной. Ольга Винченцевна была серьезной, обязательной и четкой. Старалась выполнить все требования читателей, обеспечить всеми необходимыми изданиями для научной работы. Этого требовала и от нас. Кроме заведующей в Кабинете было еще три сотрудника. Галина Ивановна Павленко – энергичная, спортивная и веселая. Римма Григорьевна Чударева – очень спокойная, исполнительная и доброжелательная. И я – тогда Ветрова. Атмосфера в Кабинете была доброжелательной, а работа – слаженной. Читатели, чувствуя внимание, заботу сотрудников, говорили, что им хорошо работается в Кабинете, и они комфортно себя там чувствуют. Многие из них стали потом докторами, кандидатами наук, доцентами и профессорами. С некоторыми читателями у нас были дружеские отношения, которые сохранялись на протяжении многих лет. И сейчас я дружу с Инной Гавриловной Богомоловой, которая стала доктором исторических наук и профессором и до сих пор читает лекции студентам МГИМО.

Хотя в те годы я еще училась в институте, но мы с подругами, Ниной Булгаковой (в дальнейшем Капустиной) и Верой Соломанчук (в дальнейшем Галкиной) успевали бывать в театрах, на выставках, в консерватории. В ФБОН каждую неделю приходила распространитель билетов на концерты в консерваторию и другие залы. Часто в Белом зале проходили вечера с приглашением известных солистов Большого театра. Этим мы обязаны нашему читателю, концертмейстеру Большого театра Королькову. Периодически проводились встречи с молодыми тогда поэтами Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Робертом Рождественским, Наумом Коржавиным, Булатом Окуджавой. Однажды такой вечер

был у нас с Иосифом Бродским, который три часа читал свои стихи при заполненном до отказа зале. Бывали у нас и писатель Василий Аксёнов, и художник Илья Глазунов с некоторыми своими работами. Интересны были и музыкальные вечера. Особенно запомнились выступления очень популярного в те годы ансамбля старинной музыки «Мадригал», в котором пели Рубен, Рузанна и Карина Лисициан и Лидия Давыдова. Слушать их было огромное удовольствие! Из театральных актеров бывали Анатолий Папанов, Вера Васильева, Геннадий Дудник, Евгений Весник и многие другие.

Одна из самых удивительных и невероятных историй ФБО-На та, что в эти годы у нас бывал Александр Исаевич Солженицын. Конечно, он не выступал – в то время это было невозможно, а тайно работал в укромном месте в старом здании ФБОН, имеющем свой отдельный вход со двора, и о существовании которого знал даже не каждый сотрудник.

В те годы в ФБОН была очень активная, веселая и энергичная молодежь. Какие замечательные и интересные вечера мы организовывали! Проводили смешные капустники, лотереи, конкурсы разных поделок, шитья, вязания, вышивки и даже домашней выпечки. Победителям вручали призы. Какое-то время существовал у нас драмкружок. Свои представления он давал в Шахматном клубе, на агитпунктах, в подшефном детском доме, бывал участником агитпоходов в колхозы Подмосковья. В таких походах нам приходилось часть пути ехать на электричках, а затем на лыжах идти до деревни. Жители встречали нас с добротой и благодарностью. Среди самых активных участников были Г.М. Рудяков, Л.В. Морозов, Алла Непомнящая. Кроме того Г.М. Рудяков и Л.В. Морозов писали сценарии для капустников.

Поскольку среди молодых сотрудников у нас были в основном девушки, мы завязали дружеские отношения с молодежью некоторых технических институтов Академии наук, традиционный состав которых был в основном мужским. В частности, с Институтом радиотехники и электроники и Институтом автоматики и телемеханики. Мы бывали у них на вечерах, а они приходили к нам. Связями с молодежью этих институтов активно занималась Алла Непомнящая.

Профком ФБОН часто организовывал для сотрудников поездки в разные города нашей страны и экскурсии по Москве. Мы ездили в Ленинград, Вологду, Киев, Одессу, Львов, по Золотому кольцу и пр. Но наш профком, в котором я проработала 20 лет, не ограничивался

организацией только экскурсий на выходные и праздничные дни. Я, в частности, занималась организацией туристических маршрутов и поездок на время отпусков сотрудников. Таким образом, наши сотрудники получили возможность побывать в Карелии, на Куршской косе, в Прибалтике, по северному маршруту, на острове Байкал, на Алтае, Закарпатье, Немане, Средней Азии, Грузии, Армении, Азербайджане и многих других местах. Когда люди возвращались после такого отдыха и благодарили, было приятно – работа и усилия были не напрасны! Так было в ФБОН, так продолжилось и в ИНИОНе. Жизнь наша в ФБОН была в те годы очень интересной, наполненной и веселой, несмотря на все сложности. Уже потом в ИНИОНе, на ул. Красикова (теперь Нахимовский проспект), мы с восторгом вспоминали о той молодой жизни, о наших замечательных вечерах, поездках в колхозы на уборку овощей. Хотя для нас эта работа не была привычной, но всем вместе нам было весело.

После переезда в новое здание, выполняя сложнейшие задачи своего становления и развития, ИНИОН превратился в крупнейшее научно-информационное учреждение. Но культурная жизнь ИНИОНа не переставала быть такой насыщенной и интересной, как и в ФБОН на ул. Фрунзе (теперь ул. Знаменка). У нас бывали Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Николай Караченцов, Михаил Ульянов и многие другие замечательные актеры. Была встреча с Н.С. Михалковым, с историком и писателем Н.Я. Эйдельманом и другими интересными личностями.

В 1962 г. по предложению заведующей сектором комплектования текущей отечественной литературы Валентины Максимовны Орловой я перешла в этот сектор. Хотя мне нравилась работа в «кабславе», но в секторе комплектования работа была не только более сложной, но и более интересной. Я стала старшим библиографом, а с годами главным библиографом и заместителем заведующей сектором. Валентина Максимовна Орлова была опытным, знающим руководителем. Хорошо знала профиль комплектования ФБОН, а затем и ИНИОНа. Ее, в свою очередь, учила Анастасия Ивановна Широкова – заведующая Отделом комплектования, человек широко образованный и знающий. И Клавдия Павловна Алексеева, которая ранее была заведующей Сектором отечественного комплектования. Валентина Максимовна вместе со мной первое время просматривала и отбирала поступающую литературу по бесплатному контрольному обязательному экземпляру и, таким образом, учила меня. Работа была непростая, требующая внимания и знаний. Литературы всегда было много, но работалось с большим интересом и желанием.

ИНИОН ведет комплектование фонда отечественной литературы, получая бесплатный контрольный обязательный экземпляр. Библиотека создана в 1918 г., получает контрольный обязательный экземпляр с 1920 г.¹ Это обеспечивает почти исчерпывающую полноту и своевременность поступления отечественной литературы. Немногим более 10 лет назад было принято постановление о получении ИНИОНам второго бесплатного контрольного обязательного экземпляра по общественным наукам. В течение непродолжительного времени мы получали второй экземпляр, хотя и нерегулярно. Но теперь, увы, этого нет. Через коллектор научных библиотек ФБОН и ИНИОН раньше получали платный обязательный экземпляр по общественным наукам. Сейчас не существует ни коллектора научных библиотек, ни платного обязательного экземпляра. Поэтому очень велика роль в комплектовании бесплатного контрольного обязательного экземпляра, который мы получаем через Всероссийскую Книжную палату. Дирекция ИНИОНа должна постараться добиться, чтобы в списке получателей литературы по бесплатному контрольному обязательному экземпляру мы были не на последнем месте, а в числе первых. От этого зависит полнота комплектования, отсюда полнота информации по общественным наукам всех научных работников и всех кто заинтересован в информационных изданиях ИНИОНа.

Когда я начала работать в секторе комплектования текущей отечественной литературы, то занималась именно отбором и просмотром контрольного экземпляра. По мере увеличения количества поступающей литературы увеличилось число сотрудников группы контрольного экземпляра, которую я возглавляла. С моим уходом в 1999 г. на пенсию возглавляет группу Екатерина Александровна Мягкова – внимательный, ответственный и эрудированный человек. Поскольку литература по контрольному обязательному экземпляру поступала по всем проблемам общественных наук, иногда довольно сложным, приходилось консультироваться со специалистами из реферативных или библиографических отделов. От этой практики, думаю, отказываться не стоит. В секторе на базе контрольного обязательного экземпляра ведется централизованное комплектование 21-й библиотеки институтов РАН социально-гуманитарного профиля. С целью информирования заве-

¹ См.: [Трофимов Л.В.] Краткий очерк истории Библиотеки (1918–1924) // Библиотека Коммунистической академии. Ее организация и деятельность. 1918–1928. – М.: Изд-во Ком. Академии, 1928. – С. 28–42.

дующих библиотеками этих институтов в секторе существует выставка новых поступлений, где они могут сделать заказы каждый по своему профилю. Кроме них выставку просматривают заведующие читальным залом, справочно-библиографическим отделом, корреспонденты заграничного книгообмена.

В 1783 г. в Российской империи был издан Указ об общегосударственной системе обязательного экземпляра¹. А в 1984 г. отмечалось 200-летие контрольного обязательного экземпляра. В Ленинграде в Библиотеке АН СССР в марте 1984 г. проходила Всесоюзная конференция, на которую были приглашены и представители ИНИОНа. На этой конференции с докладом «Роль контрольного обязательного экземпляра в информационной деятельности ИНИОНа» выступала я. Конференция была интересная, проходила три дня, в ней участвовали представители различных библиотек и вузов. Тезисы докладов конференции были опубликованы отдельным изданием в том же 1984 г.

За многие годы коллектив сектора естественным образом менялся, но есть сотрудники, которые на сегодняшний день проработали в секторе по 30–40 лет. Это Эмма Васильевна Чиндышева, Галина Ивановна Швецова, Наталья Серафимовна Курбатова, Людмила Федоровна Иларионова, Екатерина Александровна Мягкова, Марина Николаевна Старинец. Для нас, сотрудников ФБОН и ИНИОНа, работа в Институте всегда была интересной, любимой, полезной и необходимой. Хотелось бы, чтобы современное и будущее поколения сотрудников Института так же любили свою работу, были широко образованными и высокопрофессиональными специалистами. Также хочется, чтобы в стенах Института появились новые талантливые ученые, которыми всегда славились ФБОН и ИНИОН: Дмитрий Дмитриевич Иванов, Виктор Иванович Шунков, Лев Владимирович Трофимов, Константин Романович Симон, Григорий Григорьевич Кричевский, Инесса Александровна Ходош, Клавдия Павловна Алексеева, Елена Васильевна Бажанова, Ольга Антоновна Барыкина, Ирина Александровна Калоева, Софья Иосифовна Кузнецова и многие другие.

В нынешние сложные для всех времена необходимо сохранить научный коллектив Института. Это одна из основных задач и

¹ Российский общегосударственный обязательный экземпляр был учрежден в 1783 г. указом Екатерины II о вольных типографиях, по которому один экземпляр всех изданий в России надлежало доставлять в Библиотеку Императорской Академии наук в Петербурге.

главное условие дальнейшего развития. Надеюсь, что ИНИОН, осуществляя все поставленные перед ним сложнейшие задачи, останется как для нашей страны, так и других стран мира уникальным учреждением, где в рамках единого организма ведется информационная и библиотечная работа с документами и всеми видами информационного и библиотечного обслуживания науки и ученых. С этой целью, как в свое время сформулировал академик Е.М. Примаков, ИНИОН должен идти несколько впереди других академических институтов и указывать им на новейшие тенденции в развитии науки. Надеюсь, так и будет!

Р.А. Гальцева В СТРОЮ И ВНЕ СТРОЯ¹

*Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!*
А.С. Пушкин

Благословенный ИНИОН! «Первый в мире, второй в Союзе» (как острили в советское время) гуманитарный институт, приют униженных и оскорбленных, гонимых и неприкаянных (подчас претенциозных) творцов из поколения дворников и сторожей, но и нашедших малозаметные ниши в истеблишменте юношей бледных со взором горящим, жадных до идейно-политических вестей из-за бугра, и просто – для отсидевших сроки. Задуманный как флагман зарубежной информации для высших инстанций и пропаганды передовой идеологии для рядовых научных и учебных кругов, он, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, представлял собой издательский симбиоз, выпускающий для узкого читательского круга, «для служебного пользования», политико-философские заблуждения врагов и на широкие просторы – «краснознаменные сборники»: так именовалась у нас информация для второго, учебного эшелона читателей.

Между тем жизнь тут была ключом, палуба флагманского корабля (как место встречи работодателей, т.е. штатных сотрудни-

¹ Впервые опубликовано в журнале «Новый мир». См.: Гальцева Р. «В строю и вне строя»: К 90-летию Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР и 40-летию Института научной информации по общественным наукам РАН // Новый мир. – М., 2013. – № 7. – С. 153–164.

ков реферативных отделов и работающих по трудовому договору референтов, а также их встречи между собой и с читателями) являла собой живое, бурлящее пространство, где шла стихийная, нерегламентированная жизнь; где на каждом шагу встречались группы разгоряченных диспутантов, захваченных каким-то крайне насущным и безотлагательным предметом: под большой парадной лестницей, около книжного прилавка, у каталогов или в холле и прямо посреди коридоров – в общем, там, где люди заставляли друг друга. Быть может, после курилки Ленинской библиотеки это был второй (а то и первый?) дискуссионный клуб.

А как же протекала под этими сводами деловая жизнь? Начнем с показательного для ее уяснения начала. Дело было в Отделе научного коммунизма... Да простят мне читатели этого текста: я буду говорить о себе (не совсем о себе, а в конечном счете совсем не о себе) не только потому, что, как признавался герой «Записок из подполья», «порядочный человек» с наибольшим удовольствием говорит о себе, но и по совершенно банальной причине – потому что происходящее вблизи и при твоём участии помнится более ярко и выпукло, чем общезначимое, но отдаленное. Итак, дело было в Отделе научного коммунизма, который одним своим названием, казалось бы, служил охранной грамотой в глазах начальства. Совсем недавно получил он это гордое имя, будучи раньше безликим «Реферативным отделом», куда я пришла с заранее согласованным с тогдашней дирекцией проектом «Достоевский за рубежом» (в связи с юбилеем писателя): издавать рефераты (и переводы) знаменитых работ о нем – Р. Джексона, М. Бубера, А. Камю, Р. Веллека, Э. Васиолека, Вяч. Иванова и др., – не публиковавшихся на русском языке. Сборник был подготовлен и двинулся в путь, но... внезапно был остановлен на первой же станции: обсуждения в Отделе. А обсуждение проходило так. Вслед за первым взявшим слово и заявившим, что сборник скучен, что нет единой концепции, что «под нашим грифом такое не выходит», началась цепная реакция в том же духе, а именно – в духе «превращенной формы» объяснений, когда для камуфляжа подлинной (идеологической) мотивировки используется другая (мнимонаучная). Но «политика» все же прорывалась: «Заказчик будет недоволен». И хотя мнения присутствующих разделились, завотделом поблагодарил чутких и ответственных, проявивших бдительность коллег, выступивших под девизом «надо беречь Отдел», а нам с И.Б. Роднянской (она в это время тоже

была научным референтом ИНИОНа¹) он предложил подумать над переформатированием содержания выпуска. После долгого согласования с руководством было решено предпослать сомнительной зарубежной когорте бесспорный продукт, который служил бы паровозом для малоподвижного состава, – иначе говоря, подготовить выпуск «Достоевский в социалистических странах» с предисловием («крепким врезом») какого-либо политически надежного знатока русского писателя. Задание было выполнено. Однако в конечном итоге паровоз двинулся один, без состава, чьи пассажиры так и остались не въездными – до тех пор, пока позднее они не вышли в широкой или специальной российской печати. Но, увы, уже не к нашей (институтской) вящей славе.

Это был печальный и настораживающий опыт. Легкой судьбы и дальше не выпадало ни одному не «краснознаменному» изданию. А ведь речь шла о якобы неподцензурных изданиях «Для служебного пользования», рассылаемых проверенным лицам по спискам, т.е. об особой сфере, куда не нужно заглядывать Главлиту (т.е. цензуре).

Каждый такой сборник или обзор должен был пройти очистительную процедуру: огонь марксистской критики, воду недружественных отзывов, медные трубы отрицательных вердиктов. Требовалась выработка более замысловатой стратегии, готовность к использованию чрезвычайных мер, в числе коих наиболее приемлемой оказывалась добыча внешнего отзыва или даже ходатайства, а в случае необходимости – и организация научно-общественных обсуждений с подобранными гостями. Специфика была в том, что надо было найти таких защитников и заступников, которые были бы авторитетными функционерами и одновременно симпатизантами нашего (по самому их статусу не близкого им) дела, – казус *contradictio in adjecto*, противоречия в терминах. Сочинялись формулировки, обосновывающие в письменной и устной – на личных приемах в высоких кабинетах – форме непомерную важность и несравненную злободневность затеянного нами предприятия.

¹ И.Б. Роднянская пришла в Отдел в 1971 г., сразу вслед за мной, и занималась, помимо участия в упомянутых сборниках, реферированием закрытой литературы, написанием замечательных аналитических обзоров по работам П. Сорокина, Ш. Эйзенштадта, А. Кёстлера, по проблемам молодежной контркультуры 60-х, дискуссии вокруг эволюционизма и креационизма и многим другим; а ушла из штата в 1976 г., когда заведующий отделом предложил ей заняться левой, социалистической литературой для реферативного журнала открытого пользования.

Догадка прибегнуть к подобной методе родилась после окончательного решения вопроса о судьбе Достоевского в ИНИОНе (по-скольку, несмотря на фиаско, мы не унимались). Первым адресатом был выбран сам *директор ИМЛИ* Б.Л. Сучков, вторым – сам *редактор Полного собрания сочинений писателя в 30 томах, верховный главнокомандующий армии отечественных достоевистов, ленинградец* Г.М. Фридендер. В подмосковном санатории он принял инионовского ходока «с рукописью в руках», где говорилось, в частности:

«Глубокоуважаемый Георгий Михайлович!

...В течение нескольких лет мы занимались подготовкой серии реферативных сборников под условным названием “Достоевский за рубежом”; первый и пока единственный из этих выпусков – “Исследования творчества Ф.М. Достоевского в социалистических странах” – был издан в прошлом году, послан Вам и, надеюсь, благополучно дошел. Остальные работы сгруппированы по следующим темам... (они перечисляются). Эта серия, как и большинство изданий нашего института, предназначена для специального пользования (т.е. рассылается по особым спискам). Состав сборников был апробирован Б.Л. Сучковым, который их завизировал, поставив гриф ИМЛИ; но с кончиной Бориса Леонтьевича мы потеряли энтузиаста-покровителя и профессионально заинтересованное лицо; в результате это издание застопорилось.

Может быть, у Вас возникнет интерес к находящемуся в нашем распоряжении материалу (не менее 30 авторских листов), прошедшему все стадии подготовки к печати, но пока лежащему втуне. Здесь были бы возможны два варианта: издание вспомогательного типа в рамках Вашего начинания и на базе Вашего института (совместно с нашим) – или, при Вашей поддержке и ходатайстве, что могло бы вдохновить наше руководство, далекое от этих тем, – издание под грифами двух институтов – ИМЛИ и ИНИОН, причем на типографской базе последнего.

Прилагаем оглавления намечающихся выпусков. Если наши чаяния вызовут у Вас отклик, то в любое удобное для Вас время мы рады были бы встретиться с Вами, имея при себе тексты рефератов и переводов. 20.01.77 г.».

Далее шли наши адрес и телефоны. И – тщетные ожидания.

Однако другого пути не было. «И, словно гусей белоснежных станицы, / Летели исписанные страницы» обращений, воззваний, призывов (часто вручаемых лично). И этот хлопотный метод в конечном итоге себя оправдывал, являя победу над детерминизмом системы.

Вот, к примеру, фрагмент из нашей переписки с внешними и внутренними инстанциями по поводу лишь нескольких тематических сборников.

«В Советский оргкомитет по подготовке XVII Всемирного философского конгресса, директору Института философии В.В. Мшвениерадзе¹», к которому я обращалась с основательно фундированным призывом вступить перед нашим институтским начальством за гонимый сборник из серии «Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.». Представьте себе, у сановного философа нашлось, что весьма нетривиально, достаточно воодушевления (вечная ему благодарность!), чтобы обратиться к директору ИНИОНа В.А. Виноградову с убедительным ходатайством, оканчивающимся внушительным резюме: «Сборник переводов “Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.” (вып. 1), служащий неотложным задачам компетентной критики, положительно оценен научной общественностью. Теперь мы ожидаем выхода в свет второго сборника, который представляет сегодняшнюю социально-эстетическую панораму и посвящен влиятельным в интеллектуальных кругах Запада концепциям искусства, выросшим на католической почве: от “ортодоксального неотолизма” (Ж. Маритен, Г.К. Честертон) до авангардизма (Ортега-и-Гассет) и левого критицизма (Г. Бёлль). Насущность этой работы подчеркивается и близящимся VIII Всемирным эстетическим конгрессом (август 1980 г.), в порядке подготовки к которому выполнение этих переводов было бы чрезвычайно желательно». (Подпись: В.В. Мшвениерадзе.)

Это обращение было большим подспорьем в деле продвижения выпуска. И – по протоптанной дорожке заодно о другом застрявшем сборнике: «В Советский оргкомитет по подготовке XVII Всемирного философского конгресса, директору Института философии В.В. Мшвениерадзе» – ходатайство о забракованном в Институте сборнике «Образ человека XX века», содержавшем эссе К.С. Льюиса и Г.П. Федотова, исследования о «новом типе мыслителя», о «воспитании посредством идеологической речи» и т.п. Были признаны неподходящими и содержание его, и заглавие. (Под наименованием, которое было названо «туманным», ныне беспрепятственно выходят общеинститутские сборники.) Более

¹ Член-корреспондент АН СССР В.В. Мшвениерадзе в 1979–1989 гг. был не директором, а заместителем директора по научной работе Института философии АН СССР. – *Прим. ред.*

того, тогдашний завотделом философских наук Института в своем отзыве, адресованном на имя нашего куратора, заместителя директора по гуманитарной части Марлена Павловича Гапочки¹, среди прочих претензий предлагал: «Снять или отредактировать более тщательно материал Федотова Г.П. “Ессе homo”, где содержатся антисоветские высказывания (см., например, стр. 57, 60, 63)».

В ответном письме на мое воззвание В.В. Мшвениерадзе писал Гапочке: «В соответствии с Планом мероприятий по подготовке XVIII ВФК в Вашем Институте подготовлен сборник “ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА XX ВЕКА”, отв. ред. Гальцева Р.А. Оргкомитет знаком с содержанием сборника и считает его необходимым для работы членов советской делегации, участвующей в Конгрессе. В связи с этим Оргкомитет просит Вас ускорить выпуск вышеназванного сборника и выделить часть его тиража (150 экз.) для нужд подготовки к Конгрессу. <...> Мы будем весьма благодарны – если данному труду будут предоставлены условия наибольшего благоприятствования, иначе говоря, быстрейшего выхода в свет. И второе, чтобы часть тиража сборника (хотя бы около 100 экз.) была резервирована за Оргкомитетом». Колымага выехала-таки из непролазной колеи. Но за ней следовали еще целые обозы... И потому депеши продолжали лететь.

Председателю Отделения литературы и русского языка АН СССР академику Е.П. Чельшеву (1979–1980), заведующему Отделом философии ИНИОНа А.И. Ракитову² (1976) с просьбой о поддержке начинаний, злобная суть которых заключалась в замене реферативного жанра переводческим. (Этот пункт был одним из ключевых в разногласиях с М.П. Гапочкой.)

Заместителю Председателя РИСО АН СССР А.Л. Яншину. После подробного обоснования всей насущности и актуальности

¹ Гапочка Марлен Павлович (1931–2003) – философ. Кандидат философских наук (1962). В 1973–1997 гг. – заместитель директора ИНИОН по научной работе. Заместитель председателя Головного органа Международной информационной системы социалистических стран по общественным наукам (МИСОН). Основные научные труды в области истории философии, исторического материализма, научного коммунизма. – *Прим. ред.*

² Ракитов Анатолий Ильич (р. в 1928) – философ и науковед. Кандидат философских наук (1956), доктор философских наук (1966), профессор (1968). Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995). В ИНИОНе с 1971 г. В 1971–1986 гг. заведовал Отделом философских наук. Главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям. – *Прим. ред.*

нашей серии («Судьба искусства...», вып. 2) в свете опять же близящегося Международного эстетического конгресса (август 1980 г.) в заключение говорилось: «Эта недавно завершенная работа нуждается в Вашем одобрении и поддержке, как и вообще вся наша переводческая инициатива, поскольку вопрос о целесообразности такого информационного жанра, как перевод (а не только реферат), все еще остается для нашего Ученого совета дискуссионным». Была ли поддержана эта просьба, я уже не помню.

Директору Института философии АН СССР Б.С. Украинцеву, который в ответ на наше обращение апеллировал к Председателю Отделения философии и права АН СССР академику-секретарю А.Г. Егорову по поводу все тех же выпусков «Судьба искусства...» с просьбой (поддержанной также нашим директором В.А. Виноградовым) включить в план и «утвердить издание сборников рефератов и аналитических обзоров работ, отражающих основные линии развития и кризисных явлений западной эстетики. <...> Соответствующий Проект постановления прилагается».

В Ученый совет Института философии АН СССР В.М. Межуеву (1975) за поддержкой одного из первых наших застрявших изданий: «Современные концепции культурного кризиса на Западе» (работы Д. Белла, Х.Г. Кокса, Ж.М. Доменака, Л. Уайта, П. Тиллиха, Р. Гвардини, М. Хайдеггера). «Подготовленный Отделом научного коммунизма сборник, – убеждает администрацию ИНИОНа в ответном письме член Ученого совета Межуев, – представляет несомненный теоретически-информативный интерес для всех специалистов, работающих в области теории культуры и критики идеологии. Сборник восполняет существующий в настоящее время пробел в советской философской литературе. <...> Безусловно, существует настоятельная необходимость издания такого сборника, а также продолжения информационной работы в данном направлении».

ВНИИ системных исследований АН СССР и ГКНТ Ш.А. Гумерову в защиту того же тонущего сборника переводов («Судьба искусства...», вып. 2). «Особенно удобным для философа-теоретика, работающего в области культуры и духовного производства, – говорилось в ответном послании, – представляется принятый в последнем из сборников серии жанр комментированного перевода с проблемной вступительной статьей. Было бы весьма желательным, чтобы Ваша деятельность в этом направлении продолжалась, восполняя немалые лакуны». И т.д.

Члену редколлегии «Нового мира», заведующему отделом критики В.М. Литвинову (1979). Откликаясь на наш призыв о поддержке все того же 2-го сборника «Судьба искусства...» (который был послан в редакцию журнала «на отзыв»), адресат направляет на имя директора ИНИОНа В.А. Виноградова (копия: Отделу научного коммунизма) красноречивое ходатайство с заверениями о ценности этой работы, «отличающейся высокими достоинствами как со стороны научной, так и со стороны стилистической подготовки текстов <...> трудов, пользующихся мировой известностью и совершенно необходимых для расширения идейного и интеллектуального горизонта литературного критика и исследователя литературы».

Директору Института философии Грузии академику Грузинской АН Н.З. Бакурадзе (письмо второе, вслед уже оказанной однажды помощи; 1985 г.). Речь теперь идет о другом забуксовавшем сборнике: «Глубокоуважаемый Николай Зурабович! <...> Спасибо за покровительство! Но я, подобно старухе из “Сказки о золотой рыбке”, обращаюсь к Вам с просьбой (которую прошу оставить в силе только при отсутствии каких-либо внешних или внутренних напряжений). Регулярно каждый подготовленный мной сборник, на этапе проплывания “меж крутых берегов”, переживает навигационные препятствия, когда ему требуются мощные буксиры. Вот и сейчас, в случае с материалами по русской мысли (этот элемент у нас, как известно, в самом большом загоне), наступил такой этап, из которого могли бы вывести сборник письма-запросы из ведущих философских учреждений страны. Так вот, не смогли ли бы Вы написать такое письмо и послать его на имя заместителя директора ИНИОН АН СССР М.П. Гапочки (копия: Отдел научного коммунизма, Я.М. Бергеру), в котором выражалась бы целесообразность дальнейшего выпуска сборников по культурологии».

И директор Института философии Грузии отвечал по нужному адресу: «На протяжении последних лет наш Институт является постоянным потребителем научно-информационной продукции, издаваемой ИНИОН: серий “Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.”, “Неоконсерватизм в странах Запада”, “Работы М. Хайдеггера по культурологии” и мн. др. <...> Недавно нам стало известно, что в рамках Вашего Института в числе прочих интересующих нас материалов по проблемам философии культуры разрабатываются темы, связанные с критическим анализом общественно-религиозной утопии первых десятилетий XX в. (П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева и других русских мысли-

телей). В связи с нуждами нашей плановой научной работы обращаемся к Вам с просьбой подготовить и для нас обзоры по указанной тематике».

Ученому секретарю Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания В. Ряполовой, откликнувшейся на обращение развернутым ходатайством в Отдел научного коммунизма: «Как и ряд сотрудников нашего Института, я недавно ознакомилась со сборниками “Судьба искусства и культуры в западно-европейской мысли XX в.”, подготовленными в вашем Отделе. Представляется, что это очень нужная и серьезная работа, имеющая большую ценность для ученых-гуманитариев. <...> И выбор текстов, и переводы их, и сопроводительные статьи и комментарии свидетельствуют о высоком академическом уровне издания. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем читатель получит возможность познакомиться с новыми сборниками этого типа». И т.п.

Заведующему Сектором эстетики Института философии АН СССР проф. М.Ф. Овсянникову по поводу опять же многострадальной серии «Судьба искусства...» В своем «Отзыве-рецензии» он, обращаясь к дирекции нашего Института, в частности, писал: «Вот уже несколько десятков лет наша философская общественность оперирует в связи с эстетическими проблемами именами О. Шпенглера, М. Вебера, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета, К.Г. Юнга и др. До сих пор знакомство с их эстетическим наследием, не изложенным на русском языке, остается делом крайне затруднительным, что в свою очередь осложняет задачи компетентной критики. А тем не менее эти имена остаются вехами на пути современной западной мысли. <...> Несомненна необходимость издания задуманной серии, а также продолжение информационной работы в данном направлении». Позднее, 15 июля 1980 г., М.Ф. Овсянников обращался по поводу особо заторможенного 2-го выпуска серии «Судьба искусства...» к В.А. Виноградову от имени *Научного совета по проблемам эстетики при Президиуме АН СССР* со словами о неотложной необходимости его (и подобных ему дальнейших изданий) в связи с грядущим IX Международным эстетическим конгрессом.

«Вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву...» И так далее...

Надо не забыть и о непростой в прошлом судьбе журнального издания «Эон. Альманах старой и новой культуры», один из выпусков которого «Ирвинг Кристал. На перекрестке тысячеле-

тий» еще ждет своего выхода. И – о свирепствах на стадии библиографического контроля...¹

В общем, поднимался целый вихрь перекрестных потоков теперь уже между высокими внешними и внутренними инстанциями, когда в дело включались «мобилизованные» академики. Директор Института философии Б.С. Украинцев был доведен до того, что в одном из писем академику-секретарю АН СССР А.Г. Егорову прямо указывал: «Обязать Отдел научных публикаций ИНИОН опубликовать сборники Отдела научного коммунизма (1, 2, 3-й выпуски “Судьба искусства...”, 40 а.л.) в сроки, минимально предусмотренные техническими возможностями Издательского отдела, и установить тираж в размере 2000 экз.».

Но высшего накала достигали конфликты, которые развертывались на ближних рубежах, без апелляции вовне, и, как правило, не оставляли после себя письменных документов (а только эпизодические зарубки в памяти). Бывало, собеседования в кабинете начальства занимали целый день. В первой половине такого собеседования шел разбор концепции, в которой не нашел себе места марксистский подход, но чаще дискуссия шла вокруг отдельных словосочетаний (типа: почему «революционное возбуждение», а не «революционный подъем?») и отдельных слов («Почему Вы, *Регина*, – как часто именовал меня Марлен Павлович, – вместо нормального слова “буржуазный” употребляете какое-то неестественное – “позднебуржуазный”?»). Да, борьба всегда шла за слова (как и в «Философской энциклопедии»). Мой цензор уезжал в идеологический Отдел на Старую площадь. А я, получив указания, оставалась под дверью, стараясь придумать свой, менее травматический вариант переделки.

Со Старой площадью была связана уникальная судьба еще одного нашего издания, явившего казус полного «отчуждения» труда (не предполагаемого даже Марксом). Речь идет о сборнике «Новые философы», сенсационной семерки правых, которая неожиданно-негаданно, на фоне все новых и «новых левых», возникла во Франции в конце 1970-х (подобно «великолепной семерке» «Вех» – в России начала века). Своим рождением она прежде всего обязана переведенному на Западе «Архипелагу ГУЛАГ». Соб-

¹ ЭОН: Альманах старой и новой культуры. Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии. Отв. ред.-сост. Р.А. Гальцева. – М., 2014. – Вып. 10: Ирвинг Кристол. К итогам XX века. – М., 2014. – 188 с. – *Прим. ред.*

рание рефератов этих «детей Солженицына» – А. Глюксмана, Б.-А. Леви, М. Клавеля и др. – было издано у нас в Институте в начале 1980-х в количестве шести экземпляров и обсуждено в Идеологическом отделе ЦК, пожелавшем познакомиться с новыми идейными врагами и дать этим клеветникам достойный отпор. Но не увидено ни одним глазом редактора-составителя.

Помнится, выход для безнадежно увязшего обзора «Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьёв, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале)» был найден на путях еще одной методы – подловить момент, когда наш куратор отправится в отпуск, и принести работу на подпись замещавшему его должностному лицу: замдиректора Л.К. Шкаренкову, автору книги «Чёрные флаги белой эмиграции», тем не менее благосклонному к нашей продукции, или другому замдиректора – Л.С. Кюзаджану, готовому помочь, но разгадавшему маневр и заметившему мне с укором, что такая система ставит его в щекотливое положение перед коллегой и даже может поссорить. Тем не менее «Раскол...» таким образом вырвался из плена. И все-таки я вспоминаю Марлена Павловича с теплым чувством: он был джентльменом, образцом хороших манер и незлопамятным человеком. Когда при распределении научных рангов встал вопрос о моем разряде, он повел себя по отношению ко мне, досаждавшей ему беспрестанно не одно десятилетие, самым великодушным образом.

Был момент, когда вся плановая продукция застопорилась, включая очередной выпуск серии «Судьба искусства...», и надо было задумываться над своей собственной судьбой. М.С. Горбачёв уже произнес свою судьбоносную фразу «Общечеловеческие ценности выше классовых», означающую отмену крепостного права марксистской идеологии и открытие эры свободы мысли. Но прежняя инерция еще никуда не делась. И руководитель нашего отдела Я.М. Бергер, держа в руках очередной полученный им на подпись сборник «Формирование идеологии и социальная практика», в который входила работа «Summa ideologiae», резюмировал свое впечатление от знакомства с ней в таком стиле: Вы, Рената Александровна, придумали это для самиздата или для тамиздата, но не для здесь-издата.

Требовалась в лучшем случае радикальная переработка. Параллельно идущим в то время на международной арене Женевским переговорам у нас шли свои пять туров переговоров с Я.М. Бергером; первый и последний – троим, с участием соавтора

Ирины Роднянской. Начало было безнадежным, я почти впала в отчаяние. Более важной вещи, думалось мне, мы еще не писали. К тому же я чувствовала ответственность за вовлеченного в это предприятие соавтора (для которого эта работа была нештатной, неплановой). Аргументация зрела днем и ночью. Собеседования шли по часу-полтора. Но какие это были собеседования!/? «В этой борьбе, – заметила Роднянская, – мы потеряли не только женственность, но и человечность». Когда наши контраргументы не имели воздействия и надо было смиряться, неотменимым принципом оставалось одно: вычеркивать, но не вписывать. «Summa...» вышла из битвы сильно потрепанной¹. Тут сама пришла на ум (как-то несообразно обстоятельствам) ламентация Пушкина из письма П.А. Вяземскому в марте 1823 г.: «Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей»². «Порядок вещей» в нашем случае не предполагал апелляции к «частному приставу».

Я пришла в Институт, когда все, о ком остались яркие впечатления, были уже в сборе. Или – на подходе. Это было особое, с непреходящими либеральными традициями, место. Это были интересные времена. На службу принял меня тогдашний директор, крупный синолог и закоренелый либерал Л.П. Делюсин, для работы по теме «Достоевский в зарубежных исследованиях» (о чем уже упоминалось). Собственно, не было еще никакого Института информации, а была тогда Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, и помещалась она (еще до Якиманки, о которой пелось в капустниках: «Надену джинсы я наизнанку, пойду работать на Якиманку») в роскошном особняке в аристократическом уголке Москвы, близ родного Арбата, на перекрестке Малого Знаменского переулка (тогда ул. Маркса – Энгельса) и ул. Знаменки (тогда ул. Фрунзе).

Впервые поднимаясь по мраморным ступеням парадной лестницы, я среди собравшихся наверху сотрудников различила знакомую фигуру Дмитрия Николаевича Ляликова, коллегу по «Фи-

¹ В том виде, как она была задумана, работа вышла недавно (Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. *Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена: Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий.* М.: Посев, 2012).

² Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. – Т. 10. – М.: Издательство АН СССР, 1949. – С. 57.

лософской энциклопедии»¹ и популярного в интеллектуальных кругах мудреца, и знатока Востока Григория Соломоновича Померанца, принятого в штат еще предшественником Делюсина В.И. Шунковым. Он был тоже давним знакомцем: по философским собраниям и той же «Философской энциклопедии», в свое время спасшим нас от собирателей подписей под письмом в защиту Синявского и Даниэля, которым решительно объявил: «Не заваливайте эту малину».

В тот день Григорий Соломонович, стоя в центре круга, знакомил собравшихся с бездонной глубиной восточного любомудрия. «Как звучит хлопок одной ладонью?» – обратился он со знаменитым коаном к остолбеневшей публике... «Как пощечина», – не задумываясь, отвечал Д.Н. Ляликов. Он писал увлекательные рефераты по психоанализу и проблемам иррационального. По поводу одного из захвативших его авторов, американца Р. Лифтона, автора книги «Пережившие Хиросиму», Д.Н. просто-душно заметил: «Ему совсем немного не хватало до гениальности, я добавил».

В библиотечном «Белом зале» на втором этаже я сразу же заметила женское лицо редкой привлекательности и обаяния, с сияющими глазами. Это была Майя Улановская, политкаторжанка советских времен, в 1951 г. в 18-летнем возрасте осужденная на 25 лет по нашумевшему делу «молодежной террористической организации» (а на самом деле – группы, ставившей своей задачей «восстановление ленинских норм») и освобожденная в 1956-м (после разоблачения культа личности). К сожалению, через 20 лет, в 1976 г. она уехала из России в Израиль вместе с мужем, известным правозащитником Анатолием Якобсоном, стоявшим у истоков «Хроники текущих событий», литератором, поэтом-переводчиком, преподавателем литературы в прославленной 2-й московской математической школе, и – сыном, бывшим подлинной причиной отъезда семьи из СССР: тот остро переживал нарастание политики антисемитизма в стране. Тогдашний подросток, Александр Якобсон ныне – профессор римского права в Иерусалимском университете, отдающий силы и общественной деятельности. Майя, долговременная сотрудница этого университета, – автор книг «Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кёстлера» (Иерусалим, 1996) и (в соавторстве с матерью, Надеждой Улановской) «История одной семьи» (СПб., 2005), а также

¹ См. раздел: «Голоса родных и друзей» // Ляликов Дмитрий. Работы по философии, психологии, культуре (Энциклопедические статьи). – М.: ИНИОН, 1991.

многочисленных переводов с английского (в частности, знаменитых произведений Кёстлера: «Воры в ночи», «Приезд и отъезд» и нашумевшего исследования «Тринадцатое колено: хазарское царство и его наследие») и – с иврита и идиша.

Вот ее воспоминания из книги «История одной семьи» о временах, проведенных в ФБОН-ИНИОН: «Тем временем (речь идет о 1964 г. – Р.Г.) клюют Солженицына. В библиотеке, где я работала, в ФБОН, назначена встреча с писателем. У нас приличное учреждение с либеральными традициями, но в последний момент встречу отменяют. Отменяют встречу и в других учреждениях, но в Институте Азии и Африки – состоялась. А у нас – позже – состоялся вечер памяти Ахматовой (1966 г. – Р.Г.). Директор просит не читать неопубликованных стихов. Подождав, чтобы он вышел, я во всеуслышание читаю “Реквием”, и дрожь пробегает по спине у меня и у собравшихся, когда слышатся строчки:

*Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забить громыхание черных марусь,
Забить, как постылая хлюпала дверь
И выла старуха, как раненый зверь¹.*

Правозащитница Люда Алексеева (Людмила Михайловна, ныне Председатель Московской Хельсинкской группы), тоже бывшая наша – «пристроена» к нам, в Отдел научного коммунизма в 1971 г., на должность машинистки «по рекомендации» Органов, чтобы быть у них на глазах. Вскоре она, выпускница исторического факультета МГУ, стала в Отделе литературным редактором. Вспоминается, как, работая над очередным сборником, Люда горячо убеждала его ответственного редактора: «Надо понизить Богородицу, чтобы нам не понизили Бога!» (речь, понятно, шла о запретных прописных буквах). Рукописями в ту пору обменивались вручную, подчас у нее на дому, на ул. 26-ти Бакинских Комиссаров. Квартира поражала, начиная с прихожей: и она, и длинный коридор представляли собой экспозицию кошачьих портретов – тех кошек, которых хозяйка собственноручно вырастила, а затем раздала в хорошие руки. Люда водила экскурсии по кошкотее, объясняя темперамент и индивидуальные склонности каждой представленной здесь особы. Нынешнюю обительницу квартиры Люда рекомендовала нам как существо нечелове-

¹ Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. – СПб.: Инапресс, 2005. – С. 270.

ческого ума. «Вообразите, – рассказывала она, – собрались мы с мужем в лыжный поход и перед уходом, как всегда, проверяли наличие кошки (мало ли что, живем высоко). Искали полтора часа, умаялись, но тщетно. И только когда стало ясно, что с походом опоздали, и когда, освободившись от амуниции, спрятали лыжи, зверь вышел из бездны (откуда же еще, если все наличные укryвища были обшарены?)» Дело было в том, что зверь не любил отлучек хозяйки из дома, особенно ради эгоистических удовольствий.

Не оправдавшая ожиданий Органов, Людмила Михайловна не только не сократила масштаб своей правозащитной помощи политзаключенным, но, напротив, расширяла ее, привлекая к делу и сочувствующих из нашей среды. В 1977 г. ее выслали из страны, она уезжала в Штаты. Накануне отъезда ее дом был окружен недвижимыми нарядами милиции и спецслужб, внутри было тоже многолюдно, но по контрасту чрезвычайно оживленно и кипуче. Я попросила передать Александру Исаевичу Солженицыну – увесистый, увы, – 5-й том «Философской энциклопедии», и Люда любезно согласилась. Мне хотелось в ответ на его в целом справедливое замечание о том, что в советской энциклопедии (в данном случае упоминалась БСЭ) «ни одной строки нельзя а priori считать истиной»¹, порадовать великого «отшельника» приятной вестью о «продукции» философской редакции «Советской энциклопедии» как некой «беззаконной комете», в конце концов, только уравновешивающей законный баланс между правилом и исключением. Позже, не помню когда и с кем, уезжающим в Штаты, я передала для Александра Исаевича некий выпущенный в ИНИОНе сборник (могу только гадать, какой).

В сопроводительном письме к нему говорилось: «Александр Исаевич! Конечно, это не та литература, которая Вас интересует, но примите сборник как еще одну весть отсюда о единодушии с Вами. Прежняя дошла ли? В 1977 г. я послала Вам с Людмилой Алексеевой V том “Философской энциклопедии”, “это был наш маленький крестовый поход” (речь идет о двух разделах, Вы сразу поймете – каких). Вы видите, что не каждое слово в здешних энциклопедиях – ложь. Но Вы, безусловно, правы: советским энциклопедиям верить нельзя, ибо подобный прорыв детерминизма – всегда только опыт маленького чуда. Каждое Ваше слово бесконечно радует нас как

¹ Солженицын А. Слово на приеме в Гуверовском институте. Оксфорд, 24 мая 1976 // Солженицын А. Публицистика. Статьи и речи. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – С. 270.

совершенное выражение того, что зреет на тесных московских кухнях. <...> О союзниках Запада – большой вопрос. По положению – они нам, “инакомыслящим”, союзники, да, но по сегодняшнему их сознанию... <...> Последнее десятилетие обнаружило новые симптомы. С любовью и благоговением Р.Г.». Как сложилась судьба этих оказий, мне до сих пор узнать не пришлось.

Здесь уместно будет откликнуться на поразивший меня (и не только меня) пассаж из недавней публикации Ю.М. Кублановского¹. Обратившись к событиям 20-летней давности, Кублановский обличает «идеологическую раскаленность» «неисправимой московской интеллигенции» начала 90-х, чьей демонстративной представительницей он избрал, в частности, меня: «Солженицын еще не успел и до Москвы добраться, а Рената Гальцева, разочарованно отрубая: “Уже ясно, с кем он?”».

Задолго до 90-х, с того момента, как я вообще узнала о Солженицыне, не было, пожалуй, ни одного принципиального высказывания, где бы я не противоборствовала релятивизму «идеологически раскаленных» «наших плюралистов», где бы я не апеллировала к классическому, консервативному либерализму А.И. Солженицына, всегда оставаясь на его стороне. В 1990 г. на конференции в Неаполе «Ленин: Траектория революции» я вступила в прения с горячими критиками «бездвижной» стратегии Александра Исаевича, не вовремя «застрявшего» за границей. Одним из таких критиков был как раз упоминаемый Кублановским вместе со мной и Роднянской (тоже попавшей под горячую руку воспоминателя) Ю.Ф. Карякин (но я была не «с ним», а он – не «с нами»). В том же 1990 г. Е.Г. Боннэр в реплике «Не занимайтесь мифотворчеством»² обрушилась – иначе не скажешь – на нашу с И. Роднянской статью «Спор – вопреки участникам?» («Литературная газета», 1990, 7 марта), где мы высказывали категорическое несогласие с распространенной в интеллигентской среде критикой Солженицына (опять же: почему-де молчит «вермонтский отшельник», когда «взбаламученная Россия» ждет от него вмешательства в «нынешнюю неразбериху»). Не соглашаясь с «уроками А.Д. Сахарова» («Знамя», 1990, № 2), оспаривавшего ключевую роль идеологии в общественной системе, мы предлагали усвоить «уроки Солженицына», содержащиеся в его глубокой, философской публицистике.

¹ Кублановский Ю. Десятый // Новый мир. – 2013. – № 3.

² Боннэр Е. Не занимайтесь мифотворчеством // Литературная газета. – 1990. – 2 мая.

Борьба Солженицына на два фронта – против тоталитарного коммунистического режима и против неожиданно образовавшейся вокруг писателя враждебной среды, несмотря на ее свободололюбивые установки, – была всегдашней темой моих высказываний. И я постоянно размышляла над самим феноменом возрождающегося печально знаменитого «ордена интеллигенции» (который идет у Кублановского под наименованием «московской интеллигенции») с его характерной беспочвенностью и «прогрессивностью», принявшими новые черты.

Все мои доклады и статьи, посвященные социальной и мировоззренческой позиции Солженицына в противовес его идеологическим антиподам, публиковавшиеся в журналах («Новый мир», «Посев», «Континент» и др.) и сборниках за более чем два десятилетия, перечислять вряд ли стоит, но вот некоторые названия: «А.И. Солженицын: Борьба на два фронта», «Один из эпизодов наступления на Солженицына как интерпретатора русской истории», «Российское обустройство: Возвращаясь к Солженицыну», «Солженицын: Пророческое величие», «О либеральной интеллигенции в современной России», «Возрождение России и новый “орден” интеллигенции»¹. И Александр Исаевич отвечал доверием. Сразу после приезда в Москву он пригласил нас с Ириной Роднянской к себе, на Тверскую, 12, чтобы обсудить российские дела и поговорить о нашем общем будущем, причем никаких разногласий и вопросов о том, «с кем он», не возникало. Более того, Александр Исаевич предложил совместно издавать журнал, – возможно, как раз тот «культурный русский журнал с тиражом в 25 тысяч экземпляров», о котором как о несбыточном предприятии мечтает в своем дневнике Кублановский. И только Наталья Дмитриевна, войдя в кабинет, прекратила дальнейшее обсуждение этой захватывающей идеи, представляя трезвее нас всех степень занятости Солженицына.

Я была неизменным сторонником Александра Исаевича, его дружинником и всегдашним критиком противной стороны. И никто не может предъявить мне ни одного противоположного факта. (То расхождение мнений, которое существовало у меня с Солженицыным, как и с абсолютным большинством соотечественников, – отношение к личности Б.Н. Ельцина – не было предметом публичных разногласий, не отмежевывало меня от позиции

¹ См.: Гальцева Рената. Знаки эпохи. Философская полемика. – М., Летний сад, 2008.

Александра Исаевича, ставя «по другую сторону баррикад».) Не могу представить, к чему может быть привязана приписанная мне Кублановским реплика – «разочарованно отрубая», – вскрывающая, выходит, какое-то мое двурушничество.

Среди претерпевающих и претерпевших, приходивших за договорной реферативной работой в ИНИОН, помню бедствующую мать семейства Наталью Горбаневскую, знакомую с восточноевропейскими языками. В тот день в редакционном портфеле ничего не было, кроме книжки о торжестве демократии в Народной Республике Болгарии (НРБ), что-то вроде того. Я не без смущения вынула эту пропагандистскую брошюру, осознавая всю издевательскую нелепость предлагать таковую отбывшей срок в психушке за выступление на Красной площади против ввода войск в Чехословакию. Но гостыя не стала долго раздумывать. И чтобы понять ее, тоже долго думать не надо.

Пришла в Отдел на должность литредактора, тоже из «Философской энциклопедии» (как и мы с Ляликовым), выпускница филологического факультета МГУ, дочь философа и богослова Ивана Михайловича Андриевского Маша (Мария Ивановна) Андриевская, как бы явившаяся из тургеневских усадеб, безукоризненная романтическая душа, мастер тонкой акварельной флористики и поэтесса, автор двух романов и литературоведческих статей, рано покинувшая этот мир. Стихи ее, частично опубликованные в альманахе «Поэзия» (1986, выпуск 44) с предисловием С.С. Аверинцева, а затем и вышедшие отдельным сборником¹, не забываются. Вы поймете правду этих слов хотя бы из такого примера:

*Я неспрошенный камень старинных былин,
Искрошившихся слов не прочесть,
По которым в краю богатырских равнин
Узнавали: позор или честь.*

*Я неспрошенный камень
И с криком внутри
Затаился в траве у дорог,
И некошенный пламень
Цветочной зари
Догорает у каменных ног.*

¹ Андриевская М.И. Стихотворения и поэмы. – М., 1992.

Маша была близкой приятельницей Сергея Аверинцева. Можно гордиться, что в тех самых буксовавших наших сборниках опубликованы рефераты и комментированные переводы, принадлежащие его перу.

Побывала сотрудницей Отдела и Наталья Крымова, крупный театральный критик и театровед. Вместе с коллективом она успела приобщиться к субботникам: поездкам на овощную базу для перегрузки кочанов капусты, а также и в отдаленный колхоз-побратим для сбора урожая. Помню, нас высадили из автобуса на свекольное поле. Моросил дождь, нужно было выдергивать из густой жижи за торчащие хвостики ботвы свекольные заморыши. Набрал для колхоза по полмешка таковых, мы победоносно возвращались в столицу. При этом экспедиция послужила значительному расширению нашего театрального кругозора. Благодаря Наталье Крымовой мы досрочно посмотрели в Доме кино незабываемый «Рим» Феллини.

Промелькнул А.М. Пятигорский, всячески яркий, с чарующе замысловатой языковой стилистикой, наскучивший категориями европейской культуры индолог, вскоре обосновавшийся, однако, в Лондоне и ставший всеевропейским гуру.

И по сей день Институт не истратил порох в своих пороховницах, но о присутствующих не говорят. Сделаю исключение для коллеги по Отделу, для человека-оркестра, Светланы Левит, которая одна представляет собой целый институт, выпустивший 275 изданий. И какого кругозора! Это – философия, культурология, социология, языкознание, история, искусство – весь гуманитарный корпус... И нужно ли что-то добавлять, если в нашем ИНИОНе директором – Юрий Сергеевич Пивоваров.

Веселое было время. В ходу было стихосложение, образцы коего хранятся у меня в папках. Но вот один, в котором подтрунивание его автора над близкой мне дисциплиной, ее терминологией, сочетается с амбивалентным влечением к ней (ср. ниже название его стихотворного сборника):

*Я налил в стаканы этось,
На закуску взял я чтойность,
Закурил я сигаретось,
Погрузился я в запойность.*

Б. Орлов¹. Апрель 1986 г.

¹ Борис Сергеевич Орлов, главный научный сотрудник ИНИОН, в 1990-е – организатор и председатель Российской социал-демократической партии, автор поэтической книги (Орлов Борис. Неповторимость бытия. Из тетрадей «шестидесятника». – М.: Апарт, 2010).

Вовлеченные в стихию информационной работы по отражению (в обоих смыслах) социополитических новинок из-за бугра и ощущая себя перед лицом контролеров из Академии общественных наук «над пропастью в РЖ»¹, мы нуждались в развлечениях (отвлечениях) и выделяли разные антраша. Вот одна из выдумок. Как-то, в начале 70-х, втроем (Ира Роднянская, Валя Ермолаева и я) задумали составить библиографическую карточку на якобы только что вышедший труд «Unisex society», автора коего нарекли именем Вольфрам Рюкзак, чтобы затем составить реферат для журнала. И даже нафантазировали содержание труда. Очень веселились. Однако все так и застыло на стадии сомнительно «благих порывов», согласно некрасовскому определению. А ведь осуществи мы эту задумку, так бы и пошло, никто не стал бы проверять. Поразительно, но вскоре на Западе термин «unisex» родился и прижился.

Анекдотов случалось множество. Вот как я впервые попала за кордон: шел 1988 год. Меня пригласили в г. Бергамо, Италия, на конференцию, посвященную П.А. Флоренскому. Предстояло пройти еще действующий санпропускник партбюро. Но обязанности оно выполняло теперь механически, без души. «Вы были раньше за границей, где-нибудь... в странах народной демократии?» – «Нет, не была нигде, но... я готова проехать через Бухарест или Будапешт». Удовлетворенные моей покладистостью, экзаменаторы дали мне отмашку.

Еще не вышел указ о запрете пользоваться электрочайниками на производстве, и у нас всюду отмечались личные и общественные юбилеи. Помню один день рождения, празднуемый на Якиманке с большим размахом и охвативший целый этаж. Кто-то в угаре праздничного веселья задал несообразный вопрос виновнице торжества: «Алла, скажи, а сколько тебе лет?» «Сколько, сколько!? Сколько всем, столько и мне!» С тех пор я тоже руководствуюсь этим заветом.

И все-таки, что бы ни казалось строгому взгляду, заметки мои – юбилейные.

¹ РЖ – реферативный журнал, регулярно издаваемый нашим отделом.

РАЗДЕЛ II. ПОРТРЕТЫ

Г.Г. Кричевский **КОНСТАНТИН РОМАНОВИЧ СИМОН¹**

Константин Романович Симон (1887–1966) принадлежит к числу виднейших представителей советской библиографии. Он прошел славный творческий путь и стал общепризнанным в своей области авторитетом. Велик и значителен его вклад в теорию и практику библиографии. Несомненны его заслуги в подготовке кадров для научных библиотек нашей страны и в распространении библиографических знаний.

К.Р. Симон был историком по образованию. Окончив в 1911 г. Московский университет, он был оставлен на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. Его научным руководителем являлся профессор А.Н. Савин (1873–1923), ученый широкого кругозора и глубокой эрудиции, мастер исторического анализа. Солидная научная школа оказалась чрезвычайно полезной для К.Р. Симона при его занятиях библиографией.

В библиографию К.Р. Симон пришел относительно поздно, вполне сложившимся человеком. Ему минуло 40 лет, когда он в 1928 г. поступил в библиографический отдел Международного аграрного института. Незаурядные способности, обширные научные познания, отличное владение иностранными языками – все это облегчило освоение новой специальности. Прошло немного лет – и Константин Романович по праву выдвинулся в первые ряды ученых-библиографов и книговедов Советского Союза.

Первоначально в центре внимания К.Р. Симона была общая иностранная библиография. В 1930-е годы им было написано большое число статей и рецензий, знакомивших советских биб-

¹ Печатается по изданию: Теория и история библиографии: Сборник статей в память К.Р. Симона. – М., 1970. – С. 5–12.

лиографов с состоянием библиографии в ведущих странах капиталистического мира. Литературная деятельность быстро создала автору заслуженную репутацию лучшего в стране знатока мировой библиографии. Предшественников у него в сущности не было. Для Н.Ф. Гарелина, А.И. Калишевского, М.Н. Куфаева, А.И. Малеина и Л.Б. Хавкиной иностранная библиография находилась на периферии их научных интересов. Только В.Э. Банк был в основном специалистом по зарубежной библиографии, но он ограничился стеклографированным курсом лекций и немногими статьями.

Вышедшая в 1940 г. книга К.Р. Симона «Иностранная универсальная библиография. Справочные таблицы»¹ предназначалась для библиографов-практиков, как средство быстрой ориентации в справочниках. Для этой цели их характеристики были стандартизированы, а вся книга составлена в форме таблиц. Кроме общих библиографических изданий 18 стран, в нее включены труды по страноведческой и народоведческой библиографии. Работа содержит большое число фотоснимков с переплетов, титульных листов и отдельных страниц характеризуемых изданий и является единственным опытом альбома по международной библиографии.

Итогом многолетних трудов явилась книга К.Р. Симона «Иностранная общая библиография»², изданная в 1941 г. Она была задумана в качестве руководства для библиотечных вузов и рассчитана на лекционный курс в 48 часов. В силу этого автор ограничился характеристикой важнейших библиографических работ на трех наиболее распространенных западноевропейских языках. Кроме того, рассмотрены основные энциклопедии и биографические словари. Для своего времени книга К.Р. Симона была выдающимся научным достижением и образцовым учебно-методическим пособием. Московский библиотечный институт в 1943 г. присудил за нее автору ученую степень кандидата педагогических наук³. До сих пор она не заменена новым учебником.

С 1939 г. и до конца своих дней Константин Романович Симон был неразрывно связан с Фундаментальной библиотекой обще-

¹ Иностранная универсальная библиография. Справочные таблицы. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1940. 67 с., с илл. – Рец.: Банк В.Э. // Сов. библиография. – М., 1941. – Вып. I. – С. 230–233.

² Иностранная общая библиография: Утв. Наркомпросом РСФСР в качестве учеб. пособия для библиотеч. вузов / Моск. гос. библиотеч. ин-т. – М.: Гос. библиотеч.-библиогр. изд-во, 1941. – 164 с.

³ Ученая степень доктора исторических наук был присуждена К.Р. Симону в 1964 г. Институтом истории АН СССР по совокупности работ.

ственных наук АН СССР. Менялась служебная номенклатура – главный библиограф, заведующий сектором истории, старший научный сотрудник, но оставалось неизменным содержание деятельности. Двадцать семь лет К.Р. Симон возглавлял все начинания ФБОН по исторической библиографии, был организатором и руководителем ряда важнейших работ в этой области и неоднократно выступал в качестве авторитетного рецензента библиографических указателей, подготовленных другими секторами библиотеки.

В 40-х годах большое место в библиографической деятельности К.Р. Симона и руководимого им сектора истории ФБОН занимали прикнижные указатели литературы по истории европейских революций XVII–XIX вв.¹, истории дипломатии², международным отношениям на Дальнем Востоке³ и др. Опыт этой весьма интересной работы был освещен К.Р. Сионом в статье «О методике составления прикнижных библиографий»⁴, содержащей ценные наблюдения и обобщения.

В конце 40-х и в 50-х годах Константин Романович Симон был ответственным редактором капитального труда «История СССР. Указатель советской литературы за 1917–1952 гг.»⁵, в двух томах которого с большой полнотой и тщательностью собран огромный материал (около 30 тыс. названий), подытоживший успехи марксистской исторической науки за 35 лет. Он систематизирован в полном соответствии с современными научными положениями о периодизации исторического процесса и отражен в ряде вспомога-

¹ Ред.: Библиография / Сост. О.А. Старосельской, О.Л. Фроловой // Французская буржуазная революция 1789–1794. – М.-Л., 1941. – С. 735–801. Совместно с О.А. Старосельской; Ред.: Библиография / Сост. О.Л. Фроловой // Революции 1848–1849. – М., 1952. – [Т.] 2. – С. 485–559; Ред.: Библиография / Сост. А.А. Крушинской // Английская буржуазная революция XVII века. – М., 1954. [Т.] 2. – С. 247–318.

² Ред.: Библиография // История дипломатии. – М., 1945. – Т. 2. – С. 395–417; Т. 3. – С. 817–872. (Совместно с Л.А. Телешевой).

³ Ред.: Библиография // Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). – М., 1951. – С. 757–778.

⁴ О методике составления прикнижных библиографий // Сов. библиография. – М., 1949. – Вып. 1. – С. 13–23.

⁵ Ред.: История СССР. Указатель сов. лит-ры за 1917–1952 гг. (Т. 1). История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма / АН СССР. Фундам. б-ка обществ. наук. – М., 1956. – 725 с.; Ред.: История СССР. Указатель сов. лит. за 1917–1952 гг. [Т. 2.] История СССР в период капитализма (1861–1917) / АН СССР. Фундам. б-ка обществ. наук. – М., 1958. – 393 с.

тельных указателей. Справочник получил единодушную положительную оценку в печати и по праву считается одним из достижений советской библиографии. Методические выводы, извлеченные из работы над ним, рассмотрены в статье К.Р. Симоны и И.П. Доронины «Из опыта составления ретроспективной библиографии советской литературы по истории СССР»¹. Константин Романович не ограничился обычными функциями редактора. Он составил предварительный проспект издания и большую часть методических инструкций, а также первый раздел I тома указателя, заключающий в себе «Введение в изучение истории СССР».

К.Р. Симон провел большую редакторскую работу над книгой «История средних веков. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР», и подготовил к печати ее первый том, содержащий литературу за 1917–1957 гг.², который вышел в свет уже после его кончины. Этот труд был начат совместно ФБОН АН СССР и научной библиотекой МГУ, а в дальнейшем продолжался одной библиотекой университета. Указатель перечисляет около 10 тыс. названий книг и статей и является капитальным вкладом в советскую библиографию всеобщей истории.

Еще в 30-х годах К.Р. Симоном был написан обстоятельный разбор исторической по своему содержанию книги М.Н. Куфаева «Иностранная библиография»³.

Основным этапам в развитии иностранной библиографии была посвящена первая глава уже упоминавшейся «Иностранной общей библиографии». В 50-х годах К.Р. Симон поставил перед собой обширную задачу – написать историю зарубежной библиографии от ее возникновения на грани древности и Средних веков до настоящего времени. Монографиями эта отрасль знания небогата, и К.Р. Симону пришлось потратить немало труда для изучения памятников многовекового прошлого библиографии.

¹ Из опыта составления ретроспективной библиографии советской литературы по истории СССР // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. – М.-Л., 1955. – Т. 2. – С. 81–96. Совместно с И.П. Дорониным.

² Ред.: История средних веков. Библиогр. указатель лит., изд. в СССР / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Науч. б-ка им. А.М. Горького. Науч.-библиогр. отдел. – Т. 1. 1918–1957. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 520 с. Совместно с Э.А. Нерсесовой.

³ Une oeuvre bibliographique de haute importance: «Les index de la littérature scientifique de l'URSS» // Revue des bibliothèques. – P., 1934. – Т. 40. – N 7–9. – P. 311–316. Подпись: C. Simon.

Итогом длительных исследований явилась его книга «История иностранной библиографии»¹, вышедшая в 1963 г.

В этом труде К.Р. Симона библиография рассматривается на широком историческом фоне и не как обособленное явление, а как звено в процессе культурной эволюции человечества. Автор изучает связь библиографии с общей историей культуры и науки, воздействие на библиографию книгопечатания, издательского дела и книготорговли. Не меньшее внимание уделяет он изучению влияния библиотек на прогресс библиографии, взаимозависимости различных видов библиографии, восприятия библиографами разных народов опыта передовых стран. Читатель находит в этой книге не только обширный фактический материал, но и раскрытие движущих сил, определяющих мотивов и основных тенденций.

Большим достоинством «Истории иностранной библиографии» является ее подлинно международный характер. Исключив только страны Востока, автор не делает более никаких изъятий. Менее удовлетворительно соотношение отдельных отраслей библиографии. Здесь сказалось и бывшее пристрастие К.Р. Симона к общей библиографии и его гуманитарная специальность. Достаточно беглого взгляда на оглавление, чтобы увидеть, как мало внимания уделено библиографии естествознания, техники, медицины и сельского хозяйства. Некоторые главы были исключены издательством для сокращения объема: библиография анонимов и псевдонимов, диссертаций и официальных изданий и рекомендательная библиография. Первая часть книги (до XVIII в.) по исследовательскому уровню выше, чем вторая, посвященная XIX–XX вв., однако и в последней имеется немало удачных наблюдений обобщающего значения. Примером их может служить переход преобладания от ретроспективной библиографии к текущей, тенденция к дифференциации отраслевой библиографии и вытеснение регистрационных указателей литературы реферативной периодикой.

В рецензиях отечественных и зарубежных научных журналов были единогласно отмечены необыкновенная эрудиция автора, редкая обстоятельность изложения и марксистская идеологическая направленность работы. Все специалисты пришли к заключению, что ни на одном языке нет более капитального произведения по данному вопросу. По общему мнению рецензентов, выход в свет «Истории ино-

¹ Симон К.Р. История иностранной библиографии / АН СССР. Фундам. б-ка обществ, наук. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. – 736 с.

странной библиографии» был крупным событием в науке. Книга была обсуждена публично в Москве и Ленинграде и получила высокую оценку советской библиотечно-библиографической общественности.

С первых шагов своей научной деятельности К.Р. Симон уделял много внимания истории энциклопедий. Они интересовали автора и как памятники культурной истории человечества, и как объект книговедческого изучения, и как средство систематизации научных знаний в справочных целях. Первоначально он запроектировал «Историю европейских энциклопедий», затем трудился над «Энциклопедиями западноевропейского Средневековья»; в последние годы жизни К.Р. Симон был увлечен планом книги об «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Из написанного увидели свет очерки о Марциане Капелле¹, Альштеде² и Вольтере и «Энциклопедии»³.

Первый был единственным опубликованным фрагментом из большого написанного автором цикла об античных и средневековых энциклопедистах, в который входят статьи о Плинии, Кассиодоре, Исидоре Севильском, Беде Достопочтенном и Рабана Мавре. Общую концепцию истории энциклопедий К.Р. Симон изложил в своей обзорной статье «Энциклопедия»⁴, опубликованной в 1948 г. на страницах «Энциклопедического словаря бр. Гранат».

Константин Романович Симон решительно отвергал возведение библиографии в ранг науки и всегда отмечал ее служебную роль – вспомогательный, а не самостоятельный характер. Ему было органически чуждо стремление «присоединить» к библиографии какую-либо соседнюю сферу деятельности. Так, в «Историю иностранной библиографии» он не внес каталогов мировых библиотек, хотя отлично сознавал, что они по своему значению во много раз превосходят иные указатели литературы, там охарактеризованные. С крайним нежеланием включал К.Р. Симон в круг библиографических произведений обзоры литературы, отмечая, что собственно библиографическая часть обзора – это только пе-

¹ Энциклопедия поздней империи «De nuptiis Philologiae et Mercurii». Марциана Капеллы // Труды БАН СССР. – М.-Л., 1948. – Т. 1. – С. 169–193.

² «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.) // Из истории социально-политических идей: Сб. ст. к семидесятипятилетию акад. В.П. Волгина. – М., 1955. – С. 171–180.

³ Вольтер и «Энциклопедия» // Вольтер. Статьи и материалы. – М.-Л., 1948. – С. 285–303.

⁴ Энциклопедия // Энциклопедический словарь Гранат. – 7-е изд. – М., 1948. – Т. 54. – С. 277–337.

речень рассмотренных книг или статей, данный в конце текста или в подстрочных примечаниях¹. Считая рецензию высшей формой обработки литературного материала в сравнении с аннотацией и рефератом, он вместе с тем ставил ее вне библиографии, и не считал рецензента библиографом, как не считал таковым и каталогизатора. Ввиду этого К.Р. Симон не мог признать правомерным термин «критическая библиография», тем более что французское выражение «bibliographie critique» обозначает не что иное, как рекомендательную библиографию.

К.Р. Симон придавал большое значение терминологии. Он способствовал искоренению в нашей профессиональной литературе термина «специальная библиография» и замене его обозначением «отраслевая библиография». Менее удачна была его попытка ввести в обиход термин «обособляюще-реферативные издания» для перевода английского слова «abstracts». К.Р. Симон категорически возражал против предложенного Е.И. Шамуриным термина «реферативная аннотация», справедливо указывая, что он стирает принципиальную разницу между аннотацией и рефератом и тем самым дает неадекватное отражение обозначаемых явлений. К.Р. Симон не принимал таких неологизмов, как, например, «научно-вспомогательная библиография», полагая, что, поскольку любая библиография является вспомогательной, это слово не может употребляться для дополнительной уточняющей характеристики. Вопросам терминологии была посвящена самая блестящая статья К.Р. Симона «О нашей библиографической терминологии»², опубликованная в 1937 г. Завершением его долголетних трудов в этой области явилась книга, над которой он работал до последних дней своей жизни – «Библиография. Основные понятия и термины»³, вышедшая в свет посмертно. Она содержит характеристику 125 важнейших библиографических терминов, которые комментируются не только с точки зрения их возникновения и развития, но по существу отражаемых явлений и их истории.

¹ Объект, целевое назначение, методика и формы библиографии в их историческом развитии // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. – М.-Л., 1961. – Т. 5. – С. 7–23.

² О нашей библиографической терминологии // Сов. библиография. – М., 1937. – Вып. 1. – С. 51–60.

³ Библиография. Основные понятия и термины / АН СССР. Фундам. б-ка обществ. наук им. В.П. Волгина. – М.: Книга, 1968. – 159 с.

К.Р. Симон считал определяющим моментом содержание изучаемых справочников, группируя библиографические пособия в первую очередь по тематике и объектам регистрации. Это вовсе не означает, что он упускал из виду их целевое и читательское назначение. Но К.Р. Симон был далек от выдвижения на первый план этих понятий и от той их абсолютизации, которая предписывает каждому пособию только одно назначение, ставя под вопрос его использование в иных целях и иными группами читателей.

Из частных проблем библиографической методики Константин Романович Симон наибольший вклад внес в классификацию. Он был последовательным приверженцем систематического построения. В общеисторическом указателе литературы первым делением, по его мнению, должен был служить период, дальше следовали более мелкие хронологические отрезки («подпериоды»). Материал «подпериода» группировался по таким типовым делениям, как «Экономическое и социальное развитие. Классовая борьба», «Государственный строй. Право и управление», «Международное положение» и т.д. Некоторые типовые деления подвергались дальнейшему дроблению¹. Кроме того, применялись деления по географическому и типологическому признакам. В мельчайшей систематической рубрике записи располагались хронологически, в прямой последовательности дат выхода. Алфавитное расположение К.Р. Симон считал допустимым лишь во вспомогательных указателях, но не в основном тексте библиографического труда.

Константин Романович Симон не был сторонником предметной группировки произведений печати. Он отрицал ее применимость в библиографии, указывая, что она разрывает логическую связь и взаимозависимость фактов, разрушает цельность общей концепции и общего подхода к историческому процессу. Признавая теоретически пользу вспомогательного предметного указателя, К.Р. Симон не снабдил таковым ни одну из библиографических работ, составлявшихся под его руководством.

Из отдельных разновидностей библиографии К.Р. Симона в теоретическом плане больше всего интересовала реферативная библиография. Еще в начале 30-х годов он собирал материал для книги о реферативных журналах. Книга осталась неопубликованной, но результаты подготовительных работ отразились в статьях

¹ Из опыта составления ретроспективной библиографий советской литературы по истории СССР // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. – М.-Л., 1955. – Т. 2. – С. 81–96. Совместно с И.П. Дорониным.

«О библиографической работе над иностранной литературой»¹ и «Проблемы реферативной периодики»². К известному теоретическому совещанию 1936 г. К.Р. Симон подготовил доклад о реферативной библиографии, тезисы которого получили высокую оценку Н.К. Крупской³. Через много лет автор вернулся к этой теме в статье «Советская реферативная периодика и ближайшие задачи ее организации»⁴, написанной совместно с Г.Г. Кричевским. Статья появилась накануне создания Института научной информации и содержала ряд практических предложений по его организации.

Большое место в жизни К.Р. Симона занимала педагогическая деятельность. Он очень любил преподавание и относился к нему серьезно и ответственно. Начав в 30-х годах с изложения общей иностранной библиографии в Московском библиотечном институте и на Высших библиографических курсах при Всесоюзной книжной палате, в дальнейшем он неоднократно читал курс исторической библиографии студентам МГБИ, а также аспирантам Института истории АН СССР и исторического факультета МГУ. В последние годы жизни он преподавал на курсах повышения квалификации сотрудников ФБОН АН СССР, читая введение в библиографию и методику библиографической работы. Он был прекрасным педагогом и умел увлекательно и доступно излагать самые скучные и трудные вопросы.

Константин Романович Симон принимал активное участие в общественной жизни. Он был деятельным членом многих ученых и научных советов, комитетов и комиссий, присутствовал на всех совещаниях и конференциях по вопросам библиотековедения и библиографии на протяжении 30–60-х годов и часто выступал с публичными докладами. К.Р. Симон неоднократно, но, к сожалению, безуспешно пытался организовать коллективную разработку библиографической терминологии. Его выступления привлекали внимание общественности к насущным задачам подготовки библиотечкарей, которой он придавал большое значение.

¹ О библиографической работе над иностранной литературой // Сов. библиография. – М., 1934. – Вып. 2. – С. 83–87.

² Проблемы реферативной периодики // Сов. библиография. – М., 1934. – Вып. 3–4. – С. 47–54.

³ ЦПА ИМЛ.Ф. 12, оп. 1, ед. хр. 708, л. 14.

⁴ Советская реферативная периодика и ближайшие задачи ее организации // Вестник АН СССР. – М., 1952. – № 9. – С. 80–91. Совместно с Г.Г. Кричевским.

К.Р. Симон был высокообразованным и весьма одаренным человеком. Ему было свойственно редкое разнообразие форм творческого проявления личности. Большой знаток поэзии и сам поэт, блестящий стилист и оратор, остроумный и опасный полемист, интересный собеседник – таковы качества Константина Романовича Симона, столь хорошо известные всем, кто знал его лично. Впитав в себя все лучшее, что оставила старая культура, он был весьма восприимчив к новому и передовому, стремился и умел «быть с веком наравне». Критическое отношение к устаревшим положениям в науке, смелость и строгость мысли, стремление к широким научным обобщениям и большое личное обаяние К.Р. Симона привлекали всех, кто общался с ним. К.Р. Симон был для всех своих сотоварищей и учеников вдохновляющим образцом и примером. Скромной данью признательности и уважения к его памяти является настоящий сборник.

И.Л. Беленький
Г.Г. КРИЧЕВСКИЙ:
ДВОЙНОЕ ЗРЕНИЕ БИБЛИОГРАФА-ИСТОРИКА

Григорий Григорьевич Кричевский родился 8(21) марта 1910 г. в Самаре. В 1926 г. он окончил среднюю школу в Москве, во время последнего учебного года, посещая библиотечный спецкурс, получил квалификацию библиотекаря массовых библиотек и навсегда связал свою жизнь с книжным делом. В 1927–1928 гг. он был библиотекарем 70-й московской средней школы, в 1929 г. – сотрудником Библиотечного коллектора редакционно-издательского отдела ВЦСПС, а с января 1930 г. по декабрь 1931 г. состоял в штате Московской областной библиотеки Московского отдела народного образования (с октября 1930 г. заведовал книгохранилищем).

Дальнейший профессиональный путь его был не вполне типичен для гуманитариев его поколения. Его подлинная *alma mater* – «университет без стен»: книги, в пространстве которых прошла его жизнь; учителя и старшие товарищи; научные исследования; жизненный опыт; традиции и ценности мира «людей книги», в значительной степени сохраненные даже в самые трудные годы, в тех институциях этого мира, где протекала его работа.

Служебные обязанности, выявившийся еще в школьные годы интерес к истории и другим гуманитарным и социальным наукам определили основные направления углубленного самообразования: совершенствование знания европейских языков; изучение литературы по отечественной и всеобщей истории, экономике, политике, дипломатии, культуре, правоведению, статистике и демографии, по проблемам книжного дела и библиографии; освоение информационно-фактографического потенциала словарей, энциклопедий и других справочных изданий.

Начались десятилетия труда библиографа. В ежедневной работе с книгой постепенно кристаллизовались удивительные «библиографическая память» и «библиографическое зрение» Г.Г. Кричевского, поражавшие всех, кто обращался к нему за помощью и советом.

В печати Г.Г. Кричевский впервые выступил в 1929 г. с небольшой заметкой «Нужна историческая энциклопедия»¹. Со справочно-энциклопедическим делом он был связан всю жизнь – и как автор статей для энциклопедических изданий, и как рецензент справочных пособий, и как исследователь-аналитик.

В декабре 1931 г. по рекомендации Н.В. Устюгова он поступил на службу в библиотеку Коммунистической академии (в 1931–1934 гг. работал в секторе библиографии, в 1933–1934 гг. возглавлял его справочную группу; в 1933–1936 гг. являлся сотрудником сектора истории).

Работа в библиотеке Коммунистической академии, одном из средоточий общественной и интеллектуальной жизни Москвы тех лет, имела определяющее значение для формирования молодого ученого. Все глубже постигались профессиональные основы выбранного им пути, устанавливались связи с библиографическими учреждениями, печатными органами («Советская библиография», «Историк-марксист»), Государственным словарно-энциклопедическим издательством. Были опубликованы его статьи, обзоры и рецензии по различным проблемам библиографии и цикл статей о государственном строе ряда европейских государств. Г.Г. Кричевский участвовал также в подготовке указателя материалов о втором пятилетнем плане.

В то же время завязываются, расширяются и укрепляются профессиональное общение, научно-творческие контакты и личные отношения с учеными-историками, книговедами, библиотекарями и библиографами. Назовем имена лишь некоторых: А.А. Боровский, Г.К. Вебер, Г.К. Дерман, А.В. Ефимов, Д.Д. Иванов, П.Х. Кананов, Н.П. Киселёв, И.Н. Кобленц, П.К. Колмаков, В.А. Панов, А.А. Покровский, Т.И. Райнов, К.Р. Симон, Л.В. Трофимов, А.Н. Турунов, В.И. Шунков. Призвание, общее дело, профессиональный долг, научные интересы, человеческие привязанности, несмотря на различие судеб и жизненного пути, объединяли Г.Г. Кричевского с этими людьми. Многих из них он считал своими учителями.

С марта 1936 г. по июнь 1938 г. Г.Г. Кричевский работал старшим библиографом кабинета истории народов СССР, с июля 1938 г. по 1941 г. – главным библиографом научного кабинета

¹ Революция и культура. – М., 1929. – № 21. – С. 40.

библиографического источниковедения и истории библиографии Всесоюзной книжной палаты (ВКП). Одновременно он вел практические занятия на Высших библиографических курсах ВКП, читал лекции на курсах при Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина и Научной библиотеке МГУ).

В 1937 г. заочной учебой на историческом факультете МИФЛИ, прерванной Великой Отечественной войной и возобновленной в 1947 г. на истфаке МГУ, начался растянувшийся на 30 лет путь Г.Г. Кричевского к формальному диплому, свидетельствовавшему о получении им высшего исторического образования. В 1967 г. это был уже европейски известный библиографовед, автор признанных исторических исследований (в том числе посвященных декабристскому движению, который уже ряд лет вел занятия на историческом факультете МГУ).

Если позднее начало этого пути в довоенные годы можно как-то объяснить объективными условиями времени – только во второй половине 1930-х годов были сняты ограничения на поступление в вузы лиц из непролетарских городских слоев, – то происходившее в этом плане в послевоенный период имеет, видимо, глубоко личностные, внутренние причины. 20 лет на пути к диплому – одно из многих внешних выражений парадоксальности облика этого удивительного человека.

Идеи, замыслы и планы буквально переполняли, захлестывали его. С присущей ему самоиронией он часто говорил о себе: «Тысяча и один план».

Дисциплина ума, в столь превосходной степени отличающая его научные труды и библиографические справочники, дисциплина служебного долга, свойственная людям его поколения, неизбежно уступали позиции страстности его натуры, сопряженной с неумным стремлением к овладению – опять-таки парадокс – **регулярным, систематическим** знанием о книжных богатствах и социально-политической реальности, описываемой ими и одновременно упорядочиваемой ими. Неимоверность, почти химеричность этих интенций рождала все новые и новые планы... и отодвигала исполнение ранее задуманного.

И все это совмещалось со строгим *ratio* поведения Г.Г. Кричевского в реальной действительности. Иначе он не мог бы работать в лагерях для военнопленных с первых месяцев войны по август 1944 г., а в 1945–1946 гг., по заданию Президиума АН

СССР, изучать состав немецких и австрийских библиотек при подготовке репараций.

После возвращения Г.Г. Кричевский возглавил сектор справочно-библиографического обслуживания ФБОН (с. 1969 г. – ИНИОН), с лета 1985 г. преобразованного в одноименную группу. Вместе со своими сотрудниками он создал первоклассный справочно-библиографический фонд, включавший основной репертуар отечественной библиографической литературы и целенаправленно комплектуемый корпус важнейших источников иностранной библиографии. Отличительная черта деятельности сектора – высокий уровень обслуживания; само же имя Г.Г. Кричевского стало в библиографической практике выражением возможности успешного разыскания в сложнейших поисковых ситуациях. Г.Г. Кричевский – замечательный библиограф-практик, досконально знавший мировую библиографическую литературу (никогда не прекращавший ее комплектование в стенах ИНИОНа), вместе с тем ее глубокий исследователь и аналитик.

В 1962 г. он выпустил остающийся и сегодня уникальным по полноте охвата материала труд по истории и современному состоянию общей иностранной библиографии¹. Первоначальный вариант этой работы готовился как часть намечавшейся еще в 1951 г. совместно с К.Р. Симоном книги по истории иностранной библиографии. Г.Г. Кричевский должен был сопроводить написанный К.Р. Симоном историографический очерк перечнем библиографических указателей². Однако в итоге получились две самостоятельные книги.

Книга Г.Г. Кричевского состоит из очерков истории создания библиографических указателей книг, периодических изданий и статей, официальных изданий трудов обществ и съездов, диссертаций, библиографий. Далее следует перечень характеризуемых изданий (с подробным описанием) и их сводная таблица по странам. Четкая структура исследования, аналитическое содержание очерков, наличие сводной таблицы позволили представить материал с различных точек зрения и чрезвычайно удачно совместить историко-библиографический и справочный аспекты. Работа была высоко оценена в отечественной и зарубежной прессе и, сохраняя

¹ Кричевский Г.Г. Общие библиографии зарубежных стран. – М., 1962. Странно, что эта книга даже не упомянута в учебнике Л.Б. Грузиновой «Библиография. Раздел 2. Иностранная библиография» (М., 2003).

² Симон К.Р. История иностранной библиографии. – М., 1963.

функции путеводителя, остается непревзойденным образцом с методической точки зрения.

Публикация этого труда закрепила в глазах научной библиографической общественности профессиональный авторитет и высочайшую квалификацию его автора, ранее известные более узкому кругу людей, непосредственно общавшихся с ним и слушавших его доклады и лекции. Впоследствии Г.Г. Кричевский неоднократно обращался к мысли о необходимости переиздания книги, точнее, создания принципиально новой работы, учитывающей весь корпус изданных за эти десятилетия библиографических источников. Реализация этого замысла имела бы огромное значение.

Работа по комплектованию фонда сектора определяла и постоянный интерес Г.Г. Кричевского к истории и современному состоянию отраслевой библиографии, библиографии отдельных видов изданий, значительное внимание он уделял биобиблиографии. Для его работ о состоянии и типах иностранной библиографии характерен строгий лаконизм, своеобразный максимализм краткости. Вместе с широтой охвата материала, четким представлением фактических данных и полным отсутствием общих рассуждений это порождало чрезвычайно близкий энциклопедическому стиль изложения. Типичны и жанры опубликованных им работ: список (перечень), иногда в табличной форме, рецензия или обзор. Однако при их внешнем подобии каталогу и реестру, таблице и перечню его труды всегда историчны, что проявляется, прежде всего, во внутренней структуре текста, прочитывается в логике целого.

Наиболее близкий Г.Г. Кричевскому жанр собственно историко-библиографических работ – персоналии. Его перу принадлежат исследования о крупнейшем русском библиографе рубежа столетий Д.Д. Языкове. Особенно велика его заслуга в деле сохранения памяти о выдающихся деятелях советской библиографии Д.Д. Иванове, К.Р. Симоне, Л.В. Трофимове. В публичных выступлениях Г.Г. Кричевский рассказывал и о некоторых крупнейших западных библиографах. В последние годы особенно интересовала его личность английского библиографа Т. Бестермена, статью о котором он написал в 1970 г. для третьего издания БСЭ.

Теоретизирование на библиографические темы никогда не привлекало Кричевского. Его немногочисленные выступления по актуальным вопросам теории и методики – всегда осмысление реальных процессов и ситуаций библиографии. Теоретические взгляды выражались в выборе тем для анализа, логике структуры и

способе изложения материала в его работах по истории и современному состоянию мировой и отечественной общей и отраслевой библиографии.

Сердцевину методологической программы Кричевского составляет его убежденность в необходимости создания и разработки такой системы библиографических знаний, которая, воссоздавая реальную систему и историю библиографического учета, фиксировала бы в указателях важнейшие моменты историко-теоретического развития библиографии.

Идея путеводителя как памяти библиографии и универсального пособия для практического работника – одна из важнейших в научном творчестве Кричевского. В этом он, безусловно, наследник лучших традиций отечественной библиографии, идей Н.М. Лисовского и И.Н. Кобленца.

Принимая участие в работах библиографической комиссии, Кричевский стал горячим сторонником идей стандартизации терминологии, уточнения понятийного аппарата библиографии.

Совместно с другими он готовил к печати книгу К.Р. Симона «Библиография: Основные понятия и термины»¹. Будучи убежденным сторонником точности понятийного аппарата, он, однако, отошел от работ в области стандартизации, когда в них выявились некоторые тенденции к схоластическому теоретизированию. Поддержал он и тезис о различии библиографии и библиографоведения, о чем, в частности, говорил на заседании библиографической комиссии в январе 1976 г. Вместе с тем он остался равнодушен к концепции науковедческого плана в этой области, получившей распространение с середины 70-х годов. В беседах с автором настоящей статьи Кричевский неоднократно повторял, что сущность библиографии он видит «в единстве искусства и прикладного знания».

Заинтересовавшись статистикой и возможностями статистического метода исследования, Кричевский считал вполне правильным и разумным использовать этот метод (в его наукометрической модификации) для анализа библиографических явлений и применил его в работе, написанной в соавторстве с Б.А. Семеновкером².

Не вызвали у Г.Г. Кричевского печатного отклика постоянно возрождающиеся споры о смысле, предмете и задачах рекоменда-

¹ Симон К.Р. Библиография: Основные понятия и термины. – М., 1963.

² Разработка советским библиографоведением проблем зарубежной библиографии (статистический анализ) // Вопросы библиографоведения. – М., 1977. – Вып. 2. – С. 67–95.

тельной библиографии. Исследуя в «треугольнике» «книга – библиография – читатель» исключительно библиографию, он остался чужд идеям книговедения (общего учения о книге и книжном деле), как в его ранних (начала XX в.) вариантах «философии книги» и более поздних социологизаторских интерпретациях, так и в форме современных науковедческих и информационно-коммуникативных построений. Не противопоставляя различные аспекты видения книги, Г.Г. Кричевский в своих работах оставался на позициях аналитика и историка именно мира библиографии в его реальности¹. Однако размышляя над вопросами точности понятийного аппарата и предложив чрезвычайно содержательный термин «библиограмма» для определения сущности библиографической записи, Г.Г. Кричевский опирался на некоторые семиотические представления². Пристально всматривался он в новые явления на библиографическом горизонте, стремился понять их исторические корни и будущие перспективы. Так, еще в 30-е годы Г.Г. Кричевский отмечал роль и значение реферативной информации, чем содействовал созданию ВИНИТИ.

К сожалению, библиографические заметки Г.Г. Кричевского не нашли достаточно полного отражения на страницах современных энциклопедических изданий, хотя по природе своего стиля он был, как уже отмечалось, мастером энциклопедического жанра.

Профессиональный, исследовательский интерес к социально-политическим проблемам отечественной и зарубежной истории характерен для всех этапов научной биографии Г.Г. Кричевского. Неважно, что являлось первичным импульсом, а что следствием и формой реализации: библиографические или научно-исторические занятия, важно иное: уже в библиографической профессиональной деятельности 30–40-х годов Г.Г. Кричевский состоялся как историк. Среди его трудов первое место занимают библиографические и библиографоведческие изыскания, но все они историчны по своему духу, методологической установке, характеру видения исследуемого предмета, пониманию того, что любые библиогра-

¹ При этом он в беседах необычайно высоко оценивал научные идеи П.Х. Кананова, крупнейшего отечественного книговеда философской ориентации.

² См.: Узилевский Г.Я. О семиотических основаниях теории библиографического описания // Науч. и техн. информация. Сер. 2. – М., 1979. – № 5. – С. 1–6.

фические явления всегда отражают реальную социально-культурно-историческую жизнь.

Эпоха и научная среда библиотеки Коммунистической академии, формировавшие Г.Г. Кричевского, определили круг его научно-исторических занятий: социально-политическая история Германии начала XX в. и история декабристского движения в его международных связях и отражении.

Исследование Бюловского блока – одного из узловых вопросов истории империалистической Германии в начале XX в. – стало темой кандидатской диссертации Г.Г. Кричевского, защищенной им в 1973 г.¹ Оценка этой работы по существу – дело историографов проблемы, отметим лишь, что в ее основу положен широкий круг исторических источников: парламентские материалы, документы политических партий, публицистика 1906–1909 гг., мемуарно-эпистолярная литература, документы Архива внешней политики России, статистическая документация выборов 1907 г. Это исследование, представляющее собой законченную монографию, так и не нашло до сих пор своего издателя.

Историческое мышление Г.Г. Кричевского интернационально. Идея истории как истории всемирной сущностна и органична для него. Столь же значимы понятие единства европейской культуры и идея неразрывной внутренней связи исторической жизни европейских государств. Компаративизм (в истинном, очищенном от наслоений смысле этого слова) – отличительная черта его исследовательской методологии, и библиографической, и исторической.

В беседах с ним постоянно возникали темы параллелизма и взаимосвязей отдельных событий, явлений и процессов отечественной и всеобщей истории, планы, замыслы, предположения возможной исследовательской работы в этом направлении². Некоторые из них связаны с изучением декабристского движения. Опубликованные им статьи по проблемам декабризма касаются малоизученных вопросов и весьма актуальны.

С наибольшей выразительностью органическое единство библиографического и источниковедческого поиска выявилось в

¹ Кричевский Г.Г. Консервативно-либеральная коалиция в Германии в 1906–1907 гг. (Бюловский блок): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973.

² Его память сохранила и указания на некоторые неосуществленные проекты, планы и замыслы ученых старшего поколения. Однако тема «Незаписанные воспоминания Г.Г. Кричевского как историографический источник» заслуживает особого рассмотрения.

капитальном труде «Диссертации университетов России. 1805–1919 гг.», к работе над которым он приступил во второй половине 30-х годов. Библиографический свод содержит данные о 1018 докторских и 1877 магистерских диссертациях, защищенных в восьми университетах России: официальные названия диссертаций, сведения об их публикации и рецензиях на печатные издания, регистрация опубликованных материалов о публичных диспутах и помещенных в печати отзывах о диссертациях, списки оппонентов.

Справочно-библиографическое и фактографическое значение работы Г.Г. Кричевского заключается в том, что она с максимальной полнотой воссоздает историю русских диссертаций XIX – начала XX в. как социокультурного института и определенного типа научного текста – ценнейшего источника по истории науки.

Объем социально-исторического и научного материала, описываемого в своде, разнообразие приводимых справочных данных обусловили сложность его структуры. Необходимость многоаспектного представления информации (по университетам и входящим в их состав факультетам, разрядам наук, хронологии защиты, алфавиту названий диссертаций и фамилий диссертантов, систематике тем диссертаций и ключевых терминов и имен, входящих в их названия) определила то значение, которое Г.Г. Кричевский на протяжении десятилетий работы над сводом придавал созданию адекватного научно-справочного аппарата. Только составление именного указателя, содержащего даты жизни диссертантов и оппонентов, потребовало от него невероятных затрат времени на преодоление трудностей, понятных каждому, занимающемуся биографическими разысканиями. Хотя рукопись (30 п. л.) была подготовлена к публикации, но и в 1989 г. Кричевский считал, что она еще не закончена, и вносил необходимые дополнения в основной текст и справочный аппарат.

Значение труда Кричевского огромно. За обманчивой монотонностью библиографических и фактографических сведений (благодатного материала для науковедческих разработок, так как представлен полный корпус научных текстов определенного типа и хроника развития важнейшего института науки) встает не описанный и не исследованный в достаточном объеме пласт отечественного культурного наследия. Работа над памятником

отечественной науки для Кричевского была неотделима от изучения мировых традиций¹.

Труд этот, можно сказать, является главным делом его жизни. В последние годы Г.Г. Кричевский начал работать над «Путеводителем по русской библиографии» – справочником, абсолютно необходимым в повседневной работе сотрудников библиотек. И этот, и многие другие его замыслы и начинания (как, например, антология «Программные тексты европейских историков»), к сожалению, не были завершены.

Силы Григория Григорьевича – «Гри-Гри», как любовно называли Кричевского в разговорах между собой его коллеги, – таяли. 15 октября 1989 г. его не стало. С ним кончилась целая эпоха в жизни ФБОН/ИНИОН, – в жизни, в которой его огромные познания, его талант, наконец, само его имя стали одним из олицетворений человечески одухотворенной библиографии «доинтернетовского» времени. В конце 1990-х годов скончалась его жена; вскоре ушла и его дочь. И как ни трагично писать об этом, очевидно, погиб его архив.

Всё же судьба оказалась милостивой к его главному труду. Машинописный экземпляр рукописи «Диссертации в университетах России...» семья успела передать исследователю системы аттестации научных кадров в Российской империи А.Н. Якушеву, работавшему в Ставропольском государственном университете. Благодаря его усилиям книга Григория Григорьевича Кричевского увидела свет несколькими изданиями. Наиболее полное было опубликовано в 2004 г.²

В нем расширено описываемое в справочнике университетское пространство: включены сведения о диссертациях, защищен-

¹ Ему принадлежит и первое целостное историко-культурное описание института ученых степеней в университетах дореволюционной России.

См.: Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. – М., 1985. – № 2. – С. 141–152.

² Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Справочное пособие / Сост., предисл., науч. ред. и посмерт. изд. Якушева А.Н. – 3-е изд., испр. и доп. – Ставрополь, 2004; Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Справочное пособие / Сост., предисл., науч. ред. и посмерт. изд. Якушева А.Н. – 3-е испр. и доп. изд. – Ставрополь, 2004; Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на физико-математических факультетах Российской империи (1755–1918): Справочное пособие / Сост., предисл., науч. ред. и посмерт. изд. Якушева А.Н. – 2-е изд., испр. и доп. – Ставрополь, 2004.

ных в Дерптском (Юрьевском) университете. Вместе с тем несколько сужен объем сообщаемых сведений относительно каждой защиты: исключены данные об оппонентах на магистерских и докторских диспутах и публикациях отчетов о них в периодической печати.

Безусловно, это несколько ослабляет науковедческий потенциал труда Г.Г. Кричевского. Тем не менее его публикация, даже в немного урезанном виде, – эпохальное событие в отечественной справочной литературе, посвященной истории русской науки.

Имя Григория Григорьевича Кричевского теперь будет сохранено навсегда.

«Труды и дни» замечательного ученого, Г.Г. Кричевского – воплощение жизненности лучших традиций отечественной библиографии. Его библиографическое творчество, библиографическое мышление являют собой единение классических и романтических черт. Романтизм предположений и планов в окончательном итоге оказался жестким реализмом осознания существующего положения вещей, нравственным императивом служения подлинным смыслам, целям и задачам науки о книге в нашей стране – служения, ставшего призванием, долгом и судьбой.

М.Б. Исакович **ВОСПОМИНАНИЯ О Г.Г. КРИЧЕВСКОМ**

В справочно-библиографический отдел ФБОН, под непосредственное начало Григория Григорьевича, я пришла в 1960 г. До этого я уже поработала и в книгохранилище (с большой пользой для себя) и в обслуживании (в кабинете истории). Но, честно говоря, все эти годы я мечтала попасть в справочно-библиографический отдел библиотеки. И не только потому, что справочная – это самая интересная часть библиотечно-библиографической деятельности (стою и буду стоять на этом). Но и потому, что этот отдел возглавлял знаменитый библиограф, энциклопедист, известный «всей Москве» острослов, книгочей (чуть к своему ужасу не произнесла «книголюб»), корреспондент оксфордского Симмонса, Винера, рецензент Теодора Бестермена! Ну как тут было не замечаться!

Надо сказать, что в 60–70-е годы в справочно-библиографическом отделе работали библиографы высокого класса, хоть и не все они назывались «главными»: Берта Михайловна Хавес – полиглот и знаток мировой библиографии, справочный работник («справочник» от Бога), Серафима Васильевна Серёжникова, лучше которой вряд ли кто-нибудь справлялся с запросами по отечественной (особенно статистической, земской) литературе, человек необыкновенной теплоты и доброжелательности, Ирина Николаевна Соболева, которая к своим замечательным филологическим знаниям привнесла в картотеки отдела каталогизационную четкость (выучка И.Я. Госина), а в жизнь отдела – дух легкости и веселья, Аврора Львовна Дешалыт (наша безвременно ушедшая Деша!), которая под неусыпным взглядом Григория Григорьевича комплектовала справочные фонды ФБОН и заслужила не раз его высочайшее одобрение. Алла Михайловна Непомнящая – в то

время «Аллочка» – единственный человек в библиотеке, которого Григорий Григорьевич называл по имени, без отчества. Он ведь принял Аллочку в справочный отдел, когда Алле Михайловне было всего 18 лет. Но и тогда она отличалась (от других 18-летних) необыкновенной организованностью, добросовестностью и «непомнящим» смехом. Римма Григорьевна Чударева с ее неумением ссориться и с умением уютно и домовито расставить фонд.

Такая вот компания. И – над всем и вместе со всеми – Григорий Григорьевич, который знал Всё и не только: политические платформы царских министров, и обстоятельства жизни президентов США, и имена всех выдающихся историков, юристов, и конституции иностранных государств, и состав Малого Совнаркома и биографии деятелей всех «оппозиций» и не только...

А кто лучше Григория Григорьевича и уместнее, чем он, мог процитировать целые поэтические периоды из древних, или из А.К. Толстого, или В.Я. Брюсова, или Г.М. Рудякова?! Когда мы, сбившись с ног, рук, ослепнув от обилия просмотренных курсивов, петитов и прочих шрифтов, обращались к Григорию Григорьевичу (это называлось «Приведите Вия!») – начиналось самое главное. Выслушав всю эпопею поиска, Григорий Григорьевич вдруг неожиданно и довольно ехидно задавал вопрос: «А каталог Государственной Думы Вы смотрели?» или «А зачем это название искать в Библиотеке Конгресса? Это может быть зарегистрировано только у Залесского» или «Напрасно Вы искали это как статью, когда ясно, что это – диссертация». И конечно, чем труднее был поиск, тем большей была радость находки. И радость была общей отдельской.

А сколько веселья и удовольствия доставляли нам его разнообразные клише: «Ушел принимать пищу вовнутрь», «Мне не звонили с Хлевобережной?», «Завтра буду в библиотеке имени и ордена» и многое, многое вспоминается и вспоминается, но не как ушедшее. В прошлую пятницу, 6 апреля, позвонила наша читательница, профессор Е.Е. Юровская и просила помочь разыскать очень нужную ей цитату из речи фон Бюлова в Рейхстаге. С горьким сожалением мы посетовали, что Григорий Григорьевич в момент разрешил бы эту трудность. А я прошла в наше книгохранилище, где битых несколько часов листала отчеты Рейхстага 1896–1897 гг. – и все безуспешно. Не буду утомлять читателя рассказом, по каким еще источникам я пыталась установить нужную цитату, пока не сообразила обратиться к диссертации Григория

Григорьевича «Консервативно-либеральная коалиция в Германии в 1906–1909 гг.» И, о радость! Во вступительной статье Григорий Григорьевич приводит это высказывание фон Бюлова и конечно же с подробнейшей ссылкой на первоисточник.

Еще приходят в ИНИОНовские фонды справочники, заказанные Григорием Григорьевичем, цитируются и серьезные, и шуточные афоризмы Григория Григорьевича, не стареют «истории», рассказанные Григорием Григорьевичем, а девиз – «Ищите и обрящите!» – останется руководством к действию, пока существует справочно-библиографический отдел, т.е., извините, группа.

И.Л. Беленький **«ОСЕННЯЯ СЕДОСТЬ» (О М.И. Левиной)**

Работа в ФБОН-ИНИОН, куда я пришел благодаря Надежде Петровне Дебеч в начале 1967 г., подарила мне встречи с людьми, образ которых навсегда вошел в мою жизнь. Среди них: Григорий Григорьевич Кричевский, Лев Владимирович Морозов, Елена Дмитриевна и Василий Николаевич Романовы, Юрий Владимирович Цейтлин, Зельма Карловна Янель.

Один из самых бесценных даров – общение с Маргаритой Иосифовной Левиной, с первых месяцев знакомства (1968) поразившей меня благородством своего облика (сейчас, вглядываясь в ее портрет, лежащий под стеклом на моем письменном столе, я вижу удивительное его сходство с поздними фотографиями боготворимой ею М.В. Юдиной); аристократической по своей сути сдержанностью ее поведения, исключавшей какую-либо возможность обсуждения дел и поступков коллег; различием сущностного и суетного в происходящем вокруг.

Позволю себе личное: в начале 1990-х, когда тяжело болел отец, я регулярно звонил ей поздно вечером; и она, оторвавшись от читаемой книги, от очередного перевода, от слушания записей любимых музыкальных произведений, подолгу говорила со мной опять же о книгах, музыке, своих переводческих делах; делилась воспоминаниями об А.И. Неусыхине (именно в связи с этой темой ею нарушался запрет на обсуждение поведения и поступков других людей – в данном случае некоторых его учеников), о своих однокурсниках по историческому факультету МГУ; с большой теплотой говорила о всегда трудных обстоятельствах жизни Е.Я. Додина, которого очень ценила. Как значимы для меня были эти телефонные беседы. Думаю, что не только мне общение с

Маргаритой Иосифовной помогало в трудные минуты, снимало, пусть на какое-то время, внутреннее напряжение.

Обостренно и глубоко личностно переживая «шум и ярость» действительности, она, однако, сознательно дистанцировалась от некоторых форм реакции на нее, характерных для общественной среды 1960–1970-х годов. О моментах этической небезупречности этих форм в ряде случаев свидетельствовал ее жизненный опыт. Она хорошо помнила эпизод 1957 г., когда один из ее коллег (имени, естественно, она не называла), сообщил следствию, что именно ей он ранее передал на хранение рукопись Л.Н. Краснопевцева.

М.И. очень скупно, почти протокольно рассказывала о Тбилиси и тбилисском периоде своей жизни: в 1933 г. окончила Тбилисский индустриальный техникум, в 1937 г. – Тбилисскую консерваторию. В том же 1937 г. вместе с родителями переехала в Москву, где поступила на исторический факультет МИФЛИ, закончив его в 1945 г., как уже исторический факультет Московского университета.

Что стояло за прекращением М.И. преподавания музыки? Были на это внутренние мотивы или какие-то внешние обстоятельства? Наконец, что вынудило семью к переезду? – можно строить только предположения.

Она училась на истфаке в нелегкие годы. Но как раз тогда на нем преподавали такие замечательные ученые, историки *par excellence*, как: Н.П. Грацианский (внесший значительный вклад в изучение французского и западноевропейского в целом Средневековья, фактический руководитель кафедры истории Средних веков в годы войны), Е.А. Косминский (создавший фундаментальные труды по аграрной истории Англии в XIII–XV вв.; заведующий кафедрой в 1934–1949 гг.), В.М. Лавровский (реконструировавший социальные отношения в английской деревне XVI–XVIII вв. в контексте социально-экономической истории других стран Западной Европы, читавший спецкурс по истории английской революции 1648 г.; глубокий знаток творчества А.Н. Скребина и истории западноевропейской музыки позднего Средневековья и Нового времени, многие годы друживший с семьей Гнесиных и М.В. Юдиной), С.Д. Сказкин (исследовавший в широком, комплексном плане социальные, экономические, политические и культурные процессы в Западной Европе в Средние века; автор классических работ по истории австро-германо-русских отношений второй половины XIX в.), М.И. Смирин (посвятивший себя изучению истории Германии, Чехии, Австрии и Швейцарии в XV–XVI вв., истории Реформации и взаимосвязей ее с гуманизмом).

Лидия Тихоновна Мильская, самая близкая подруга Маргариты Иосифовны с университетских лет (они были неразделимы в делах, в отношении к миру, в заботах повседневной жизни) рассказывала, какое впечатление на нее и М.И. произвела одна из первых лекций Сказкина на истфаке после возвращения факультета в Москву. Вдохновленный наступившим переломом в войне, он говорил страстно и свободно, передавая это чувство свободы своим слушателям.

На истфаке произошла встреча М.И. с Александром Иосифовичем Неусыхиным, историком-германистом, учеником Д.М. Петрушевского, одним из крупнейших отечественных медиевистов XX столетия, ставшая важнейшим событием в ее жизни.

Она и Мильская принадлежали к небольшому кругу самых преданных учеников Неусыхина.

Кодекс нравственной ответственности историка, завещанный Учителем, его методические принципы подхода к постижению исторического прошлого¹, его философские убеждения и литературные пристрастия² – краеугольные основания исторического мирозерцания М.И.; ее понимания неразрывности исторического познания, философского умозрения и поэтического творчества. Нет сомнений, что и интерес к Максу Веберу сложился у нее под влиянием Неусыхина.

¹ «Историк, оставаясь самим собой, – писал А.И. Неусыхин, – т.е. чистым историком – и не становясь “самим собою” в более широком смысле слова, конечно, не имеет право на суждения по существу. Ни как исследователь причинных закономерностей, ни как имманентный интерпретатор он еще не вышел за пределы “временного”, за пределы “явлений” и “проявлений” (хотя вторая интерпретация уже приводит к этому, а первая кладет этому начало). Лишь воспарив над ними, после предварительного проникновения в них и вбирания их в себя, он увидит, что все его причинные анализы и толкования были лишь подготовительной стадией для уразумения сущности явления. Необходимой – только для тех, кто умудрен, но зато и обременен интеллектом. Ибо ведь сущность открывается иным и без этих стадий: “Блаженные нищие **духом**, ибо их есть царствие небесное...”» (Из архива А.И. Неусыхина (К проблеме толкования философских и религиозных идей). Письмо Е.Е. Слуцкому от 15.08.1943 г. / Публ. Мильской Л.Т. // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. – М., 1995. – С. 93). М.И. Левина полностью разделяла эту точку зрения.

² А.И. Неусыхин писал о И. Гёльдерлине (БСЭ. Изд 1-е. – М., 1929. – Т. 15. – С. 94–95); Р.М. Рильке (Основные типы поэтического творчества Рильке // Рильке Р.М. Новые стихотворения. – М., 1977. – С. 420–443); Ф.И. Тютчеве (Тютчев и Гёльдерлин // Литературное наследство. – М., 1997. – Т. 97, Кн. 2. – С. 542–547).

Память об Учителе, скончавшемся в 1969 г., М.И. и Л.Т. Мильская хранили постоянно и деятельно: разбирали его домашний архив перед сдачей в Архив Академии наук, в 1975 г. издали том его избранных работ; поддерживали тесные отношения с вдовой и дочерью.

В 1945 г. М.И., получившая первоклассное по тем временам историческое образование, знавшая три европейских языка и латынь (по присущей ей скромности она всегда говорила, что в полной мере владела только немецким), не могла, по условиям тех дней, рассчитывать на место в аспирантуре. Путь в науку был для нее закрыт.

С 1946 по 1982 г. М.И. трудилась в ФБОН-ИНИОН (в 1946–1965 гг. – в секторе истории; с 1966 – в Реферативном отделе, преобразованном в 1972 г. в Отдел научного коммунизма).

В секторе истории, который возглавлял К.Р. Симон, она занималась обработкой зарубежной литературы по медиевистике, принимала участие в сборе материалов для международного указателя изданий источников по истории средневековой Европы.

Библиографическая работа в ФБОН в те годы предполагала очень тщательное аннотирование литературы, отнимавшее много времени и сил. Утомляли и неизбежные в ней элементы рутинности. Не знаю, пыталась ли М.И. исследовательски заниматься интересующими ее историческими сюжетами. Если и пыталась, то урывками: времени явно не хватало для регулярных занятий. Библиографическая эвристика, которой была фантастически предана Е.В. Бажанова в ее разысканиях документов социально-экономической истории раннего этапа советского общества, все же не могла стать страстью души М.И.; притом что учившаяся анализу исторических источников у А.И. Неусыхина, М.И. безоговорочно принимала ее источниковедческие основания.

Вряд ли она в полной мере разделяла суждения ряда выдающихся деятелей отечественной библиографии о сути своей профессии как ремесле (в обыденном смысле этого слова), становящемся искусством. Для нее, узнавшей еще в юности подлинное искусство (музыку и поэзию) в его самих совершенных формах библиография оставалась необходимым и самодостаточным ремеслом, требующим профессионализма и честности от своих тружеников.

И именно так, профессионально и честно она 20 лет занималась ею – сферой деятельности, ставшей в советское время условием существования для многих ученых-историков как старшего, так и более молодого поколения.

Но естественная для библиографии сознательная отрешенность от онтологических и феноменологических проблем (как бы передоверенных в начале XX в. книговедению, точнее «философии книги», исчезнувшей в 1940–1950-е годы), была чужда М.И., видевшей в книге прежде всего не предмет библиографии, а явление человеческого духа (ср.: «Книга есть кубический кусок горячей дымящейся совести» – Б.Л. Пастернак).

В реферативном отделе, куда ее пригласила в 1966 г. его заведующая Надежда Ноевна Косорез, возможностей для творческой работы у нее оказалось значительно больше.

Социально-философские и культурно философские проблемы частично входили в сферу интересов отдела, вернее, тех, кто заказывал ему реферативные материалы.

М.И. наконец-то получила возможность читать и анализировать философские тексты не «библиографическими глазами» в «рабочее время». Рефератами и обзорами, выполненными ею, по праву мог гордиться как отдел, так и ФБОН (позднее и ИНИОН) в целом.

Реферирование текстов западных мыслителей в лучших изданиях ИНИОН, по существу, было формой их герменевтики, так как неявно являлось их интерпретацией (истолкованием); хотя программные документы института и методические материалы, касающиеся практики реферирования, сознательно обходили этот момент. Переводческая деятельность, органически родственная аналитической, тем более издание переводов, согласно официальным установлениям не входила в компетенцию института. И это несмотря на то, что идеология работы ИНИОНа предполагала включение фрагментов реферируемых книг и статей «в раскавыченном виде» в тексты рефератов и обзоров. Первой, и многие годы единственной попыткой нарушить этот канон была публикация перевода классического труда М. Вебера «Протестантская этика», выполненного М.И. в 1971–1972 гг.

У нее уже был опыт переводческой работы. В середине 1960-х годов А.В. Гулыга привлек М.И. к переводу сочинений Г.В.Ф. Гегеля по философии религии для серии «Философское наследие». Так начался новый этап ее «трудов и дней», основным содержанием которого стали переводы немецкой философской и религиозно-философской литературы конца XVIII–XX в.

Ее деятельность как переводчика была необыкновенно плодотворной и завоевала признание в научном мире. Список ее переводов, публикуемых в 1970–1980-е годы издательством «Мысль»,

а в последующие годы благодаря подвижнической инициативе С.Я. Левит издательствами «Юрист», «Гардарики», РОССПЭН, включает труды И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля, М. и А. Веберов, Э. Трёлльча, К. Манхейма, Э. Кассирера, К. Ясперса, Т. Адорно и др.

Не случайно список этот состоит из книг немецких мыслителей. Философия, литература (И. Гёльдерлин, И.В. Гёте, Р.М. Рильке, С. Георге, Т. Манн), музыка (И.С. Бах) Германии занимали огромное место в духовной жизни М.И., были одной из опор личного преодоления германской и других катастроф XX в.

Но восклицать она не могла и не умела. Размышления и переживания, даже самого трагического характера, в том числе о причинах немецкой катастрофы и ее последствиях, всегда оставались уделом ее внутреннего мира.

Сакральные основания бытия были абсолютно бесспорны для М.И. Она, однако, крайне редко позволяла себе говорить об этом вслух. Думаю, что многие годы в ее душе продолжался мучительный спор христианства с иудаизмом.

С конца 1980-х ей все больше стала мешать катаракта на обоих глазах. Прооперировав один глаз, она вновь обрела возможность полноценно работать. Принимаясь за новый перевод в 1990-е, она неизменно повторяла: «Этот будет последним». Тем не менее вновь и вновь приступала к воистину каторжному труду.

Книга Марианны Вебер, вдовы великого ученого, «Жизнь и творчество Макса Вебера» стала действительно последним ее переводом. Она привлекла внимание М.И. не только глубочайшим проникновением в мир мыслителя, но и строем личности Марианны, поразительной мощью ее духа.

Физические силы стали покидать ее, когда она заканчивала перевод. Выхода книги в свет она, увы, не дождалась. М.И. слабела.

А потом страшная болезнь не пощадила и ее, казалось бы, свыше предназначенную для утверждения господства духа над телом.

О смерти Маргариты Иосифовны мне сообщила С.Я. Левит. На похоронах 7 апреля 2007 г. народа было немного. Кто-то сказал, что в ноябре 2006 г. она крестилась...

Часто вспоминаю, с каким волнением она иногда читала вслух строки любимого ею А. Блока из III тома: «Приближается звук... И покорна щемящему звуку / Молодеет душа».

И еще я вспоминаю, думая о ней, строку Д. Самойлова «Вся наша жизнь – самосожжение...»

С.М. Митина
ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЦЕЙТЛИН

Юрий Владимирович Цейтлин принадлежит к славной когорте ветеранов ИНИОНа. Стаж его работы в Институте свыше полусотни лет, проще говоря, вся его жизнь.

Цейтлин сразу выделился в коллективе широтой эрудиции, хорошим знанием нескольких европейских языков, высокой трудоспособностью, точностью и обязательностью в исполнении. Это был человек, на которого всегда можно было положиться. Он не искал выгодных общественных должностей, сторонился внутренних разборок (из-за статуса, оплаты и пр.), считая их контрпродуктивной тратой времени и сил. Неизменно доброжелательный и скромный, он пользовался уважением и симпатией сотрудников.

Появление Юрия Владимировича в ФБОН заслуживает некоторого комментария. В конце 40-х годов энциклопедически образованный выпускник истфака МГУ (согласно оценке одного из его профессоров, «гордость курса») после трех провальных попыток поступить в аспирантуру оказался безработным и с трудом смог устроиться библиотекарем. Вспомним, что именно в эти годы разворачивалась печально знаменитая кампания против «космополитов», выбросившая на обочину магистральной науки большую группу высококвалифицированных специалистов-гуманитариев (и не только). Что, кстати, весьма положительно сказалось на кадровом составе ИНИОНа, тогда ФБОН.

Цейтлин долгое время работал библиографом под руководством Е.И. Серебряной в Секторе философии ФБОН. Работа с массовым количеством литературы, с конвейерной скоростью поступавшей еженедельно со всех концов земного шара, оказалась для него интересной своей информативностью. С его навыком быстрого и обильного чтения, он справлялся с ней легко, с некото-

рым даже спортивным азартом: это была своего рода гимнастика ума – успеть схватить суть обрабатываемого источника, снабдить краткой и толковой аннотацией, которая поможет читателю сориентироваться в библиографическом лабиринте.

Он любил книгу нежно и жадно. Рыться в библиотечных сокровищах было для него наслаждением. Он покупал книги на разных европейских языках не только по справочной и служебной тематике (философской, исторической, социологической), но по самым различным проблемам, в том числе литературно-художественным и даже медицинским: его, историка, интересовала история развития широкого спектра наук. Разумеется, его личная библиотека быстро перестала помещаться в книжных шкафах. «Я – книжный червь», – говаривал он. «Книжный человек», – сказал о нем и оперировавший его профессор.

«Ага, читаем», – с удовольствием отметил он, увидев, что тяжелый послеоперационный больной впервые взял книгу. С вторжением Интернета Юрий Владимирович огорченно отмечал падение интереса к бумажной книге, тенденцию к избавлению от «книжного мусора». «“Каждую книгу ждет какой-то читатель!” – горестно восклицал он. – Нельзя же выбрасывать книги на помойку...»

В целях более адекватного приложения своих знаний и творческого потенциала, Ю.Ц. перешел в реферативный Отдел советологии, позже переименованный в Отдел стран Восточной Европы, которым руководил Леонид Константинович Шкаренков¹, затем Юрий Иванович Игрицкий.

Хотя собственно научной работой считаются в ИНИОНе тематические обзоры, он не делал различия между обзором и рефератом, одинаково относясь к тому и другому, как к серьезному научному исследованию. Его публикации всегда отличались детальным знанием темы и контекста, переводы – точностью и интеллектуальным блеском формулировок, свидетельствующим о свободном владении материалом.

Сложность работы референта заключается в ее чрезвычайной многоплановости. Цейтлин принимал участие во всех изданиях Отдела. Назовем, к примеру, несколько его работ; «Западная печать о социально-экономических проблемах Румынии» (обзор) – «РЖ», 1988, № 4, с. 62–99; «Национальный вопрос в СФРЮ» (обзор) –

¹ Шкаренков Леонид Константинович (1921–1999). Работал в ИНИОНе в 1970–1999 гг. В 1970–1988 гг. заведовал Отделом социалистических стран. – *Прим. ред.*

«РЖ» 1988, № 1, с. 40–51.; «Макфоул М. Посткоммунистическая политика: перспективы демократии в России и Восточной Европе» (реферат) – «Россия и современный мир», 1995, № 4, с. 226–240; «Шлегель Карл. Магнитогорск. Пирамиды XI века» (перевод). – «Россия и современный мир», 1996, № 4 (13), с. 230–247 и др.

За такого рода жестко ограниченными, согласно правилам, опусами (маленькими шедеврами, если вчитаться) стоял напряженный научный труд – в полную силу.

Юрий Владимирович вкладывал в эту работу всю свою феноменальную трудоспособность. Для каждой новой темы он поднимал множество материалов, справочных и исследовательских. Только досконально изучив предмет, он мог начать создавать нужный текст. Кропотливо работал над языком, стремясь не только и не столько к гладкости стиля, сколько к точности передачи смысла написанного. Руководство с пониманием относилось к некоторой его медлительности: она объяснялась не просто его «архитцательностью» (определение Ю.И. Игрицкого), но и научной увлеченностью: к примеру, вместо оговоренных четырех источников обзора он втаскивал «лишние» несколько книг, обнаруженных уже в процессе работы. Руководитель отдела с теплотой вспоминает их совместные творческие беседы. Цейтлин заходит в кабинет: «Время есть?» – и приносит книгу, которую смотрят вдвоем, свободно обсуждая, как лучше информировать о ней читателя. Его любили в Отделе именно за его знания и безоговорочную готовность ими делиться.

Говоря о творческом потенциале Юрия Владимировича, нельзя не упомянуть о его работе над диссертацией. О ней знали немногие, это было глубоко личное. Тема была избрана еще в университетский период: «История рабочих профсоюзов в 1918 году». В свободное от служебных занятий время он, с присущей ему глубиной и основательностью, годами вел отбор архивной документации, выстраивая все более достоверную картину формирования советской бюрократии с ее специфической структурой и ментальностью. По объему и значимости собранных материалов проект далеко перерастал аспирантские рамки, обещая сделаться неожиданно смелым по тем временам капитальным изданием. К сожалению, здоровье не позволило ему завершить труд.

Реферативная тематика интенсифицировала его всегдашний интерес к современным ему многоаспектным социально-экономическим процессам. Он удивительно свободно ориентировался в

нюансах мировых и локальных событий. В начале девяностых, естественно, ночами засиживался у телеэкранов, восторженно комментируя происходящее на Съезде, глубоко обдумывая последующую политическую ситуацию в ее развитии.

Было у него еще одно увлечение. Это история культуры, в особенности современной ему социально значимой литературы и поэзии шестидесятых – восьмидесятых годов. Крут его чтения был широк. Кроме центральной прессы и обязательного «Книжного обозрения» – «Литературная газета». Отслеживались им и хлынувшие тогда на страницы «толстых» журналов романы и повести молодых и маститых советских писателей, ставших теперь классиками: это и А. Солженицын, и И. Эренбург, и В. Катаев (их последние произведения), а также извлеченные «из стола» М. Булгаков, В. Шаламов и др., и, конечно, В. Аксёнов, В. Шукшин – всех не перечислить. Когда публиковались братья Стругацкие, начиналась охота за журналом «Техника – молодежи.» Фантастикой (хорошей, часто зарубежной) Ю.Ц. увлекался страшно, видя в ней, как историк, концепции провидения будущего. При своей постоянной занятости он ухитрялся проникать в наиболее политизированные в те времена театры – «Танганку», «Современник». Смотрел пьесы Е. Шварца («Дракон», «Обыкновенное чудо» и др.), трилогию А. Штейна («Народовольцы», «Большевики», «Коммунисты»), наконец, «Гамлета» с В. Высоцким и многое другое. С восхищением относился он к песням Галича, Окуджавы, Высоцкого, которые бывали гостями ИНИОНа, собиравшими битком набитый зал. Эрудиция сделала его в глазах коллег и ряда постоянных читателей ИНИОН чем-то вроде «ходячей энциклопедии» (вошло в прозвище), точнее, одним из штучных ИНИОНовских специалистов, к которым можно было бы обратиться за любой справкой. С ним консультировались сотрудники самых разных отделов Института.

Он относился к каждому вопросу предельно внимательно, с обычной для него дотошностью. Отвечать кратко не умел. Глубоко погружался в проблему, вел собеседника, как «сталкер» (выражение коллеги) сквозь дебри сложных, порой противоречивых компонентов истории вопроса. Если сомневался, вовлекал собеседника в процесс обдумывания проблемы, точно нацеленными репликами активизируя мышление, давал «наводку», подсказывал пути решений. Иногда такие беседы становились регулярными, возникали доверительные отношения. Он любил людей, и люди тянулись к нему, ощущая искренний интерес к себе, своим проблемам. Бывало, приходили за советом, а иногда – за утешением.

Или звонили. Он обладал удивительной житейской мудростью, редким даром понимания и сопереживания. Умел задать именно тот вопрос, который побуждал к самоанализу, к откровенному совместному обсуждению волнующих тем. Он умел слушать, иногда часами. И человек раскрывался перед ним, как, быть может, ни перед кем иным, даже близкими. Эти беседы благодарно запомнились, о чем свидетельствуют живые рассказы.

Если кто-либо нуждался в его помощи, он не жалел времени, запросто мог отдать последние деньги, организовать временное жилье или получение лекарств, словом, помогал активно, задействовал все силы и возможности, не нуждаясь в благодарности. Таким и останется Юрий Цейтлин в памяти всех более или менее знавших его: умным и эрудированным, честным и обязательным, бескорыстным и великодушным с другими и беспощадно требовательным к себе, скромным и гордым, глубоко интеллигентным – рядовым научным сотрудником нашего института.

Е.Б. Калоева
ОНА БЫЛА ЧЕЛОВЕКОМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ
(ПАМЯТИ ИРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КАЛОЕВОЙ)

Она была человеком своего времени в том смысле, что ей пришлось с детства столкнуться со всем тем, о чем сейчас говорят все меньше... С арестами родных и близких, ожиданием писем из мест очень отдаленных, а затем полным молчанием, за которым стояла смерть, узнать о которой удалось лишь после 1956 г.

Окончив перед войной школу с золотой медалью, она поступила в университет с не самыми благоприятными анкетными данными и вполне могла бы не поступить, если бы не случай... Профессор, принимавший вступительный экзамен, оказался человеком порядочным и к тому же, как было принято говорить, из «бывших». Затем была война, голод, бомбежки, работа ради продовольственной карточки и слабый отблеск прежней жизни – посещение спектаклей в Большом, позволявшее забыть на несколько часов ужас военных будней.

После окончания войны – поступление в аспирантуру. Научный руководитель, профессор М.О. Косвен, этнограф, учившийся в свое время в Сорбонне, одобрил работу своей аспирантки, посвященную задруге у южных славян и впоследствии дал ей характеристику для поступления на работу в Фундаментальную библиотеку Академии наук, отметив «трудолюбие, усердие и серьезную любовь к научной работе при несомненных и изрядных к тому способностях».

Сказать, что И.А. Калоева работала в ФБОН, а впоследствии ИНИОНе с 1948 по 2002 г., организовала международный книгообмен, которого до нее по существу не было, составила столько-то библиографий, около 30 лет возглавляла Сектор и Отдел научной библиографии европейских социалистических стран, столько-то

раз выступала на международных конференциях с докладами, участвовала в книжных ярмарках – значит не сказать ничего. Она в прямом смысле слова жила жизнью Института, проводя там значительно больше времени, чем дома. Как-то она вспомнила такой случай: однажды утром почти бегом она устремилась к метро (опаздывать тогда было нельзя) и только на пороге его вспомнила, что день был воскресный.

Я хорошо помню ФБОН с конца 1950-х годов, так как впервые перешагнула порог особняка на ул. Фрунзе где-то лет в девять. Большинства, нет, скорее почти всех, работавших в те годы, уже нет, но их лица остались у меня в памяти. Часто это были лица, несшие на себе почти незримый отпечаток былых времен – как ожившие фотографии из старинного семейного альбома. Они симпатизировали ей, а она – им. Может быть, поэтому она и была четверть века председателем месткома.

За стенами особняка застой пришел на смену «оттепели», а внутри все эти годы жил дух либеральной интеллигенции. Наверно, поэтому именно здесь Рерихи устроили одну из первых в Москве выставок своих картин, здесь дал концерт аккомпаниатор Вертинского, исполнив репертуар маэстро, выступила начинающая Образцова и многие другие. Однажды, правда, вечер не состоялся: запретили. И тогда она с кем-то из сотрудников, точно не помню с кем, поехала на вокзал с письмом и словами извинения к уезжавшему в Рязань А.И. Солженицыну. Я стояла в стороне и услышала лишь заключительные слова того, к кому было обращено извинение: «Я все понимаю».

Прошли годы... Многое изменилось. Она работала почти до конца, последние несколько месяцев уже только дома. За месяц до кончины однажды она сказала: «Неужели я больше никогда туда не приду?»

А.А. Денискин
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИСТ.
ЯКОВ САМУИЛОВИЧ ИОРИШ

Яков Самуилович Иориш пришел в Институт научной информации, когда тот еще назывался Фундаментальной библиотекой общественных наук, в Сектор философии.

Философскую науку он осваивал не только в Московском государственном университете. Предрасположенность к любознательности проявлялась в нем с ранних лет. На фотографиях семейного альбома (других свидетельств, увы, не осталось) мы видим сначала дитя, потом отрока и мужа: меланхолическое лицо, остановившееся на полпути к улыбке, глаза обращены в сторону объектива, но взгляд неуловим, ибо направление его интроспективно.

Этот человек с меланхолическим темпераментом и склонностью к умозрению с 18 до 22 лет проходил жестокую школу Великой Отечественной войны. Ее он закончил с победой в 1945 г., философский факультет университета – с отличием в 1951.

На его беду как раз в эту пору в партии ВКП (б) – «уме и совести советского народа» – усилилось недоверие к инородцам, их подозревали в космополитизме. И вот фронтовик (переводчик на передовой) с красным дипломом был направлен преподавать марксистскую философию кочевникам, осевшим в Кызыл-Орде.

Это – Южный Казахстан, на правом берегу Сырдарьи. Здесь осели не только степняки-скотоводы, но и ссыльные граждане Центральной России, попавшие в немилость к властям. В здешнем педагогическом институте он преподавал марксистскую философию и преподавал так, что она обретала черты просветительной науки, а не идеологического ярма. Студенты полюбили Я.С. и старались успевать по его предмету. В 1954 г. он вернулся в Моск-

ву, где мыкался почти десять лет на случайных работах до поступления в Фундаментальную библиотеку в 1964 г.

Могло ли быть в то время лучшее место для философа!? Умозрение, воспитанное опытом войны и теорией диалектического материализма, требовало совершенствования, а должность библиографа богатой фондами академической библиотеки давала ему беспрепятственный доступ к книгам, названия которых до этого он мог видеть только в библиографических ссылках.

Составление ежемесячного аннотированного библиографического бюллетеня предполагало кроме знания иностранных языков умение понимать прочитанное и, главное, лаконично формулировать его суть. Я.С. довел это умение до совершенства.

Нужно заметить, что в то время в советских идеологических и особенно академических заведениях повсюду культивировалось искусство изошренной формулировки, состоявшее в том, чтобы изобразить крамольную с точки зрения марксизма мысль, не вызывая в то же время протестов у бдительных охранителей. Иностранная философская, социологическая и религиозная литература, которая аннотировалась в текущих библиографических указателях Отдела философии, была преимущественно крамольной. То же касалось и ретроспективных историко-философских библиографий. Формулировки и дефиниции в аннотациях часто вызвали горячие споры внутри отдела, и в результате росло мастерство нарратива, которым вообще прославилась советская философия той поры. Общим памятником этому искусству, пожалуй, можно считать голубую 5-томную «Философскую энциклопедию» (издательство «Советская энциклопедия»). Некоторые из ее создателей впоследствии были радушно приняты под кров Фундаменталки как свои.

Я.С. достиг виртуозности в аннотировании – он вообще был скорее человеком письма, чем речи, но все же афористический жанр аннотаций был ему тесен. Его сильному и пытливному уму одних только диалектических экзерсисов и беззаботного плавания в океане информации было мало. Его любознательность искала чего-то большего. Мысль, следуя своим законам, приходила к извечной проблеме бытия, его начала и конца, то бишь к метафизике, и требовала своего разрешения. Да и в умственной атмосфере тогдашнего времени явно чувствовалось «метафизическое беспокойство». «Дух науки» был чреват информатикой, и еще до возникновения

Института научной информации в недрах библиотеки Я.С. вынашивал свою философию панинформизма.

«Духом науки» мы здесь называем ту совокупность интеллектуальных и культурных энергий, из которых складываются человеческие институты и содержание наших библиотек. Смысловые структуры этого духа тогда развивались от «лирики к физике» и далее к информатике. Из этого возникло то, что назвали Информационной Базой Данных. Образование ИНИОНа было своеобразной инсталляцией этого «духа науки», библиографы из вольных странников ноосферы превратились в данников Информационной Базы. ИНИОН обретал многозначность символа, внедряясь в различные пласты информационной деятельности: от популяризации немарксистской гуманитарной мысли (спецхран) до освоения метафизических глубин человеческого знания (теория информации). Умственно активные данники Информационной Базы строили проекты, преобразуя автохтонные мифы в сциентистские утопии.

Вспоминается характерный, но безвестный пример частного проявления «метафизического беспокойства». Это романтическая реставрация идей Раймунда Луллия. «Озаренный доктор» («*doctor illuminatissimus*») в свое время предлагал рассматривать сотворенный мир как систему, организованную по законам постепенного нисхождения и переплетения в различных комбинациях общих понятий (универсалий). Мир являлся полем манифестации божества, отражающегося в каждой вещи. Человеческий разум, следуя за логическим порядком понятий, открывает действительную связь вещей, постигает изначальный божественный план творения, и даже саму божественную природу. Истины веры при таком взгляде приходили в согласие с истинами разума.

Логика разрабатывала комбинаторное искусство, и Раймундом Луллием была изобретена механическая логическая машина, с помощью которой любой человек без предварительной подготовки бог бы открывать неизвестные ему прежде истины.

Очень актуальная инициатива и в наше время. Ведь электронно-вычислительная техника XX в. усовершенствовала логическую машину средневекового схоласта и обещала идеального робота.

Я.С. также преклонялся перед роботом. Он полагал, что только добровольное подчинение роботу может спасти человека от самого себя. Робот, в отличие от человека, абсолютно надежен. В каждом из нас сидит подпольный человек Достоевского. Робот усмирит наше дикарство. С помощью робота человек приручит

себя и научиться правильно думать. Даже юстиция, по соображениям Я.С., выросшего на правовом поле классового правосудия, должна была непременно перейти в руки робота. Нельзя человеку доверять суд и наказание другого человека, судить и карать человека должен робот. Доверие к мудрости электронно-вычислительных машин Я.С. простирает не только в сферу юстиции, но и на все науки в целом.

И он был не одинок в своих чаяниях. Его коллегам также казалось, что науки, порождение человеческого разума, рисуют лишь фрагментарную картину мира. Они намеревались с помощью роботов объединить фрагменты и создать как бы голографическую (объемную) информационную картину мира. Работа института в утопических мечтах обрела имя – «Интегральная Автоматизированная Информационная Система по Общественным Наукам». Многим она представлялась тогда как сотворение «Универсального тезауруса», который своим электронным интеллектом терминологически охватывал бы школы и направления, предметы и методы исследований, теории и их специфику, а главное, связал бы все это в стройную иерархическую систему связей (логических, ассоциативных и проч.). Чаемый в будущем как результат деятельности ИНИОНа Универсальный тезаурус был бы средоточием информации и наглядной (осязаемой) моделью идеального (человеческого) знания, «знания мудреца». Благодаря стройной иерархической систематизации, такой тезаурус все расставил бы по своим местам и мог бы продемонстрировать даже немудрым и невежественным состояние человеческого гнозиса и реальное (сущностное, онтологическое) значение проблем, циркулирующих в пределах не только научного, но и обыденного сознания. Словом, средневековый луллизм преобразовался в «панинформизм».

Я.С. без тени иронии утверждал: «Я – панинформист!», ибо в размышлениях своих пришел к тому, что все есть информация, и нет ничего кроме информации. Если вещество есть концентрированная энергия, то энергия есть концентрированная информация, а, следовательно, вещество есть сверхконцентрированная информация. Информация есть интеграл всех различий, всех нетождеств, она основа будущей философии.

Современной философией Я.С. был удручен. Нынешние мыслители уходят от великих проблем под разными предложениями типа «прежде чем»: прежде чем решать проблему бытия нужно решить проблему познания, но прежде нужно решить проблему

языка; и тут возникает проблема знака и его значения и т.д. Всё это делается ради превращения философии в строгую науку. Философия становится все более скрупулезной, дотошной, педантичной и постепенно теряет свое величие. На удивление коллегам Я.С. сохранял мироощущение докартезианского натурфилософа, у которого мыслящее, мыслимое и слово, выражающее этот акт, находятся в нераздельном единстве. Он полагал, что философия должна бросить возню с психологией, лингвистикой и гносеологией; отбросить старые метафизические и онтологические категории типа материи и формы, бытия и ничто, потенции и акта. Достаточно будет положить в основу философии новые понятия «системы», «структуры», «информации», чтобы решить две великие проблемы: проблемы первоначала и проблемы конца, т.е. смерти.

Предметом философии панинформизма в версии Я.С. как раз и были эти две великие проблемы. Учение о Первоначале он назвал «архософия», учение о конце, смерти и воскресении – «ресуррексология». Оба учения были подробно разработаны и описаны, т.е. создан текст. Следует заметить, что текст для философа, как золото для алхимика, есть побочный продукт, эпифеномен Великого Делания, главная цель которого преобразование самого адепта – изменение его сознания, а значит, и модуса его бытия. Философский текст также производит в некотором смысле трансмутацию своего субъекта и переводит его в другой план бытия. Создание философского текста – судьба, приключение, в нем порой заключен смысл жизненного призвания философа. Вся драма его жизни разыгрывается в его рукописях. В ту пору вряд ли кто-нибудь решился их опубликовать, ибо публикации такого рода не соответствовали умственному режиму развитого социализма. В память о Я.С. попробуем воскресить их содержание.

В своей философии он, конечно, рассматривал варианты решения проблемы Первоначала, испробованные до него.

Религиозно-спиритуалистические теории настаивали на духовной природе Первоначала, на «Всемогущем и Всеблагом Боге», но существование зла в мире не позволяло Я.С. с ними согласиться. Вообще идея теодицеи была чужда Я.С. Рациональное оправдание благости и разумности Господа вряд ли когда-нибудь приходило ему в голову. Война, на которую он попал 18-летним юношей, не давала поводов для веры в милосердие Божие, судьба ближайших родственников была плохим доказательством Его справедливости. Мать Я.С., техник-интендант санитарного поезда,

погибла во время бомбовой атаки в 1943 г., ее сестра – во время артиллерийского налета в 1942 г.

Материалистические и атеистические учения, предполагавшие, что сложность и гармония мира могут быть результатом чисто стихийного, бессознательного развития, казались Я.С. убедительней, но вызывали сомнения, ибо достижения науки слишком ограничены, чтобы делать окончательный вывод о природе Первоначала.

Рационалистический агностицизм всего лишь обосновывал ограниченность человеческого разума и бессильно останавливался перед тайной.

Свою архософию Я.С. основывал на четкой пропозиции: Первоначало теоретически должно существовать; оно должно быть достаточным основанием (генетическим и логическим) всего ряда форм феноменального мира, и оно должно быть достаточным основанием Самому Себе.

Концепция Первоначала у Я.С. не такова, чтобы Его можно было назвать Богом, хотя понятие «Бог» и предполагает смысл «Первоначала». Понятие «Бог» казалось ему слишком антропоморфичным, эмоциональным и порождало целую систему ассоциаций, конкретизируя нечто духовное, личностное, человекоподобное, «слишком человеческое». Но главная претензия к этому понятию была в том, что оно религиозно.

Я.С. в ту пору еще не был заражен традиционализмом и его лексикой. Но смысл его неприятия религии именно традиционалистский. Религия – экзотерична и обращена к страждущей массе. Поиск знания, первоначал эзотеричен – это удел немногих.

Основную ценность религии он видел в признании Бога тайной. Но даже религиозно-спиритуалистические учения, говорящие о непостижимой тайне Бога и неисповедимости его путей, отказывающиеся от всяких положительных предикатов в его описании, и тем более от антропоморфизмов, сознательно или бессознательно, прямо или скрыто объявляют Первоначало духовной субстанцией, а этого архософия Я.С. не допускает. Духовное в его представлении – антропоморфизм, катафатический термин (положительный предикат), который не вмещает запредельный смысл того, что вкладывают в понятие Бога.

Духовное в понимании Я.С. – это некая конкретная вещная сущность (субстанция), обладающая основными атрибутами, аналогичными описанию человеческой психики (сознание, самосознание, знание, понимание, воля, эмоции, желания и т.п.).

Термин «Первоначало» кажется ему строже, определеннее, рациональнее и выше понятия духовного. «Первоначало» в его понимании – глубочайшая мистерия (Тайна). Поиск истины должен держаться подалеже от эмоций.

Конечно, Я.С. не настаивает на абсолютной правоте своего умозрения, во всех его рассуждениях более вероятное противопоставляется менее вероятному. Гипотеза о духовности Первоначала представляется ему наименее вероятной из всех возможных.

Природа Первоначала должна объяснять его необходимость, самообоснованность, самодостаточность. В природе духовности Я.С. не усматривает самообоснованности ее существования. О существовании Первоначала и Его Тайны мы знаем, и точность этого знания не уступает точности научного, логико-математического знания. О духовной природе Первоначала твердого знания нет, и мы в это должны только верить.

Тем не менее духовность не противоречит миру и существование всех духовных и недуховных форм может быть в принципе выведено из духовности. Первоначало – духовность одна из многочисленных акциденций Первоначала, но это не его самодостаточная субстанция. Самодостаточностью во всем нашем интеллектуальном опыте обладают только логико-математические абстракции. Равенство суммы углов треугольника двум прямым в евклидовой геометрии необходимо существует и не может не существовать, равно как и другие бесчисленные установленные логикой и математикой соотношения. (Я.С. подобно Бэю считал, что никому не постичь божественной науки, теологической метафизики, если он лишен навыков в математике). Но Первоначало, которое, по-видимому, включает в себя некую систему логико-математических соотношений, к этой системе сведено быть не может, ибо любая такая система может породить только другую абстрактно-логическую систему, но не конкретный мир.

Тайное тайных Первоначала составляет не его логико-математический «каркас», а та конкретная реальность, «каркасом» которой является некая первичная логико-математическая система. Эта конкретная реальность является поистине Чудом. Ибо она непостижимым (пока) для нашего ума образом совмещает самообоснованность абстрактного и способность абстрактного породить конкретное.

Суть Первоначала не в том, что это дух или материя или нечто иное, не в том, что это Абсолют, Бесконечное, Благое и т.п., а в том, что ЭТО – ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ. И из этой первоначальности

как раз и вытекает, что она не дух и не материя, не бесконечное и не благое. Первоначало – Сверхсистема, Сверхорганизм, столь совершенный, что Он не может не быть. В Нем нет того, чего бы Ему недоставало, и нет ничего лишнего. Это – максимум и минимум. Следовательно, раз есть мир, он вытекает из Первоначала по необходимости. Как нет мира без Первоначала, так нет Первоначала без мира. Мир не творение из ничего, мир – творение из всего. Мир – часть целого (Первоначала).

Технология миротворения в теории Я.С. такова: вначале Первоначало упрощается до физического, затем усложняется до психического. Это предполагает существование иерархии сфер бытия: низшая (наиболее простая) сфера включена в более высокую (более сложную) как ее фундамент (основание), а более высокая сфера, вырастая из более низкой, представляет собой ее дальнейшую структуризацию, дифференциацию, усложнение.

Отношение между каждой высшей и каждой низшей сферой есть отношение между формой и материей, целым и частью, системой и элементом. Всякая низшая сфера есть материя для высшей как формы, целостности, системы. Никакая высшая сфера не существует без низшей, без своей материи, формой (структурой), которой она является. Каждая высшая сфера материальна, т.е. предполагает материю низшей сферы. Высшее развивается из низшего, являясь его формой (структурой).

В конечном счете первоматерией всех сфер, материей материй, является физическое. Но это не означает, что материя изначальна. В основе физического может и должно оказаться нечто принципиально не-физическое, трансфизическое. Я.С. исповедует особого рода материализм, который он называет «редуктивным». В его представлении Первоначало не может принципиально не отличаться не только от духовной сферы (как было указано раньше), но и от физической. Как и в случае с духовной сферой, в трансфизическом Первоначала может обнаруживаться известное сходство с физическим, но как целостные системы физическое и трансфизическое – это разные миры. Увы, термин «материя» так же непригоден для обозначения Первоначала, как термин «Бог».

Я.С. никогда не отрекался от материалистического происхождения своих теорий и считал весьма продуктивным диалектическое учение о качественной неповторимости каждого звена в цепи развития. Именно это позволило ему предположить, что качественная неповторимость (как следствие структурной неповторимости) присуща

каждой из основных сфер бытия, т.е. специфических атрибутов одной сферы не может быть в другой: специфических атрибутов биологического – в физическом, химического – в психическом, психического – в биологическом и т.д. Поэтому и психического (духовного, антропоморфного, человеческого) не может быть как в известных нам сферах бытия, так и в неизвестных, т.е. в Трансфизическом Первоначале. Оно должно обладать не духовностью, а своей, особой, только ей присущей качественной неповторимостью.

В общем, архософия (концепция Первоначала) у Я.С. выглядит как своеобразная версия онтологического аргумента (доказательство бытия Божия).

1. Мир имеет Первоначало, Первооснование, Первосущность. Число звеньев цепи, связывающей человека и Первоначало, не может быть бесконечным.

2. Природа Первоначала нам неизвестна: Оно существует и не может не существовать, содержит основание своего существования в Самом Себе; Оно порождает весь мир, как известный нам, так пока и неизвестный; Природа Его должна принципиально отличаться от всего нам известного.

3. Первоначало не дух (Бог) и не материя (физическое). Природа его должна быть неизбежно иной, некой «третьей».

4. Неизвестно, познаваемо ли Первоначало или непознаваемо. Я.С. предпочитает верить в Его познаваемость и следовать трудному пути познания, не смущаясь неудачами.

5. Обнаруженная Я.С. не-духовность Первоначала не исключает возможности иной формы духовности (нечеловеческой формы).

6. Поскольку ни одна из известных нам сфер бытия (психическое, биологическое, химическое, физическое) не может объять Первоначала, неизбежен вывод о существовании сферы трансфизического.

7. Основной путь движения к Первоначалу – путь науки, естествознания, объединенных усилий математики и естественно-научного эксперимента. Роль религии и философии к познанию Первоначала пропедевтически-пролегоменная, т.е. подготовительная.

8. Первоначало есть Тайна и Чудо. Чудо этой Тайны в том, что Первоначало необходимо существует и необходимо не существует, содержит основание своего существования в Самом Себе. Оно напоминает логико-математические сущности, но в отличие от их абстрактного модуса пребывания, имеет способность порождать конкретно-реальные сущности. Это непостижимое соедине-

ние в Первоначале абстрактноподобного и конкретноподобного и есть Его главная Тайна и Его главное Чудо.

Как видим, Я.С. не принимал радикально-материалистического учения о Первоначале, он обнаружил бездонную глубину и чудо Первоначала и изумился этому.

Это изумление некоторым образом подготовило его сознание к спонтанному прозрению. Он сам признавался, что неожиданно для себя пришел к идее о возможности воскрешения мертвых средствами науки будущего. Подобно тому, как неожиданный удар палки учителя приводит сознание дзен-буддийского монаха к озарению, Я.С. озарило сообщение одного радиофизика, прочитанное в газете. Тот, что-то рассказывая о чувствительности современных приборов, улавливающих информацию из космоса, сравнил их с гипотетическим прибором, который способен обнаружить увеличение температуры в Тихом океане после того, как в него вольют стакан кипятка. Это сравнение потрясло Я.С. и одарило гипотезой: наука (пусть не сегодня, а в далеком будущем) сможет извлечь необходимую информацию о давно умерших, с тем чтобы воскресить их.

Умозрительный опыт Н.Ф. Фёдорова с его «Философией общего дела» укрепил веру в необходимость воскрешения мертвых и вдохновил на создание собственной версии философской ресуррексологии. Это вторая часть философии паниформизма Я.С., разрешающая вторую великую проблему, проблему смерти.

Ресуррексология Фёдорова была вдохновлена православной верой и ее догматами. Ресуррексология Я.С. – почти религиозной любовью к погибшей матери и недогматическим материализмом, который внушал ему веру в то, что человек может победить смерть путем воскрешения мертвых; что воскрешение мертвых возможно на основе научного познания мира; что мир и его Первоначало содержит в себе основания для воскрешения мертвых людьми живыми; что если воскрешение мертвых возможно, то оно необходимо.

Философская ресуррексология в представлениях Я.С. была промежуточной фазой в Великом Делании воскрешения. Она пришла на смену религиозной ресуррексологии, опиравшейся на веру и авторитет Откровения, и готовила научную ресуррексологию, которой в отдаленном будущем предстояло практическое осуществление воскрешения. Хотя философская ресуррексология по версии Я.С. не отрицает воскрешения мертвых силами божест-

венного вмешательства, он стремится доказать, что человек может сделать это сам.

Чаемое философской ресуррексологией воскрешение должно восстановить абсолютно полное психофизиологическое тождество воскресшего умершему, подобное воскресению, которое обещает христианская религия.

Доказывая возможность воскрешения, Я.С. исходит из идеи генетической редукции психического к биологическому, и далее – к физическому. Однако несмотря ни на какую редукцию, превосходство духовного над физическим он не отрицал. Духовное остается системой высшего порядка, но не мыслится как независимое от всего низшего, вплоть до физического, а рассматривается как высшая ступень структуризации этого низшего. Воскрешение предполагает восстановление всей системы структур человеческого бытия.

Трудности для философской ресуррексологии представляет решение проблемы обретения информации, необходимой для воскрешения мертвых.

Идею души как некой неразрушимой субстанции, которая и является залогом бессмертия, философская ресуррексология Я.С. не приемлет. Системно информационный метод, который он исповедует, вместо души как вешной целостности определяет душу как некую сложную структуру, простирающую свою иерархическую конструкцию от физического (и даже трансфизического) основания в психические сферы. Душа – структура структур тела (физических, химических, биологических и психических). Она – закон тела, его алгоритм.

Смерть, в представлении Я.С. есть прежде всего смерть души, прекращение алгоритма. Сначала умирает душа, а потом тело. Она начинается с распада высшей структуры, а затем постепенно охватывает все низшие ступени иерархии.

Быть человеком – это значит представлять собою иерархическое единство шести структур (секстет): психической, биологической, химической, физической, трансфизической и «первоначальной». «Элементарному» в высшей структуре соответствует сложное в низшей, но любая низшая структура в этой иерархии содержит информацию о следующей высшей. Если, к примеру, нам известно информативное содержание физического уровня человека, то нам доступна в принципе информация о его химической, биологической и психической структуре. Полная информация о предыдущей структуре является полной и даже избыточной для последующей, более высокой.

Для наглядности Я.С. делил секстет человеческой структуры на две группы: первая – условно психический человек, биологический человек, химический человек; вторая – физический, трансфизический и «первоначальный». Первым гибнет психический человек, умирают психические структуры. Смерть последовательно переходит от высших структур к низшим. Но это не значит, что от погибших структур не остается никакого следа. В системно-структурном образовании малейшее изменение в любом элементе одного уровня приводит к изменениям системы на другом. Поэтому если данная система распалась, она может быть в принципе реконструирована на основе той информации о ней, которая содержится в системах на другом уровне сохранившейся структуры. Психический человек умер, оставшись в биологическом. Этот тоже не долговечен и, распадаясь, переходит в химический модус бытия. Химический модус полностью сохраняет информационный образ индивида как предмета воскресения, но его феноменальный облик распадается.

Первое трио секстета (химический, биологический и психический человек) является последовательными ступенями структуризации физического, т.е. химическое есть физическое второй степени, биологическое – физическое третьей степени, психическое – физическое четвертой степени. По соображениям Я.С., нет такого химического, биологического или психического образования, которое не было бы в то же время определенным физическим образованием.

Каждая элементарная мысль, чувство, волевое усилие и складывающаяся из них система психической жизни, образующая психического человека, есть в то же время определенная физическая система.

Физическое в принципе объективно содержит всю информацию о соответствующем ему в данном объекте (человеке) химическом, биологическом и психологическом, оно информационно избыточно (потенциально содержит больше актуализированного) в отношении их. Поэтому знание определенного минимума физического достаточно для полного знания соответствующего ему химического, биологического и психического. Это, так сказать, дискретная характеристика физического человека. Но у физического человека есть и константа. Физический человек как целое есть структурное образование внутри физических полей (электромагнитного, гравитационного и т.п.). Он есть часть этих структур и

элемент Вселенной. Погибнуть совсем, не оставив следа, человек не может и живет «вечно», как сигнал, посланный в космическую бездну. Судьба информации этого сигнала уже не зависит от судьбы источника, он ведет самостоятельную жизнь. Когда человек умирает, волны колебаний физических полей уносят в бесконечность его последний информационный образ, который неопределенно долго будет совершать свой путь в Космосе. Именно этот образ и может послужить основанием для воскресения мертвых. Итак, душа как форма тела, как ее алгоритм действительно отделима от тела и бессмертна, но только не как особая субстанция, а как информационный образ тела.

Этот информационный образ – основа воскрешения. Важно убедиться в разумности и достоверности гипотезы о сохранении информационного образа в бездонной сокровищнице Космоса, и тогда извлечение его и материализация станут делом времени. Рано или поздно, не через 1000, так через 100 000 лет наука сумеет решить эту задачу. Я.С. неколебимо верил в разумное всемогущество науки.

Но вернемся к нашему секстету. Физическое – это последнее, с чем мы имеем дело в чувственном опыте. Остается трансфизическое и первоначальное.

Переход к трансфизическому, переход в запытный мир – это переход, который мы должны совершить в силу логической необходимости. Ибо ФИЗИЧЕСКОЕ, ЯВЛЯЯСЬ ОСНОВАНИЕМ ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО, не обладает самообоснованностью. Основанием физического, следовательно, является нечто иное, нефизическое, по определению Я.С., – трансфизическое. Что это такое? Если физическое мы можем определить как некую относительно первичную энергию, распределенную в пространстве, структурирующую пространство, то трансфизическое можно определить как еще более первичную апространственную энергию, способную порождать физическую энергию. А пространственность – важное условие более глубокого единства трансфизического по сравнению с миром физическим. В силу пространственности физический мир раздроблен на бесконечное множество отдельных частей, связь между которыми все более ослабевает с увеличением расстояния между ними. В силу пространственности рассеивается и информация. Однако то, что разделено в пространстве физического мира, едино в апространственном трансфизическом мире, едино энергетически и информационно. Трансфизический человек живет иной жизнью и умирает иной смертью, чем физический человек. Вероятность сохранения

информации для воскрешения человека здесь несравнимо больше. Она ведь вся «тут» в едином информационном клубке трансфизического. Ее нужно «просто» вычленилть из общей массы трансфизической информации. Напомним, что в теории Я.С. трансфизическое многослойно и ему предшествует Первоначало, которое является исходным слоем бытия. Первоначало обладает наибольшей «ресуррексабельностью» в этой иерархической онтологии. Первоначало есть основание не только мира Вселенной как целого, но и каждой «отдельной» вещи этого мира. Первоначало есть «центр», куда сходятся все «нити-корни» всех вещей, в том числе каждого человека. В Первоначале все едино и все едины. Порождая мир, Первоначало не отделяет его от себя, а вечно остается его основанием, неотделимым от него. Первоначало – первый, исходный слой всякого бытия – атома и звезды, цветка и человека.

Здесь спекулятивный ум Я.С. неосознанно следует путем предков и проникается архетипическими интуициями. В его понятиях «Первоначало», «трансфизическое», «апространственность» проявляются смыслы, содержащиеся в вербальных символах каббалы. Первоначало – Неведомый Бог, сокровеннейшая и тайная сущность Божества, не обладающая ни качествами, ни атрибутами. Ее каббалисты обозначали как *Эйн соф*, т.е. Бесконечность. Но поскольку эта скрытая сущность действует во всей Вселенной, она тоже имеет определенные атрибуты, представляющие, в свою очередь, определенные аспекты Божественной природы. Они составляют стадии Божественной сущности и Божественного проявления Его сокрытой жизни. Каббалисты проводили различие между двумя мирами, один из которых первичный, сокровенный, остающийся недоступным для чувственного или умственного восприятия, мир *Эйн соф*; и второй, примыкающий к первому, дающий возможность познать Бога, через Его атрибуты. Смысл, который Я.С. вкладывал в метафоры «Клубок трансфизического», «центр Первоначала», напоминает учение о цимцуме. Это пункт предвечного пространства, откуда Бог каббалистов начал акт творения и откровения, погружаясь в глубины Своего собственного Бытия, сосредотачивался в Самое Себя.

В ресуррексологии Я.С. символические образы древней мудрости преобразуются, являясь нам в новых символах современных научных теорий. Итак, в его Первоначале единство всего со всем максимально, и эта максимальная интеграция обеспечивает абсолютное сохранение информации о каждом моменте жизни любой

сущности, в том числе человека. Смерть человека – психического, биологического, химического, физического (вспомним о секстете) – это лишь переход «первоначальной» информации из одной формы в другую. Первоначало по своей природе вечно. Его вечность – основа вечности первоматерии всех вещей. Первоматерия мира не субстанция, а информационная система. И в сфере Первоначала действует закон абсолютного сохранения информации.

Первоначало – абсолютная память, которая не забывает ничего. В этой памяти навечно запечатлена жизнь каждого человека. Так ресуррексология Я.С. завершает его философию Панинформизма аргументом доказательства бытия того, что является Абсолютной Информацией – Первоначало есть последний и абсолютный залог сохранения знания и абсолютного воскресения.

Однако субъектом (т.е. исполнителем) воскресительной деятельности будет человек, пусть очень далекого будущего. Встреча человека с Первоначалом и познание Его произойдет на пути философской и научной ресуррексологии. Я.С. верил в неизбежность этой встречи. Его вера предполагала, что когда-нибудь Homo sapiens окажется способным вызвать к существованию из недр трансфизического некий особый вид сверхчеловека.

Аналогов этому сверхчеловеку нет в монотеистическом иудеохристианско-исламском мифе. Свою главную надежду на преобразование и воскресение Я.С. связывал не с чудом, а с многовековым и многотрудным напряжением собственно человеческих сил, воли и интеллекта.

Но зачем воскрешать мертвых, даже если это станет возможным? В этике Я.С. воскресение – категорический императив, он пытался доказать, что это необходимо и является священным долгом грядущих поколений. Ход мысли его таков. Человек в деле воскресения заменит Бога (на каких-то поворотах мысли Я.С. все-таки употребляет это наименование, имея в виду то ли модус, то ли ипостась Первоначала). Рано или поздно встреча человека с Богом должна произойти. От этой встречи зависит глобальная судьба человечества. Не будучи уверены в существовании Бога и не зная Его природы, мы не можем испытывать к нему ничего кроме жгучего любопытства. Ни страха, ни почтения, ни благоговения, ни покорности, ни уважения, ни любви. Бог еще должен заслужить это. Время слепых чувств прошло. Человеку нужно знать, за что он любит и ненавидит. Не зная божественных целей, человечество может надеяться только на себя. И людская самодетельность, направленная на благо, не будет кошунственна и оскор-

бительна для Бога, который по определению есть средоточие добра, истины и красоты. Такой Бог будет только приветствовать воскресительную самодеятельность человечества.

Вопрос в том, кого воскрешать? Ответ на этот вопрос, к большому сожалению Я.С., был неизбежно обусловлен пока еще очень низким уровнем человеческого разума. Было ясно лишь то, что бессмысленным принципиально не могло быть ничье рождение. Поэтому Я.С. решает проблему в демократическом духе последних и самых передовых достижений социальной мысли (включая теорию коммунистической этики) и создает своеобразную Конституцию Воскресения, где право на воскресение имеют все мертвые всех времен и народов. Воскресение должно быть всеобщим, ибо это вытекает из принципа равенства всех людей. Всеобщее воскресение – высший этап тысячелетних битв за равенство прав всех людей. Это вытекает из постулата бесконечной ценности каждой человеческой личности.

Без этого постулата невозможно ни осчастливить жизнь, ни победить смерть, ни воскреснуть. Быть может, когда-нибудь, через сотни или тысячи лет наступит другая эпоха – эпоха осчастливленной жизни и уничтоженной смерти, эпоха всеобщего воскресения. И тогда, на каком-то этапе своего движения к Первоначалу или после встречи с Ним миллиарды далеких потомков вместе с миллиардами воскрешенных, придут к выводу (Истине), что их дискретное, раздробленное на отдельные личности существование стало бессмысленным, что для встречи с Первоначалом необходимо слияние миллиардов личностей в Единую Сверхличность божественного ранга.

Но пока до этого открытия далеко, Я.С. принял бесконечную ценность и вечное существование бесчисленных когда-либо рожденных личностей как неоспоримый постулат. Отсюда – воскрешение должно быть всеобщим, независимо от видимой ограниченности, ущербности, посредственности, ничтожности большинства воскрешаемых.

Я.С. верил, что воскрешение лишь в первый свой миг будет воспроизведением старого скучного бытия, но этот первый миг будет началом новой, бесконечно более высокой формы существования и только в качестве таковой оно имеет смысл. Независимо от того, какими они были до воскрешения, все в одинаковой мере будут наслаждаться красотой жизни, достигнут физического и психического совершенства, станут участниками общечелове-

ского творчества и в едином порыве достигнут Апофеоза – встречи с Первоначалом.

Воистину воскрешение призвано восстановить высший смысл человеческого существования. Но прежде чем воскрешать, надо перестать убивать; надо перестать болеть; надо устранить все уродства жизни, социальные и биологические; надо перестать умирать. Только счастливые и бессмертные имеют право стать воскресителями.

«Воскреси!» – должно стать такой же заповедью, как «не убий».

Очевидно, что наши потомки получают нравственное право на воскрешение каждой личности лишь тогда, когда они смогут обеспечить ей условия для жизни счастливой и бессмертной. И только тогда произойдет великий синтез неба и земли, религии и науки; и только тогда религия станет научной, а наука религиозной.

Итак, единственный путь превращения религиозной мечты в действительность – это путь научного знания и научного управления миром. Человек обретет бессмертие не в силу божественной заботы о нем, а благодаря своей самодеятельности. Будущие поколения человечества добудут бессмертие для себя, а затем с помощью воскрешения и для всех живших ранее; человек будет воскрешен не богом, а Человеком.

Философская ресуррексология Я.С., как видим, зиждется на энтузиазме любви и вере в человека, который в его представлении являет собой неиссякаемый источник благих намерений и способен разумно управлять миром. Я.С. был искренне убежден в необходимости сделать наш мир царством Истины, Добра и Красоты, царством Вечной Жизни. Чтобы принять его ресуррексологию, также нужна вера, более того – подвиг веры, ибо приходится уповать на невероятное. Сам Я.С. исповедовал кредо Тертуллиана: «Верую потому, что абсурдно».

Конечно же не с такой преамбулой он писал в журнал «Вопросы философии» статью «Научно-техническая утопия в России XIX века (Н.Ф. Фёдоров)». Тот, как мы видели, подал Я.С. идею самодеятельного, без участия Бога, воскрешения мертвых и пробудил в нем творческий инстинкт. Поскольку эта идея облагораживала смысл человеческой деятельности и бытия, Я.С. решил попробовать предать ее огласке. Но помня о жестких правилах главного идеологического журнала, репрезентовал Фёдорова как мирного пропагандиста союза науки и религии. Опасения Румянцева в том, что религия бессильна воплотить в жизнь провозглашаемые ею цели (воскресения в частности), как

мы видели, разделял и библиограф Фундаментальной библиотеки. Он рассчитывал, что скептическое отношение к религии и автора, и героя историко-философского этюда вызовет благосклонность редакционной коллегии атеистического журнала, в которую входили тогдашние корифеи советской философии.

Увы, надежды на такие пробивные тезы, как «наука и труд вместо поста и молитвы», «только в естествознании сила человечества», «практика единственный критерий истины» – не оправдались. Призыва к великому деланию воскрешения ни В.Ж. Келле, ни Т.М. Ойзерман не услышали. Л.Н. Митрохин, который рецензировал статью на редколлегии, естественно, возмущился: «Есть определенная техника анализа различных социальных утопий, которой мы придерживаемся. Наука не может быть источником создания социальных утопий. Достижения науки отражают социальные движения, определенный тип социальной мифологии, тема воскрешения в статье непомерно растянута». И.Т. Фролов (главный редактор) решил отклонить статью.

Чтобы обрести единомышленников и привить вкус к идее воскрешения у читающей публики, Я.С. находил случай (публичные дискуссии, хоть краем касающиеся его архософии и ресуррексологии) и посылал свои прожекты в газеты и научно-популярные журналы. Но получал ответы подобные тому, что ему прислали из «Недели», воскресного приложения газеты «Известия Совета депутатов трудящихся СССР»: «Уважаемый тов. Иориш! Благодарим за отклик. Но давайте все же, обсудим вашу гипотезу несколько позже. До встречи в XXX веке!»

Писатели-фантасты отнеслись к его идеям более доброжелательно. Насколько нам известно, он написал письма А. Кларку (американский фантаст) и И.А. Ефремову. Первый из них был обрадован появлению своей книги «Черты будущего» в СССР, но из-за незнания русского языка не мог понять, что думает о будущем его далекий читатель. Автор «Туманности Андромеды» получил от Я.С. 30-страничный реферат с изложением мыслей о проблемах научно-фантастической литературы. Ефремов нашел его интересным, но слишком смелым в части ожидания скорой биологической революции и позитивных надежд на ее результаты. Заметим, что биологическая революция – это тоже предмет размышлений Я.С., так сказать, идеологический эпифеномен его философской ресуррексологии. Он трактовал ее как коренное преобразование физической и психической природы человека и энергично настаивал на искусном и искусствен-

ном преобразении homo sapiens с помощью науки и техники. Писатель-фантаст идею искусственного осуществления биологического равенства счел вообще несбыточной, зато его восхитила «фантастическая истовость» доказательств.

К парадоксальным результатам привела переписка с университетом в Монпелье (факультет биохимии). Профессор Эрнест Каане (E. Kahane), к тому же генеральный секретарь Союза рационалистов Франции, чутко уловил тональность философских спекуляций Я.С. и остроумно определил его место в симфонии современного умозрения. Он отнес философскую ресурреккологию к течению «фантастического реализма», которое впервые номинировало себя в 1959 г. в книге Л. Повеля и Ж. Бержье «Утро магов. Посвящение в фантастический реализм». Для предводителя рационалистов идеи фантастических реалистов были неприемлемы, ибо верифицировались хоть и вблизи, но все же вне круга реальности, в то время как верификация его собственных идей располагалась внутри этого круга, удовлетворяясь пределами допустимого.

Я.С. конечно же почитал строгие правила рационалистов, но не мог и отказаться от свободы фантазии, которая расширяла границы реальности. Он, как и Повель «со товарищи», зная, что фантастическое обыкновенно определяют как нарушение естественных законов и проявление невозможного, стремился доказать, что это не так, что фантастическое – это лишь наглядная демонстрация естественных законов, непосредственный контакт с действительностью, не искаженной интеллектуальным оцепенением и не стерилизованной привычками, предрассудками, конформизмом.

Я.С. пытался преодолеть мнимое противоречие между материализмом и спиритуализмом. Для него всякое представление о судьбе разума, о смысле человеческого бытия могло иметь ценность только в той мере, в какой оно не противоречило движению современного знания.

Как и Повелю, ему важно было понять, как Предание (интеллектуальный опыт древности) связано с движением современной мысли. Физика, биология, математика в их крайней точке смыкаются с некоторыми данными эзотеризма, приближаются к гностическому видению Космоса и отношений энергии и материи. На уровне сверхчувственных медитаций он знал, что современные науки ведут диалог с древними магами, алхимиками, чудотворцами и видел, что на наших глазах происходит революционный синтез высших достижений разума с духовной интуицией.

Книгу Повеля и Бержье Я.С. не прочитал, и посвящения в фантастический реализм так и не получил, и только размышления о Первоначале приводили его сознание в состояние безмолвного удивления и возвышали до того уровня, где живут Идеи и где их можно безо всяких слов воспринять во всей присущей им свежести и силе.

Б.С. Орлов
МИХАИЛ ДИМАНИС: ИСПЫТАНИЕ СУДЬБОЙ¹

Уже не помню когда, кажется, в середине 80-х годов, ко мне подошли из институтской аспирантуры и спросили, не соглашусь ли я быть научным руководителем одного молодого человека. Но есть одна сложность. Он почти не слышит и не может говорить. Зовут его Миша Диманис.

«Но как же мне с ним вступать в контакт, тем более научный?» – спросил я. Оказалось, он считывает по губам человека произносимый им текст, пытается говорить сам по какой-то системе и прибегает к написанию слов на бумаге. Тем не менее в таком состоянии ему удалось окончить Московский университет, хотя с приемом на факультет были большие сложности.

Мы назначили встречу. Передо мной предстал молодой интеллигентный человек в очках, с большими серыми глазами и стеснительной улыбкой. Я предложил Мише в кандидатской диссертации разобраться с отношением германских социал-демократов к институту государства. Он согласился и принялся за работу. Ему пришлось «пропустить через себя» много текстов, в том числе программного характера, разобраться в споре между Марксом и Лассалем. Как известно, Маркс выступал за отмирание государства, Лассаль же полагал, что государство есть одно из достижений человеческой цивилизации, и задача состоит в том, чтобы через политический процесс придать ему характер культурного государства. На государственных позициях стоял и послевоенный лидер германских социал-демократов Курт Шумахер, а позднее и Вилли Брандт, который публично заявил, что социал-демократы рассматривают существующее в

¹ Впервые опубликовано: Орлов Б.С. Михаил Диманис (1955–2002): испытание судьбой // Теория и практика общественно-научной информации / РАН. ИНИОН; Редкол.: Пивоваров Ю, С. (гл. ред.) и др. – М., 2002. – Вып. 18. – С. 223–226.

ФРГ государство как свое, будут защищать его, одновременно стремясь расширять его демократический характер. Но в СДПГ были и левые, стоявшие на промарксистских позициях, одно время они отстаивали идею системы Советов, и в партии шла по всем этим вопросам многолетняя дискуссия. Мише удалось во всем этом разобраться, и он успешно защитил кандидатскую диссертацию в Институте международного рабочего движения.

В ходе разработки этой темы возникла потребность поближе познакомиться с источниками, прежде всего находящимися в фонде социальной демократии им. Фридриха Эберта в Бонне, и встал вопрос – а не послать ли Мишу в ФРГ. Но как он будет проходить через границу и отвечать на вопросы пограничников, как сядет в самолет, как будет осваиваться в самой ФРГ, жить в общежитии, общаться с другими студентами? Вопросов было предостаточно. Нашли такой выход. Сопровождать Мишу в ФРГ согласилась сотрудница нашего отдела, германистка с большим стажем Аделаида Александровна Амплеева. Воздадим должное и Московскому бюро фонда им. Фридриха Эберта, которое согласилось финансировать поездку Миши и Аделаиды Александровны.

После защиты кандидатской диссертации встал вопрос о том, что делать дальше. Я предложил Мише взобраться на горку повыше и заняться сравнительным анализом подходов к проблематике государства всех политических партий ФРГ, представленных в Бундестаге.

Тут надо было изучить много литературы, особенно связанной с позицией партии Зеленых, которые задумались о радикальном пересмотре ныне существующей политической культуры, не очень хорошо представляя, как это можно осуществить практически. Надо отдать должное упорству Миши. Он связался с руководством всех этих партий, вступил в контакт с рядом германских политологов, в том числе с известным политологом Клаусом фон Байме. Более того, ему удалось еще раз – на сей раз одному – съездить в ФРГ, познакомиться с многими учеными, в том числе со старейшей германской социал-демократкой, в свое время Председателем Исторической комиссии СДПГ, Сюзанной Миллер. Сюзанна приняла в судьбе Миши живейшее участие.

Короче говоря, докторская диссертация была готова. Она была защищена на заседании Диссертационного совета Института мировой экономики и международных отношений РАН. Всем присутствующим на защите, включая меня, стало ясно, что в лице

Миши мы обрели серьезного, к тому же молодого, знатока германских проблем в области истории, политологии, идейных течений.

Я предложил Мише написать политический портрет президента ФРГ Йоханнеса Рау. Сложность заключалась в том, что этот яркий человек с общительным характером имел богатую биографию (министр-президент земли Северный Рейн-Вестфалия – самой большой в ФРГ, заместитель председателя СДПГ, кандидат в канцлеры на выборах и вот теперь – президент страны), сочетая при этом в своем мировоззрении социал-демократические позиции с христианскими установками в протестантском толковании. Как все это передать в материале относительно небольшого формата, объяснить читателю, как удастся одному человеку, при этом занимающемуся активной политикой, одновременно быть и социал-демократом, и христианином?

Миша взялся за работу. Первый и второй варианты «портрета» были далеки от желаемого результата. Надо было поработать еще. Миша уже начинал сердиться. Но что делать? С третьего захода – получилось. Директор нашего института Юрий Сергеевич Пивоваров рассказывал, как во время своей встречи с президентом ФРГ Йоханнесом Рау он вручил ему экземпляр этого «портрета». Было приятно узнать об этом.

А потом... Потом Мишу подстерегла неизлечимая болезнь.

Миша долго держался, принимал всякие лекарства, наконец, его уложили в академическую больницу в «Узком». Мы с моим коллегой по отделу Валерием Петровичем Любиным навещали его. Миша встречал нас весь исхудавший, остались одни лишь его огромные серые глаза с пушистыми ресницами. Я сидел и думал, за что человеку выпала такая судьба. Мало того, что он не смог услышать этот мир, познать во всей полноте его радости, а тут еще эта проклятая болезнь.

Вот ведь как получается! Один рождается в богатой семье, другой – в бедной. Один – в благополучной стране, другой – в стране, раздираемой противоречиями. Один – на Крайнем Севере, другой – на жарком Юге. Мой сосед по даче в Абрамцеве, природный деревенский философ, заметил как-то: «Между прочим, человека никто не спрашивает, а хотел ли он вообще родиться». Я подумал, хотел бы Миша родиться, зная, что его поджидает? Трудно отвечать за других.

Но я думаю, что хотел бы. Праздник бытия даже в самых тяжелых формах – это все-таки праздник, хотя и бросающий вызов человеку.

Мише было трудно. В том числе и материально. Я спросил его однажды, был ли он в Кёльнском соборе, когда жил студентом в Бонне. «Нет, – ответил Миша, – дорога в Кёльн на трамвае из Бонна – восемь марок. Дорого!» Вот так.

Мише повезло с мамой. Мы часто разговаривали с Руфиной Михайловной по телефону и, пожалуй, даже подружились заочно.

Миша – ее поздний ребенок от второго брака, и, как я полагаю, она очень страдала от того, что так вышло с его здоровьем. Но, так или иначе, Миша познал тепло материнской любви. Точно так же, как и доброе отношение своего сводного брата – ныне академика Владимира Георгиевича Кадышевского, занимающего важный научный и административный пост директора Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Мы с ним познакомились на поминках Миши, и в нем чувствовалась та интеллектуальная простота, которая свойственна умному человеку.

Я подумал, как назвать эти короткие воспоминания. Миша прошел через все жизненные *испытания судьбой*. Прошел стойко и мужественно. Он останется в нашей памяти Мишей – добрым, деликатным, стеснительным человеком. Но также и Михаилом Давидовичем Диманисом – доктором исторических наук, подававшим большие надежды в отечественной германистике.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИДИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ БОГДАНОВОЙ (В.А. Виноградов, Н.И. Михайлова, Г.М. Васильева, А.И. Слива, Г.Г. Лагунина, Л.К. Исаева¹)

От редколлегии. 13 ноября 2003 г. не стало Лидии Александровны Богдановой – одного из старейших сотрудников Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН.

Лидия Александровна родилась 16 января 1935 г. в Москве, пережила эвакуацию, в 1955 г. поступила в Московский государственный библиотечный институт и в 1960 г. закончила его без отрыва от производства, получив специальность «библиотекарь-библиограф высшей квалификации».

Весь трудовой путь Л.А. Богдановой был связан с Фундаментальной библиотекой по общественным наукам им. В.П. Волгина (ФБОН; после 1969 г. – ИНИОН). В 1955 г. Л.А. Богданова (в девичестве – Орлова) была временно зачислена на должность помощника библиотекаря в отдел спецхранения Фундаментальной библиотеки.

Затем Лидия Александровна была утверждена в должности библиотекаря и прошла весь путь (библиотекарь, старший библиотекарь, старший редактор, главный библиотекарь) до назначения в 1975 г. на должность заведующей Отделом научно-информационного обслуживания ИНИОН АН СССР.

За годы работы в ИНИОН Л.А. Богданова стала высококвалифицированным специалистом и умелым организатором в области библиотечного дела. Под ее руководством в самые короткие сроки был создан новый отдел и организована система библиотеч-

¹ Впервые опубликовано: Воспоминания о Лидии Александровне Богдановой // Теория и практика общественно-научной информации / РАН. ИНИОН. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (гл. ред.) и др. – М., 2004. – Вып. 19. – С. 291–300.

ного обслуживания в Институте, разработан комплекс научно-методических материалов и инструкций.

Л.А. Богданова принимала активное участие в работе международных симпозиумов, научных конференций, выступала с докладами на совещаниях директоров академических библиотек. Она – автор ряда статей по вопросам научно-информационного обеспечения социальных и гуманитарных наук.

Труд Лидии Александровны был отмечен несколькими правительственными наградами: в 1970 г. медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»; в 1985 г. медалью «Ветеран труда»; в 1986 г. медалью «За трудовое отличие»; в 1997 г. медалью «В память 850-летия Москвы»; в 1999 г. медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

В.А. Виноградов **ХОЗЯЙКА ТРЕТЬЕГО ЭТАЖА**

С именем Лидии Александровны Богдановой в Институте связано очень многое. Она была до конца предана библиотечному делу, которому служила почти 50 лет. Специалист высшей квалификации, добрый и внимательный человек, она внесла большой вклад в становление и развитие ИНИОНа. В ее обязанности входила организация работы двух читальных залов и пяти читательских кабинетов, абонементной службы. При ее активном участии в Институте были проведены сотни выставок отечественной литературы и многочисленные целевые выставки зарубежных книг. Их значение было очень велико – они открывали многим читателям целые пласты неизвестной ранее литературы по социально-экономическим и гуманитарным проблемам.

Работа с читателями стала ее стихией. Читатели ее знали и любили, обращались со множеством вопросов и всегда находили отклик, получали совет или помощь.

ФБОН – одна из лучших библиотек в стране, и в этом большая заслуга Лидии Александровны. Ее характерной чертой была высокая ответственность в работе. Делая очень много, вникая во все тонкости библиотечного дела, она действовала быстро, но без суматохи, всегда сохраняла спокойствие. В то же время Лидия Александровна была настойчива в постановке вопросов, касающихся подчиненных ей подразделений, в защите интересов работающих в них сотрудников.

В коллективе Института ее уважали, ценили, считались с ее мнением. Этот авторитет был заслуженным и непоколебимым. В бытность мою директором, ко мне неоднократно обращались руководители Академии, ученые, представители «высоких инстанций» с просьбами найти ту или иную книгу, статью из старой газеты или журнала. Во всех случаях такие поручения Лидия Александровна воспринимала как должное и обычно задавала только один вопрос: «Когда это нужно сделать?»

Перейдя на должность советника Российской академии наук, я получил возможность полностью сосредоточиться на научной работе. Теперь стал обращаться к Лидии Александровне с личными просьбами, и всегда она находила мне нужную книгу или журнал. Особенно такие обращения участились, когда стал работать над «Воспоминаниями». Человеческая память – инструмент великий, но сохранить в ней абсолютно достоверно все события, имена и даты невозможно.

Вышедшую из печати книгу воспоминаний «Мой XX век» я успел подарить Лидии Александровне с дарственной надписью. Без ее помощи ряд страниц в этой книге не был бы написан. Благодарность моя велика. В моей памяти, в памяти всех сотрудников ИНИОН, многих тысяч читателей Лидия Александровна навсегда останется как человек безгранично преданный любимому делу, старавшийся сделать больше и лучше, готовый прийти на помощь без лишних слов. Я ее звал «хозяйкой третьего этажа». Трудно до конца осознать размеры утраты. После ее ухода из жизни третий этаж осиротел. Каждый раз, проходя по этому этажу, я ловлю себя на том, что ищу глазами Лидию Александровну. Такое чувство испытывают многие.

Н.И. Михайлова

13 ноября 2003 г. не стало Лидии Александровны Богдановой.

Лидия Александровна проработала в ИНИОНе (ФБОН) почти полвека. Свой трудовой путь она начинала в Отделе специального хранения, одновременно совмещая его с учебой в Московском библиотечном институте. В 1969 г. Лидию Александровну назначили заведующей читальным залом. Мы, сотрудники читального зала, были немного обеспокоены, потому что не знали, какие перемены произойдут в нашей работе с приходом новой заведую-

щей. По спецхрану мы знали Лидию Александровну строгой, твердой, даже казалось, что она немного сердита. Но вот настал день, когда Лидия Александровна пришла в читальный зал в качестве заведующей. Вся наша тревога мгновенно рассеялась. Перед нами предстал человек, обладающий великолепными человеческими качествами. Для всех сотрудников она стала добрым наставником, о каждом заботилась, за каждого переживала, каждому старалась помочь.

Лидия Александровна сразу вникла в работу читального зала, улучшила некоторые процессы по обслуживанию читателей, за короткое время хорошо изучила подсобный фонд открытого доступа и вскоре могла найти в нем любую книгу. Это давало возможность ответить на любой поставленный читателями вопрос.

Большое внимание Лидия Александровна уделяла внешнему виду сотрудников. Если до ее прихода мы все обслуживали читателей в синих и черных халатах, то Лидия Александровна запретила нам выходить на кафедру в этой форме. Она всегда говорила, что читальный зал – это лицо библиотеки, а лицо должно быть красивым.

Лидия Александровна учила нас работать легко, с улыбкой, чтобы каждый читатель, даже получающий отказ, был доволен.

Лидия Александровна всегда была энергичной и активной, ни одно мероприятие в Институте не обходилось без ее участия. Долгое время Лидия Александровна работала в партбюро, возглавляя производственный сектор. Постоянно к ней приходили посетители, приносили партвзносы, обсуждали какие-то проблемы, и всегда она умела выслушать всех, принять правильное и своевременное решение.

Мы помним Лидию Александровну как замечательного организатора. Особенно это проявилось при переезде в новое здание, в котором мы сейчас работаем. Здание строилось долго, часто устраивались субботники, которые Лидия Александровна превращала в настоящие праздники, вдохновляла нас, и, глядя на нее, всем хотелось работать с большей отдачей. Как много она сделала при оборудовании нового читального зала, научных кабинетов, всего третьего этажа! С большой любовью расставляла столы и стулья, старалась, чтобы все выглядело красиво, чтобы для читателей было создано максимум удобств, чтобы обстановка для научной работы была теплой, домашней.

Вместе с сотрудниками Отдела обслуживания и книгохранения Лидия Александровна принимала участие в перевозке литературы из помещения храма в Узком, где она находилась на временном хранении. Она всегда была в первых рядах, показывала пример правильной организации труда, грамотной расстановки сил.

Главной задачей Л.А. Богдановой была работа по организации обслуживания читателей. В Отделе обслуживания всегда много различных проблем, и это естественно: при общении с большим количеством посетителей всегда найдется тот, кто чем-то недоволен. Лидия Александровна могла уладить любой конфликт: умела всех успокоить, объяснить читателям причину отказов и строго и в то же время ласково поговорить с сотрудниками. Работать в Отделе обслуживания нелегко – нас более 35 человек, в основном женский коллектив, у каждого – свой характер. Надо найти подход к каждому, и Лидия Александровна с этим всегда великолепно справлялась.

Кроме того, часто возникали проблемы с заменой сотрудников, особенно в летний период, во время отпусков. Читальные залы должны работать несмотря ни на что. И часто Лидия Александровна сама работала на многих участках Отдела и гордилась этим, потому что как никто другой она любила свою работу. Поэтому каждое утро раньше всех она приходила в читальный зал, и мы все тянулись к ней, кто со своими радостями, кто с невзгодами.

Библиотека стала для Лидии Александровны Богдановой вторым домом, в который она вложила всю душу. Она хорошо знала работу не только своего отдела, но и всей библиотеки. Ее интересовало все: и книгообмен, и обработка книг, и расстановка карточек в предметном и алфавитном каталогах, и другие процессы.

В жизнь библиотеки Лидия Александровна вложила всю свою энергию, силы и знания. Являясь квалифицированным сотрудником, она охотно передавала свои знания и опыт молодым, оказывала большую помощь читателям в подборе литературы, давала им методические советы и индивидуальную информацию по интересующим их вопросам.

Ее талант руководителя и специалиста библиотечного дела высоко ценили сотрудники не только нашего Института, но и других учреждений, желанным гостем которых была Лидия Александровна Богданова.

Вся жизнь Лидии Александровны Богдановой – труд на благо людям. Большая любовь к своему делу, чуткое и заботливое

отношение к читателям и сотрудникам Института сделали ее душой библиотеки. И нам трудно смириться с тем, что Лидии Александровны больше нет среди нас, больше нет той материнской заботы и внимания, которые дарила нам Лидия Александровна.

Но традиции, которые были заложены Лидией Александровной Богдановой, мы постараемся сохранить навсегда и передать их молодому поколению как образец трудолюбия, знания и любви к библиотечному делу.

Г.М. Васильева **БОГОМ ДАННАЯ**

Не помню, кто из великих горько пошутил: «И рождаясь, и умирая – мы делаем кому-нибудь больно!» Лидия Александровна останется с нами надолго – в памяти сослуживцев, учеников, многотысячной армии благодарных читателей. Тепло ее трудолюбивых ладоней до сих пор хранят тысячи книг и формуляров.

Мучительно долго подбирала я не затертые слова о моей Наставнице. Мне очень хотелось высказать все то, что хранит моя память сердца.

Я пришла работать под начало Лидии Александровны, можно сказать, совсем девчонкой. Неопытной, неуклюжей, и конечно же, как начинающий «молодой специалист», побаивалась строгой «матери-наставницы» (так называли ее в шутку мои веселые коллеги). И боялась не напрасно. Лидия Александровна могла за малейший недосмотр так «пропесочить», что, как говорят мои дочки, «мало не покажется».

Но прошло время, и я поняла – зря боялась. Лидия Александровна по-матерински журила, однако зла не держала, а потому было не обидно. Очень скоро начинаешь понимать это великое значение «строгой доброты».

И вот самый «весомый и зримый» результат такого отношения к делу: несмотря на наши, мягко сказать, «скромные» оклады, в течение многих лет Лидии Александровне удавалось сохранить основной костяк коллектива. «Мы работаем за улыбку Лидии Александровны!» – пошутил кто-то из моих коллег. Но в этой шутке была солидная доля правды. Мы, в самом деле, ценили доброе слово нашей наставницы. И твердо знали: в трудную минуту можно всегда прийти к ней за помощью, которая будет оказана без ложного пафоса и лишних слов.

Кто-то однажды заметил: «У этой женщины – мужской характер». Нет, это не так. Просто у Лидии Александровны был характер человека надежного, верного, настоящего. Вот уж поистине, Лидия Александровна как никто оправдывала свою фамилию – Богом данная.

Светлая тебе память, славная наша Лидия Александровна!

А.И. Слива

Лидия Александровна была одной из самых ярких личностей в нашем коллективе, она отдала Институту всю свою жизнь, всегда была в центре всего, что происходило в его стенах. Поэтому я даже не могу сказать, что сталкивался с ней по работе или по каким-то другим делам. Ее присутствие я ощущал всегда, а когда Отдел научно-библиографической информации вошел в состав Фундаментальной библиотеки, наше сотрудничество, общение стали каждодневными.

У нас было много точек соприкосновения в производственной деятельности, и меня всегда поражала способность Лидии Александровны быстро сконцентрироваться на решении какой-нибудь актуальной проблемы, восхищало ее чувство ответственности за то, чем она занималась. На заседаниях Научно-методического совета Фундаментальной библиотеки, совещаниях ее руководства всегда чувствовалось, что Л.А. Богданову интересуют все, что нет дел в библиотеке, которые были бы ей безразличны. Касалось ли это, разумеется, обслуживания или фондов, или комплектования, или даже выпуска библиографических указателей.

Действительно, ее интересовало все, но мне всегда казалось, что ее любимым делом была организация выставок литературы, которыми так прославился ИНИОН. Она участвовала практически во всей работе: помогала подбирать литературу, организовывала расстановку книг и журналов, сама заказывала рубрики и сама ездила за ними в типографию, договаривалась с художником об оформлении. А когда выставка открывалась, было видно, как она гордилась сделанным. И гордилась заслуженно.

Меня Лидия Александровна всегда опекала. Она приводила меня к себе, пила чаем и рассказывала о прошлом библиотеки, института. Вспоминала старых сотрудников, рассказывала о разных событиях из истории института. В этих рассказах я всегда чувствовал ее уважение к людям, хотя и говорила она иногда о конфликтных и даже драматических ситуациях.

Она учила меня, я помню, как она говорила: «Не обижай сотрудников, Лёша, жалей. Помоги, поддержи, подтолкни вперед».

Конечно, иногда я с ней ссорился, был недоволен ею, но Лидия Александровна так тактично и мудро все гасила, что мне всегда становилось просто стыдно.

Уход Лидии Александровны был неожиданным ударом. Она так органично, естественно существовала в институте, везде у нее был порядок, лад, что казалось – это будет продолжаться всегда, вечно.

Оказалось, нет.

Г.Г. Лагунина, Л.К. Исаева

Много добрых и теплых слов хочется сказать о Лидии Александровне Богдановой.

Какой она осталась у нас в памяти?

Посещение Лидией Александровной нашего небольшого коллектива машбюро в большинстве случаев было связано с исполнением ее служебных обязанностей. Но каждый раз эти посещения доставляли нам радость общения с ней: она много знала, делилась своими воспоминаниями, жизненным опытом, с искренним желанием шла на помощь.

Работая в женском библиотечном коллективе, она никогда не оставалась в стороне от проблем своих сотрудниц, старалась помочь, на основе взаимного согласия решала, казалось бы, неразрешимые жизненные проблемы.

Всё, что поручалось руководством Института, Лидия Александровна делала с любовью и со знанием своего дела. Свидетельством тому были целевые выставки отечественной и зарубежной литературы, в подготовку и оформление которых она вкладывала всю свою душу. Выставки всегда пользовались большим успехом и имели огромное значение для Института.

До последних дней своей жизни она была полна планов. Казалось, что ее желание жить, служить делу, которому она отдала почти 50 лет в стенах своего второго дома – ИНИОНа, не имело границ.

Внешнее спокойствие, уравновешенность, трудолюбие, уважительное отношение к окружающим снискали Лидии Александровне уважение и любовь всего коллектива Института. Такой Лидия Александровна надолго останется в памяти всех, кто ее знал.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ*

Алексеева Клавдия Павловна (3 января 1920, с. Куженкино Бологовского района Ленинградской обл. – 19 декабря 2004, Москва), теоретик и практик отечественного библиотековедения. Окончила Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова (1954). В системе Библиотеки Комакадемии – ФБОН-ИНИОН с 1936 г. В 1953–1976 гг. – ученый секретарь ФБОН, затем ИНИБОН и ИНИОН АН СССР.

Алексеева Людмила Михайловна (р. 20 июня 1927, Евпатория), российский общественный деятель, участница правозащитного движения в СССР и постсоветской России. Одна из основателей Московской Хельсинкской группы (1976), с 1996 г. – председатель Московской Хельсинкской группы. Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1950) и аспирантуру Московского экономико-статистического института (1956). Работала в ИНИОНе в 1970–1977 гг. Последняя должность – редактор Отдела научного коммунизма.

Архангельская Валентина Андреевна (р. 31 октября 1936, г. Ярцево Смоленской обл.). Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1959). Специалист в области методики библиографии, информационного обеспечения экономических наук. Работала в ФБОН-ИНИОН с 1963 по 2003 г. Заведовала Сектором научно-библиографической информации по экономике Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки.

Бачалдин Борис Николаевич (1 октября 1923, Чита – 9 февраля 2014, Москва), библиотековед, организатор библиотеч-

ного дела, журналист. Заслуженный работник культуры РСФСР (1973). Окончил Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова (1948) и аспирантуру при ФБОН АН СССР. Кандидат педагогических наук (1969). Работал в крупнейших библиотечных учреждениях Москвы, Библиотечной комиссии при Президиуме АН СССР (1954–1955), в Министерстве культуры РСФСР (в 1965–1969 – начальник отдела научных библиотек Управления библиотек, в 1974–1985 – начальник Управления библиотек). Был заместителем ответственного редактора сборника «Технические библиотеки СССР. Опыт работы» (ныне «Научные и технические библиотеки»). В 1969–1974 – главный редактор журнала «Библиотекарь». Внес значительный вклад в организацию и управление библиотечным делом, научную и научно-методическую деятельность библиотек, развитие профессиональной библиотечной печати. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями.

Беленький Иосиф Львович (р. 19 апреля 1941, Москва). Окончил Московский государственный историко-архивный институт (1963). Специалист в области историографии и источниковедения. В ФБОН-ИНИОН с 1967 г. Старший научный сотрудник Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки.

Бергер Яков Михайлович (12 сентября 1929, Уфа – 31 декабря 2016, Москва). Окончил Московский институт востоковедения по специальности «Китайский язык» (1952). Кандидат географических наук (1962), доктор исторических наук (1987). Работал в ФБОН-ИНИОН в 1970–1997 гг. и 1999 г. Специалист по экономике современного Китая. В 1970–1990 гг. – заведующий Отделом научного коммунизма, в 1990–1997 гг. – главный научный сотрудник Отдела Азии и Африки. В настоящее время работает в Институте Дальнего Востока (ИДВ) РАН.

Богданова Лидия Александровна (16 января 1935, Москва – 13 ноября 2003, Москва). Окончила Московский государственный библиотечный институт по специальности «Библиотековедение и библиография» (1960). Работала в ФБОН-ИНИОН с 1955 по 2003 г. В 1974–2003 гг. заведовала Отделом библиотечно-информационного

обслуживания Фундаментальной библиотеки. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Васильева Галина Михайловна (р. 3 апреля 1962, Москва). Окончила библиотечный факультет Московского государственного института культуры (1985). Работала в ИНИОНе в 1980–2002 гг. Последняя должность – главный библиотекарь Отдела библиотечно-информационного обслуживания Фундаментальной библиотеки.

Виноградов Владимир Алексеевич (р. 2 июля 1921, Казань), специалист в области экономической истории России и зарубежных стран, организатор научно-информационной деятельности в области общественных наук. Окончил Московский государственный институт международных отношений (1948). Кандидат экономических наук (1954), доктор экономических наук (1965). Член-корреспондент АН СССР (1966), действительный член АН СССР (1984), действительный член РАН (1991). Лауреат Государственной премии СССР (1982). В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН АН СССР (РАН). С 1998 г. – советник РАН. Внес вклад в разработку теории и практики информации в области общественных наук, организацию первых информационных центров по общественным наукам в академиях наук союзных республик и странах Восточной Европы. Под его руководством ИНИОН стал научно-информационным центром международного значения.

Гальцева Рената Александровна (р. 4 октября 1929, Москва). Окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1953). Специалист по научно-информационным исследованиям в области философии и культурологии. В ИНИОНе с 1970 г. Старший научный сотрудник Отдела культурологии Центра гуманитарных научно-информационных исследований.

Гордон Александр Владимирович (р. 1 октября 1937, Днепропетровск, УССР). Окончил исторический факультет Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А.А. Жданова (1959). Специалист в области истории и историографии. В ФБОН-ИНИОН с 1961 г. Кандидат исторических наук (1968). Доктор исторических наук (1991). Завсектором Отдела Азии и Африки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Денискин Александр Алексеевич (р. 8 августа 1944, Свердловск). В 1962–1970 гг. учился на вечернем отделении филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специалист в области методики библиографии, информационного обеспечения философии и филологии. В ФБОН-ИНИОН с 1969 г. Главный библиограф Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки.

Диманис Михаил Давидович (17 мая 1955, Москва – 21 января 2002, Москва). Окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат исторических наук (1993), доктор исторических наук (1999). Работал в ИНИОНе в 1993–2001 гг. Специалист по политической системе ФРГ. Последняя должность – старший научный сотрудник Отдела западной Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Жук Эрнст Николаевич (р. 7 октября 1941, с. Большая Александровка Казанковского р-на Николаевской обл., УССР). Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1965). Специалист по научно-информационным исследованиям в области культурологии. В ФБОН-ИНИОН с 1965 г. Старший научный сотрудник Отдела культурологии Центра гуманитарных научно-информационных исследований.

Иориш Яков Самуилович (30 октября 1923, Симферополь – 11 апреля 1976, Москва). Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1951). Участник Великой Отечественной войны (военный переводчик). Специалист в области методики библиографии, информационного обеспечения философских наук. Работал в ФБОН-ИНИОН с 1964 по 1976 г. Последняя должность – главный библиограф Сектора научно-библиографической информации по философии Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки. Награжден медалью «За боевые заслуги» за участие в Великой Отечественной войне (1945).

Исаева Любовь Константиновна (р. 11 апреля 1958, Москва). В ИНИОНе с 1981 г. Ведущий редактор Отдела научных публикаций Издательского центра.

Исакович Марлена Борисовна (р. 7 февраля 1931, Москва). Окончила факультет библиографии Московского государственного библиотечного института им. В.М. Молотова (1953). Специалист в области справочно-информационного обслуживания читателей. Работала в ФБОН-ИНИОН в 1957–2010 гг. Последняя должность – главный библиограф Сектора обеспечения библиографической информацией Отдела справочно-информационного обслуживания Центра информатизации.

Калоева Елена Борисовна (р. 29 марта 1949, Москва). Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1972). Кандидат исторических наук (1989). Специалист по научно-информационным исследованиям в области внутренней и внешней политики Балканских стран. Старший научный сотрудник Института экономики (ИЭ) РАН. С 1994 г. – член редколлегии совместного журнала ИНИОН РАН и ИЭ РАН «Россия и современный мир», с 2001 г. – заместитель главного редактора.

Калоева Ирина Александровна (5 марта 1922, Москва – 26 декабря 2002, Москва). Окончила этнографическое отделение исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1945). Кандидат исторических наук (1950). Специалист в области славяноведения и библиографии славистики. Работала в ФБОН-ИНИОН в 1948–2002 гг. В 1963–1988 гг. заведовала Сектором научно-библиографической информации по европейским социалистическим странам. Последняя должность – старший научный сотрудник Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки. Под ее непосредственным руководством сформировалась система текущей и ретроспективной библиографии по мировой социалистической системе и входящим в нее странам Центральной и Юго-Восточной Европы. В 1950-е годы внесла значительный вклад в организацию книгообмена между ФБОН и библиотеками стран народной демократии.

Кричевский Григорий Григорьевич (8 (21) марта 1910, Самара, – 15 октября 1989, Москва), специалист в области библиографоведения. Окончил исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук (1973). В системе Библиотеки Комакадемии – ФБОН-ИНИОН с 1931 г. Внес разносторонний вклад в отечественное библиографоведение. Автор работ по зарубежной библиографии, редактор ряда библиографических справочников по иностранной литературе.

Лагунина Ирина Георгиевна (р. 7 августа 1929, Москва). Окончила Высшие центральные курсы стенографии (1952). Работала в ИНИОНе в 1977–2004 гг. Последняя должность – начальник участка Общего отдела.

Левина Маргарита Иосифовна (16 декабря 1915, Петроград – 4 апреля 2007, Москва). Окончила с отличием фортепианное отделение Тбилисской государственной консерватории (1937) и исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1945). Историк-медиевист, специалист по истории немецкой философии, библиограф, выдающийся переводчик философских и исторических работ XIX–XX вв. с немецкого и английского языков. Ученица проф. А.И. Неусыхина. Работала в ФБОН-ИНИОН в 1946–1982 гг. Последняя должность – старший научный сотрудник Отдела научного коммунизма.

Любимцева Мария Николаевна (р. 7 декабря 1932, д. Верхняя Стишь Орловского района Орловской области). Окончила Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова по специальности «Библиотековедение и библиография» (1957). Работала в ФБОН-ИНИОН в 1954–1999 гг. Последняя должность – главный библиограф Сектора комплектования отечественной литературы Отдела комплектования научных фондов Фундаментальной библиотеки.

Митина Светлана Марковна (р. 18 марта 1936, Москва). Выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук (1978). Специалист в области социологии культуры и истории социологии.

Михайлова Наталья Ивановна (р. 8 августа 1949, Москва). Окончила Московский государственный институт культуры по специальности «Библиотековедение и библиография» (1977). В ФБОН-ИНИОН с 1967 г. В 2003–2014 гг. – заведующая Отделом библиотечно-информационного обслуживания Фундаментальной библиотеки.

Орлов Борис Сергеевич (р. 19 мая 1930, Рязань). Окончил международно-правовой факультет Московского государственно-

го института международных отношений (1954). Кандидат исторических наук (1971), доктор исторических наук (1984). Специалист по проблемам международного социал-демократического движения. Работал в ИНИОНе в 1971–2015 гг. Последняя должность – главный научный сотрудник Отдела Западной Европы и Америки Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Пироговская Валентина Петровна (р. 12 октября 1926, Чита). Окончила Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова по специальности «Библиография» (1949). Работала в ФБОН-ИНИОН в 1953–2014 гг. С 1953 по 2001 г. возглавляла Отдел библиотечно-библиографического обслуживания Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН при Институте мировой литературы (ИМЛИ) РАН.

Померанц Григорий Соломонович (13 марта 1918, Вильнюс – 16 февраля 2013, Москва). Окончил литературный факультет Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1940). Участник Великой Отечественной войны. Специалист в области философии, культурологии. Работал в ФБОН-ИНИОН в 1960–1978 гг., в том числе в Отделе стран Азии и Африки (младший научный сотрудник). Последняя должность – главный библиограф Отдела научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки. Награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «Взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Отечественной войне».

Рашковский Евгений Борисович (р. 23 сентября 1940, Москва). Окончил Московский государственный историко-архивный институт (1964). Кандидат исторических наук (1973). Доктор исторических наук (1997). Специалист в области востоковедения, религиоведения, истории науки и русской философской мысли. Главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Заведующий Научно-исследовательской группой религиоведения Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) им. М.И. Рудомино. В 1964–1967 гг. – сотрудник Реферативной группы ФБОН АН СССР.

Симон Константин Романович (4(16) августа 1887, Москва – 1 июля 1966, Москва), специалист в области библиографоведения и библиотековедения. Окончил историко-филологический факультет МГУ (1911). Доктор исторических наук (1965). В 1939–1966 гг. работал в ФБОН. Один из основоположников отечественной школы исторической библиографии. Основные труды по зарубежной библиографии.

Слива Алексей Иванович (р. 23 марта 1949, Москва). Окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1974). Кандидат исторических наук (1986). Специалист в области истории, теории и методики библиографии, информационно-поисковых языков. В ИНИОНе с 1974 г. Заведующий Отделом научно-библиографической информации Фундаментальной библиотеки.

Фрумкина Ревекка Марковна (р. 28 декабря 1931, Москва), лингвист, психолог, эссеист. Доктор филологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института языкознания РАН.

Цейтлин Юрий Владимирович (10 ноября 1921, Москва – 23 февраля 2003, Москва). Окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1946). Специалист по научно-информационным исследованиям в области советологии и стран Восточной Европы. Работал в ФБОН-ИНИОН в 1947–2003 гг. С 1970 г. – в Отделе социалистических стран. Последняя должность – научный сотрудник Отдела Восточной Европы Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем.

Чешков Марат Александрович (р. в 1932, Москва). Окончил с отличием исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1955). Специалист по истории Вьетнама, общим проблемам развивающихся стран, мир-системному анализу. Кандидат экономических наук (1965), доктор исторических наук (1985). В 1964–1966 гг. – библиограф ФБОН АН СССР.

Именной указатель

- Cosores N., 104
- Kahane E., 270
- Simon C., 219
- Аверинцев С.С., 159, 212, 213
- Адамович А.М., 170
- Адорно Т., 245
- Аксаков И.С., 205
- Аксёнов В.П., 190, 249
- Александр II, 65
- Александров Г.Ф., 122
- Алексеев М.П., 70
- Алексеева К.П., 7, 11, 12, 23, 25, 45, 50, 96, 102, 188, 191, 193, 284
- Алексеева Л.М., 156, 162, 167, 169, 170, 184, 185, 208, 209, 284
- Аллилуева С.И., 108
- Альштед И.-Г., 221
- Амбарцумян З.Н., 19
- Амплеева А.А., 112, 273
- Андриевская М.И., 212, 213
- Андриевский И.М., 212
- Андроников И.Л., 19, 79, 93
- Андропов Ю.В., 150
- Андрущенко Т.П., 175, 183
- Анна Станиславовна, 115
- Антонова К.А., 98, 99
- Антонос Г.А., 98, 121, 132, 134, 137, 139
- Арафелов Г.М., 132
- Арифулов Н., 117, 121, 122
- Арушанян Э.Б., 183
- Архангельская В.А., 174, 284
- Афанасьев Ю.Н., 170, 171
- Ахмадулина Б.А., 109
- Ахматова А.А., 131, 208
- Ашрафян К.З., 99
- Бажанов В.М., 178
- Бажанова Е.В., 25, 43, 108, 174, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 193, 243
- Бажанова О.С., 178, 179
- Байме К. фон, 273
- Бакурадзе Н.З., 202
- Банк В.Э., 217
- Баракчеева А., 136
- Бари А.В., 93
- Барькина О.А., 9, 10, 22, 23, 25, 29, 30, 31, 193
- Баткин Л.М., 170, 171
- Баумштейн Н.А., 25, 28, 29
- Бах И.С., 245
- Бачалдин Б.Н., 7, 17, 18, 41, 44, 45, 109, 284
- Бачалдина С.П., 39
- Беда Достопочтенный, 221
- Бейлис В., 106
- Беленький И.Л., 183, 226, 240, 285
- Белинков А.В., 78
- Белл Д., 161, 201
- Бёлль Г., 199
- Белозерцев А.И., 117
- Беляева К.А., 132
- Бергер Я.М., 139, 141, 157, 186, 202, 205, 285
- Бердяев Н.А., 202
- Бержье Ж., 271
- Бестермен Т., 230, 237
- Бжезинский З., 161
- Бианко О.В., 189
- Бибикова Л.Б., 132, 138
- Бибихин В.В., 159
- Библер В.С., 168
- Блинкин Я.А., 138, 154
- Блок А., 245
- Блюмина Е.И., 182
- Богатырёва Т.П., 175, 180, 181, 182

- Богданова Л.А., 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 285
 Богомолова И.Г., 189
 Богораз Л.И., 87
 Боннэр Е.Г., 210
 Борковский В.И., 76, 77
 Боровский А.А., 227
 Бородулин Р., 63
 Борщаговский А.М., 78
 Бозций, 259
 Брандт В., 272
 Бродская А.Б., 176, 183
 Бродский И.А., 136, 190
 Броз Тито И., 112
 Брюсов В.Я., 238
 Бубер М., 166, 196
 Булгаков М.А., 114, 249
 Бумагина Э.И., 50
 Буров К.Ф., 132
 Буртин Ю.Г., 170
 Бюлов Бернгард фон, 238, 239

 Вавилов С.И., 21, 22, 33
 Вайнберг И.И., 66
 Валлерстайн И., 129
 Варга Е.С., 182
 Васильев Л.С., 129
 Васильева В.К., 190
 Васильева Г.М., 276, 281, 286
 Васиолек Э., 196
 Вебер А., 245
 Вебер Г.К., 227
 Вебер М., 139, 159, 160, 203, 242, 244, 245
 Вебер Марианна, 160, 245
 Веллек Р., 196
 Верлен П., 96
 Вернадский В.И., 178
 Вертинский А.Н., 252
 Вертоградская Е.В., 49
 Верчёнов Л.Н., 112, 132, 139
 Весник Е.Я., 190
 Веснины, А.А. и В.А., 132
 Видман В.Н., 23, 25
 Визильтер Н., 20, 107, 136
 Виленкина Т.Л., 175, 183
 Виленская С.К., 13, 66, 102, 127, 128
 Виндельбанд В., 245
 Виноградов В.А., 15, 66, 69, 165, 166, 199, 201, 202, 203, 276, 277, 286
 Виппер Ю.Б., 70
 Витгенштейн Л., 102, 159
 Вознесенский А.А., 189
 Волгин В.П., 19, 93, 94, 221
 Волков Л.Б., 163
 Волкова Т.И., 23, 25
 Волошина Г.Н., 50
 Волькенштейн М.В., 171
 Волькенштейн С.И., 171
 Вольтер, 221
 Вольфсон Л.Ф., 156, 161, 174, 175, 181
 Воскресенская Л.А., 93
 Высоцкий В.С., 249
 Вяземский П.А., 206

 Гаврилова Т., 117
 Гаврюшин Н., 98
 Гайденко П.П., 159
 Галансков Ю.Т., 184
 Галич А.А., 121, 249
 Гальцева Р.А., 159, 163, 166, 195, 200, 204, 205, 206, 210, 211, 214, 286
 Гапочка М.П., 135, 200, 202, 204, 205
 Гарелин Н.Ф., 217
 Гвардини Р., 201
 Гвиниашвили Г.Г., 31
 Гвинишева Э.Б., 25, 29, 30, 31, 93
 Гвишиани Л.А., 124
 Гдалевич К., 166
 Геббельс Й., 123
 Гегель Г.В.Ф., 122, 244
 Гельдерлин И., 242, 245
 Гельфанд Н.В., 50, 63
 Георге С., 245
 Герасимов А., 82
 Герман А.Ю., 78
 Герман Л.И., 25, 32, 43
 Герр Е., 34
 Гёте И.В., 245
 Гефтер В.М., 155
 Гефтер М.Я., 85, 155, 170
 Гинзбург А.И., 184
 Глазунов И.С., 109, 190
 Глюксман А., 205
 Гнесины, 241
 Голубцова Н.И., 93, 94
 Горбаневская Н.Е., 212
 Горбачёв М.С., 205
 Гордин, 181
 Гордины, 181
 Гордон
 (Марносова) С.П., 107, 109, 116
 Гордон А.В., 9, 84, 91, 96, 104, 106, 117, 122, 128, 129, 286
 Гордон Л.А., 12, 99, 100, 101, 102, 169
 Горелик Р.С., 155
 Горький М., 67, 112
 Госин И.Я., 50, 237
 Грамши А., 155
 Гранат братья, 221
 Грацианский Н.П., 241
 Грибанов С., 84

- Григорьев А.М., 151, 153
 Гришина А.М., 92
 Грозный Иван, 135
 Грузинова Л.Б., 229
 Губер А.А., 127
 Гувер Г., 174
 Гулыга А.В., 244
 Гумеров Ш.А., 201
 Гуссерль Э., 159
- Давидсон А.Б., 106
 Давыдова Л., 190
 Даламбер Ж.Л., 221
 Данилевская М.Г., 181
 Даниэль Ю.М., 207
 Дебец Г.Ф., 76
 Дебец Н.П., 46, 75, 76, 240
 Делюсин Л.П., 13, 15, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 153, 165, 184, 185, 186, 187, 206, 207
 Денискин А.А., 253, 287
 Дерман Г.К., 24, 108, 227
 Дешалыт А.Л., 237
 Джанашия С.Н., 27
 Джексон Р., 196
 Джури А.А., 49
 Дивильковский С.И., 92
 Дидро Д., 221
 Дикинсон Э., 89
 Диманис М.Д., 272, 273, 274, 275, 287
 Диоген Синопский, 89
 Добронравов И.С., 20, 83, 102, 109, 110
 Додельцев Р., 112
 Додин Е.Я., 132, 240
 Долгорукие-Крымские, 137
 Доменах Ж.М., 201
 Донцов Т.М., 10
 Доронин А.И., 110
 Доронин И.П., 110, 219, 223
- Достоевский Ф.М., 196, 197, 198, 205, 206
 Дрейзеншток И.Б., 175, 181, 182
 Дубчек А., 134
 Дудкина Л., 50
 Дудник Г.М., 190
 Дюкалов А., 183
- Евтушенко Е.А., 27, 109, 189
 Егоров А.Г., 201, 204
 Ельцин Б.Н., 211
 Емельянова О.А., 26
 Ерёменко А.И., 19
 Ермолаева В., 214
 Есенин С.А., 110
 Ефимов А.В., 227
 Ефременко Д.В., 9, 12, 13, 102
 Ефремов И.А., 270
- Жакова С., 139
 Жданов Ю.А., 122
 Житомирская, 179
 Жук Э.Н., 104, 121, 131, 133, 139, 154, 287
- Заглада М., 83
 Залесский, 238
 Замошкин Ю.А., 125
 Занд М., 82
 Занегин Б.Н., 151
 Захаров М.В., 97
 Зиммель Г., 245
- Иванов Вяч.И., 196
 Иванов Г.И., 23
 Иванов Д.Д., 10, 11, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 44, 95, 179, 193, 227, 230
 Игрицкий Ю.И., 247, 248
 Ида Абрамовна, 115
 Измиров А.Г., 132
 Иларионова Л.Ф., 193
- Иориш Я.С., 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 287
 Исаева И.Н., 50
 Исаева Л.К., 276, 283, 287
 Исакович М.Б., 96, 237, 288
 Исидор Севильский, 221
 Ихиритова Е.И., 188
 Ихиритова Т.В., 188
- Каане Э., 270
 Кабатова С.П., 132
 Каверин В.А., 181
 Кадышевская Р.М., 275
 Кадышевский В.Г., 275
 Калита Иван, 85
 Калишевский А.И., 217
 Калоева Е.Б., 251, 288
 Калоева И.А., 193, 251, 288
 Кальдерон де ла Барка П., 88
 Камзолова Т.Н., 181
 Камю А., 196
 Кананов П.Х., 227, 232
 Кант И., 89, 245
 Капелла Марциан Минней Феликс, 221
 Каплан А.Б., 132
 Капустина (Булгакова) Н., 189
 Каратаев Н.К., 26, 43
 Каратаев Н.Н., 179
 Караченцов Н.П., 191
 Карелова Г., 110
 Карженевич А.И., 71
 Кармалита С.И., 78
 Карпинский Л.В., 170
 Карский Е.Ф., 76, 77
 Карякин Ю.Ф., 170, 210

- Кассиодор Флавий
Магн Аврелий, 221
Кассирер Э., 159, 245
Кастро Ф., 113
Катаев В.П., 249
Келле В.Ж., 270
Кёстлер А., 197, 207, 208
Ким В.С., 129
Ким Г.Ф., 105
Киселёв Н.П., 227
Клавель М., 205
Кларк А.Ч., 270
Клямкин И.М., 168
Кобленц И.Н., 25, 227, 231
Ковалёв С.А., 167
Ковальская Г.Я., 168, 169, 171
Козлов Ф.Р., 146, 147
Кокс Х.Г., 201
Коларов В., 182
Колгаев А.Л., 108
Колмаков П.К., 227
Комар Ю.И., 128
Комаров В.Л., 21
Комарова-
Стасова В.Д., 60
Конрад Н.И., 106
Конфуций, 82, 88
Коржавин Н.М., 85, 109, 136, 189
Корнилов М.Н., 121, 136
Коробейникова Ж., 110
Корольков, 189
Косвен М.О., 251
Косминский Е.А., 241
Косорез Н.Н., 104, 131, 132, 133, 134, 137, 138, 139, 155, 244
Косыгин А.Н., 124
Котляков В.М., 145
Краснопевцев Л.Н., 127, 241
Кристал И., 203
Кричевский Г.Г., 23, 26, 38, 43, 96, 103, 122, 177, 193, 216, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 288
Кропоткин П.А., 111
Крупская Н.К., 224
Крушинская А.А., 218
Крыкина Н., 92
Крымова Н.А., 162, 213
Кублановский Ю.М., 210, 211, 212
Кудюкин П.М., 169, 170
Кузнецов Ф.Ф., 63, 66
Кузнецова С.И., 12, 13, 14, 81, 89, 92, 99, 101, 102, 103, 105, 106, 121, 127, 153, 193
Кулькин А.М., 9
Курбатова Н.С., 193
Куфаев М.Н., 217, 219
Кушнир Е.Л., 175, 183
Кюзаджян Л.С., 165, 185, 186, 205
Л.Н., 58
Лавровский В.М., 241
Лагунина Г.Г., 276, 283, 289
Лазарев А.В., 132
Лазарев В., 132
Лассаль Ф., 272
Лахути Д.Г., 102
Лебедева Я., 50
Левада Ю.А., 170
Леви Б.-А., 205
Левина М.И., 122, 132, 139, 160, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 289
Левит С.Я., 172, 213, 245
Левчунец Н.Н., 181
Ленин В.И., 60, 84, 155, 178, 210
Леонтьев К.Н., 205
Лермонтов М.Ю., 93
Лерт Р.Б., 123
Либман В.А., 50, 63
Лившиц М.А., 82
Лисициан К.П., 136, 190
Лисициан Рубен П., 190
Лисициан Рузанна П., 136, 190
Лисовский Н.М., 231
Литвинов В.М., 202
Литвинов М.М., 87
Литвинов П.М., 87
Лифтон Р.Дж., 161, 207
Лившиц М.А., 81, 82
Лукин А.В., 150
Луллий Раймунд, 255
Луппол И.К., 48
Львова В.Н., 23, 26
Льюис К.С., 199
Любимцева М.Н., 188, 189, 289
Любин В.П., 274
Люксембург Р., 155
Лядова Л.А., 19
Ляликов Д.Н., 161, 206, 207, 212
М., 65
Макарова С.М., 128
Максаков В.В., 8, 10
Макфол М., 248
Малеин А.И., 60, 217
Манн Т., 245
Маннгейм К., 245
Мао Цзэдун, 135, 161, 172
Марголина Е.Б., 175, 176, 181, 183
Маритен Ж., 199
Маркова (Челнокова) Н., 110
Марковская Г.М., 96
Маркс К., 60, 84, 103, 179, 204, 272
Марчук Г.И., 69
Маршак С.Я., 64

- Мацинашвили Т.Н., 183
 Маяк И.Л., 23
 Медведев Р.А., 168
 Межуев В.М., 201
 Меликсетов А.В., 129
 Менагеришвили Н., 42
 Меньшиков И.В., 142
 Мещерская М.Ю., 49
 Мигдал А.В., 170
 Мигранян А.М., 168
 Миллер С., 273
 Мильская Л.Т., 242, 243
 Миркина З.А., 106
 Мирный З.А., 106
 Миронов А.А., 191
 Митина С.М., 246, 289
 Митрохин Л.Н., 270
 Михайлов Я., 151
 Михайлова Л., 183
 Михайлова Н.И., 276, 278, 289
 Михалков Н.С., 191
 Модзалевский Б.Л., 79
 Модзалевский Л.Б., 60
 Молотов В.М., 108
 Морозов Л.В., 116, 117, 122, 190, 240
 Муравьёва И.И., 80, 81
 Мурзаев Э.М., 143, 147
 Мшвениерадзе В.В., 199, 200
 Мягкова Е.А., 192, 193
 Мяло К.Г., 132, 159

 Надъярных Н.С., 66
 Наливкин Д.В., 19
 Неизвестный Э.И., 83
 Непомнящая А.М., 121, 136, 190, 237, 238
 Нерсесова Э.А., 219
 Неусыхин А.И., 122, 160, 240, 242, 243
 Николюкин А.Н., 66
 Никонова С.В., 108
 Новгородский Ю., 141, 149
 Новгородцев П.И., 122

 Образцов С.В., 136
 Образцова Е.В., 252
 Овсянников М.Ф., 203
 Огородникова-Романова Е.Д., 86
 Ойзерман Т.М., 270
 Окуджава Б.Ш., 109, 189, 249
 Олишев В.Г., 18
 Ольдерогге Д.А., 106
 Орлов А.Н., 121, 136
 Орлов Б.С., 163, 213, 272, 289
 Орлова В.Г., 26, 38, 39, 50
 Орлова В.М., 191
 Ортега-и-Гассет Х., 199, 203
 Оруэлл Дж., 157, 186

 Павленко Г.И., 112, 189
 Палиевский П.В., 66
 Пальникова Е.А., 183
 Панас Н., 112
 Панов В.А., 227
 Папанов А.Д., 190
 Папкива (Смолянинова) М.Г., 112
 Папкива М.П., 112
 Пастернак Б.Л., 77, 244
 Петрарка Ф., 96
 Петров Э.Ф., 132
 Петровский Г.И., 116
 Петрушевский Д.М., 160, 242
 Пешкова Н.А., 60
 Пивоваров Ю.С., 9, 12, 13, 46, 102, 103, 132, 213, 274
 Пинский Л.Е., 81
 Пироговская В.П., 46, 58, 290
 Плеханов Г.В., 37, 38, 179
 Плиний, 221
 Плоткина Н.С., 121
 Победоносцев К.П., 205

 Пovelь Л., 271
 Покровский А.А., 227
 Полищук М.Л., 107, 120, 121, 132, 135, 136
 Полонский В.П., 60
 Померанц Г.С., 80, 85, 99, 100, 105, 106, 119, 121, 123, 129, 136, 207, 290
 Пономарёв И.Е., 132
 Попов Г.Х., 69
 Попова И.Е., 132, 172
 Постоловская Н.В., 189
 Потапова, 18
 Потёмкин Г.А., 123
 Предеин Е., 91
 Примаков Е.М., 153, 194
 Прозоров П., 49
 Пушкин А.С., 27, 123, 195, 206
 Пятигорский А.М., 157, 159, 213

 Р.А., 58
 Рабан Мавр, 221
 Рабинович А.М., 154
 Разумович Н.Н., 167
 Райнов Т.И., 24, 25, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 98, 122, 227
 Ракилов А.И., 200
 Ранганатан Ш.Р., 61
 Рау Й., 274
 Рахимов Т., 147
 Рахманин О.Б., 150
 Рашковский Е.Б., 104, 117, 118, 129, 132, 135, 136, 290
 Резцова М.В., 122
 Рейснер И.М., 129
 Рековская И.Ф., 164, 165
 Рерихи, 252
 Рильке Р.М., 242, 245
 Ровнер А.Б., 166
 Роднянская И.Б., 159, 163, 166, 196, 197, 206, 210, 211, 214

- Рождественский Р.И., 189
 Розенберг Д.И., 179
 Розенберг И., 179
 Розенберг Л.И., 179
 Розенберги, 179
 Рокоссовский К.К., 108
 Романов В.Н., 83, 87, 122, 240
 Романова Е.Д., 240
 Романова-Охотникова Е.Д., 122
 Рубин А.И., 82
 Рубин В.А., 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 99, 121, 123
 Рудяков Г.М., 20, 107, 136, 190, 238
 Румянцев А.М., 13, 14, 119, 120
 Румянцев И.П., 132
 Румянцева Г.А., 181
 Рябов, 135
 Рязанов Д.Б., 24, 108
 Ряполова В., 203

 Савин А.Н., 216
 Сагдеев Р.З., 170
 Сакетти Ф., 138
 Самойлов Д.С., 245
 Саруханян А.П., 66
 Сахаров А.Д., 170, 210
 Семёнова Л.Н., 77
 Семеновкер Б.А., 231
 Семичастный В.Е., 82
 Сервантес М. де, 88
 Серебряков Л.П., 78, 108
 Серебрякова Г.И., 78, 108
 Серебрякова З.Л., 78, 108
 Серебряная Е.И., 136, 246
 Серёжникова С.В., 237
 Сеченых А.Н., 110
 Сидоров Н.П., 60

 Симон К.Р., 17, 23, 25, 26, 27, 28, 37, 38, 95, 96, 103, 178, 193, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 229, 230, 231, 243, 291
 Симонов Н.К., 40
 Синявский А.Д., 207
 Сказкин С.Д., 241, 242
 Скрябин А.Н., 241
 Сладковский М.И., 150
 Слива А.И., 276, 282, 291
 Слуцкий Е.Е., 242
 Случевская И.В., 164
 Смилянская И.М., 105
 Смирин М.И., 241
 Смольянинов Г.А., 112
 Соболева И.Н., 237
 Соболевский С.И., 53, 60
 Созонов Б., 112
 Соколова М.Е., 9, 12, 13, 102
 Соколова Н.Ю., 9, 12, 13, 102, 103
 Солженицын А.И., 82, 86, 87, 136, 137, 190, 205, 208, 209, 210, 211, 212, 249, 252
 Солженицына Н.Д., 211
 Соловьёв В.С., 124, 125, 129, 205
 Соломанчук (Галкина) В., 189
 Соломин, 106
 Солоухин В.А., 109, 136
 Сорокин П.А., 197
 Сорос Дж., 171
 Сперанский А.И., 132, 138
 Сперанский, проф., 8
 Спиридонова Т., 63
 Сталин И.В., 27, 60, 100, 116, 142

 Старинец М.Н., 193
 Старовойтова Г.В., 170
 Старосельская О.А., 218
 Стругацкие А.Н. и Б.Н., 16, 249
 Стулов А., 112
 Сурбаран Ф. де, 88
 Сучков Б.Л., 66, 198
 Сыркин А., 82
 Сырокомский, 81

 Т.С., 58
 Таривердиев М.Л., 136
 Твардовский А.Т., 134
 Телешева Л.А., 218
 Тельман Э., 133
 Тиллих П., 201
 Тихвинский С.Л., 149
 Тойнби А., 129
 Толстой А.К., 238
 Топчиев А.В., 145, 146
 Тоффлер А., 161
 Точёная В.П., 181
 Трёлъч Э., 245
 Трофимов Л.В., 23, 24, 25, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 192, 193, 227, 230
 Тураев С.В., 70
 Турунов А.Н., 227
 Тынянов Ю.Н., 78
 Тютчев Ф.И., 242

 Уайт Л., 201
 Узилевский Г.Я., 232
 Украинцев Б.С., 201, 204
 Улановская М.А., 207, 208
 Улановская Н., 207, 208
 Ульянов М.А., 191
 Устюгов Н.В., 227
 Ушаков А.М., 66

 Фанон Ф., 104
 Фарбер Л.Е., 121, 136

- Фёдоров Е.Б., 80
 Фёдоров Н.Ф., 262, 269
 Фёдорова Ф.А., 132
 Федосеев П.Н., 104,
 118, 119, 154, 165,
 181, 203
 Федотов Г.П., 199, 200
 Фейгина С.А., 97, 122
 Феллини Ф., 213
 Филиппова С.С., 176
 Филонова К., 77
 Флоренский П.А., 202,
 214
 Фореггер Н.М., 77
 Франс А., 99
 Фрейд З., 161
 Фридендер Г.М., 198
 Фридман Л.А., 102
 Фролов И.Т., 270
 Фролова О.Л., 218
 Фруммин И.М., 19, 34
 Фрумкина Р.М., 75,
 291
 Фурсов А.И., 128, 129
 Фурсова М.И., 23, 26,
 98

 Хавес Б.М., 237
 Хавкина Л.Б., 217
 Хайдеггер М., 159,
 201, 202, 203
 Хейзинга Й., 159
 Хензель К.П., 80
 Ходос И.А., 13, 14, 15,
 26, 66, 87, 102, 121,
 128, 193
 Хрущёв Н.С., 83, 84,
 109, 113, 127

 Цвейг Г.С., 78, 108
 Цвейг С., 78, 108
 Цейтлин Ю.В., 240,
 246, 247, 248, 249,
 250, 291

 Цинь Шихуанди, 85
 Цыркун А.Ф., 172

 Чаликова В.А., 160,
 161, 172
 Че Гевара Э., 155
 Чельшев Е.П., 200
 Черный Ю.Ю., 9, 12,
 13, 102, 103
 Честертон Г.К., 199
 Чешков М.А., 124, 127,
 291
 Чжуан-цзы, 88
 Чиндышева Э.В., 193
 Чолганская В.Л., 26
 Чударева Р.Г., 189, 238

 Шабат М.Ц., 78
 Шадр И.Д., 10
 Шаламов В.Т., 249
 Шаляпин Ф.И., 49
 Шамурин Е.И., 222
 Шапиро З.М., 104
 Шапиро С.М., 115,
 116, 135
 Шах, 105
 Шварц Е.Л., 249
 Шварцман Р.Г., 77
 Швецова Г.И., 193
 Шекспир У., 81
 Шигалев, 86
 Ширвиндт А.А., 191
 Широкова А.И., 26, 50,
 191
 Шкаренков Л.К., 205,
 247
 Шлегель К., 248
 Шмелёв Г.И., 168
 Шмидт С.О., 118
 Шолохов М.А., 109
 Шопенгауэр А., 245
 Шпенглер О., 159, 203
 Штаерман Е.М., 84
 Штейн А.П., 249

 Штранге М.М., 20, 109
 Шукшин В.М., 249
 Шумахер К., 272
 Шунков В.И., 11, 12,
 13, 14, 23, 35, 36, 37,
 38, 40, 43, 45, 50, 54,
 66, 75, 87, 94, 101,
 102, 112, 115, 120,
 121, 128, 136, 174,
 193, 207, 227

 Щепаньский Я., 133

 Эггерт З.К., 38, 50, 96,
 97, 102
 Эйдельман Н.Я., 191
 Эйзенштадт Ш.Н., 197
 Эйсер А.В., 164
 Эль Греко, 88
 Энгельгардт И.А., 81,
 116, 117, 123, 137
 Энгельгардты, 123
 Энгельс Ф., 60, 84
 Эренбург И.Г., 19, 20,
 109, 249
 Эрмлер Ф.М., 77
 Этингер П.Д., 60
 Эфрос А.В., 162

 Юдин Г.В., 53
 Юдина М.В., 240, 241
 Юнг К.Г., 159, 203
 Юровская Е.Е., 238
 Юрченкова Л.В., 7, 12,
 71, 103

 Языков Д.Д., 230
 Якобсон А.А., 207
 Яковлев А.Г., 145
 Якушев А.Н., 235
 Янель З.К., 240
 Яншин А.Л., 200
 Ясперс К., 139, 160,
 245

**ФБОН-ИНИОН:
Воспоминания и портреты
Выпуск 2**

*Составитель
Иосиф Львович Беленький*

Оформление обложки И.А. Михеев
Корректор А.А. Чукаева
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 27/IV – 2017 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 18,75 Уч.-изд. л. 16,0
Тираж 500 экз. Заказ № 7

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

***Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий***
Тел.: +7 (925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)
Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)